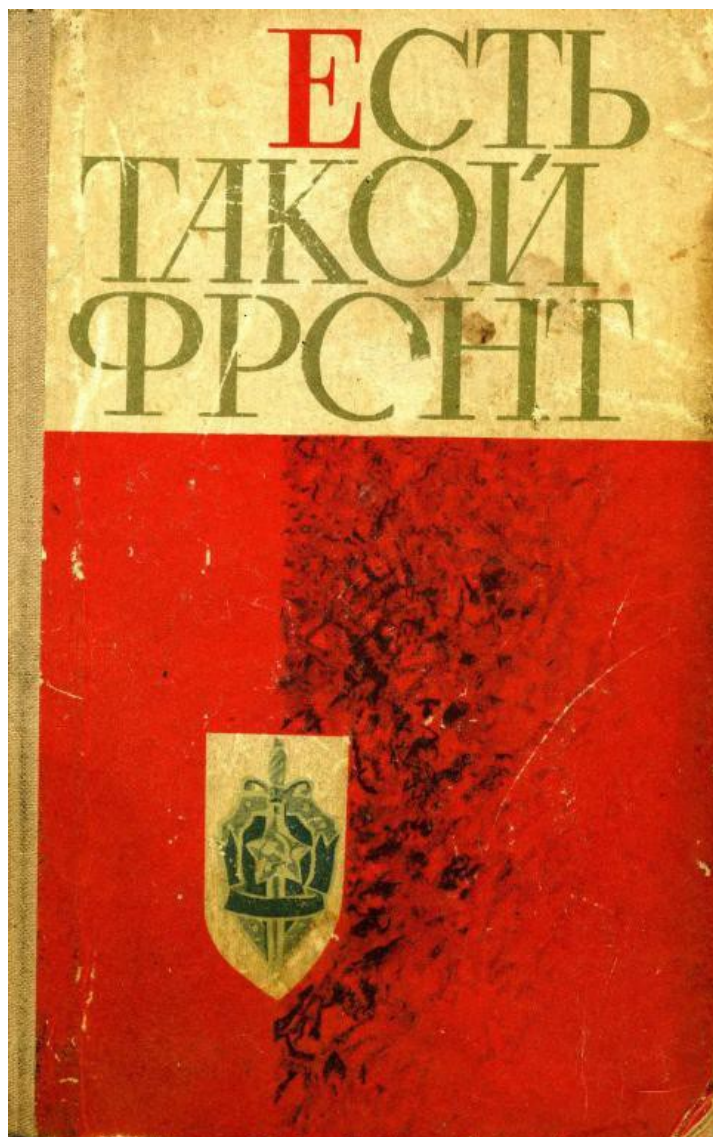

**Полудень Н.П., Антоненко Б.Т., Беляев В.П., Готов В.И., Далекий
Н.А., и другие
Есть такой фронт**

*«Есть такой фронт. Сборник очерков»:
Каменяр; Львов; 1973;*

Аннотация

Более полувека самоотверженно, с достоинством и честью выполняют свой ответственный и почетный долг перед советским народом верные стражи государственной безопасности – доблестные чекисты.

В жестокой борьбе с открытыми и тайными врагами нашего государства – шпионами, диверсантами и другими агентами империалистических разведок – чекисты всегда проявляли беспредельную преданность Коммунистической партии, Советской Родине, отличались беспримерной отвагой и мужеством. За это они снискали почет и уважение советского народа.

Одну из славных страниц в историю ВЧК-КГБ вписали львовские чекисты. О многих из них, славных сынах Отчизны, интересно и увлекательно рассказывают в этой книге писатели и журналисты.

Есть такой фронт

ЧЕКИСТОМ МОЖЕТ БЫТЬ ЛИШЬ ЧЕЛОВЕК С ХОЛОДНОЙ ГОЛОВОЙ,
ГОРЯЧИМ СЕРДЦЕМ И ЧИСТЫМИ РУКАМИ.

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ

ЕСТЬ ТАКОЙ ФРОНТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фронт, о бойцах которого рассказывается в этой книге, называют незримым, невидимым. А он действует вот уже более пятидесяти лет – непрерывный, большой, опасный, с жестокими боями.

Вспомним историю его возникновения.

С первых минут своего существования молодой Советской республике пришлось вести ожесточенную борьбу с многочисленными врагами, пытавшимися свергнуть власть рабочих и крестьян. Враг был жесток и коварен. Он не гнушался никакими средствами для достижения своей цели. Вооруженные выступления сил внешней и внутренней контрреволюции, заговоры, саботаж, шпионаж, диверсии, мятежи, провокации – все это использовалось против социалистического государства.

На третий день после победы вооруженного восстания, 27 октября 1917 года, глава Временного правительства Керенский двинул казачьи части генерала Краснова на революционный Петроград. На Дону генерал Каледин при помощи английских и немецких империалистов поднял антисоветский мятеж. На Украине антисоветскую деятельность проводила буржуазно-националистическая Центральная рада. В Белоруссии восстал польский корпус под командованием монархиста генерала Довбур-Мусницкого. Здесь же, по указанию американской, английской и французской военных миссий, Белорусская рада формировала контрреволюционные полки. В Средней Азии агенты империалистов США и Англии разжигали гражданскую войну. На востоке поднял мятеж ставленник английских империалистов атаман Дутов. Непокойно было и в центре страны. Свергнутая буржуазия, реакционная часть офицеров и чиновников, кулачество вели активную подрывную деятельность.

Советское государство оказалось в очень сложных и трудных условиях. Коммунистическая партия и Советское правительство во главе с Лениным принимали экстренные меры к защите страны. Создавались вооруженные силы, специальные органы, которые могли бы решительно пресекать вражеские действия, обеспечивать революционный порядок.

Первым таким органом стал Военно-революционный комитет (ВРК). Опираясь на широкие массы трудящихся, он успешно справлялся с возложенными на него задачами, многое сделал для наведения революционного порядка в стране.

Затем был создан Народный комиссариат внутренних дел. Он издал постановление об образовании рабочей милиции при Советах рабочих и солдатских депутатов. По постановлению НКВД повсеместно создавались отряды рабочей милиции.

Контрреволюция с каждым днем все более активизировалась. В стране орудовали заговорщики, шпионы, бандиты, спекулянты и прочие преступные элементы, готовилась забастовка служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе. Совет Народных Комиссаров вынужден был создать специальный орган для решительной борьбы с внутренними и внешними врагами революции.

7 (20) декабря 1917 года на заседании Совета Народных Комиссаров было принято решение о создании Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Председателем этой комиссии Советское правительство назначило верного ученика и соратника В. И. Ленина, беспредельно преданного Коммунистической партии и народу, мужественного борца за дело революции, человека стальной воли – Феликса Эдмундовича Дзержинского.

В. И. Ленин, определяя роль ВЧК, писал:

«...Это то учреждение, которое было нашим разящим оружием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас».

Во Всероссийскую и в местные чрезвычайные комиссии партийные организации направляли лучших представителей рабочего класса, преданных делу революции. Центральный комитет партии и Советское правительство пристально следили за формированием и

деятельностью ВЧК, требовали от чекистов быть верными проводниками идей партии, справедливыми, гуманными к честным людям, беспощадными к врагам народа.

Во всей своей деятельности ВЧК поддерживала тесную связь с народом, выражала его волю, опиралась на поддержку трудящихся, призывала вести беспощадную борьбу с врагами.

В обращении ВЧК к трудящимся в марте 1919 года говорилось:

«ВЧК, поставленная волей Советской власти на страже революции, предупреждает всех врагов рабочего класса, что во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв от взрывов и погромов, во имя спасения завоеваний Октябрьской революции она беспощадной рукой подавит всякие попытки к восстанию и заглушит призывы к свержению Советской власти».

Окруженные заботой партии, облеченные большими правами, понимая свои высокие и ответственные задачи, чекисты под руководством бесстрашного рыцаря революции Ф. Э. Дзержинского с достоинством и честью оправдывали высокое доверие народа. Подавлялись вооруженные восстания, раскрывались многие контрреволюционные заговоры, в том числе один из крупнейших – заговор послов иностранных государств, представлявший для Советской республики не меньшую опасность, чем открытые военные фронты; разоблачались и обезвреживались тысячи шпионов, диверсантов, вредителей, бандитов и других политических преступников; велась беспощадная борьба со спекуляцией и саботажем.

Бессмертной славой в борьбе с врагами покрыты имена тысяч отважных чекистов. Образец мужества показала юная восемнадцатилетняя чекистка Паша Путилова. Она успешно выполняла трудные и ответственные боевые задания. В сентябре 1918 года ей было поручено с четырьмя красноармейцами выехать в Рузаевский уезд Пензенской губернии с целью разоблачения белогвардейской офицерской организации, окопавшейся в женском монастыре. Узнав о приезде чекистов, местные кулаки и монахи собрали крестьян и двинулись к монастырю. Паша пыталась объяснить обманутым крестьянам, зачем именно прибыли чекисты. Подлые враги заглушили ее голос, а потом зверски убили комсомолку.

Отличавшийся храбростью и сообразительностью чекист А. П. Федоров в начале двадцатых годов не без риска проник в контрреволюционную организацию Савинкова «Народный союз защиты родины и свободы», завоевал доверие у ее руководителей и получал ценную информацию о замыслах и действиях противника.

Яркими страницами в историю советских органов государственной безопасности вошли славные дела выдающихся чекистов Г. И. Бокото, Н. А. Жукова, М. С. Кедрова, И. К. Ксенофонтова, М. И. Лациса, В. Н. Манцева, В. Р. Менжинского, Я. Х. Петерса, И. С. Уншлихта, В. В. Фомина и других.

В разгроме многочисленных врагов революции, в защите Советского государства в период его становления, в годы гражданской войны чекисты сыграли очень важную роль, по достоинству оцененную нашим народом.

Бдительно и самоотверженно стояли на страже безопасности Родины чекисты и в период мирного социалистического строительства. Враги никогда не отказывались от идеи уничтожения первого в мире Советского государства, всячески стараясь подорвать нашу мощь, навредить нам. Империалисты пытались всевозможными способами помешать нашему народу в строительстве социализма. Чекисты вовремя разоблачали вражеские авантюры, предотвращали диверсии на стройках довоенных пятилеток, вылавливали вражеских агентов.

Верность Коммунистической партии и советскому народу, героизм и мужество чекистов с особой силой проявились в годы Великой Отечественной войны. Родина возлагала на своих верных защитников большие, ответственные задачи, они выполняли их с честью. Они обезвреживали фашистских шпионов, диверсантов, добывали важные сведения о противнике, рискуя жизнью, проникали в стан врага, в его разведывательные органы, активно участвовали в организации партизанских отрядов, нередко становясь их умелыми руководителями.

Никогда не померкнут в памяти народной образы легендарных чекистов Героев Советского Союза Дмитрия Медведева и Николая Кузнецова. Об их бессмертных подвигах рассказывает писатель Владимир Беляев в очерке «Горячее сердце».

Очень важные задания в тылу врага во время Великой Отечественной войны выполняли

чекисты разведгрупп «Ураган», «Львовяне», «Шквал», «Унитарцы». Командиру спецгруппы «Шквал» Николаю Григорьеву посвятил свой очерк писатель Николай Далекий. Журналист Василий Грабовский сказал добрые, теплые слова о командире группы «Львовяне» Павле Якубовиче. Боевые дела «унитарцев» воскресают в очерке журналиста Владимира Ольшанского. О подвиге бесстрашного разведчика Алексея Садиленко, прозванного «Черным генералом», повествует Леонид Шапа. Представителю старшего поколения чекистов Гавриле Осадчему посвящает свой рассказ Василий Глотов.

Львовским чекистам в годы войны и в послевоенный период пришлось вести ожесточенную борьбу с фашистскими прихвостнями – украинскими буржуазными националистами, оуновцами. Чекисты бесстрашно боролись с врагами всех мастей, проявляя при этом смелость и мужество, мастерство, партийную принципиальность.

Обессмертил свое имя лейтенант Федор Уланов. При выполнении боевой задачи, будучи раненым, он попал в руки бандитов. Зверски пытали они чекиста, но он не проронил ни слова. Ему раздробили руки и ноги. Он молчал. Ему отрубили уши и нос. И он молчал. Так ничего и не добившись от Уланова, бандиты сожгли героя заживо. «Огненная баллада» журналиста Николая Тороповского – о нем.

Подвиг молодых чекистов в селе Трудоваче волнующе и тепло отобразил писатель Петр Ингульский.

О героизме и славных боевых делах многих чекистов Львовщины узнает читатель из книги «Есть такой фронт», которую по праву можно назвать достойной их памяти. Это вдохновенные, страстные рассказы о мужестве, душевной красоте и глубокой партийной верности тех, кто стоял и стоит на страже завоеваний Великого Октября. Книга воодушевляет сынов и внуков героев на новые подвиги во имя Советской Родины. Орлы из героического племени железных дзержинцев на страницах этой книги передают эстафету подвига своим сынам-орлятам, новым бойцам невидимого, трудного, почетного фронта.

*Н. П. ПОЛУ ДЕНЬ,
начальник управления КГБ при Совете
Министров УССР по Львовской области*

БОРИС АНТОНЕНКО ПО ЗАДАНИЮ ДЗЕРЖИНСКОГО

На околице села Великая Вильшаница, возле дороги Львов – Золочев, стоит величественный памятник отважным комсомольцам из села Трудовача, Они погибли от рук буржуазных националистов в августе 1947 года. Убийцы боялись комсомольцев и решили учинить над ними расправу. Их убили по-злодейски, когда они собрались на совещание,

автоматной очередью через окно.

Не многие знают о том, что убийцы были разысканы, покараны, и в этом значительная заслуга львовянина Николая Павловича Волченко, скромного человека, отдавшего всю сознательную жизнь служению народу в рядах славной когорты чекистов, воспитанных Феликсом Дзержинским.

*

Есть в Харькове небольшая тихая улица – Совнаркомовская. На этой улице в одном из домов находилась Центральная Чрезвычайная Комиссия Украины, Сюда в 1921 году робко вошел худенький молодой человек и представился начальнику отдела ЧК:

– Николай Волченко, прибыл в ваше распоряжение.

– Знаю. Будем работать вместе, моя фамилия Раззуваев. С оружием обращаться умеешь?

– Нет.

– Ну ничего, научим. У нас всякие науки постигнешь. А смерти не боишься? Ведь работа чекистов нелегкая. Врагов полно, леса бандами кишат, придется не раз смерти в глаза смотреть. Понял?

– Понял. Кому же умирать охота?

– Надо жить, а врагов надо ликвидировать. Они ЧК боятся, на нас клеветают всякое. Но, видишь, мы, обыкновенные люди, боремся за народное дело. Я, например, как и ты, тоже из рабочих. Пошел в революцию, и вот она меня определила в ЧК. И я службу несу честно. Правда, не хватает у меня образования, но, когда покончим с разными Тютюнниками, Махно и прочей нечистью, пойду учиться.

Раззуваев говорил быстро, страстно, как будто спешил сразу научить всему молодого сотрудника ЧК.

Так познакомился Николай Волченко с одним из первых чекистов. А вечером в тот же день Николай уже присутствовал на комсомольском собрании. Обсуждался вопрос о субботнике.

– Товарищи комсомольцы, – заканчивая речь, говорил секретарь комсомольской организации, – завтра мы должны трудиться на Харьковском вокзале. Гражданская война причинила большой ущерб транспорту. Вы уже знаете, что наш председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский теперь назначен наркомом путей сообщения. Нужно быстро восстановить транспорт. Выйдем все как один на субботник!

– Железнодорожный вокзал в Харькове в те годы имел неприглядный вид, – вспоминает Николай Павлович. – Требовалось расчистить пути от всякого хлама. Наша группа взялась за очистку отведенного участка. Работа спорилась. С песнями, с полной отдачей сил трудились мы тогда.

Рядом со мной работал наш комсомольский секретарь Владимир Белков. Замечаю, он то и дело поглядывает куда-то в сторону...

– Ты что там увидел? – спрашиваю его.

– Вон, видишь человека в серой шинели?

– Вижу.

– Присмотрись хорошенько...

– Это случайно не Дзержинский?

– Так точно, Дзержинский.

Никто из нас не знал, что на субботнике будет трудиться Феликс Эдмундович.

Это был один из наглядных примеров простоты и величия замечательного человека, любимца чекистов и всего народа.

Оказывается, Феликс Эдмундович тогда по заданию ЦК нашей партии находился на Украине, в Харькове, для оказания помощи в укреплении органов Советской власти, в борьбе с бандитизмом и контрреволюцией.

Первая встреча с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским запомнилась мне на всю жизнь.

...Шли годы. Николай Волченко работал и учился, учился и работал.

Весной 1926 года его и еще двух чекистов – Кунцевича и Яковлева – вызвал к себе начальник управления Иванов. В то время Волченко работал дежурным помощником коменданта комендатуры ГПУ в Харькове.

– Ну, орлы, как идут ваши дела? – спросил Иванов.

– Все в порядке, – ответили комсомольцы.

– Есть новость. К нам в Харьков снова приехал Дзержинский. Вы будете при нем, в его распоряжении. Если он будет давать поручения, выполняйте точно и оперативно. Понятно?

– Все понятно.

Тут же Николай отправился на вокзал.

Вагон, в котором жил Феликс Эдмундович Дзержинский, стоял в тупике. Войдя в вагон, Волченко увидел Дзержинского и других приехавших товарищей. Николай доложил о своем прибытии.

– Садитесь с нами ужинать, товарищ Волченко, – пригласил Дзержинский.

Волченко в нерешительности стоял, не зная, как поступить.

– Садитесь, садитесь, не стесняйтесь, разделите с нами трапезу!

Волченко сел, и ему подали, как и всем, скромный по тем временам ужин.

Слушая Феликса Эдмундовича, чекисты проникались чувством еще большей ответственности за выполнение своего долга, глубже понимали обстановку, в которой приходилось работать. А обстановка была очень сложная. На Украине еще свирепствовал бандитизм. Направляемые из-за рубежа шайки петлюровцев, эсеров, белогвардейцев пытались сорвать переход страны к мирному строительству. Контрреволюция начала прибегать к новым методам деятельности против Советской власти – враги проникали на наши предприятия, в учреждения, учебные заведения для того, чтобы вредить изнутри делу восстановления и развития народного хозяйства.

В Харькове Феликс Эдмундович пробыл больше недели. Всюду, где он выступал, его встречали и провожали овациями. Любовь и доверие рабочих к Дзержинскому были беспредельны.

Однажды Дзержинский попросил секретаря комсомольской организации управления доложить о состоянии политической работы среди чекистов-комсомольцев.

Феликс Эдмундович внимательно слушал секретаря, что-то записывал, потом предложил дать краткую характеристику каждому комсомольцу. Выяснилось, что среди комсомольцев-чекистов есть немало энергичных, способных товарищей, успешно овладевающих опытом оперативной работы.

Дзержинский поблагодарил секретаря и сказал: «Неплохо, совсем неплохо идут у вас дела. Комсомольский огонек, храбрость и ясный ум открывают вам перспективу для роста. Но как обстоит дело с чекистским и общеобразовательным обучением молодых людей? Ведь наряду с политическим образованием это имеет решающее значение для их будущей успешной оперативно-чекистской деятельности!»

Слова Дзержинского ободрили комсомольцев, членов бюро. Появились желающие выступить. Набравшись смелости, Николай Волченко рассказал о том, что руководство не выдвигает комсомольцев-чекистов по службе, мотивируя отсутствием вакантных должностей.

Слушая выступление Волченко, Феликс Эдмундович, чуть улыбаясь, кивал головой, потом сказал: «Конечно, все, что вы сообщили, мы проверим. Мне кажется, замечание справедливое. Попробую посодействовать. Вы мне оставьте ваш «доклад о ребятах». Потом пожал всем руки и уехал.

Дзержинский сдержал свое слово. Сразу после его отъезда был издан приказ, обрадовавший и окрыливший молодежь. Во всех оперативных отделах ГПУ УССР вводились по три должности стажеров, на которые назначались способные комсомольцы-чекисты. В то же время был создан вечерний рабфак при Харьковском технологическом институте, где могли повышать свои знания без отрыва от работы многие чекисты.

Вскоре на должность стажера в один из оперативных отделов ГПУ Украины назначили и Николая Волченко.

Наступила осень 1926 года. Приближалось окончание стажировки.

Однажды Николаю позвонил дежурный:

– Товарищ Волченко, зайдите к товарищу Добродицкому.

Через пять минут он докладывал: «Прибыл по вашему приказанию!»

– Садитесь. Здесь мы посоветовались с товарищем Кривцом и вашим непосредственным начальником Семеном Ивановичем и решили преждевременно откомандировать вас на

должность помощника оперативного уполномоченного контрразведывательного отдела Глуховского окружного ГПУ, Не удивляйтесь этому, товарищ Волченко. Обстановка заставляет спешить. Глуховщина богата лесами, в них скрывается много бандитских шаек, и особенно там свирепствует банда во главе с бывшим петлюровским офицером Ващенко. Этот Ващенко совсем распоясался. Обстановка очень сложная. Думаем, что справимся. Как ваше мнение?

– Раз надо – значит, поеду.

– Ну вот и хорошо. Собирайтесь в дорогу.

– Товарищ Добродицкий, разрешите еще несколько дней побыть Волченко в Харькове. Он мне будет нужен при выполнении одной операции. К тому же и «экзамен» сдаст, – сказал Семен Иванович.

– Не возражаю, только долго не задерживайте.

Выходил из кабинета Николай в приподнятом настроении. Он думал о новой работе, об оказанном доверии.

«...Бежал из тюрьмы приговоренный к высшей мере наказания – расстрелу – махновец Товкач. Скрывается в Харькове под фамилией Ткаченко. Работает грузчиком или ездовым. Сообщаем для принятия мер».

Получив из Запорожья эту шифровку, уполномоченный ГПУ УССР Семен Иванович Шемена задумался: кому поручить операцию? Кто может быстро отыскать опасного преступника? Он перебрал в памяти фамилии многих чекистов, но каждый из них был занят другими важными делами. Решил поручить это задание Волченко.

Теперь, получив разрешение задержать на несколько дней Волченко, Семен Иванович вызвал его к себе и ознакомил с шифровкой.

– Ясна тебе задача, Николай? – спросил Шемена.

– Да.

– На меня не обращай внимания. Ты руководишь операцией, а я посмотрю, на что ты способен. Ведь скоро тебе придется встретиться с опасным бандитом-врагом. Он не чета этому махновцу. Так что учись, дорогой! А Товкач был одним из активных головорезов у батьки Махно. Учти все, продумай и действуй осмотрительно, умело. Когда начнешь операцию?

– Думаю, завтра утром, когда все еще будут спать.

– Согласен.

Получив согласие начальника, Волченко остаток дня и вечер посвятил подготовке. Он подобрал надежных товарищей, проинструктировал их и предупредил, чтобы все были готовы к пяти часам.

Ночь провел беспокойно. Всякие мысли лезли в голову. К четырем часам он уже был в ГПУ.

Старенький «Пакарт» ехал по Харькову в предрассветный час, и никто из жителей не знал, куда и зачем он направляется. Город спал.

Окружив барак, где, по предварительным сведениям, должен быть Товкач-Ткаченко, чекисты осторожно начали подходить. Дверь оказалась приоткрытой. Раздавался храп спящих людей. В бараке было душно. Здесь спали извозчики, приехавшие на заработки в Харьков, крестьяне из соседних сел. Николай подошел к одному, другому, третьему, пытаясь обнаружить Товкача-Ткаченко. Все попытки разбудить изрядно подвыпивших извозчиков не увенчались успехом. Тогда Волченко крикнул на весь барак:

– Вставайте! Конокрад среди вас затесался!

Как ветром сдуло с нар извозчиков.

– Где? Кто конокрад? – посыпались вопросы.

– Ткаченко конокрад. Где он? – сказал Волченко.

– Идемте, мы вам поможем его задержать.

В то время кража лошадей была распространенным явлением, и собственники коней особенно ненавидели конокрадов и делали все, чтобы их задержать. Даже самосуды учиняли. Вот почему клич задержать конокрада моментально подействовал на извозчиков.

– Ткаченко спит в квартире вдовы, в отдельном доме постоянного двора, – прошептал Николаю на ухо один извозчик.

Подходя к двери дома, чекисты увидели, как задернулись шторы на окнах. Хозяева, очевидно, сообразили, в чем дело.

– Откройте, милиция! – потребовал Волченко.

– Не открывай, живым я им не дам! – услышали чекисты голос из дома.

Медлить было нельзя. На дверь налегли извозчики. Она с шумом открылась. Николай вбежал в дом первым.

– Не подходи, убью! – кричал здоровенный детина, держа в руках топор над головой.

Николай, угрожая наганом, крикнул:

– Брось топор! Руки вверх! Иначе стреляю!

Детина продолжал держать топор. Было слышно его тяжелое дыхание.

– Брось топор! Сдавайся, сдавайся! – кричала хозяйка.

Ткаченко опустил топор и сдался. Когда начали связывать ему руки, он снова, как разъяренный бык, бросился на чекистов. Но ловкий удар в скулу, нанесенный Николаем, утихомирил бандита.

Преступник впоследствии понес наказание за все злодеяния.

Вскоре поезд увозил Николая Волченко на Глуховщину.

– Обстановка у нас в округе сложная, – говорил Николаю начальник окружного ГПУ Михаил Васильевич Тимофеев. – Бандиты, бывшие петлюровцы, белогвардейцы, кулачье, имея много припрятанного оружия, действуют небольшими группами. Банда Ващенко – ведущая. У него около семидесяти бандитов, тачанка и два пулемета. С ним связаны банды поменьше: Стегния, Капируля, Оселедца и других, состоящие в основном из кулаков.

– Тяжелые следы оставляют после себя бандиты по селам. Убивают партийных и советских работников, грабят магазины сельпо, поджигают сельсоветы, терроризируют население. При встрече с оперативно-чекистскими группами оказывают вооруженное сопротивление и, пользуясь знанием местности и укрытиями пособников, часто уходят безнаказанно, с небольшими потерями. Учтите также, – продолжал Тимофеев, – и особенности Глуховщины: большие леса, река Десна, а на другом берегу Брянщина, тоже с большими лесами. Бандиты пользуются этим. Переправляются на другой берег и исчезают в лесах. А мы не всегда координируем свои действия с брянскими товарищами. Одним словом, поживете – увидите сами. Действуйте осторожно, но решительно. Через день направляем чекистско-войсковую группу для борьбы с бандой Стегния. Возглавлять ее будет товарищ Ермаков Алексей Сергеевич, наш оперуполномоченный. Вы тоже войдете в эту группу. Кстати, познакомьтесь с данными о Стегнии, – начальник положил на стол папку.

В назначенное время оперативная группа, возглавляемая боевым чекистом Ермаковым, выехала из Глухова. Стояла холодная осень. Озера и небольшие речушки замерзли. В группу входили, кроме чекистов, еще несколько милиционеров.

Николай задержался на несколько часов. Он готовился к операции, получил оружие и зимнее обмундирование, изучал данные о главаре банды. Ему стало известно, что в начале 1926 года Стегний был пойман, приговорен к расстрелу, но, сломав в камере решетку, сбежал.

Своих товарищей Волченко догнал в селе Воронеж, недалеко от станции Ворожба. Ехали они с Георгием Георгиевичем Донцом, начальником КРО Глуховского отдела ГПУ, бывшим партизаном. Георгий Георгиевич, сидя в санях рядом с Николаем, говорил:

– Ты, Николай, смотри в оба. Бандиты – коварные. Когда у них безвыходное положение, они идут на все. Но не пугайся. Действуй смело. Стегний очень хитрый, опытный враг. Просто так в руки не дастся. Еще много будет с ним возни. Но нам нужно его перехитрить.

Встретившись с товарищами, Николай убедился, что операция подготовлена тщательно. Остаток дня прошел быстро и незаметно.

На рассвете Николай услышал команду «Подъем!» Выйдя во двор, он увидел всадников и сани в упряжке. В стороне стоял Георгий Георгиевич и беседовал с неизвестным стариком. Николай подошел к ним.

– Бандиты всю ночь пьянствуют в моей хате во главе со Стегнием, – говорил старик.

– А когда же они пришли к вам?

– Еще с вечера. Мы только собирались со старухой ужинать, а они тут как тут. Проклятые изверги избили меня и старуху и выгнали из хаты.

– А сколько верст до вашего хутора?

– Да верст десять будет.

Видно было, что крестьянин очень напуган бандитами и боится их мести. И все же он решил пойти за десять верст, чтобы сообщить об их появлении.

Утро было морозное, на дорогах образовался гололед. Даже хорошо подкованные лошади не могли быстро бежать.

Оцепив двор, где пьянствовал Стегний, постепенно начали приближаться к дому. Со всеми предосторожностями вошли в открытые двери, но ни бандитов, ни хозяйки в доме не оказалось. Пока производили осмотр, появилась хозяйка и заявила, что бандиты, почуяв неладное, после исчезновения старика скрылись.

Боец Рыбников нашел во дворе старую саблю и стал ею прощупывать стог соломы. Вдруг из стога раздался выстрел. Рыбников, сраженный пулей, упал замертво. По стогу открыли огонь. Стегний, а это был он, ползком пробрался за плетень и начал отстреливаться. В этой стычке получил первое боевое крещение и Николай Волченко. Он был ранен, но не покидал товарищей. Стегний вел огонь из укрытия. К нему еще подоспело несколько бандитов, началась жестокая перестрелка, в которой были потери с обеих сторон. Чекисты находились на открытой местности, по существу на льду, и это затрудняло операцию. Бандиты начали отходить к лесу. По дороге на санях ехал крестьянин. Они сбросили его и ускакали в лес. Первая встреча со Стегнием для Николая оказалась неудачной.

На время банды притихли, решили пересидеть зиму.

Весна того года была дружной, теплой. Наступил сенокос. Крестьяне вышли на луга. Однажды вечером возвращались с сенокоса несколько человек. Вдруг возникла ссора. Один из обиженных кричал, обращаясь к здоровенному парню в синем галифе:

– Вам, бандитам, все мало. Людей грабите уже не только ночью, но и днем. Найдем и на вас управу...

Ермаков, узнав фамилию того, кто был в синем галифе, вызвал его в райвоенкомат как военнообязанного.

Звали его Петр. Он приходился родственником главарю банды Семену Оселедцу. Тот был женат на сестре Петра Насте. Чекисты знали о том, что до недавнего времени Оселедец работал секретарем сельисполкома. Однажды банда Ващенко ворвалась в село и Семена увела с собой. Он участвовал в нападении на пассажирский поезд под станцией Кроливец, где были убиты два охранника. Более года Оселедец действовал в округе уже со своей бандой.

При очередной встрече Ермаков сказал Петру:

– Мне надо увидеться с твоей сестрой Настей, женой Оселедца.

– Она и сама хочет видеть вас, – быстро ответил Петр. – Жена есть жена. У нее двое детей, она любит Семена и боится, что его могут убить, переживает.

– Скажи Насте, пусть она придет к Татьяне Ивановне. Там я буду, поговорим.

Прошло еще несколько дней, и через Петра Ермаков условился о встрече с Семеном Оселедцем в трех верстах от села Воронеж, в лесу. Договорились, что свидание будет один на один. Но для безопасности на небольшом расстоянии следовал Николай Волченко и еще два бойца. Оселедец тоже принял меры предосторожности. Встреча состоялась. Оселедец дал согласие помочь в ликвидации банды Ващенко.

Шли дни ожидания. Случилось так, что за несколько часов до очередной встречи с Оселедцем Ермакова отозвали в Глухов, и операция была возложена на Волченко. Ермаков, уезжая, подробно проинструктировал Николая, как вести себя с Оселедцем.

Наступал летний вечер. Николай, переодевшись в штатскую одежду, верхом выехал в направлении леса. Взошла полная луна. В лесу царила тишина. Николай думал о предстоящем свидании.

Вдруг его остановил рослый парень, внезапно вышедший из кустов. Он, схватив лошадь за поводья, повел ее к месту встречи с Оселедцем. Когда Николай вышел на поляну, освещенную луной, он увидел стройного высокого человека с усиками, в черной шапке. За поясом торчали два «маузера». На траву были заранее брошены две бурки, на них и расположились чекист Николай Волченко и главарь банды Семен Оселедец.

Два человека, впервые встретившись, рассматривали внимательно друг друга, в разговоре старались определить искренность слов. Оселедец оправдывался перед Николаем за то, что не мог встретиться с Ващенко, так как тот был ранен при столкновении с чекистами, но заверял, что

свои обещания выполнит.

Возвратившись после небезопасной встречи, Волченко уснул крепким сном. Рано утром Николая разбудил дежурный и сообщил, что его ожидает какой-то человек.

– Завтра вечером Ващенко и Стегний со своими бандами направляются в село Чеплеевку для ограбления магазина и разоружения охраны сахарного завода, – сообщил Петр.

Николай поблагодарил Петра.

Поскольку у Волченко было всего двенадцать человек, он быстро связался с оперативной группой милиции Брянского оперотдела ГПУ и попросил помощь.

Банда Ващенко натолкнулась на конную группу брянской милиции, обстреляла ее и скрылась в лесу.

Главарь второй банды – Стегний расположился на одном из хуторов. Тут он учинил расправу с неугодными людьми, угрожал даже своему брату Филиппу.

Тот послал свою дочь якобы за самогоном для бандитов, а в самом деле дал ей указание сообщить о появлении банды в оперативную группу Волченко. Девушка рассказала Волченко о появлении банды и возвратилась с самогоном домой.

Стегний, хотя и был пьян, почуяв неладное, выхватил наган и стал тащить Филиппа во двор, на расправу. Но в это время подросла оперативная группа. Волченко вместе с двумя бойцами набросился на Стегния. Бандит спрятался за спину Филиппа и выстрелил, ранив одного из бойцов. В перестрелке Стегний был убит. Часть бандитов разбежалась, остальные сдались. Так была ликвидирована банда, наводившая ужас на окружающие села и хутора Глуховщины.

Предстояла еще одна операция по ликвидации банды Ващенко.

Наступала зима. Однажды Семен Оселедец сообщил о том, что банда Ващенко остановилась на ночь в доме лесника. На рассвете дом был окружен чекистами. Бандитам было предложено сдаться. Ответа не последовало. Неожиданно ворота усадьбы распахнулись, и Ващенко бросил гранату. Стреляя из нагана, он решил прорваться. Пробежав несколько шагов, главарь банды, скошенный пулями чекистов, упал на снег. Его приспешники недолго сопротивлялись. У них было изъято два пулемета, винтовки, гранаты, четыре пары лошадей. После разгрома банды Ващенко остальные бандиты, прятавшиеся в лесах, приходили сами в оперативную группу Волченко, сдавались.

...Потом Волченко направили в Москву, в школу комполитсостава, потом – снова служба в органах ГПУ, НКВД, КГБ. В годы Великой Отечественной войны Николай Павлович Волченко – начальник разведотделения восемнадцатой и пятьдесят шестой армий, а с 1944 года – начальник оперативного отдела органов госбезопасности в Краснодаре, Ивано-Франковске, во Львове.

Недавно заслуженный чекист Николай Павлович Волченко ушел на пенсию, но продолжает работать. Он, как и прежде, молод душой, активно участвует в общественной жизни.

Чекист на всю жизнь остался чекистом, человеком, преданным своему народу, партии коммунистов.

ВЛАДИМИР БЕЛЯЕВ
ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Открывается дверь номера львовской гостиницы «Интурист», и меня встречает худощавый, смуглый, подтянутый человек. Он в мундире полковника Советской Армии, на кителе у него Золотая Звезда, четыре ордена Ленина, другие награды. Приглашает садиться. Это – прославленный командир партизанского отряда особого назначения Дмитрий Николаевич Медведев. Через минуту в номер входит невысокий, полный человек с пышной шевелюрой – Александр Лукин, бывший заместитель Медведева по разведке, мастер хитроумных комбинаций, составитель надежных, «железных» легенд для подпольщиков, засылаемых в стан врага.

От всего облика Медведева веет собранностью, скромностью. Угадывается большая сила воли. Конечно, это она помогла ему в августе 1941 года, когда гитлеровцы рвались к Москве, перейти линию фронта, чтобы вести в тылу врага разведывательную работу.

Сын потомственного сталевара из Брянска, юношей ушедший в революцию, красногвардеец, чекист в двадцать лет, коммунист с 1920 года, Дмитрий Медведев внимательно разглядывает собеседников серыми пытливыми глазами. Постепенно завязывается непринужденная беседа.

Глуховатым, негромким голосом, удивительно просто говорит Медведев об исключительных делах своего отряда. Сочетание будничного тона его голоса с необычными, легендарными подвигами партизан создает вначале даже некоторую настороженность: «Да правда ли это? Что это за необыкновенные люди были в отряде? Как они могли – подчас простые сельские ребята – столько раз перехитрить опытных гитлеровских разведчиков?» Тогда еще не были написаны Медведевым книги «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга», и то, что я услышал от автора будущих произведений, меня сильно поразило.

Часто в разговоре вспоминался Николай Кузнецов. Я узнаю биографию замечательного комсомольца-чекиста, подлинного героя советской разведки, действовавшего перед своей гибелью и во Львове. Легенда превращается в быль, железная логика событий убеждает, покоряет и восхищает нас. Так вот, оказывается, каких прекрасных людей, советских патриотов, воспитал у себя в отряде полковник Медведев!

Чтобы лучше понять обстановку, в которой действовал отряд Медведева, следует заглянуть в прошлое.

Сразу же после Версальского договора полковники Пилсудского и священнослужители Ватикана, напуганные Великой Октябрьской социалистической революцией в России, пытались по указанию Антанты проложить «санитарный кордон» против большевизма. От молодой Советской страны они отгораживались колючей проволокой, в «корпус пограничной охраны» подбирались отпетые головорезы. Сюда, в пограничную Волынь, под защиту польской шляхты бежали изгнанные украинским народом недобитки Петлюры, владельцы поместий над Днепром и около Умани, заводчики Екатеринослава и Черкасс – все те, кто поддерживал правительство петлюровской Директории, Центральную раду и прочие националистические группировки.

В районе Сарненских, Цуманских и других лесов Волыни в начале тридцатых годов устраивались кровавые «пацификации». Ближайшими помощниками польских помещиков,

кулаков-осадников и жандармов были тогда тайные агенты-пилсудчики, а также прежние военные союзники польской шляхты – петлюровцы.

От самого северного угла белорусского Полесья до того места, где Збруч впадает в Днестр, вдоль советской границы была расположена целая сеть представительств – «экспозитур» и других шпионских пунктов, откуда засылались на территорию Советского Союза разнокалиберные агенты.

Они обслуживали не только «второй отдел» тогдашнего генерального штаба маршала Пилсудского, румынскую тайную полицию – сигуранцу, но и (по совместительству!) их фактических хозяев – множество разведок буржуазных стран.

...Начиная с двадцатых годов, вместе с другими советскими чекистами-контрразведчиками, на западной границе обезвреживал таких лазутчиков и Дмитрий Медведев.

Медведев преследовал шайку атамана Махно. Когда Махно улепетывал в Румынию, Медведев шел за ним но пятам не только до Днестра. Стало известно, что Махно обосновался в Румынии и вошел в тесные контакты с сигуранцой, тогда было принято решение ликвидировать его по ту сторону границы, в Бессарабии.

Дмитрий Николаевич в мундире румынского офицера был переброшен через границу на румынскую сторону возле села Меринешти. Он знал точно, где, на какой час в городе Бендеры назначена встреча руководителей румынской сигуранцы с Махно. С помощью верных друзей Медведев приехал на автомобиле в Бендеры и, имея заранее заготовленный пропуск, прошел в назначенный час на совещание. К сожалению, самого Махно среди собравшихся не было. Батько опаздывал. Пришлось разрядить «маузер» в крупных деятелей румынского шпионажа, а затем с большим трудом прорываться на советскую сторону.

Случай в Бендерах – только один из эпизодов чекистского пути Медведева.

Партизанский вожак и руководитель чекистов, Медведев принимал участие в ликвидации белогвардейской организации «Золотой якорь» на Херсонщине и в Одессе, был председателем уездной Чрезвычайной комиссии в Старобельске, разгромил там банды Каменюки и Ленивого, уничтожал сионистские, антисоветские очаги в Одессе, обезвреживал украинских националистов из «Союза освобождения Украины» и Украинской военной организации (УВО) на Киевщине и в Харькове.

В напряженной и многолетней борьбе с разнообразными врагами Советской власти еще более закалилась его воля. Находясь с молодых лет на передовой линии огня, Дмитрий Медведев в тайной, незаметной многим людям борьбе с врагами научился искусству постигать человеческие души. Он всегда умел отличить явного врага от обманутых, заблудших, несознательных людей. И часто оказывал доверие запутавшимся во вражеской паутине, в перевоспитание которых он верил.

В книге Альберта Цессарского «Чекист» рассказывается о том, как Медведев убедил бывшего соратника Махно – пресловутого Левку Задова служить Советской власти. Этот пример – свидетельство того, как смело, с доверием к людям, действовал еще в двадцатые годы будущий командир партизанского отряда!

...Воюя во вражеском тылу, на оккупированных гитлеровцами западных землях Украины, Медведев имел уже большой опыт борьбы и умело пользовался им в повседневной работе. К нему на огонь партизанских «маяков» шли не только испытанные революционеры, закаленные еще раньше в боях за Советскую власть на Западной Украине, но и люди, которых еще следовало долго обучать искусству борьбы, воспитывать в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Отряд цементировала партийная организация из пятидесяти коммунистов (комиссаром был Сергей Стехов). Даже в самых трудных условиях созывались партийные собрания, обсуждались злободневные вопросы. Направляющая воля партийной организации помогала командиру отряда особого назначения, и его штабу действовать смело и решительно. Медведевцы помнили известные слова железного рыцаря революции Феликса Эдмундовича Дзержинского о том, что чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК.

Сила отряда Медведева заключалась во взаимодоверии и взаимопонимании бойцов, в том, что каждый понимал свое значение в великой патриотической борьбе.

На земле, где враги десятилетиями разжигали украинский и польский национализм, где

агенты империалистических государств разобщали братские славянские народы, натравливая их друг на друга, действовал удивительно сплоченный чекистский партизанский отряд, созданный из представителей тридцати национальностей. Здесь были русские и украинцы, белорусы и армяне, казахи и грузины, поляки и испанцы. Все они объединялись в общем порыве уничтожить ненавистный фашизм.

Все, кто сражался вместе с Медведевым, помнят, как часто болел их командир. Не совсем удачный прыжок с самолета, трудности партизанской жизни, расшатанные годами напряженной борьбы с врагами нервы – все это сказалось на его здоровье. Он нуждался в лечении, отдыхе. Но Медведев оставался на посту до завершения поставленных перед его отрядом задач.

...Когда кончилась война, Дмитрий Николаевич считал своим долгом рассказать о подвигах не известных еще тогда героев. Из-под пера Дмитрия Медведева одна за другой выходили книги: «Это было под Ровно», «Отряд спешит на Запад», «Сильные духом». Написал он и несколько пьес, которые ждут своего сценического воплощения. Опубликована интересная повесть о винницком подполье «На берегах Южного Буга». Остался недописанным роман «Астроном». Большая ценность книг Дмитрия Медведева в том, что за ними стоят живые люди, бесстрашные советские патриоты.

Выдающийся деятель прогрессивного движения украинцев Канады журналист Петр Кравчук писал о книге Медведева «Сильные духом»:

«Эта книга представляет для меня особый интерес. События, описанные в ней, происходили в моей родной стороне (ведь Стоянов, откуда я родом, почти примыкает к Волынской области). Больше того, в 1928 и в начале 1929 года мне довелось работать на Волыни – в Луцке, Горохове, Дубно, Ровно. Там я организовал отделы «Сельроб-единства». Кто знает, быть может, уже тогда мне приходилось встречаться и работать с героями этого народного движения. Далее: события происходили во Львове, где я работал и жил последние полтора года перед своим отъездом в Канаду.

Читаешь эту правдивую книгу и видишь силу, которая не могла не одолеть врага, не изгнать его с украинской земли. Даже трудно поверить в подвиги разведчиков Медведева. Кажется – читаешь легенду. Но ведь это же действительность! Живут еще многие свидетели. Мне даже приходилось встречаться с некоторыми из них, например, с Марией Ких. Я прочел, как говорят, одним духом эту прекрасную, правдивую, искреннюю книгу. Как жаль, что автор преждевременно, сгорел, сошел в могилу!

Пока что мы получили всего пять экземпляров этой книги. Но они уже переходят из рук в руки среди украинских рабочих города Торонто. Книга вызывает большой интерес у читателей. Начиная с первых разделов и до последней страницы книги, перед твоими глазами, словно на экране, проходит большая эпопея – неутомимая, героическая, полная самопожертвования борьба народных мстителей в Цуманских лесах. Прочитав это произведение о великой борьбе, лучше понимаешь, почему советский народ так упорно, последовательно и решительно борется за мир. Он имеет право на мир и на радостную, творческую жизнь...»

*

Дмитрий Николаевич всю свою жизнь отдал служению партии и народу. В одном из писем он писал мне:

«...Я только прописан в Москве на постоянное жительство, имею здесь квартиру и семью, а сам непрерывно разъезжаю по стране. Объездил я уже всю Волгу, весь Кавказ, неоднократно бывал в Ленинграде, в Таллине, в Киеве и в других городах. Слушают меня с большим вниманием, и я выступаю и выступаю со своими личными воспоминаниями. Мне доставляет огромное удовлетворение сознание, что выступления мои не проходят бесследно, они наталкивают наших людей на мысль

заниматься серьезной подготовкой, чтобы заменить, если это потребуется, и Кузнецова, и Вальо Довгер, и других».

...А скоро Дмитрия Николаевича не стало. Мы приехали в Москву с Украины на долгожданный Второй съезд советских писателей, надеясь встретить Дмитрия Николаевича среди почетных и уважаемых гостей в Колонном зале Дома Союзов, как вдруг нас известили, что Медведев умер сегодня, то есть 14 декабря 1954 года.

Через два дня группа делегатов съезда пришла в один из клубов столицы отдать свой последний долг покойному нашему другу, бесстрашному чекисту-дзержинцу, воспитавшему целую плеяду смелых, отважных людей, умеющих бороться на передовой линии охраны безопасности нашей Родины.

*

Случилось это утром двадцатого октября 1958 года в польской столице. Небо над Варшавой было туманное, низкая облачность закрывала верхушку шпиля Дворца культуры, сеял мелкий, унылый дождь.

К большому серому зданию на аллее Сверчевского подъехала тюремная машина. Распахнулись задние дверцы машины, и два рослых милиционера вывели оттуда сморщенного усатого человечка, похожего на обליнявшего старого кота. На нем была зеленая тирольская шляпа с кокетливым перышком, светлый пиджак, обвисающие коричневые брюки, а на ногах – комнатные туфли.

Это был Эрих Кох – бывший гаулейтер Восточной Пруссии и рейхскомиссар оккупированной немцами Украины – та самая «крупная рыба», за которой так долго охотился на Ровенщине партизанский отряд Медведева и особенно его лучший разведчик Николай Кузнецов. Я смотрел на Коха и глазам своим не верил. Куда делась его неприступность, его независимая поза и наглость, с которой он смотрел когда-то на своих рабов?..

Одним из самых драматических эпизодов суда над Кохом было появление в зале свидетеля Юзефа Курьята – партизана из отряда Дмитрия Медведева. Советский разведчик польской национальности, рассказав о страшных злодеяниях Коха на Украине, с гордостью и уважением произносил имя своего любимого командира Д. Н. Медведева. Все, что рассказывал Курьят (похищение партизанами гитлеровского генерала Ильгена, личного шофера Коха – Пауля Гранау и другие акции медведевцев), – казалось невероятным для тех участников судебного заседания, особенно корреспондентов буржуазных газет, которые до этого ничего не слышали об отряде Медведева.

Один из американских корреспондентов в перерыве подошел к Юзефу Курьяту и язвительно спросил:

– Скажите, пан Курьят, а не вычитали ли вы все это в книге Мартенса «Где обер-лейтенант Зиберт?»

Следует сказать, что незадолго до процесса такая книжка была выпущена издательством министерства обороны Польши в массовой серии «Желтый тигр». В ней рассказывалось о делах партизанского отряда Медведева и подвигах Николая Кузнецова.

В ответ на ядовитый вопрос американского журналиста Юзеф Курьят спокойно сказал:

– Я слышал об этой книге, но, к сожалению, еще не читал. Она быстро разошлась. Да и разве можно в одной книге рассказать все, что мы сделали и какую пользу принесли народу, держа в страхе таких вот кохов?

Когда, продолжая показания на суде, Курьят сообщил, что самыми крупными акциями непосредственно руководил один и тот же партизан, председательствующий трибунала судья Эдвард Винкевич спросил:

– Кузнецов?

– Да, это был Кузнецов! – ответил Курьят.

...Так в зале судебного заседания в Варшаве прозвучало имя смелого советского разведчика Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Чувство гордости переполняло сердце при упоминании имени уральского комсомольца, который под руководством Дмитрия Медведева сумел перехитрить самых опасных, матерых гитлеровцев.

На следующий день я видел в руках у многих слушателей процесса книжку в желтой обложке «Где обер-лейтенант Зиберт?» Она заканчивалась словами:

«Вспоминаем сегодня снова, что совершили. Перед нами снова возникают фигуры людей, которые вели борьбу в тяжелейших условиях, постоянно находясь на краю пропасти. Николай Кузнецов был одним из тех, кого можно назвать самым отважным из отважных...»

А в кулуарах во время перерывов Юзеф Курьят снова вдохновенно рассказывал о своих друзьях и командирах – Дмитрие Медведеве, Александре Лукине, Николае Гнидюке, Яне Каминском, Вале Довгер, Николае Струтинском и Николае Кузнецове.

...Десятого октября 1964 года группа медведевцев вошла в здание посольства Польской Народной Республики в Москве. Посол Народной Польши в торжественной обстановке вручил высокую награду – орден «Виртути милитари» заместителю командира отряда по разведке Александру Лукину. Орденом «Партизанский крест» были награждены бывший командир диверсионной группы отряда Владимир Григорьевич Фролов и бывший разведчик Владимир Иванович Ступин, теперь главный редактор издательства «Искусство». И в этом награждении тоже был отсвет боевой славы, которую завоевал в лесах под Ровно отряд Дмитрия Медведева в грозные годы войны.

В литературе дело Медведева продолжают сейчас его боевые друзья. Александр Лукин в соавторстве с Д. Поляновским написал книги «Сотрудник ЧК» и «Тихая Одесса». Две интересные книги – «Записки партизанского врача» и «Чекист» издал врач отряда Альберт Цессарский. Из книги «Чекист» мы узнаем много биографических подробностей о Дмитрие Медведеве, как формировался его характер.

Книгу «Шла война народная» о подвигах славных разведчиков отряда Медведева написал бывший партизан этого отряда Николай Струтинский. Содержательную книгу «Прыжок в легенду» издал Николай Гнидюк. В ней глубоко показываются тонкости разведывательной работы Героя Советского Союза Николая Кузнецова.

Творчество боевых побратимов Медведева – это думы отважных, бывалых, проверенных в боях людей, их книги учат мужеству, бесстрашию, патриотизму. И каждая новая книга медведевцев является одновременно как бы литературным памятником воспитателю многих славных чекистов – Дмитрию Николаевичу Медведеву – человеку с горячим сердцем, отдавшему всю свою жизнь служению Отчизне.

ВАСИЛИЙ ГЛОТОВ СЫН УКРАИНЫ

Есть такая легенда: «Жил один человек, презиравший жадность и насилие. С людьми он говорил редко: всегда был занят работой. Злые и завистливые говорили о нем: «Он горд и эгоистичен». И некоторые верили. А после смерти этот человек оставил им завещание: «Я любил вас, люди, и желал вам добра. Возьмите и поделите между собой все, что я нажил своим честным трудом».

Эта легенда похожа на жизнь благородного сына Украины Гаврилы Ивановича Осадчего – мужественного и неутомимого солдата невидимого фронта.

Гаврила Иванович любил людей и делал все, чтобы не подвергнуть наказанию честного человека и не проглядеть свирепое лицо врага, прикрытое личиной добропорядочности. Молодым чекистам он нередко говорил:

– Враги ненавидят и боятся нас. Значит, мы действуем правильно. Только не нужно забывать одного положения: чем опытнее агент противника, тем он коварнее и неуловимее. Для разоблачения его мы должны иметь большие знания, терпение и классовое чутье. Враг, как хамелеон, способен перекрашиваться и подделываться под «друга».

Перед войной немецкая разведка усиленно пыталась засылать в наш тыл своих шпионов и диверсантов. Пограничники потеряли счет тревожным ночам, работники органов госбезопасности находились на посту днем и ночью. Гаврила Иванович все реже бывал дома, часто недосыпал, но на усталость никогда не жаловался. Вспоминая эти дни, товарищ Осадчего по совместной работе, Александр Герасимович Лихоузов рассказывает:

– Это были беспокойные дни. Но Гаврила Иванович никогда не отчаивался. Он оставался самим собой: спокойный, волевой, даже немного медлительный, он знал наверняка, какое следует ему принимать решение при разработке и проведении операций.

Началась война. Советские войска отходили на восток. С ними вместе уходил и Гаврила Иванович.

И вот – окружение. Случилось это совсем неожиданно. Его и еще двух чекистов направили на важное задание. Они сели в автомашину и выехали в районный центр.

Был уже вечер. На поля и перелески опускались голубые сумерки, а слева краснел еще огромный кусок неба: там недавно скрылся раскаленный диск солнца. В низинах дымился редкий туман. Навстречу плыла прохлада.

Вскоре впереди показался хуторок, а недалеко от него – танки. Они перерезали дорогу, Гаврила Иванович пристально посмотрел на машины и, взглянув на шофера, сказал:

– Глуши мотор, браток! Нужно сначала узнать, чьи это танки.

– Что вы, товарищ начальник! – улыбнулся шофер. – Я отсюда вижу, что это наши машины. Я вчера был здесь, не могла же наша дивизия уйти за день...

– И все-таки нужно узнать.

– Хорошо! – выключая мотор, проговорил шофер. – Вы подождите в машине, а я схожу и разведую.

– Разрешите отправиться втроем! – обратился к Осадчему младший политрук Иванов.

Глядя из кабины вслед товарищам, он подумал: «Надо спешить. Уже наступает ночь, а до места назначения более десяти километров». И вдруг послышалась длинная раскатистая пулеметная очередь. Шофер и оперуполномоченные словно споткнулись, упали на дорогу. «А может, это предупредительная очередь? – размышлял он. – Подожду». Но товарищи не поднимались. От танков по направлению к машине двинулась группа солдат в комбинезонах. Все было ясно: впереди враг.

Открыв дверцу кабины, Гаврила Иванович скатился в кювет, потом пополз в рожь и, ловко работая локтями и коленями, направился в сторону леса. Позади не раздалось ни выстрела, ни окрика. Значит, фашисты не заметили его.

На опушке леса зачернело несколько домиков. Недалеко от них, в лощинке, сидел мальчик, рядом паслась корова. Осадчий подошел к пастушку. Тот, увидев командира Красной Армии, поднялся.

– Сиди, дружок, сиди! – тихо проговорил Гаврила Иванович, стирая пот с лица. – Немцев нет у вас?

– Пока нет, – ответил мальчик. – А в тех селах уже немцы орудуют. Сейчас я позову отца, он все расскажет.

Подросток скрылся и вскоре подошел вместе с отцом. Подмышкой он держал какой-то сверток. Поздоровавшись, колхозник заговорил медленно, озабоченно:

– Наши ушли отсюда еще в полдень. Теперь немцы заняли и села и дороги. Вот я принес вам комбинезон сына-тракториста. Переодевайтесь и – в лес. Сын-то мой тоже ушел.

– Спасибо! – сказал Осадчий, поверив в доброжелательность нового знакомого. – Последую вашему совету. Надеюсь, мы еще увидимся.

– Конечно! – ответил колхозник. – До свидания!

Четыре ночи и дня пробивался Гаврила Иванович на восток. Голод обессилил его. Он даже не мог перебежать поляну возле большой дороги, по которой немцы гнали задержанных людей на железнодорожный полустанок. Осадчего схватили и втолкнули в группу измученных пленников. Гнали их целый день под палящими лучами солнца. Фашисты пристреливали тех, кто не выдерживал зноя и в обморочном состоянии падал на дороге.

Увидев зверское отношение фашистов к пленникам, Гаврила Иванович напрягал последние силы, шел. «Погибнуть вот теперь было бы очень глупо, – думал он. – Я должен сражаться с врагом. Слишком много уже они пролили нашей крови». Рядом идущие товарищи поддерживали его под руки, и он продолжал идти в неизвестность.

Жара спадала. А перед закатом солнца их привели к лагерю и загнали за колючую проволоку. Прошел день, второй. Люди изнывали от жажды и голода. Наконец, подошел молодой унтер-офицер, с улыбкой посмотрел на узников и сказал:

– Кто хочет есть – пусть завтра утром выходит на работу. Вот эти штабеля бревен нужно перенести к железной дороге.

На рассвете началась трудная работа. В напарники Гавриле Ивановичу попался молодой, сильный парень. Кругом расстилалось большое кукурузное поле, за ним – лес. Несколько тяжелых бревен уже отнесли они на полустанок. На обратном пути срывали кочаны кукурузы и жадно съедали их. В обеденный тридцатиминутный перерыв конвоиры выдали им по кружке сырой воды и по сто граммов черного хлеба. Теперь Гаврила Иванович хорошо уже знал своего напарника, спросил его:

– Скажи, Микола, ты хочешь жить?

– Конечно! – ответил парень. – Кто же не хочет жить?

– Тогда бежим, – тихо предложил ему Осадчий. – Здесь через два дня мы погибнем. Одно спасение – бежать! Только давай сразу договоримся: ты моложе меня и должен выполнять мои указания. Обстановка сам видишь какая.

Микола согласился. Вечером, когда в полях сгустились сумерки, а охранники тоже уже еле передвигали ноги, Гаврила Иванович и Микола донесли до места очередное бревно и, бросив его, нырнули в кукурузу. Никто не окликнул их. Пригибаясь, они побежали от полустанка на север, изредка останавливались и прислушивались, нет ли за ними погони. В конце кукурузного поля Осадчий решил передохнуть и дожидаться полной темноты. Вскоре послышался немецкий говор, очевидно, солдаты фашистской охраны шли принимать посты. Потом раздался лай собак. Это было так близко, что Осадчий перевел дыхание и мысленно сказал себе: «Теперь все! Кончились наши мучения».

Но к их удивлению, разговор, который они только что слышали, начал постепенно удаляться. Значит, фашисты прошли мимо. Теперь – скорее в лес! Микола ни на шаг не отставал от Осадчего. Шли всю ночь. На рассвете недалеко в стороне показалось большое село с церквушкой. Микола неожиданно остановился. Несколько минут он задумчиво смотрел на домики, потом твердо сказал:

– Нет, дальше я не пойду!

Гаврила Иванович насторожился.

– Почему не пойдешь, Микола?

Парень кивком головы показал на село.

– Дом ждет меня. Отсюда вижу его. Одна мать осталась, и та больная. Разве можно уходить от своего очага?

– А где же немцы тебя схватили?

– На станции, – объяснил Микола. – Мать попросила съездить в город за теткой, перед смертью, видно, повидаться хотела. Не знала она, что беда ожидала меня. – Он опустил голову, тяжело и протяжно вздохнул. – Так что придется вам, Гаврила Иванович, идти теперь одному.

Не страшитесь, тут начнутся сплошные леса, а дорога проходит по южной опушке. Не выходите на нее, поймают немчуги и снова запроторят в лагерь. Возьмите вот коробку спичек. В пути пригодятся. Завел бы вас в село, но боюсь: немцы могут быть там. Я уже пятый день путешествую. Спасибо за помощь!

– Ну что ж, прощай, Микола! Смотри, снова не попади в лапы фашистам. Видал, как они обращаются с нашим братом...

– Ничего, дома и камни помогают.

Они расстались. Много дней потом пробирался Гаврила Иванович к линии фронта. В пути он сильно похудел и оброс. Белье и одежда пропотели и стали грубыми. Питался овощами и ягодами. Дошел до изнеможения. Наконец, встретила на пути маленькая, глухая деревушка. Осадчий с трудом добрался до крайнего сарайчика и упал от бессилия. Вечером пожилая, скорбная хозяйка вышла доить корову и увидела его. Подошла, расспросила, кто он и откуда.

– Не ты, сынок, первый проходишь здесь, – сокрушенно проговорила хозяйка. – Сколько горя и слез кругом. Никого не обошла война!

Подойдя к корове, она помогла Осадчему зайти в комнату, покормила. Потом растопила печку, поставила греть воду и принесла из кладовки большое корыто.

– Помыться надо тебе, – сказала хозяйка. – А то от грязи еще больше заболеешь. Не стесняйся, снимай свой малахай. После я постираю все, а пока наденешь белье моего сына.

– Спасибо, Мария Антоновна!

Гаврила Иванович остался у доброй крестьянки на излечение. Прошла неделя. Заботливая хозяйка внимательно присматривала за ним. Фашистов в селе не было, а заходившие соседи знали Гаврилу Ивановича как родственника хозяйки, чуткой и доброй матери солдата.

Несколько раз в эти дни вспоминал Осадчий свои детские, далеко не радостные годы и свой дальнейший жизненный путь. Небогато жил родитель Гаврилы Ивановича. Хлеба своего никогда не хватало, и отец вынужден был уходить ни зарботки. Рано познал труд и молодой Осадчий. В 1919 году он добровольцем ушел в Красную Армию, сражался с полчищами Деникина, под Воронежем получил тяжелую контузию. В армии учился на разных курсах, а в 1923 году, после демобилизации, его направили на Кавказ на должность оперуполномоченного ОГПУ. Работа была беспокойная и ответственная, но Гаврила Иванович находил время и на учебу. После освобождения западных областей Украины Осадчего, как хорошо знающего нефтедобывающее дело, перевели в Дрогобыч. Каждую нефтяную вышку знал он в Бориславе, в каждом домике были у него знакомые и верные товарищи.

Так было. А теперь Гаврила Иванович лежал на койке и с болью вспоминал минувшие дни. В конце второй недели он почувствовал, что может уже подниматься с койки. Однажды утром сказал хозяйке:

– Пора мне уходить, Марья Антоновна.

– Не спеши, сынок, – забеспокоилась она. – Фронт еще далеко. Встань покрепче на ноги, потом и пойдешь. Вечером я позову надежных людей, они расскажут, как тебе лучше и безопаснее пройти к своим, а может, и напарник найдется...

Через несколько дней Гаврила Иванович благополучно перешел линию фронта и влился в ряды своих боевых товарищей. Снова началась напряженная работа, потянулись беспокойные дни и ночи. Храбро шагал он на запад по дорогам родной Украины. На груди его появилась уже награда – орден Красного Знамени. Побывал он и у доброй колхозницы Марии Антоновны, порадовал ее скромными подарками. А еще через месяц он вместе с начальником выехал на хуторок, где когда-то встретил доброжелательного колхозника, предложившего ему комбинезон сына. Но вместо хутора перед ними чернело печальное пепелище, а у закопченного и покалеченного остова печки стоял седой старик. Он сразу узнал Гаврилу Ивановича, обрадовался.

– Я знал, что вы вернетесь, – сказал он. – А мне... видите, какое горе фашисты оставили.

– Тяжело вам, – с участием прикоснулся к плечу колхозника Гаврила Иванович. – Ничего, все наладится. Я рад, что вы живы и здоровы. Война идет к концу. Добьем фашистов, а тогда будем раны залечивать. Исчезнут и эти руины.

– Это так. Люди наши все могут сделать.

Шло лето 1944 года. Красная Армия продвигалась к границам Родины, освобождая последние города и села. Над ратушей Львова заалело знамя свободы. Вырван был из плена и

Дрогобыч. Гаврилу Ивановича Осадчего откомандировали в органы госбезопасности на пост начальника оперативного отдела.

– Оставайся в Дрогобыче, а мы пойдем дальше, – сказали ему фронтовые товарищи. – Город тебе знаком, работай!

И он начал работать. До войны много было у него знакомых и в Дрогобыче, и в Бориславе, и в Николаеве. Теперь почти никого не осталось: одни ушли с Красной Армией, другие погибли. Опять начались бессонные ночи, бесконечные командировки в район. Кругом – запустение и руины. Сколько надо сил, чтобы наладить жизнь городов, транспорта, сельского хозяйства!

Фронт отодвинулся далеко на земли многострадальной Польши. В городах и селах области свирепствовали банды украинских буржуазных националистов. Они зверски убивали активистов, поджигали общественное и государственное имущество, запугивали местных жителей. Присмотревшись к обстановке, жена Осадчего Валентина Андреевна с тревогой сказала мужу:

– Я не хочу, Гаврила, чтобы дети остались сиротами, а я вдовой. Береги себя. Мы почти не видим тебя дома.

– Что ты этим хочешь сказать, Валя?

– Боюсь за тебя, – всхлипнула жена. – На фронте враг виден, а тут стреляют из-за угла. Ты хотя бы переодевался, когда выезжаешь на операции.

– Ах, вот ты о чем! – улыбнулся Гаврила Иванович, пытаясь успокоить жену и детей. – Значит, ты мне предлагаешь вместо фуражки надевать соломенную шляпу, а вместо оружия брать зонтик? Так не пойдет, дорогая моя! Чекистам не к лицу бояться врагов. Да и не так страшен черт, как его малюют! Националисты запугали людей, а мы должны отогнать от них страх, защитить их, сказать им правду.

– Смотри, Гаврюша!..

Обстановка была действительно сложной и тяжелой. Люди боялись заходить в леса, страшились темноты и одиночества. Но много было и смелых, преданных делу людей. Горожане начали браться за работу, налаживать хозяйство. Однажды поздно вечером в кабинет Гаврилы Ивановича сотрудники провели старика. Оглядевшись, он назвал себя и положил на стол документы. Осадчий предложил ему стул.

– Я вас слушаю, – взглянул он на крестьянина.

– Давно я собирался к вам, но все боялся, – глуховато и сбивчиво проговорил старик. – Но что-то надо делать. Вся жизнь моя прошла в работе на пана, а детям я не хочу такой жизни. Националисты обманывают нас, обещают много, а тянут опять к панам. Вот я подумал и пришел к вам.

– Правильно сделали. Советскую власть вы уже знаете по довоенным годам. Никаких панов у нас не будет. Не будет и националистов! Не за то мы проливали кровь, чтобы трудовой люд опять гнул спину на богатеев.

– Верно, верно, товарищ начальник!

– Мы знаем, что в области действует крупная оуновская банда. Знаем, что руководит этой бандой бывший уголовник Н. Еще до войны он прошел шпионскую школу в фашистской Германии. На фашистов он и работает.

– Я знаю, где находится эта банда, – совсем тихо проговорил старик. – В Николаевских лесах она прячется. В селах националисты отбирают у крестьян продукты, скот. Много горя причиняют они людям. Я все расскажу вам, все!

Через несколько дней показания старика подтвердили и другие горожане и сельские жители. Нужно было действовать немедленно. Создалась оперативная группа, в которую вошли Гаврила Иванович Осадчий, начальник Николаевского райотдела НКГБ подполковник Гудков и другие офицеры. Разработали план операции.

В один из осенних дней чекисты и пограничники окружили лес и предложили бандитам сдаться. Но они открыли огонь, а потом стали разбегаться. Это их не спасло: почти все были схвачены. Одного из националистов Гаврила Иванович спросил:

– За что вы воюете?

– За самостоятельность Украины, – ответил тот.

– А люди хотят этого?

– Не знаю, – опустил голову парень. – Мне сказали, что если я не буду помогать им, то они

убьют меня...

Теперь нужно было выловить остатки банды, а самое главное – обезвредить руководителя. Сдавшиеся показали чекистам, где находится основной схрон. На второй день оперативная группа снова вышла в лес. Гаврила Иванович приказал подчиненным первыми не стрелять. «Эти обманутые люди поймут свое заблуждение, – думал он, – и сложат оружие. А тогда будут трудиться, как трудились они и раньше, до войны». Приблизились к схрону. Он был тщательно замаскирован: на нем росла трава, зеленели молодые деревья. Чекисты опять предложили националистам сдаться. В ответ из схрона полетели гранаты, застрочили пулеметы и автоматы. Несколько воинов было ранено. Теперь стало ясно, что без крови не обойтись. Гаврила Иванович еще раз крикнул:

– Сдавайтесь! Иначе – стреляем.

И опять в ответ – огонь. Ну, если враг не сдается – его уничтожают! В схрон полетели гранаты. Уцелевшие бандиты с поднятыми руками выходили из своего логова. В схроне потом были найдены радиопередатчики и фотоаппараты, оружие, пачки советских денег, фашистское обмундирование, пишущие машинки и стеклографы.

Проходили дни, месяцы, годы. Труженики западных областей Украины убедились в обмане агентов империализма, твердо пошли по новой дороге, вместе со всеми тружениками Советской страны. Заросли чертополохом бандитские схроны, преобразились города и села. Поднялись к небу вышки шахт, вырос красавец город Червоноград, расправил свои широкие плечи Раздол. Изменил свое лицо и древний украинский город Львов. Дети бывших бедняков стали инженерами и врачами, строителями и офицерами Советской Армии, агрономами и педагогами, шахтерами и железнодорожниками. Главари национализма утратили поддержку обманутых имя когда-то людей. Всем сердцем восприняв Советскую власть, они твердо сказали: «Страшному былому не бывать!» Порвав со старым, они активно включились в строительство новой жизни в своем родном крае, вместе со всеми трудящимися западных областей Украины умножают достояния нашей республики, своей родной Советской Отчизны. Они часто добрым словом вспоминают тех, кто помог им выйти на светлый путь новой жизни. Среди них – и имя Гаврилы Ивановича Осадчего.

НИКОЛАЙ ДАЛЕКИЙ «ШКВАЛ»

Вечером 31 марта 1945 года четыре транспортных самолета поднялись с аэродрома и взяли курс на Прагу. Диверсионно-разведывательная группа «Шквал» – восемнадцать человек – вылетела на задание. На первом и втором самолетах находились люди, остальные были загружены «багажом».

Командир группы Николай Иванович Григорьев летел в головном самолете. Было темно.

Все сидели молча. Командир знал, о чем думают его товарищи, так как и сам он думал о том же, в тылу врага их ждут всевозможные опасности. Там, на земле, многое, если не все, будет зависеть от их воли, выносливости, сообразительности, смелости. В самолете, на первом этапе выполнения задания, их судьба полностью зависела от искусства летчиков.

Удастся ли им пересечь линию фронта? Сбросят ли группу точно в то место, где она должна обосноваться? Эти два вопроса тревожили каждого. Все остальное казалось менее важным.

Линия фронта обозначилась дрожащими, точно зарницы, отсветами, а когда подлетели ближе – густыми вспышками огней. Была красивой эта беспорядочная «иллюминация», и казалось, что люди там внизу, на земле, не воюют, а празднуют.

«Неужели будут замечены в черном небе наши самолеты, идущие с потушенными бортовыми огнями?» – подумал Григорьев и тут же увидел, как почти одновременно темноту прорезали три расширяющихся кверху голубых столба. Они быстро зашарили в небе, и вдруг в окно ворвался ослепительный свет и стали видны сгорбившиеся фигуры десантников с напряженными лицами. Самолет сильно накренился, вырвался из луча, но через две-три секунды его уловил луч второго прожектора. И началось метание вверх-вниз, в стороны, от которого захватывало дух, сжималось сердце.

Пилот маневрировал, стараясь увернуться от лучей прожекторов. Самолет то попадал в полосу беспощадно яркого света, то нырял в спасительную темноту. Били немецкие зенитки. Григорьев припал к окошечку. Страшно было смотреть на близкие разрывы снарядов, на покачивающиеся голубые столбы лучей, на тянувшиеся вверх нити трассирующих пуль. Томительные секунды, минуты... Самолет движется немыслимыми зигзагами, стараясь вырваться из паутины смерти, упрямо идет вперед.

Казалось, этому не будет конца. Земля, искрящаяся вспышками, медленно уходила назад. Разрывы стали реже, лучи прожекторов наклонились вслед самолету и начали гаснуть один за другим. Кромешная тьма. Самолет перестало бросать из стороны в сторону. Из кабины летчиков вышел бортмеханик, бодро крикнул:

– Поздравляю, товарищи! Пронесло!

– Как остальные самолеты? – спросил Григорьев.

– Порядок, идут за нами.

Теперь, когда линия фронта осталась позади, все мысли сосредоточились на предстоящей выгрузке. Летчики были опытными, не раз выполняли такие трудные задания, но ведь всегда могут возникнуть непредвиденные осложнения. Не так-то легко сориентироваться ночью на незнакомой местности. Стоит немного отклониться от курса, перелететь или недолететь, и группа с первых же минут после приземления может оказаться в очень тяжелых условиях.

«Главное, чтобы никто не замешкался в самолете, и все спрыгнули своевременно», – думал Григорьев. Ему невольно вспомнился один случай. В тыл к немцам полетели два наших разведчика. Тот, кому пришлось прыгать вторым, задержался в самолете, проверяя подгонку снаряжения. Его отнесло на семь километров, и разведчики потеряли много времени, разыскивая друг друга.

Маленький отряд Григорьева состоял из хорошо проверенных и обученных людей. Среди них были представители семи национальностей – украинцы, русские, татарин, азербайджанец, поляк, немец и испанец. Все они имели за плечами немалый боевой опыт и зарекомендовали себя как храбрые, находчивые партизаны, подпольщики, разведчики. Так, например, Исмаил Емелдинов, татарин по национальности, испытал муки фашистского плена, бежал из лагеря и затем командовал созданным им партизанским отрядом. Комсомолец Василий Власюк начал партизанить в одиночку, а затем, попав в отряд, прославился как бесстрашный минер. На счету у него было несколько десятков подорванных эшелонов. Медсестра Зоя Васина сумела выскочить из вагона, когда ее вместе с другими девушками везли на немецкую каторгу. Она нашла польских патриотов и отличилась храбростью, участвуя вместе с ними в боевых операциях против гитлеровцев.

Григорьев подумал о том, как удивительно изменила война судьбы многих людей, открыла в них неведомые им самим качества. Он, например, полагал, что будет авиатором. Работая на кузбасской шахте маркшейдером, закончил школу летчиков при аэроклубе, сделал два прыжка с парашютом. Казалось бы, прямая дорога в авиацию. Но перед погрузкой в воинский эшелон

вдруг вызвали двоих – его и еще одного лейтенанта: «Пойдете в школу чекистов».

Учиться в школе не пришлось, послали сразу на фронт под Орел, там-то он и учился ловить шпионов, засылать в тыл врага своих разведчиков. Там он понял, на какое геройство способны простые советские люди – женщины, старики, подростки, те, кого гитлеровцы менее всего могли заподозрить.

Они подрывали поезда, вели разведку, гибли в бою и фашистских застенках. Многие из них, выполнив задание, встретили своих в освобожденном разбитом Орле.

Григорьев вспомнил одну из таких встреч.

На площади города среди дымящихся руин женщина, жена советского командира, рыдала у него на плече. Несколько месяцев она со своим отцом, семидесятилетним стариком, «работала» на немцев, передавала советскому командованию важную информацию о силах противника.

– Ну, ну, все кончено, все страхи позади, – сказал Григорьев, стараясь успокоить разведчицу.

– Разве в этом дело, товарищ лейтенант? Тяжело, когда свои люди считают тебя предательницей.

Да, многих посылал он в тыл врага. Сейчас полетел сам...

Снова вышел бортмеханик.

– Минут через восемь будем над местом высадки.

Славные ребята, эти летчики. Один оказался земляком. До войны был артистом кузнецкого театра. Николай Иванович несколько раз видел его на сцене. Теперь бывший актер вел головную машину.

Внизу что-то блеснуло. Наверное, речка.

– Приготовиться!

Выстроились лицом к двери, друг другу в затылок. Впереди стоял командир, он должен был прыгать первым. За ним – Зоя.

Дверь открыли.

– Счастливо, товарищи!

Григорьев оторвался от самолета. Он падал лицом к земле, ощущая тугое сопротивление воздуха, отсчитывая секунды. О, эти семь томительных секунд! И еще одна, самая ужасная, после того, как дернул кольцо, – ведь парашют может и не раскрыться. Бывали случаи...

Рывок! Порядок. Посмотрел вверх – невдалеке белеет смутным пятном второй купол. Поднес к глазам руку, стрелки на светящемся циферблате показывали 23.30. Пока все идет нормально...

*

Постовой, зажав между коленями карабин, сидел на ступеньках у входа в полицейский участок. Это был пожилой чех, страж закона и порядка, уже успевший с тех пор, как гитлеровцы оккупировали Чехословакию, не раз проклясть и закон, и порядок, и свою собачью службу. В самом деле, всю жизнь добросовестнейшим образом выполняя обязанности рядового полицейского, он никого не оговорил понапрасну, не брал взятки, не подличал, а когда дело идет к старости, совершенно неизвестно, кто будет платить ему пенсию. И еще вопрос – будут ли платить вообще? Не исключено, что всех, кто остался служить при гитлеровцах, посадят в тюрьму. Возьмут, так сказать, на полное государственное обеспечение. Узнаешь вкус тюремной похлебки...

Мысли полицейского оборвал шум, похожий на шелест листвы при внезапном порыве ветра. Он торопливо вскочил на ноги. Что-то большое, круглое, белое опускалось на него с неба. Он успел увернуться. Удар о землю, треск забора. Перед самым участком оседало, пузырясь, белое полотнище.

Полицейский осенил себя крестным знамением, тронул полотнище. Мягкая шелковая ткань скользила между пальцами – парашют. Полицейский нашел стропы и, перебирая их, добрался до хорошо увязанного тяжелого тюка. Он вспомнил, что несколько минут назад слышал гул пролетавшего самолета. Слышал, но не придавал этому никакого значения – мало ли сейчас днем и ночью летает самолетов! Теперь, глядя на тюк, он догадался, чьи самолеты пролетели над лесом,

находящемся вблизи Праги. И нужно же было этому тюку свалиться именно сюда. Чертыхаясь, полицейский пошел будить дежурного. Унтер-офицер, выслушав рапорт, недовольно хмыкая, долго осматривал тюк, стараясь не подходить к нему близко.

– Черт знает что! А может быть, это немецкий? Сходи-ка ты к начальнику... Пусть он решает.

Поднятый с постели, начальник явился только через час. Он не спешил и всю дорогу ругался, кляня самолеты и таинственные «подарки» с неба. Громкие, раздраженные комментарии начальника разбудили людей, живших по соседству с участком.

Наконец он направился в дежурную комнату, уселся рядом; с телефоном, закурил и грозно оглядел подчиненных.

– Когда вы заметили эту чертову штуку?

– В полночь.

– Почему не сообщили мне немедленно? Сейчас начало третьего.

– Я сразу же... – начал было дежурный, но начальник оборвал его.

– Сразу же, сразу... Дрыхнете здесь, а мне отвечать. Что прикажете говорить немцам? Что мои люди спали, обнаружили русский парашют с грузом только через три часа после того, как он свалился на их головы? Так, что ли?

– Мы были взволнованы и не посмотрели на часы...

– Всегда вы меня подводите, – начальник с отвращением посмотрел на телефон. – Теперь не оберешься неприятностей. Не могли тихонько оттащить эту штуку куда-нибудь в лес...

Дежурные полицейские растерянно переглянулись. Ну, как им не пришла в голову такая великолепная идея?

– Сейчас поздно... – хмуро сказал начальник. – Разбудили соседей, полдеревни знает. Нужно звонить...

Но звонить он не стал, а повел подчиненных на опушку.

– Запомните это место. Ясно?

Когда вернулись в участок, начальник выкурил еще одну сигарету, взглянул на часы и ленивым жестом взял трубку.

– Господин гауптштурмфюрер? Извините, что разбудил. Срочно сообщаю: только что мы обнаружили парашют с грузом. Да. Мы нашли его за деревней, у леса. Да. Сейчас он находится в нашем дворе. Слушаюсь!

Начальник опустил трубку.

– Слышали? Только что обнаружили... И если кто-нибудь из вас проговорится... Ясно? А сейчас подымайте по тревоге остальных полицейских. Чтобы до появления гауптштурмфюрера все были на месте.

*

Приземление было неудачным. Купол парашюта накрыл верх могучего дуба, росшего на склоне холма. Григорьев повис в воздухе. Все попытки подтянуться к стволу дерева или обломать ветвь, сорвать с нее парашют ни к чему не привели. Он начал резать стропы. Другого выхода не было. Последний строп лопнул под ножом... Падал как в бездну. Наконец сильный удар о землю, снопы искр в глазах. Григорьев, закусив губу, чтобы сдержать стон, поднялся, ощупал себя. Цел, только ушибся.

Первая и самая ответственная задача – собрать людей и багаж. Николай Иванович сориентировался по компасу и побрел по темному лесу в западном направлении, тихо окликая товарищей. Вскоре отозвались Ойцев и Васина.

Начал брезжить рассвет. С Григорьевым было уже семь человек. Двое из них во время полета находились во втором самолете.

А «багаж»? Двадцать пять мешков с боеприпасами, взрывчаткой, продовольствием, медикаментами, запасными батареями к рации. Все это нужно было найти и немедленно спрятать.

В лесу, на холме, стояла высокая деревянная пожарная вышка. Григорьев поднялся и увидел в бинокль парашюты, повисшие на деревьях. словно белые гигантские ромашки расцвели над темным лесом... Командир отряда быстро набросал на листе из блокнота схему

расположения парашютов и, разбив людей на три группы, отправился на поиски остальных десантников и груза.

Вскоре он увидел на лесной дороге три фигуры. Навстречу ему шли мужчина и два мальчика. Это были местные жители, Григорьев вышел на дорогу.

– Кто вы?

– Лесник, – ответил мужчина по-чешски. – Это мои сыновья.

...Первая встреча с чехами. Лесник рассказал, что один парашют с грузом шлепнулся прямо во двор полицейского участка, вызвав немалый переполох. Лесник услышал об этом, смекнул в чем дело, и тотчас же отправился искать русских парашютистов.

Помощь первого чешского добровольца была как нельзя более кстати. Он указал, где и на каком расстоянии находятся окрестные села, городки, показал на карте место нахождения отряда. Столица Чехословакии – Прага – находилась отсюда в пятнадцати километрах.

В то же утро лесник оказал еще одну неоценимую услугу русским парашютистам. Лес, в котором они оказались, пересекался множеством дорог и троп, тянувшихся к населенным пунктам. Местность здесь была холмистой, встречались густые заросли. Все же находиться долго в одном и том же месте было рискованно. Но как определить, с какой стороны следует ожидать опасность? Лесник понял Григорьева...

– Прячьте парашюты, – сказал он, – я расставляю хлопцев, чтобы они наблюдали, а сам сяду на велосипед, объеду вокруг (я ведь должен объезжать свой участок), погляжу, не появились ли немцы, и сейчас же дам вам знать.

Часа через три все парашюты с грузом, за исключением того, что упал во двор полицейского участка, были найдены и спрятаны. За это время к отряду присоединилось еще шесть парашютистов. Не хватало четверых. Не исключено, что с ними произошло какое-нибудь несчастье... Товарищей нужно было найти во что бы то ни стало и как можно скорее. Григорьев оставил при себе несколько бойцов, остальных послал на поиски. Сам командир направился к тому месту, куда должен был прибыть после разведки лесник. Там, замаскировавшись среди камней, дежурил боец.

Ждать чеха пришлось недолго. Он приехал на велосипеде по узкой тропинке. По раскрасневшемуся, встревоженному лицу лесника катился пот.

– К полицейскому участку начали прибывать машины с немецкими солдатами.

Этого следовало ожидать. Полицейские, обнаружив парашют с грузом, боялись сунуть нос в лес, но, конечно, сообщили о происшествии гитлеровцам. Григорьев сердечно поблагодарил лесника, условился, где они встретятся вечером, и пошел к месту сбора группы.

Тут его ждала радостная весть – нашлись Власюк и Емелдинов. При приземлении Исмаил угодил на камни и повредил ногу. Власюк не оставил товарища в беде и на плечах тащил его по лесу, пока не наткнулся на своих. Емелдинову уже сделали перевязку, положили на самодельные носилки.

Вскоре вся группа собралась и двинулась дальше.

*

Рота гитлеровцев полдня старательно прочесывала лес, но никого и ничего не нашла. Группа быстро отходила в западном направлении. Мимо пробежали дикие козули, испуганные автоматными очередями, которыми солдаты фюрера щедро осыпали подозрительные кусты.

Так началась продолжавшаяся более месяца игра в «кошки-мышки». Почти каждый день гитлеровцы устраивали облавы на горсточку советских разведчиков, но те, предупрежденные друзьями из чешского населения, уходили от карателей или незаметно продвигались вслед за ними. Принять открытый бой с врагом означало пойти на самоуничтожение. Поэтому отряд все время, за исключением трех-четырех часов, отведенных на сон, был в движении.

Вскоре гитлеровцы на своей шкуре почувствовали удары неуловимых разведчиков. Один за другим были взорваны два эшелона с живой силой и боевой техникой врага. Несколько десятков гитлеровских солдат и офицеров были уничтожены из засады. При этом группа не потеряла ни одного человека. Собственно, она, пополнившись добровольцами – чехами, превратилась в небольшой, но хорошо организованный отряд, который не только совершал диверсии, но и вел широкую разведывательную работу, добывая важные военные и

экономические сведения о вражеской группировке, находящейся в районе Праги. Рация работала каждый день, и каждый день на Большую землю шли зашифрованные донесения.

Советские разведчики действовали смело и дерзко. Григорьев, оценивая сложившуюся обстановку, понимал, что как бы отряд ни досаждал гитлеровцам, они уже не в состоянии выделить достаточные силы для того, чтобы окружить и прочистить лес. Для этого потребовались бы полки, но они нужны были на Восточном фронте. Что касается мелких отрядов карателей силами в одну-две роты, ежедневно посылаемых на розыски неуловимых русских парашютистов, то они не были страшны. Группа уходила от преследования, путала свои следы и снова устраивала засады. Она умело выполняла главное правило партизанской тактики: не обороняться, а нападать.

Одной из важных задач для группы «Шквал» были диверсии на железной дороге. Лес пересекала двухколейная магистраль, от которой шли ответвления на Пльзень, Пшибрам, Бороун. По ней в Прагу и обратно мчались поезда с войсками, техникой, награбленным имуществом.

Нужно было во что бы то ни стало закупорить эту дорогу. Взрывчатки было мало, и расходовать ее приходилось очень экономно. Вначале Григорьев полагал, что несколько пущенных под откос эшелонов создадут надежную пробку на дороге. Однако специальные технические команды гитлеровцев довольно быстро научились расчищать пути, и через сутки-другие движение на дороге возобновлялось. Тогда командир поставил перед подрывниками задачу: одним ударом надолго вывести магистраль из строя.

Самым подходящим местом для такой диверсии был железнодорожный мост через реку Бороунку длиной в 250 метров. Он находился недалеко от Праги и усиленно охранялся. Охрана, конечно, была предупреждена, что вблизи действуют советские диверсанты. Поэтому она несла службу особенно бдительно.

Риск был велик, операция могла закончиться неудачей. И все же минеры Исмаил Емелдинов, Василий Власюк и Петр Ойцев единодушно подтвердили, что лучшего объекта для диверсии не найти.

Решено было попытаться взорвать мост. Это труднейшее задание должна была выполнить группа из десяти человек, которой руководил Исмаил.

Обстоятельства складывались не в пользу советских минеров: времени для тщательной подготовки и разведки у них не было, а погода, как на зло, установилась хорошая, безветренная. Ночью на небе то и дело выглядывала из-за реденьких туч луна. Тем не менее откладывать операцию до лучших времен командир не собирался.

Емелдинов с минерами сделал все за одну ночь. Еще днем он получил от друзей-чехов технический эскиз моста, схематическую карту расположения постов, проволочных заграждений, караульного помещения, а также график смены караула. С наступлением темноты группа произвела разведку на месте. После обсуждения различных вариантов пришли к выводу, что прежде всего необходимо попытаться незаметно и бесшумно снять часового, пост которого находился на левом берегу. Убрать часового вызвался Василий Власюк.

Выждали, пока будет произведена смена караула. На посту появился новый часовой и начал прохаживаться взад-вперед.

К этому месту и подполз Власюк.

Емелдинов со своей группой находился метрах в семидесяти от полотна железной дороги. Припав к земле, подрывники следили за товарищем, который медленно и бесшумно продвигался вперед среди кустиков травы и небольших камней. Хорошо была видна им и фигура часового, движущегося точно маятник – тридцать шагов в одну сторону, тридцать – в другую.

Василий был уже близко у цели. Ему оставалось проползти всего пять-шесть метров – преодолеть неглубокую, тянущуюся вдоль полотна выемку и взобраться на невысокую насыпь, к росшему там небольшому кусту. Добравшись к выемке, Власюк замер, ожидая, когда из-за колючей изгороди появится часовой. Внезапно потемнело – луна спряталась за плотной тучкою. Едва различимая фигура часового появилась у куста и медленно двинулась назад. Казалось бы, все происходило, как и предполагалось. Василий дополз до насыпи. Вдруг у столбов с колючей проволокой появился часовой, неизвестно почему вернувшийся назад. В этот момент минер находился внизу у полотна и не видел часового. Он полагал, что «маятник» все еще движется в другую сторону, удаляется от него. И Власюк вплотную придвинулся к кусту.

Товарищи минера затаили дыхание. Луна, как на грех, начала выползать из-за тучи, заливая землю своим сиянием.

– Часового на мушку. Приготовиться, – прошептал Емелдинов.

Нужно было открывать стрельбу по солдату, спасти товарища. Это означало, что операция по взрыву моста сорвалась.

К счастью, Власюк услышал шаги часового и замер. Вдруг у него под ногой шевельнулся какой-то камушек, зашуршал, скатываясь вниз.

– Хальт! – крикнул часовой, вскидывая автомат.

Но не выстрелил. Гитлеровский солдат, видимо, не мог поверить, что кто-нибудь решится ползти к нему, когда кругом светло. Он поднял камень и на всякий случай швырнул его в куст. Камень оцарапал щеку Власюка, но минер не проронил ни звука. Он лежал, прижавшись телом к насыпи, сжимая в руке пистолет. Куст отбрасывал на него густую тень.

От попытки бесшумно снять часового пришлось отказаться, но Власюк не был обескуражен неудачей. Вернувшись к своим, он предложил новый план. По этому плану предполагалось проникнуть к мосту по воде.

Центральная ферма моста опиралась на два железобетонных быка. Посты часовых находились над этими подпорами. К одной из них и хотел пробраться Власюк. Емелдинов одобрил план минера. На помощь Власюку он выделил Петра Ойцева, Сергея Мишуру, Аслана Ибазова.

Притащив к речке найденную во дворе крестьянской усадьбы длинную лестницу, минеры положили на нее водонепроницаемые пакеты со взрывчаткой и, выждав подходящий момент, поплыли рядом с импровизированным плотом к мосту. Остальные засели на берегу, чтобы при необходимости прикрыть товарищей огнем.

Чтобы понять, на какой риск шел Власюк со своими боевыми друзьями, нужно представить обстановку той весенней ночи. Тишина. Слышен плеск воды на каменном перекате. Свет луны проникает сквозь редкие тучи. Фигуру человека, если он движется, можно различить на расстоянии ста метров.

Несомненно, часовой еще издали мог бы заметить на воде странный длинный предмет, плывущий к мосту, и если бы он внимательно присмотрелся, то наверняка заметил бы головы плывущих людей и немедленно поднял бы тревогу.

Однако часовой ничего не увидел и не услышал. И вовсе не потому, что был недостаточно бдителен. Власюк учитывал психологический момент. Он со своими товарищами оттолкнул от берега лестницу-плот только когда послышался шум приближающегося эшелона. Минер знал, что с этой минуты внимание часового будет приковано к эшелону. Он рассчитал точно: когда паровоз, роняя искры, влетел на мост – лестница подплыла к быку. Гудел, стонал мост под тяжестью вагонов, ритмично грохотали колеса на стыках. Часовой глядел на мелькающие вагоны, а в это время подрывники, стоящие на приставленной к быку лестнице, подавали Власюку пакеты со взрывчаткой, которую он укладывал под цилиндр-шарнир, державший фермы моста. Поднимая голову, минер видел над собой часового, стоящего на деревянном настиле.

...Укладывались последние пакеты. Поезд прошел, но грохот еще стоял в ушах часового. В распоряжении Власюка еще несколько секунд. Взрыватели вложены. Готово! Теперь нужно притаиться и ждать следующего поезда.

Медленно течет время, и громко стучат в груди сердца: «Как бы не случилось чего в последний момент...» Но вот послышался далекий ритмичный стук колес. Власюк раздавил пальцами стеклянные стержни в химических карандашах-взрывателях, вставил их в гнезда и спустился вниз. Как только следующий поезд загремел по мосту, минеры сбросили лестницу в воду и поплыли к берегу.

Ровно через двадцать минут раздался взрыв. В это время минеры были уже в безопасном месте.

Утром на разведку к мосту был послан местный житель-чех, работающий на железной дороге путевым мастером и знающий немецкий язык. Его возвращения ждали с большим нетерпением: взрыв состоялся, но никто из минеров не мог с уверенностью сказать, насколько серьезно поврежден мост.

Путевой мастер сообщил, что на место диверсии прибыла комиссия, состоящая из

немецких военных инженеров во главе с полковником. Она пришла к выводу, что для восстановления моста потребуется не менее двадцати дней.

Так «Шквал» пронесся лунной ночью над рекой Бироункой, оборвав важную линию коммуникаций гитлеровцев.

Немцы довольно энергично взялись за восстановление моста. Ремонтные работы велись круглосуточно. Пользоваться этим мостом им уже не пришлось. Опоздали. В Прагу на помощь восставшим чехам прибыли советские танкисты.

Группа оправдала свое название. Она была невелика, но наши разведчики сумели найти на чешской земле много верных друзей, которые бескорыстно помогали им и мужественно сражались плечом к плечу против общего врага. На боевом счету у группы – поврежденный мост на важной магистрали, взорванные эшелоны, 269 убитых и раненых, 208 взятых в плен вражеских солдат и офицеров. Все это сделано за сорок дней – последних дней войны, когда враг, чувствуя свою близкую гибель, сражался особенно фанатично и жестоко. Сорок дней непрерывного физического и психического напряжения!

И вот советские парашютисты – эти бесстрашные люди, при упоминании о которых у гитлеровцев дрожали поджилки, наконец открыто вышли из леса. Долго будут помнить бойцы группы «Шквал» дружеские пожатия рук, слезы радости и слова благодарности братьев-чехов.

Группа «Шквал», выполнив задание, в полном составе вернулась на Родину. Все восемнадцать человек!

ПЕТРО ИНГУЛЬСКИЙ БАРВИНКОВЫЙ ЦВЕТ

Барвинок стелется низко. Не только корнями, а и стебельками, каждым листочком цепляется за землю. Он не гнется, а только шелестит под ветром; не вянет под солнцем, не боится грозových ливней; его ростки не подвластны лютым морозам.

Барвинковый цвет – это свежие росы, щемяще падающие на сердца людей, это широко раскрытые синие глаза, проникающие в душу человека.

Я часто бывал в Трудоваче на Львовщине, с благоговением останавливался возле обелиска в центре села, и каждый раз на меня смотрели, ко мне обращались синие очи – барвинковый цвет.

«Расскажи о нас людям... Расскажи о нас нынешним комсомольцам, тем, кто водит комбайны, возводит новые здания, учит детей... У нас также были бы дети, может и мы провожали бы сыновей в армию, а дочерей готовили б к венцу... Прошумели над Трудовачем двадцать лет, а нам тогда не всем еще было по двадцать... Пойми нас правильно, товарищ-брат... Не слава нам нужна. Мы хотим всегда быть вместе с вами, жить в ваших сердцах, ваших

делах. Мы – это не только шестерка трудовацких комсомольцев. Мы – это те, чьи имена высечены на обелисках возле сельских Советов, Дворцов культуры, школ...

Те, кто кровью своей окропили ростки новой жизни на западноукраинских землях...

Расскажи, друг, грядущим поколениям, почему мы, сыновья и дочери украинского народа, от деда-прадеда пахари и строители, влюбленные в труд и песню, вынуждены были взяться за оружие даже тогда, когда лютый враг был растоптан в своей собственной берлоге и на Красной площади в Москве, к ногам победителей упали знамена разбитых фашистских полчищ. В нас, комсомольцев второй половины сороковых годов, целились враги с чердаков кулацких хат, лесных тайников, колоколен церквей, целились в то время, когда над миром поднимали зеленые паруса первые послевоенные весны, когда буйно цвели сады, а в рощах влюбленно заливались соловьи.

В песню любви целились бандеровские головорезы.

Барвинок не вытолочь, не искоренить потому, что он стелется низко, каждым листочком, стебельком своим врос в родную землю. Барвинок не гнется, а только шелестит на ветру; не боится грозных ливней; его зелень не подвластна даже лютым морозам...

Расскажи, товарищ-друг, тем, кто не умеет или не хочет находить романтику в буднях, о барвинковой юности – о комсомольцах второй половины сороковых годов, обо всех нас – живых и мертвых, тех, кого народ любовно назвал «ястребками», младших братьях «чоновцев» – сыновьях и дочерях славного и честного чекистского рода.

«Расскажи... Расскажи...»

Рассказываю, как знаю, как умею. По крайней мере, хоть об одном из гордой стаи «ястребков».

Не обессудьте...

*

В Красне, в то время районный центр, я приехал поздно вечером. Еще на перроне убедил начальника Львовского вокзала, что график выхода газеты не всегда совпадает с графиком движения поездов, и он посадил меня на служебную дрезину, следующую в нужном направлении. Видавшая виды солдатская шинель и кирзовые сапоги надежно защищали меня от декабрьской стужи. В райкоме партии я застал только одного работника, допоздна засидевшегося над бумагами.

– Где можно переночевать? – спросил я его после того, как рассказал о цели своего приезда.

– Как это где? – удивился работник райкома, молодой энергичный товарищ в полушубке, туго подпоясанном армейским ремнем, и в шапке-ушанке, сбитой на затылок.

– Известное дело, у меня. У меня останавливаются почти все приезжие из областного центра. Секретарь райкома не имеет таких удобств... да и ночует он так, что и места не нагрееет.

Не знаю, как другим «приедем из областного центра», а мне «удобства» гостеприимного, хлебосольного райкомовца запомнились надолго. Кое-как поужинав, хозяин снял полушубок и начал влазить в спальный мешок, мне же предложил другой, резервный...

– Влезайте, не стесняйтесь... Шинель подложите под голову, а мешок застегните, – сказал и исчез. – Топливо у нас условное, – слышалась из мешка его шутка.

Признаться, мне было не до шуток. Может быть, потому, что мешка едва хватало до подмышек, а может быть, от непривычки, от того, что мешок лишил меня единственного, что согревало, – движения. Я промерз до костей... Примерно через час выскочил из «удобств», словно инеем покрылся. Снова набросил на себя шинель и уже не только не ложился, но и не присаживался до самого утра. Ходил и ходил – наверное, «отмерил» расстояние от Львова до Красне и обратно.

Не знаю, где и как ночевал тогда секретарь райкома партии Петр Васильевич Земляной. Рано утром я встретил его в просторном кабинете с разрисованными морозом окнами. Худощавый, резкий в движениях, Петр Васильевич долго ходил по комнате, затем присел рядом, доверчиво заглянул мне в глаза.

– Спрашиваете, как проходит хлебозаготовка? Очень туго приходится... Там, где колхозы, – легче. А вообще, и с колхозами дело продвигается медленно. Бандиты в селах

пытаются верховодить, запугивают людей. Я тут с августа сорок четвертого работаю, не знаю покоя ни днем, ни ночью... Бродят в лесах остатки разбитой Советской Армией под Бродами дивизии СС «Галичина». Ежедневно – жертвы. Убивают председателей сельсоветов, коммунистов, комсомольцев, бросают в колодцы трупы детей, женщин, стариков... Подыхая, люто кусается гадина... Коммунистов в селах еще мало, опираемся на комсомольцев, молодежь... Вот и в Трудоваче удалось создать одну из первых в районе комсомольскую организацию. Может, слышали, на областном партактиве ставили ее в пример? Боевая, работоспособная, к хорошему будущему стремится. Самооборону организовали, в колхоз людей готовят. Там такой вожак появился! Владимир Иванюк. Далеко парень пойдет, честное слово. Владиком его зовут в Трудоваче. Может, знаете?

Нет, к сожалению, я не знал Владика Иванюка. А Петр Васильевич слишком скуп на слова и ничего не рассказал мне о трудном пути галицкого юноши.

*

Весной сорок пятого года, не простившись с товарищами, умчался Владик во Львов.

– Хочу учиться и работать... – заверял он одного из руководителей школы ФЗУ.

– А по селу скучать не будешь? – спросил тот для порядка, торопливо просматривая поданные Иванюком документы.

– Кто его знает... Соскучусь – съезжу. Полтора часа – и дома.

Однако домой Владика не тянуло. В шумном обществе сверстников, будущих строителей, быстро мелькали дни, недели, месяцы... Юношу хвалил мастер, уважали товарищи. После занятий Владимир подолгу засиживался в библиотеке. Он знал наизусть много стихотворений Шевченко, Франко, читал и перечитывал «Как закалялась сталь». Высокий Замок стал для него любимым местом отдыха. Отсюда хорошо было видно, как на пустырях и пожарищах поднимаются корпуса новостроек, прихорашиваются улицы, тянутся к солнцу деревья... «Стану электросварщиком, – мечтал Владимир, – на всех конструкциях буду ставить свои инициалы. Знай наших... А еще буду сажать деревья, везде, где буду работать. Минут годы, возьму с собой сына или дочь и поведу их по своим дорогам. Вот эта черешенка посажена мной после окончания института. Эта яблоня зацвела, когда женился. Этот дуб привезли с Карпат в день рождения сына».

Долго, красиво хотел жить Владимир Иванюк. Где-то за развалинами дома, в гуще парка, всполошилась кукушка: «Ку-ку! Ку-ку!» Почти до пятидесяти досчитал Володя и перестал. Это только подтверждение длительности жизни, а не ее содержание. О начале своего жизненного пути Владимир думал с горечью. Мучила совесть. Как и чем оправдает он то, что было?..

Володю затянули в лес «повстанцы», когда еще шла война. Немаков, швабов, мол, будем бить. Украина должна стать самостийной... Именно теперь надо об этом думать, пробуждать национальную сознательность у людей!

Юноше с романтическим характером импонировала таинственность лесных укрытий, конспиративность, пароли, псевдо. Только несколько настораживали указания: «Помни – ты украинец». «Ты украинец, должен терпеть». «Ты украинец, будешь все иметь».

Что же он узнал? Чего добился?

Оуновцы, как пауки, втягивали в свои сети несчастную жертву. Сначала невинное поручение: узнать, как трудовачцы, ну, к примеру, соседи, встречают воинов Советской Армии, о чем беседуют с солдатами, чем интересуются. Потом – что говорил секретарь райкома партии, приехавший в Трудовач? Кто его охранял? Собираются ли организовать в селе колхоз?

На акции Владика не брали. Очевидно, не понравилось поведение парнишки руководителю «надрайонного провода» Голубу, который заставлял деда Гаврилу пить деготь, чтоб впредь не угощал «советов» водой из колодца. Интересно, что бы сделал Голубь, ежели б дознался, что дед Гаврила бывало сам не съест, а их, соседских ребятишек, непременно угостит медом из собственного улья.

«А ведь он тоже украинец», – глядя на дедовы муки, думал Володя.

– Перевертень, московский прислужник! – процедил сквозь гнилые желтые зубы Голубь и ударил деда наотмашь.

Володя твердо решил вырваться из-под опеки «надрайонного руководителя». Но как он

появится в Трудоваче?

Получив очередное задание, Владимир украдкой направился к селу. Каждый раз он выбирался из лесных дебрей разными дорогами. Сейчас тропа вела через кладбище. Присел отдохнуть, собраться с мыслями. Нечаянно глянул на свежую могилу. Знал: тут недавно захоронили останки воинов Советской Армии, погибших от фашистской бомбы. «Фирсов, Асанбаев, Гоголадзе» – прочитал он на фанерной дощечке. За освобождение его родного села от коричневой нечисти отдали свои жизни вот эти воины – сыновья всех народов.

Когда сумерки окутали село, Владимир осторожно подошел к угловому окну своей хаты, легонько, словно кошка, стал скрестись о стекло. На суровое отцовское – «кто?» – шепотом ответил:

– Я, Владик... не узнаете?

Свет ночника дрожал то ли от сквозняка, подувшего из сеношных дверей, то ли от подрагивания руки Дмитрия Андреевича – отца Владика.

– Чего притаился? – не поздоровавшись, грозно спросил отец. – Кто людскую кровь понюхал, людоедом становится. Прочь со двора! Ты опозорил наш честный хлебоборбский род. Мать, родившую тебя, люди прокляли... Иди к ним, к людям, проси прощения. У меня больше нет сына! Нет!..

Несказанной болью обожгли сердце отцовские слезы. Ночник выпал из его дрожащих рук, тьма заслонила глаза отца и сына.

Владимир отшатнулся от родного порога, поднял воротник, насунул на лицо фуражку. Что-то терпкое подкатилось к горлу, мешало говорить, дышать, думать... Только протяжное материнское – «Сыночек мой, несчастье мое!..» – донеслось из темного угла хаты.

Это тебе, Владимир, совет и напутствие в юной жизни!

Это тебе, Владимир, отцовское благословение!

Это тебе «пробуждение национальной сознательности»!

За поворотом остановился, осмотрелся. Лес, подступавший к селу, пугал Владимира не только темнотой. Вершины деревьев на фоне темно-синего неба напоминали оскал зубов «надпроводника». В ушах все еще стояли суровые отцовские слова: «Кто людской крови понюхал, людоедом становится». Нет, туда Владимир не сделает и шага... Убьют... Замучают... Ведь то голубовское – «перевертень», «московский прислужник» – было сказано не столько для деда Гаврилы, сколько для него, Владимира. Он понял это. Назад, домой! Упасть на колени... просить... Пообещать искупить вину, принести в село голову «надрайонного» Голуба... «Сыночек мой, несчастье мое!..» – мама поймет, простит... А отец? Его крутой характер Владимир знает хорошо. Сказал – отрубил...

На горизонте замигали огоньки... Нет, это не облава. Послышался гудок: «Ту-да!.. ту-да!..»

Владимир не колеблясь пошел в манящую даль майского рассвета.

На станции бросил в почтовый ящик коротенькую записочку секретарю райкома партии:

«Уважаемый тов. Земляной! Дорогой Петр Васильевич! Отец мой родной! Берегитесь... Охраняйте комсомольского секретаря Михаила Кухту, инструктора Олю Головань, заместителя начальника райотдела госбезопасности Тимофея Антюфеева. Эсбисты вынесли вам смертный приговор».

Не подписался. Не поверят! Возможно, письмо вызовет удивление, может быть, их кто-нибудь уже предупредил? Владимир поступил, как подсказывала совесть. Он давно с любовью тянулся к Петру Васильевичу.

«Где он сейчас, хлопотливый, преждевременно поседевший товарищ Земляной? – подумал Владимир, возвращаясь из очередной прогулки по Высокому Замку. – Может, сидит сейчас в низенькой, покосившейся от времени, продуваемой ветрами хате, на окраине Трудовача и вместе с секретарем сельского Совета думает думу?» Дошли до Владимира слухи, что в селе создана инициативная группа для организации колхоза. Подали заявления Дмитрий Болюбаш, Дмитрий Дикало, Павел Мокрый, Екатерина Болюбаш, Анна Мокрая... Хорошие люди – смелые, трудолюбивые, крепкие. Поняли они, что в колхозе – большая сила. От такой силы и схроны взлетят в воздух, как от взрывчатки.

Секретарь сельсовета – отец Владимира. Секретарь райкома никогда не упустит случая

посоветоваться с ним. Мыслителями, сельскими философами величает Земляной отцовых ровесников-единомышленников.

На высокое и почетное звание мыслителя, сельского философа Володя не претендовал. «А отцовским сыном, его единомышленником все-таки стану, плечом к плечу буду шагать с ним по жизни, неотступно идти по его стопам», – с такими думами парнишка почти на ходу вскочил в вагон «двенадцатки».

От яркого света прищурил глаза. А когда вновь открыл, увидел беззаботную, веселую стайку девчат. Они о чем-то переговаривались, громко смеялись. Приветливыми казались и остальные пассажиры трамвая. «А те, в лесу, позарывались в норы, как кроты. Скоро ослепнут... Сами света-солнца не видят и людям его заслоняют. Уже пора честным людям без страха ходить в лес за грибами, по ягоды...» Мысли Владимира оборвал голос кондукторши:

– Улица Суворова. Приехали...

До общежития рукой подать. Владимир приоткрыл широкие двери, проскочил коридор и тотчас же услышал голос дежурной, розовощекой смуглянки:

– Товарищ Иванюк! Танцуйте... Вам письмо...

– Когда-нибудь вместе потанцуем. Вот только экзамены сдадим. Согласны? – взял из рук девушки письмо, а когда отходил от нее, вспомнил, как шутили ребята-«ремесленники», знакомясь с ним на одной из перемен: «Ох и будут за тобой бегать наши девчонки». – «А у меня первый разряд по бегу, не догонят...» – на шутку шуткой отвечал Володя.

...И вот он один в комнате. Ребята куда-то ушли. В клубе сегодня демонстрируется «Чапаев». Владимир видел этот фильм.

Из репродуктора слышался тихий грустный голос:

Під явором спочивала, під явором спочивала,

Із явора листя рвала...

– Не рви, мамо, листя мого, не рви, мамо, листя мого,

Ти ж прокляла сина свого...

Песня напомнила о только что полученном письме. «Наверное, от матери... А я, как тот отщепенец...» – с болью и укором подумал о себе Владимир и разорвал конверт.

«...Осиротели мы теперь, сынок... Отца закатовали ироды, все выпрашивали о тебе... Будто убежал ты с поля боя. Предателя, дезертира, продажную шкуру, говорили, выплодил. Отец зубы стиснул, ничего им не сказал... А товарищу Земляному хорошее о тебе говорил. Верил, что с чистой совестью возвратишься ты в родной дом».

Слез не было на светло-серых глазах Владимира. Только что-то терпкое, как недоспелая груша, подкатилось к горлу.

А из репродуктора слышался тот самый грустный голос:

Іди, синку, додомоньку, іди, синку, додомоньку...

Я ж зсушила головоньку...

Кабинет секретаря райкома в те дни напоминал штаб войсковой части. Там, где теперь висят карты грунтов, диаграммы роста урожайности в колхозах, висели, прикрытые шторами, топографические карты. На них почти ежедневно изменялись направления красных, синих и зеленых стрел, кое-где они перекрещивались. Немало на картах синих кружочков – это обнаруженные «схроны». Теперь во всех углах кабинета первого секретаря красовались экспонаты самого лучшего в районе льна, наиболее урожайной пшеницы, отборнейших помидор, а в сорок пятом – стояли вороненные автоматы, в ящиках лежали гранаты, а на подоконниках – пулеметные ленты...

Владимир сидел перед широким столом, а секретарь поднялся и начал ходить по кабинету. Хотя на улице стояла по-осеннему теплая погода, Петр Васильевич был в сапогах и в куртке военного образца. Наверное, только что возвратился с поля, с косовицы, а может, подавал снопы

в барабан молотилки.

– Так это ты, говоришь, прислал записку в мае? – Остановился перед юношей, спрятав руки за спину, под куртку. – Спасибо. И все же... – печаль пересекла лоб несколькими морщинами, – не удалось уберечь многих товарищей. Погибли от рук подлых бандеровцев работники государственной безопасности и райкома партии товарищи Глужда, Панив, Роспонин, Штахетив, Биленко... В Трудоваче уже нет в живых председателя сельсовета Степана Якубовского, председателя потребительской кооперации Степана Поленяка. А вот совсем недавно... – Петр Васильевич замолчал, подыскивая нужное слово.

– Об отце я знаю... Все знаю... Потому и возвратился. Если верите... – Владимир встал со стула, поправил пояс, вытянулся, – дайте оружие. Кровь за кровь! Они хотели воспитать во мне националистические чувства, а пробудили классовое сознание. С кулаками и поповичами мне не по пути, к какой бы национальности они ни принадлежали. Я ведь мечтал – выучусь на электросварщика, огнем электродов буду расписываться на металлических конструкциях. А выходит, нужен автоматный огонь... Только поверьте. – Володя старался заглянуть прямо в душу Земляного. – Не подведу. Не бойтесь!

– Верю и ничего не боюсь... – Петр Васильевич подошел к нему вплотную, положил обе руки на плечи, слегка притянул паренька к себе. – Верю, как родному сыну. Хотя возможно для тебя это и неубедительно, ведь отец тебе не верил...

– Нет, верил, я знаю... Горячий он у меня был, решительный...

– В тебя пошел, – усмехнулся Петр Васильевич. – Ну, ладно... – Подошел к столу, снял телефонную трубку. – Попросите товарища Антюфеева, чтобы зашел ко мне... – А потом опять к Владимиру: – Ну как, понравился Львов?

Не успел Владимир высказать свое восхищение городом, который бурлит, отстраивается, становится краше с каждым днем, как на пороге кабинета словно вырос молодой смуглолицый офицер в форме капитана органов государственной безопасности.

– Вот, – показал Земляной на Володю, – твоё и наше пополнение. Надежное!.. Прошу любить и жаловать: с вашего позволения, боец истребительного отряда Владимир Дмитриевич Иванюк, двадцать шестого года рождения, украинец, образование начальное... Пока не комсомолец. А вообще, – Земляной сменил шутливый тон на серьезный, и, уже обращаясь только к Владимиру, добавил: – Нужно крепко браться за дело. Я был в Трудоваче с секретарем райкома комсомола Михаилом Кухтой, откровенно разговаривали с молодежью... Есть хорошие, очень хорошие хлопцы и девчата. Например, Василий и Дмитрий Болюбаши, Григорий Гаврылив, Андрей Якубовский...

Иванюк знал всех этих ребят, дружил с ними и разделял мнение Петра Васильевича. Только вот как встретят они его в селе? Поверят ли, а может, примут за провокатора?

Из раздумья парня вывел бодрый голос секретаря:

– Хватит на первый раз... Чтобы не испортить кутю медом. Надо, – обратился он к капитану, – накормить парня, дать отоспаться вдоволь... А то ему, наверное, так есть хочется, что аж переночевать негде...

– Переспать-то где найдется, а вот... – капитан чуточку смутился. – А вот насчет поесть...

– Чего-то поищем... Щи да каша – пища наша. Так, кажется, говорят солдаты?

...До зори горел свет в кабинете заместителя начальника райотделения госбезопасности. Над картой склонились две головы: одна с большими залысинами, светловолосая, а другая курчавая и черная как смола.

– Я знаю псевдо нескольких верховодов... Знаю пароль. На карте могу показать некоторые схроны. Давайте завтра двинем на Гологоры, – страстно говорил Владимир. – Там и Волк, и Синица, и Граб.

Капитан слушал возбужденного юношу, смотрел в его усталые глаза и мысленно повторял слова поэта: «Гвозди бы делать из этих людей...»

Не преждевременной и не завышенной ли была такая характеристика? Нет, капитан очень редко ошибался. Верить людям, советоваться с ними, опираться на них – таков закон у чекистов. Это вообще. А в данном, конкретном случае Антюфеев полностью полагался на партийную принципиальность, педагогический такт и отеческие чувства Петра Васильевича Земляного.

Не разочаровала, не вызвала сомнений и первая операция. Она была хорошо продумана, организована, хотя и не принесла желаемых результатов. Знакомой тропой провел Иванюк

бойцов истребительного отряда на опушку леса под Гологорами. Одной группе капитан приказал замаскироваться возле гнилого пня, а другой – за кустом терна. Иванюк громко крикнул в подземелье:

– Бросайте оружие! Вы окружены! Вылезайте!

Владимир представил себе Голуба с выщербленными желтыми клыками, за которые можно было взяться руками, как за угол назымка.

Но подземелье глухо молчало.

– Разрешите, – обратился Иванюк к капитану, – угостить их «лимонкой»! – Не дождавшись ответа, он заколебался. «А может, там после пыток лежит дед Гаврила или кто-то другой? Может, они и на мамину жизнь замахнулись?» – Владимир еле сдвинул тщательно замаскированную пеньком массивную крышку схрона и еще раз крикнул: – Друзе надпровидник! Что вы давно ослепли – я хорошо знаю. Но вы же не оглохли! Может, вас навестить?

Капитан был недоволен тоном, каким Иванюк обращался к бандитам, и готовностью «нырнуть» в схрон. Только после профилактического «олимонивания» жилища «друга надпровидника» Антюфеев разрешил Иванюку спуститься туда.

Володя рыскал по всем закоулкам, но ничего, кроме нескольких грязных листовок, не нашел.

– Смазали пятки, – отряхиваясь доложил «ястребок». – И совсем недавно. Еще смрад слышен.

– Это же от гранаты.

– Не говорите, – возразил он капитану. – Я хорошо отличаю, где гранаты, а где...

В тот день капитан Антюфеев имел серьезный разговор с Иванюком.

– Храбрость в нашем деле необходима. Но это не единственное качество чекиста. Нужно иметь горячее сердце и холодный ум. Да еще помнить народную мудрость, которая твердит, что один в поле не воин. Одиночками, обреченными, загнанными, как звери, являются наши враги, националистическое охвостье. Мы же – народ, у которого силу правды никому не отнять... Помнишь, как сказано у Тычины?.. А сейчас собирайся домой в Трудовач. Подбери надежных хлопцев, о которых тебе говорил Земляной. Рассчитывай, товарищ Иванюк, на нашу всестороннюю поддержку...

В Трудовач Владимир не пошел. Хотелось повидаться с матерью. Она после трагической гибели отца вместе с тринадцатилетним Андрейкой пряталась в Вильшанице.

Бабушкину хату он отыщет с закрытыми глазами. Вдоль леса, левадой, а там через ручеек. Третья за церковью. Туда Володя вместе с родителями ходил в праздники, любил и сам навещать старушку, хранившую в памяти множество сказок, интересных былей и умевшую красиво их рассказать.

Как он теперь посмотрит в высохшие, словно полевой колодец, глаза бабуси? Что скажет матери «блудный сын»?

Мама... Какое святое и гордое слово! Мама – это тепло родной хаты, ласковая улыбка, запах свежего хлеба... Мама – это верность, добро, справедливость... Мама – это сила и искренность.

Не потому ли он торопился сейчас к матери, может, и ему не хватало сил, как мифическому Антею, потерявшему связь с землей?

Родной порог кажется низким, когда выходишь из хаты, и очень высоким, когда возвращаешься домой, да еще с тяжелой ношей на сердце.

– Владик, сыночек! – всплеснула руками мать, увидев его в рамке сенных дверей, словно на портрете. – Живой, здоровый, – оглядывала, гладила, как тогда, когда он был еще совсем малышом.

– А как вырос! – запрокинула голову бабуня, прищулив старческие глаза.

– Ну и мундир... – внимание Андрейки привлекли блестящие пуговицы на форменной куртке «ремесленника». – А это что? – только сейчас он заметил автомат, который Володя поставил возле шкафа.

– Это мне товарищ Земляной вручил. Чтобы сполна заплатил врагам за зло, которое они причинили нашему народу, за невинную кровь отца, за ваши горькие слезы, мамо...

Слезы, слезы... Ими в тот вечер были окроплены поцелуи, неприхотливые яства, которыми

угощала мать своего сына. Даже слова отдавали соленой горечью.

Село Трудовач, Вильшаница (да разве только они?) были запуганы, залиты кровью. Какие-то «синицы», «круки», «голуби» (даже от человеческих имен отrekliсь), словно волки, рыщут по миру, переворачивая все вверх дном. Люди забыли дорогу в лес, который когда-то щедро угощал их грибами, ягодами, дичью, дарил цветы. Перед закатом солнца улицы немели, замирали. Сосед обходил соседа. Девушки преждевременно седили. Не слышно было, чтобы кто-либо справлял свадьбу.

Это были мамины слова, мамино горе, мамин страх.

На самом же деле село пробуждалось, задумывалось над тем, как отличить правду от кривды, белое от черного.

Рубаха обновляется, если с нее снять темное пятно, изба уютнее – когда в ней вспыхнет огонек...

Свет новой жизни в западноукраинских селах зажгли воины Советской Армии, возвратившиеся в родные дома после демобилизации, врачи и учителя, агрономы, зоотехники, прибывшие сюда из-за Збруча, и те немногие, кто с трудом здесь получил образование.

– Пора, мамо, собираться, – сказал Владимир, когда, казалось, все было переговорено и щедро полито слезами.

Куда же, сынок?

– В Трудовач, домой.

– Страшно...

– Пусть они нас боятся.

– Нездоровится мне, возле бабушки легче... – Анна стеснялась признаться Владику, что ждет еще одного ребенка. «И за какие грехи бог меня наказал?!»

– Я, а не бабушка, должен о вас заботиться. И об Андрейке тоже. Забыли, что я теперь самый старший в семье? – старался говорить весело. – Должны подчиняться.

– Так-то оно так, но...

– Никаких «но».

– Может, и тебе, сынок, уже хватит. Находился, наездился. Может, пересидишь на чердаке эту метелицу? А там... что людям будет, то и тебе...

Владимир нахмурился, стал словно взрослее.

– Этого, мама, я от вас не ожидал. Остановиться на полпути? Забыть об отце? Сами писали, что он верил в мое возвращение, гордился мной...

– А разве я не верю? Грудью своей прикрою, все сделаю для тебя... – сказала и начала собираться в дорогу.

Шли молча. Каждый думал о своем. Неожиданно за оврагом, будто из-под земли, вынырнул человек.

– Говорят, удача будет, если встретится в пути мужчина... – обронила мать и ласково взглянула на сынов.

– Всякое бывает... – Владимир завернул за куст бузины. – Вы, не оглядываясь, идите дальше, а я присяду. – И повторил: – Всякое может случиться.

«Удача», приблизившись, сразу же придралась:

– Где третий или третья? Я хорошо видел...

– Вон там, – оглянулась Анна Дмитриевна. – Ногу совсем растер... Переобувается...

– А вы, – свирепо глянул на женщину парубок в крагах и мазепинке, – большевистскую заразу разносите! – заложил пистолет за кожаный пояс, стал потрошить узелок с домашними пожитками.

– Где там, – вытряхивала и снова все укладывала Анна Дмитриевна. Укладывала, а сама незаметно посматривала в сторону, где притаился Владик. «Чего он ждет? Может, боится, чтобы нас пуля не задела? А что, если этот бандит выстрелит первым?»

Материнская тревога передалась сыну. Тот выждал, пока бандит, вывернувший карманы Андрейкиных штанов и пиджака, сделал несколько шагов в направлении куста, и разрядил в него автомат. Мать и Андрейка припали к земле раньше, чем свалился простреленный бандит. Тот уже мертвым сделал еще шаг в сторону куста, тяжело пошатнулся и рухнул.

Так открыл счет мести боец истребительного отряда Владимир Иванюк.

– Вы, мамо, правду сказали, что будет удача... – Владик поднял пистолет, выпавший из-за

пояса бандита, старательно вытер его об полу куртки и передал брату. – Теперь нас двое вооруженных. Целый отряд...

*

Настоящий боевой отряд «ястребков» сформировался немного позднее, где-то в начале сорок шестого года, когда бывшие школьные товарищи Григорий Гаврылив и два брата – Василий и Дмитрий Болюбаши выяснили отношения с Владимиром.

– Не так страшен черт, как его малюют! – философствовал Григорий Гаврылив. – Я уже не одному рога скрутил. Увидят нас вместе – десятой дорогой будут обходить Трудовач. Но мы найдем их, подлецов, и на краю света.

Искали и находили.

На протяжении зимы в Метулинцах уничтожили Чалого, под Новоселкой был убит Барабан, под Вильшаницей – «ястребки» живьем захватили Волка.

Как-то из Золочева позвонили в Красне. Сообщили, что группа самообороны вспугнула шайку бандитов, которые собрались в селе Червоне на свою очередную черную раду.

– Встретьте их как следует! Мы ведем преследование.

– Есть встретить должным образом! – ответили из Красного.

Петр Васильевич Земляной знал, что милиция в полном составе выехала на «расчистку» Белокаменского леса; Гологоровскую группу чекистов срывать не решился – бандиты могут поджечь колхозную ферму, куда только что согнали весь общественный скот. «Поеду сам», – решил он. Через полчаса, преодолев на «газике» двадцатикилометровое расстояние до Трудовача, прихватил «ястребков» (ребята всегда были в боевой готовности) и поехал в направлении Золочева.

– Стоп! – приказал он шоферу недалеко от Буды Хливецкой. – Машину сдай вправо в кусты. Остальным окопаться и ждать команды!

«Ястребки» без единого звука принялись за работу. Они не спрашивали командира, почему тот решил именно здесь сделать засаду. Знает ли он, сколько врагов движется в их сторону? В конце концов, они рассчитывали только на свои силы.

– Гляди, как в лес торопятся «друзи проводники», – первым нестройную цепь беглецов обнаружил Иванюк. – Много их, видно, из всех «самостийных» дыр повылезало.

«Нас только пятеро», – подумал Земляной, а вслух сурово приказал:

– Не будем вести подсчеты! Приготовиться! Огонь открывать только по моей команде!..

Передний из бандитов увидел в перелеске машину, круто взял влево. За ним, запыхавшись, торопились остальные, прямо на «ястребков». Оставалось пятьдесят, сорок, двадцать шагов...

– По изменникам Родины – огонь!

Семь бандитов упали замертво. Остальные залегли. Перестрелка продолжалась несколько часов.

– Собрать оружие! – приказал Земляной и показал туда, где валялись трупы.

Какой он суровый и решительный, товарищ Земляной. Запыленный, с мокрым чубом, Петр Васильевич совершенно не походил на того секретаря райкома, который искренне и сердечно умел беседовать с крестьянами, присаживаясь вместе с ними под копной в поле или на завалинке возле хаты. По давней привычке он сжимает руками колени, наклоняет голову. Секретарь никого не поучает, не читает нотаций, он всегда советуется, на людях сверяет свои думы.

Вот и сейчас, собрав «ястребков» на обочине, Петр Васильевич перевоплотился из военного в сугубо штатского. И разговор никак не походил на разбор боевой операции, скорее напоминал совет старшего товарища.

– Ты, Григорий, – обратился он к Гаврыливу, – слишком торопишься. Во время боя нужно думать не только о себе, но и о товарищах. Всегда чувствовать локоть товарища... А ты, товарищ Иванюк, рвешься поперед батька в пекло. Жизнь надо ценить и беречь, в будущем у нас еще очень много дел... А вообще, – это уже касалось всех, – действовали здорово! Молодцы! Только будьте осторожны!..

Об этом наставлении Иванюк совершенно забыл, когда в своем же селе напал на след Черногоры.

– Стой, негодай, стой!..

Тот бежал, прижимаясь к забору, пытаясь скрыться в огородах.

– Стой, говорю тебе! – Володя остановился, выстрелил.

На усадьбе Михаила Рудника, куда успел заскочить раненый бандит, Иванюк устроил ему допрос. Он знал, что Черногора – главарь первой величины, что «проводникам» такой категории не разрешено появляться в селе без провожатых, да еще среди бела дня. Но мог ли думать в этот момент о собственной безопасности «ястребок», растревоженное, израненное сердце которого не находило покоя?

– Ты убил моего отца?

Черногора волочил перебитые ноги, оставляя за собой мокрый, грязный след. Скуля, как щенок, протягивал руки то к небу, то к ногам «ястребка», пытаясь прикоснуться к ним грязным лицом.

– Лежать камнем! – отступил Иванюк. – Мой отец пахал землю, сеял хлеб... Чем он, люди, – глянул на ворота, на огород, за хату, откуда выглядывали перепуганные лица, – провинился перед вами? Кто будет кормить дитя, бьющееся под сердцем у моей матери?

– Я виноват, я грешен! – скулил Черногора. – Меня ввели в заблуждение. Под колокольной в тайнике – Когут, Кот... Это они подговорили, они...

Гулкий выстрел прокатился над селом и эхом отозвался в темноту: «Они! О-ни! Они!...»

Это они, ироды, затуманивали глаза людей, заслоняли им свет... Это они, наемники Берлина и Вашингтона, продавали Украину оптом и в розницу... Замахивались мотыгой на солнце...

Не получилось!

Не вышло!

Не выйдет!

Выстрел Иванюка в Трудоваче разорвал темноту, вселил людям надежду, разбудил силу. Колхоз, существовавший почти в подполье, зажил бурной трудовой жизнью. Вечерами собирались в конторе молодые хозяева, советовались, где что сеять, как лучше удобрить почву, достать семена.

– Первый урожай – наш экзамен, – прикидывал председатель артели Дмитрий Болюбаш. – Экзамен перед общиной, зорко следящей за первыми, может, и неуверенными шагами общественного хозяйствования, перед государством, помогающим поскорее избавиться от нищеты, перед своей совестью, если хотите... Будущий урожай должен показать, на что мы с вами способны... К этому нужно готовиться заблаговременно...

Готовились... Гремели веялки в просторной, еще недавно кулацкой риге, стучал молот в кузнице, что у пруда; из хлевов свозили столбы и доски, чтобы начать строительство животноводческой фермы.

Весело, призывно загорался в клубе свет.

Молодежь есть молодежь. Ее если и опечалишь, то не очень, если и напугаешь, то ненадолго... Баян и песня стали спутниками зимних вечеров...

Чаще стали наведываться в Трудовач работники райкома комсомола – Михаил Кухта, Ольга Головань, Мария Бутенко. В кругу своих ровесников – Владимира Иванюка, Григория Гаврылива, Анны Дыкало и тех, кто демобилизовался из армии, вернулся из фашистской неволи, они вели разговор о создании комсомольской организации.

– Комсомол вписал не одну славную страницу в историю революционной борьбы на западноукраинских землях, – спокойно, убедительно говорил Михаил Кухта. – Вспомним Ольгу Коцко, Нафтали Ботвина, Юрия Великановича, Марию Соляк... Вспомните первомайскую демонстрацию в Заболотове, Колкивскую трагедию на Волини, Хотинскую крепость на Буковине... В Народной гвардии имени Ивана Франко, действовавшей в наших краях в годы фашистской оккупации, большую часть составляла молодежь, комсомольцы. Так разве к лицу нам сегодня отставать, когда продолжается жестокая классовая борьба? Дети, внуки спросят, что мы с вами делали в эти дни...

В конце февраля 1946 года в селе Трудоваче была создана одна из первых в районе комсомольская организация. Надо было видеть в этот день счастливых юношей и девушек, носивших у сердца маленькие книжечки с силуэтом родного Ильича на обложке... Нужно было слышать их бодрые песни...

Вперед, народе, йди у бій кривавий
В червоних лавах до перемог...
Хоч важко буде – переможемо,
Хоч важко буде – переможемо,
Хоч важко буде – переможемо, –
Нехай живе комуна і свободи стяг!

Путь от райкома в село лежал через леса, ложбины, буераки.
Разукрашенные цветами кони – как на свадьбе. Вихрились гривы, из-под копыт летели камни, брызги снега, огненные искры...

Лица пылали...

От полозьев саней оставался длинный, глубокий след...

Этот след видится мне и ныне.

Он пролегает меж новых селений, на широких колхозных нивах, сладко щемит в людских сердцах... вздыхает в барвинковом цветку.

Барвинок... Он низко стелется, его не вытолочь, он не гнется, не вянет, не боится грозových ливней, его зелень не подвластна лютым морозам...

Барвинковый цвет...

АНДРЕЙ ЯКУБОВСКИЙ...
ЕКАТЕРИНА ТКАЧЕНКО...
ПАВЛИНА ГОРОДСКАЯ...
ЕКАТЕРИНА ДЫКАЛО...
ВЛАДИМИР ИВАНЮК...
МАРИЯ БУТЕНКО...

Эти имена высечены на обелиске, который возвышается в центре села Трудовач. 7 августа 1947 года их сердца запылали красными маками, а глаза засветились барвинковым цветом...

Их убили оуновцы, те, что до сих пор слоняются на задворках Мюнхена и Вашингтона. Коварно, подло, из-за угла...

Выстрелы прогремели тогда, когда комсомольцы собрались в клуб, чтобы посоветоваться, как лучше закончить вторую артельную жатву.

«Ястребки» быстро выровняли свои ряды и взлетели ввысь.

К солнцу...

По крутой траектории жизни.

*

«Трудовацкая трагедия».

Не те слова, не те понятия...

Если даже и трагедия, то оптимистическая...

Оптимизм – в разливе колхозных полей, в буйном цветении садов, в звонкоголосой песне...

Возле автострады Львов – Золочев, на повороте к Трудовачу высится памятник, установленный к 50-летию Ленинского комсомола. Далеко окрест пламенеют огненные слова:

ВАШИ СЕРДЦА ПЫЛАЮТ В НАШИХ ДЕЛАХ

Это памятник трудовачским комсомольцам, отдавшим свои жизни за счастье грядущих поколений.

МИКОЛА РОМАНЧЕНКО
ДИАЛОГ ВОЗЛЕ ОБЕЛИСКА

От Волги и предгорий Кавказа до Берлина, Праги, Вены и Белграда высится много обелисков – скромных памятников павшим героям. А сколько еще не отыскано имен тех погибших воинов, которым следует поставить памятники!

Под каждой плитой, под гранитным или деревянным надгробьем, под каждым памятником захоронено сердце человека, которое любило и ненавидело, страдало и радовалось, звало вперед, чтоб осветить в бою своим побратимам дорогу, а в случае опасности прикрыть их ценой собственной жизни.

Свое повествование о чекисте Павле Огданском я начну с диалога возле обелиска. Не для того, чтобы настроить читателя на грустный лад, а чтобы еще раз напомнить людям, какой первоцвет мы потеряли из своего сада в дни страшного лихолетья войны. Чтобы наша молодежь, которая сегодня учится, работает и весело отдыхает, не забывала, кому она своими радостями, всем своим счастьем обязана. Чтобы и заслуженные ветераны помнили о своих однополчанах, с которыми вместе сражались и которые не дожили до наших счастливых дней.

Я стою на тихом поле северной окраины Лычаковского кладбища, где вечным караулом застыли ряды солдатских надгробий. Стою возле обелиска своего ровесника Павла Огданского.

– Я знаю, Павел Родионович, что ты родился 10 апреля 1921 года.

– Да, – подтверждает краткая надпись на граните.

– Знаю о том, что ты родился в селе Мостки Ворошиловградской области. Что ты был пятым, самым младшим ребенком в крестьянской семье. Что ты малышом остался без матери.

...Была у тебя, Павел, сестра Галя, заменившая мать. Как душевно воспеты в украинских народных думах и легендах наши славные сестры. Она качала тебя в колыбели, ухватившись тонкими ручками за веревочки. Она тебя вынянчила, ты для нее стал братом и сыном. И когда тебя, тридцатилетнего, уже после войны подкосила коварная пуля, она слегла. Никак не могла понять, почему семь лет спустя после войны убивают людей. Она пережила ужасы военных лет, видела, как гитлеровцы расстреливали, вешали, жгли живьем стариков, женщин и детей, как глумились над девушками, как, удирая из Мостков, захватили старого отца, Родиона Семеновича, чтобы вывел их безопасной дорогой из окружения. А он, Родион Семенович, словно легендарный Сусанин, повел врагов не той дорогой, направил их на партизанскую засаду. Много было тогда перебита гитлеровцев, много взято в плен. А мостковский Сусанин, старый Родион Огданский, чудом уцелел и возвратился в село.

Да, то были страшные годы войны. А сейчас, после жестокой напасти, зачем это зло? От тяжелой печали и отчаяния сестра Галя умерла...

– Как ты учился, Павел, где работал до вступления в армейские ряды?

На эти вопросы дают ответы личное дело майора Огданского, сообщения его отца, письма сестры.

Окончив семилетнюю школу, работал заведующим клубом, бухгалтером. Потом учился и снова работал. Последняя предармейская должность – заведующий загсом. Тогда ты впервые

закурил и был строго отчитан отцом: «А не дыми ты, пока не вырос». – «Как это не вырос? – возражал ты. – А почему меня заведующим назначили? Я же должен выглядеть серьезным. А все серьезные люди курят».

Недолго вился тот юношеский папиросный дымок. Перед войной призвали в Советскую Армию. Попал сначала в Узбекистан, а потом на север, под Ленинград. Хорошо учился военному делу, сразу обратил на себя внимание командиров.

– Как же ты, Павел, встретил войну?

– В полной боевой готовности, – отвечает твоя жена, которая тогда, в сорок первом, наклонилась над твоей больничной койкой, когда ты, застонав, пробудился от послеоперационного сна. – Павел мужественно сражался на Ленинградском фронте с первых дней нападения фашистов. Сначала ему везло, но потом в жаркой схватке перебили ключицу правой руки. Это был, – продолжает Тамара Афанасьевна, – первый раненый, принятый в наш эвакогоспиталь, располагавшийся в центре Ленинграда, в гостинице. Здесь он пролежал полгода. После выписки его направили в политучилище и вскоре назначили политруком бронепоезда. А с начала сорок третьего Павел стал чекистом. В марте того же года, после жестокой бомбардировки Ленинграда, я потеряла связь с Павлом. В январе сорок четвертого мы снова увиделись, и война больше не разлучала нас. Мы пережили блокаду, страшный голод. Там, в сорок четвертом, у нас родилась дочь Алла, которую до сих пор иногда в шутку называем блокадной.

– Что же делал Павел Родионович в осажденном Ленинграде?

– Все, чего требовала обстановка. Тушил бомбы и вылавливал диверсантов, расчищал завалы и спасал голодных, обессиленных детей, охранял «дорогу жизни» и обезвреживал шпионов. После войны работал в районных отделениях государственной безопасности в Ленинграде и на Ворошиловградщине. Успешно выполнил ряд заданий по ликвидации фашистской агентуры.

Вот один из эпизодов его чекистской работы, о котором удалось узнать от бывших боевых коллег Огданского.

Работая в Ленинграде, Павел получил задание выехать в один из прибалтийских городов. Туда после войны был заслан опытный диверсант, действовавший в Ленинграде во время фашистской осады города. В руках Павла был один из «липовых» документов этого гитлеровского агента – диплом об окончании педагогического техникума. Имел Павел и две фотографии шпиона. Одна из них будто бы ученическая, вторая – позднейшего времени, так сказать, более взрослая, на которой агент был уже с усиками. Правда, эти усики казались необычными, как бы приклеенными.

Огданский помнил последнее напутствие начальника – иметь в виду то, что агент может изменить свою внешность. В осажденном Ленинграде он действовал под кличкой «Барт», что в переводе с немецкого означает «борода».

Прибыл в город Павел Огданский в гражданском костюме. Не спеша направился в гостиницу, до которой, по рассказам товарищей, провожавших его, всего семь-восемь минут ходу. Чекист шел уверенно, будто жил в этом городе.

В гостинице у окна дежурного администратора толпилась очередь. Павел понял, что с получением места будет немало хлопот, тем более с такими скромными документами, которые временно имел вместо действительных.

– Раскладушка устраивает? – спросила пожилая женщина.

– Устраивает, что поделаешь.

В номере было шесть железных коек, и еще где-то здесь должны пристроить раскладушку. Настоящий цыганский табор, зато, очевидно, скучать не придется.

Прошла неделя. Жильцы номера ежедневно уходили по своим делам почти одновременно, а возвращались кто когда. Огданский приходил раньше всех. Пока что ему не удавалось напасть на след своего «подшефного». Несколько лиц, заинтересовавших чекиста, оказались не теми, кто ему нужен. Огданский позвонил в Ленинград на квартиру начальника отдела. Тот продлил командировку и приказал усилить поиски, ибо «он» находится в данном городе.

По вечерам веселая семерка забивала «козла» на высадку. Как-то раз один из семи жильцов номера возвратился на добром «взводе» в половине второго ночи. Это был сосед Огданского по койке, один из «толкачей» на местном рыбоконсервном комбинате, которых посылают

организации и ведомства.

– Погуляли вы сегодня? – шепотом спросил Огданский.

– Ну и посидели! А капитан – душа-человек, – также шепотом ответил сосед.

– Какой капитан?

– Это прозвище. У него борода, как у знаменитого капитана Немо. Один из компаньонов целый вечер называл его не иначе как капитан Немо, поэтому и я под конец вечеринки тоже стал так обращаться к бородачу... Но мне хочется спать. Доброй ночи!

Подгулявший свалился как сноп и вскоре захрапел. А Огданский, закрыв глаза, долго неподвижно лежал, перебирая не стертые в памяти страницы бурной жизни принца Даккара из известного романа Жюль Верна.

На следующее утро сосед, потирая лоб и часто зевая, не без гордости вспоминал о своем знакомстве с «капитаном Немо». Огданский издалека, будто между прочим, стал расспрашивать о личности бородача, его возрасте, профессии и высказал желание при случае познакомиться с «капитаном».

– Пожалуйста! – воскликнул сосед. – Он очень приветлив и гостеприимен.

Огданский снова позвонил в Ленинград. На следующей день самолетом прибыл еще один чекист – с командировкой на рыбоконсервный комбинат, где бородач работал кладовщиком.

Оба чекиста за день изучили личное дело кладовщика, имевшее, кстати, ряд «белых пятен». Теперь оставалось проверить «капитана» с помощью морского «крючка». «Наживки» у чекистов было достаточно.

Знакомство завязалось быстро. Оформив несколько солидных нарядов, пошли компанией в ресторан «замачивать» успешное завершение дела. Когда после обильной выпивки компания начала расходиться, а «капитан Немо» и товарищ Павла стали рассчитываться, Огданский наклонился к ногам кладовщика, что-то поднял и поднес к его глазам.

– Это вы уронили?

«Капитан Немо» взглянул, сразу побледнел и бросился бежать. Но было поздно. Чекист схватил его за руки.

– Зачем нервничать?

Да, нервы бывшего диверсанта-наводчика не выдержали. Они сдали перед неопровержимой уликой – «липовым» дипломом, в котором лежала еще и фотография молодчика с необычными усиками.

Таким образом был обезврежен еще один опасный притаившийся враг, способный в подходящий для него момент высунуть смертельное жало...

– В сорок восьмом году, – продолжала рассказ Тамара Афанасьевна, – мы переехали во Львов. Павла назначили на работу в областное управление. Сначала был оперативным уполномоченным, а затем – начальником отделения. Работал до самозабвения, не зная праздников и выходных дней, часто выезжал на боевые задания ночью. «А тебе не страшно?» – не раз спрашивала его. «Я солдат, Тамара!» Да, он был храбрым солдатом. В октябре 1942 года на Ленинградском фронте Павел как снайпер уничтожил двадцать два фашиста. За мужество в боях с гитлеровцами Павел был награжден медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда».

Он не мог спокойно спать, зная о том, что бандеровские головорезы по ночам выползают из нор на свой кровавый шабаш. И он опережал бандитов, обезвреживал их в схронах. Но часто приходилось вступать в открытый бой с оуновцами в селах, на хуторах и в лесах. Долго у Павла был на примете один из главарей бандеровской боевки по кличке Грицько. Кровавый Грицько погубил не одну семью. Он убивал стариков и детей, душил их колючей проволокой, сжигал живьем. Сама земля стонала под ногами этого варвара, протестуя против его страшных злодеяний.

И Павел вступил в поединок с Грицьком. Несколько раз бандиту удавалось избежать наказания. Павел получил назначение на работу в Сокаль – начальником районного отдела. Погожим осенним утром он пошел в управление оформлять свой отъезд к новому месту работы. Подходит к зданию и видит, как по сигналу тревоги группа солдат во главе с офицером быстро располагается в оперативной машине.

– Куда вы? – спросил Павел.

– Грицько снова объявился, едем ловить.

Недолго раздумывая, Павел поехал с ними.

– А мог бы Павел не ехать? Он же получил новое назначение.

– Как видите, не смог. Тот проклятый Грицько не давал ему покоя, – грустно заключает Тамара Афанасьевна.

Настоящий чекист не мирился с тем, что непойманный бандит продолжает свое черное дело.

– Каким же, Павел, был твой последний поединок с врагами?

Возле обелиска вырастает статная фигура твоего боевого побратима Анатолия Дмитриевича Колесниченко, принимавшего тогда участие в твоей последней операции против Грицька и теперь за тебя рассказывающего о том, что случилось в тот октябрьский вечер.

...Глухой, отдаленный от дорог, полесский хутор Кмети, что в нескольких десятках километров от Радехова. Так его называли по фамилии первого поселенца, осевшего здесь, – Кметь. В начале октября органы государственной безопасности получили сообщение об очередном появлении здесь Грицька. Место расположения и дневного укрытия – хозяйство жителя хутора Якова Кмета. Туда и выехал капитан Павел Огданский. Около семнадцати часов хозяйство Якова Кмета было блокировано. Когда в дом вошли бойцы и спросили, есть ли кто, кроме членов семьи, в доме или сарае, то набожная хозяйка, обратившись к распятию, трижды перекрестилась, словно отгоняла от себя злого духа. Но наши чекисты, хорошо зная о том, как «святая» церковь умеет прикрывать обрез и нож крестом, не очень поверили в искренность хозяйки, хотя казалось, что в доме бандитов нет.

– А кто в сарае? – обратились бойцы к Якову Кметю.

– Бигме¹, никого.

Тогда сержант Айнутдинов с рядовым Моревым в сопровождении Кмета решили лично проверить сарай. Полезли, на чердак. Здесь они обнаружили плетенки с посудой и свежими остатками пищи. Доложили капитану Огданскому. Тот, взобравшись до половины лестницы, крикнул: «Гриць, сдавайся!» Бандиты открыли огонь с чердака. Сержант Айнутдинов и рядовой Морев ударили по ним из автоматов. Завязалась перестрелка. Капитан Огданский выпустил ракету, давая сигнал нашему окружающему отряду и занял место на расстоянии тридцати метров от сарая за плетнем, откуда продолжал вести огонь. Потом он решил дать еще один сигнал ракетой для чекистов, блокировавших хутор, которые, как ему казалось, замешкались. Павел, прекратив стрельбу, стал вытаскивать из ракетницы гильзу, чтобы зарядить новую ракету. В этот момент огненная струя автоматной очереди пригнула его к земле.

А бой тем временем разгорался. На фоне тусклого заката ярко пылали два строения. Кроме сарая горела уже и хата Кмета. Ее подожгли бандиты. Под покровом дыма и наступавшей темноты они, отстреливаясь на все стороны, прорвались в поле и двинулись к лесу. Но оперативно-военная группа отрезала бандитам отход к лесу и пулеметно-автоматным огнем уничтожила их. Так бесславно закончили свой путь еще несколько головорезов, среди которых был и тот самый пресловутый Грицько Пукас, он же «Буйный», «Прут», за которым так долго следил чекист Павел Огданский...

Так ты, Павел, свел счеты с врагом ценой собственной жизни. Это было сделано ради безопасности десятков и сотен людей. Это было сделано во имя великой любви к родному народу, к Советской Родине.

Мы стоим, Павел, сегодня возле твоего обелиска – твои родные, близкие, товарищи по оружию, спасенные тобой пожилые люди, твои юные друзья с пурпурными галстуками на груди. Стоим и слушаем заключительные слова твоего боевого побратима Анатолия Дмитриевича Колесниченко о той последней операции.

– И вот он упал за плетеным тыном, не успев перезарядить ракетницу. Бандитская пуля прошла сквозь грудную клетку, пробила легкое. Павел потерял много крови. Привезли мы его на машине в Радехов. Там осталась его фуражка, до сих пор хранимая одним из боевых друзей как реликвия.

Все мы добрым словом вспоминаем отважного чекиста Павла Огданского. Он был красив и чист душой, любил людей, имел много друзей, товарищей.

Теперь, через восемнадцать лет, обе дочери Павла, которым он собирался привезти в ту

¹ Бигме (диал.) — ей богу.

незабываемую осень из Радехова золотых рыбок для домашнего аквариума, стали взрослыми. Старшая, Алла, растит детей, а младшая, Оля, окончив техническое училище, работает монтажницей и учится в политехническом институте. Дети и жена свято хранят в своих сердцах родной образ отца и мужа. Так же берегут светлый образ отважного чекиста Павла Огданского его боевые друзья...

ГЛЕБ КУЗОВКИН *БОЙЦЫ НЕЗРИМОГО ФРОНТА*

Вторая послевоенная весна во Львове была ранней, напористой. Много дней подряд ярко, приветливо светило солнце. Остатки снежных сугробов исчезали на глазах. По мостовым и склонам гор, обгоняя друг друга, неслись веселые ручейки.

В парках и садах набухали, готовые вот-вот брызнуть молодой зеленью, почки каштанов и магнолий, берез и черешен. На цветочных базарах появились букетики первых подснежников. В небе, голубом, чистом, то и дело проплывали стаи журавлей.

Люди, вглядываясь в высь, думали о том, что недавно в том небе кружили, как хищные стервятники, вражеские самолеты. Пламя и дым пожарищ заслоняли, затемняли лазурную красоту нашего родного неба.

Твердой, уверенной походкой шла вторая послевоенная весна.

Приятно и радостно на сердцах у людей. Отвоевавшиеся и победившие в невиданной до сих пор войне, они спешили снять военные гимнастерки и истосковавшимся по мирному труду руками взяться за восстановление городов и сел, фабрик и заводов, школ и детских садов, рубить уголь, выводить новые сорта пшеницы, создавать то, ради чего недавно насмерть бились в страшной войне с лютым врагом.

Так думали, так поступали люди и здесь, на западных землях Украины, в израненном войной древнем Львове.

Но созидательный труд нередко нарушался вражескими происками. Еще беспокойно было тогда на Львовщине.

...Во второй половине одного из тех весенних дней в скверике на площади Пруса (ныне имени Ивана Франко), где останавливаются трамваи № 1 и 9, появились два человека. Один высокий, лет тридцати, остроносый, с усами. Смотрит настороженно. На нем легкая тужурка, серая рубашка без галстука, брюки галифе, хромовые сапоги. Второй среднего роста, широкоплечий, на вид – одногодок с высоким, круглолицый, с бакенбардами. Под распахнутым макинтошем – гимнастерка и брюки цвета хаки.

Пришли они почти одновременно с разных направлений. Встретились взглядами. Кивнули головами и, не подходя друг к другу, стали ожидать трамвая.

Неподалеку от остановки, возле афишной тумбы, сидел на скамейке мужчина средних лет в

коричневом пальто и шляпе.

Фыркнув воздушным тормозом, остановился трамвай, идущий в сторону вокзала. Пассажиры поспешили в вагоны. Те двое смотрят по сторонам, стоят неподвижно. Как только трамвай тронулся, они на ходу вскочили в разные вагоны.

Мужчина, сидевший у афишной тумбы, быстро подошел к телефону-автомату и быстро набрал нужный номер.

В трубке послышался знакомый голос:

– Слушаю!

– Иван Семенович? Встречай восемьдесят пятый. Трамвай только что отошел. Имей в виду – у высокого появились усики. Заметно отличаются по цвету от волос на голове. В одежде без перемен. Второй, с бакенбардами, снял галстук. Как только появятся – немедленно сообщи капитану Пасько.

– Все понял!

– Ну действуй!.. Скоро увидимся.

Поодаль от трамвайной остановки Привокзальная, что против костела святой Елизаветы, прохаживался худощавый молодой человек среднего роста с быстрыми серыми глазами. Это был Иван Семенович Баранов. Он в темно-синем демисезонном пальто и серой кепке. Не спеша закурив «Беломорканал», подошел к витрине промтоварного магазина.

Вдали показался трамвай. Баранов посмотрел на часы.

– Кажется, пора, – направился к киоску «Воды», который находился рядом с трамвайной остановкой.

Медленно выпивая стакан газированной воды, Иван Семенович смотрит на прибывающий трамвай. На первом вагоне темно-желтой краской написана большая цифра 85. Место выбрано удачное. Отсюда видны оба вагона. Среди пассажиров Баранов увидел высокого с усиками и второго с бакенбардами. Пошли в разные стороны.

Иван Семенович уходит вместе с вышедшими пассажирами и направляется к овощному киоску, где образовалась небольшая очередь. Стоя в очереди, он смотрит, куда пошли двое. А они, разойдясь на остановке в разные стороны, затем двинулись в одном и том же направлении.

Баранов поспешил в телефонную будку.

– У телефона Пасько, – послышалось в трубке.

– Товарищ капитан, докладывает лейтенант Баранов. Все идет, как предполагалось. Прибыли. И тут опасаются. Разошлись сначала в разные стороны. Сейчас пошли туда...

– Иван Семенович! Продолжайте выполнять задание. Мы наготове. Жду вашего звонка с Московской.

– Понял.

Те двое шли по разным сторонам улицы, часто озираясь. Затем, видно убедившись, что за ними никто не следит, пошли вместе.

Иван Семенович шел на значительном расстоянии от них. Он знал, в какой дом на Рыцарской они должны войти, и раньше их оказался в одном из дворов напротив этого особняка.

На всех окнах висят занавески. В крайнем слева окне Баранов приметил на занавеске небольшой кусок материи оранжевого цвета.

«Может быть, случайно повешена косынка, а может быть, это сигнал или условный знак?» – подумал он.

К дому подошел высокий. Усов у него уже не было. Он заметно прихрамывал на левую ногу.

«Неплохо маскируется. А где же второй? Почему высокий не идет в дом?» – размышляет Баранов. «Очевидно, решили входить по одному. И наверное, оранжевая материя что-то значит», – мысленно ответил себе Иван Семенович.

Высокий, задержавшись на минуту против дома, направляется ко двору, где находился Баранов.

«Неужели заметил? Что делать?» – Баранов взводит курок пистолета.

Но высокий прошел мимо и свернул на улицу в сторону вокзала. А затем появился и второй. Он последовал за своим коллегой.

Минут через десять открылась дверь, и из дома вышла пожилая женщина. С окна исчезла материя оранжевого цвета.

«Значит, это условный знак. При женщине входить им было нельзя», – заключил Баранов.

Снова появился высокий. На этот раз он был без головного убора. Не останавливаясь, направляется к дому, поднимается по ступенькам. Трижды негромко стукнул, и дверь открылась.

Хозяин кивнул головой и провел гостя в дом. Вслед за высоким пришел и второй. Он также три раза стукнул в дверь, и она открылась.

Баранов быстро вышел из укрытия и направился на Московскую улицу. Зашел в один из домов, связался по телефону с райотделом.

– Товарищ капитан, докладывает Баранов. Оба поочередно зашли в дом. Все в сборе.

– Иван Семенович, продолжайте вести наблюдение. Опергруппа выезжает. Встретимся в начале Рыцарской.

– Ясно!

Баранов вернулся на Рыцарскую. Отсюда хорошо виден дом, в который ему, наверное, придется войти.

В эти томительные минуты ожиданий вспомнилось Ивану Семеновичу, как в 1941 году он, восемнадцатилетний парень, по велению сердца, по собственному желанию стал в ряды бойцов, обеспечивающих государственную безопасность страны. Вспомнил своих боевых друзей-разведчиков, с которыми сроднился, как с братьями, и действовал в тылу врага в суровые военные годы. Приятно, что двое из них живут тут рядом, во Львове, остальные разбрелись по разным городам страны, но не забывают друг друга. Пишут теплые письма, приезжают в гости. Не зря говорят – фронтовая дружба крепче стали. Большинство боевых друзей перешли «на мирные рельсы», а он, Иван Баранов, стал профессиональным чекистом.

Десятки раз и тогда, в тылу врага, и теперь приходилось подвергаться опасности, смотреть смерти в глаза, но ни разу не дрогнул, не пустил на порог своего сознания мысль о перемене профессии. На всю жизнь запомнились строки стихов Владимира Маяковского:

Юноше,
обдумывающему
жизнь,
решающему –
сделать бы жизнь с кого,
скажу,
не задумываясь –
«Делай ее
с товарища
Дзержинского».

Старался свою жизнь делать именно так, как сказал великий поэт, стремился быть похожим на тех, кто составлял бесстрашное орлиное племя дзержинцев.

Вот и сейчас пришел сюда не на увеселительную прогулку. Там в доме собрались не друзья – враги. Частично известны их черные намерения – совершить убийство и диверсию на одном из предприятий. Они сговариваются, как осуществить этот замысел. Высокий, искусно маскировавшийся по пути в этот дом, – по кличке Чугайстер, – уже успел совершить не одно преступление. Предателю пока что удавалось уходить от возмездия. Ему под стать и второй, по кличке Гималей. Ненависть ко всему советскому, страх перед возмездием за совершенные злодеяния сделали обоих матерыми врагами, способными натворить немало бед.

Как все кончится? Если захватить их внезапно, застать врасплох – можно принудить к сдаче, а иначе не миновать кровопролития. Сейчас прибудет Пасько и решит, как будем действовать.

Хороший он человек. В рядах чекистов не новичок. В его характере, во всем его поведении удачно сочетаются отвага и душевность, строгость и простота, спокойствие в самые опасные моменты и нетерпимость к равнодушным. Люди с уважением относятся к нему и на работе, и во время досуга.

Припомнилась последняя охота. Выезжали коллективно. Время провели на славу. Пасько поражал всех подвижностью, неутомимостью, рассказывал занимательные охотничьи истории, шутил, по-мальчишески задорно смеялся. Настроение у него было чудесное. Он с гордостью,

сообщил, что у них родилась дочь. Советовался, какое дать ей имя. Все разделяли радость отца первого ребенка. Десятки имен были предложены. Назвали дочь Ларисой.

...На Рыцарскую с большой скоростью шли две машины. В головной на переднем сиденье – широкоплечий, лет тридцати, человек в кожаной тужурке. Это Александр Андреевич Пасько. Пухлые губы плотно сжаты. Над широко открытыми карими глазами – густые брови. На высоком лбу залегли две морщины. Задумчивый взгляд устремлен вперед.

Какой по счету раз едет он, капитан Пасько, навстречу опасности, на операцию со своими боевыми друзьями? Вряд ли он смог бы сейчас ответить на этот вопрос.

Часто приходилось ему воевать на этом опасном незримом фронте, не раз смерть заносила над его головой свою костлявую руку, но все обходилось пока благополучно.

В эти тревожные минуты он думает о том, что трудно воевать в открытом бою, но еще труднее сражаться с врагом, действующим из-за угла, скрывающимся, нападающим внезапно, лютующим в страхе перед расправой. Александр Андреевич вспоминает один из страшных случаев, потрясших даже его, выдавшего всякое в жизни.

Ночью в дом крестьянина ворвались два бандита с целью учинить расправу над хозяином за непокорность, за сочувствие Советам, за то, что одним из первых вступил в колхоз. Патриот не покорился, не упал на колени, оказал сопротивление. Тогда бандиты на глазах у жены и матери убили его. Жена бросилась к мужу. Озверевшие бандиты убили и ее. Мать хозяина выбежала в другую комнату, укрыла под кроватью двухлетнюю внучку. Бандиты не оставили в живых и старушку.

Стыла в жилах кровь, замирало сердце у людей, когда они увидели жуткую картину: чудом уцелевшая девочка, надрываясь от крика, ползала по полу в лужах крови, пытаясь «разбудить» маму и папу.

– Ироды проклятые! Ни за что людей погубили, – слышались возгласы в собравшейся толпе.

Через окно машины Александр Андреевич видит знакомого профессора. Он, очевидно, возвращается из университета домой. Его уважают и любят люди, но ненавидят враги. И чтобы профессор трудился спокойно, чтобы не повторялись такие трагедии, как с той двухлетней девочкой, ты, капитан Пасько, и твои боевые друзья-чекисты должны зорко стоять на страже государственной безопасности.

Машины остановились на углу Московской и Рыцарской. Из них вышло несколько человек. Пасько приказал пока всем укрыться во дворе, а сам пошел на встречу с Барановым.

– Кроме этих двух никто не входил? – спросил Пасько.

– Никто.

– Но там должен быть и третий...

– Вот в этом крайнем окне дважды появлялся Чугайстер – видать, «заседают» на кухне, – сообщил Баранов.

– Ну что ж, блокируем дом и начнем действовать. Наша задача захватить их при сговоре с поличным. В дом со мной пойдете вы, Иван Семенович.

Баранов не так давно работает в райотделе, но Пасько уже успел убедиться в способностях и храбрости молодого чекиста, прошедшего боевую школу в спецгруппе, действовавшей в тылу противника. Баранову Пасько поручал ответственные, опасные задания, и он успешно выполнял их. Вот и теперь Баранов идет с ним рядом, и капитан знает, что он не подведет при любых обстоятельствах.

Расставив людей, Пасько с Барановым собрались идти в дом.

В это время открылась дверь. Чекисты укрылись. На пороге показался хозяин с ведром в руках.

– Вот это очень кстати, – сказал Пасько. – Он облегчит нам дело. Хорошо, что колонку из окон дома не видно.

Хозяин осмотрелся и пошел к колонке.

Туда же направились Пасько и Баранов.

– Иван Семенович, будьте настороже. Он может быть вооружен. Следите за каждым его движением.

– Понял.

Ведро наполнялось водой.

– Здравствуйте! – негромко произнес подошедший сзади Пасько.

Хозяин вздрогнул и отнял руку от рычага колонки.

– Кто у вас в доме? – спросил Пасько.

– А вам какое дело? Кто вы такой?

– Я начальник районного отдела МГБ – Пасько.

– В хате жена, дочь, а больше никого.

– Зря обманываете. Мне известно, что сейчас в доме находится Чугайстер, Гималей и еще один их пособник.

– Да что вы, пан начальник!..

– Хватит! Во избежание жертв – предлагаю провести нас в дом как своих родственников. Вы пойдете впереди. И ни слова. Где они находятся?

– На кухне.

– Ну как, вы согласны с нашим предложением?

– Да!

Хозяин пошел домой, вслед за ним возле стены пробирались Пасько и Баранов.

На пороге оказались одновременно. Дверь открыла хозяйка.

Оставив ведро в коридоре, хозяин вошел на кухню и, предвидя события, моментально бросился на пол с возгласом:

– Проверка документов!

– Руки вверх! – скомандовал Пасько.

В ответ раздался выстрел, Пасько и Баранов открыли ответный огонь. Один из бандитов со страшным криком упал на пол, корчась от боли. Кухня содрогалась от выстрелов и криков. Бандиты яростно сопротивлялись.

Пуля впилась в ногу Пасько. Он схватился левой рукой за стену, а правой продолжал стрелять. И тут что-то огненное обожгло живот. Пасько со стоном сполз на пол. Его подхватил Баранов, продолжая вести огонь.

Ожесточенная схватка длилась считанные минуты. На пол рухнул второй бандит... Воспользовавшись тяжелым ранением Пасько, легко раненный в руку Гималей бросился через окно в сад. Его обстреляли. И все же вторично раненному Гималею удалось скрыться тайным ходом.

Боевые друзья уложили Пасько на пальто и до прибытия санитарной машины старались облегчить его страдания, приостановить кровотечение.

Он лежал молча, с закрытыми глазами, тяжело дышал и стонал. Лицо белое как полотно. Сознание покидало его. Потом он очнулся и, чуть приоткрыв глаза, шепотом спросил:

– Ну как?

Ему сообщили, что один убит, второй ранен, а Гималей скрылся.

– Того Гималея я на дне моря найду, – горячился Баранов.

– Хозяин подвел. Погубил все. Судить его строго как пособника... Жене обо мне не говорите... – прошептал Пасько и опять потерял сознание.

В страшных муках провел ночь Александр Андреевич. Шла упорная борьба за его жизнь. Всю ночь просидели в больнице опечаленные, с суровыми лицами, его боевые друзья. Они предлагали кровь для переливания, умоляли врачей сделать все возможное, чтобы остался в живых их друг и начальник. Но исход был предрешен...

Не хотелось думать, что Пасько преждевременно уходит из жизни. Ведь он много еще мог бы сделать полезного для народа. Самому же Пасько, когда он приходил в сознание, больно было сознавать, что никогда больше не увидит свою маленькую дочурку, не услышит ее первого слова, не увидит ее первых шагов.

Тридцать два года прожил так, что никто ни в чем не упрекнет. Всегда старался быть достойным своего труженика-отца, потомственного полтавского железнодорожника. Не искал легких путей в жизни, в трудные минуты не прятался за спины товарищей, не кривил душой. Кончил начальную школу, потом ФЗУ, работал мастером мраморного цеха. В 1934 году по решению Запорожского горкома комсомола его направили в Комсомольск-на-Амуре бригадиром каменщиков. Было там нелегко, но энтузиазм и молодой комсомольский задор побеждали все трудности и невзгоды. С 1938 года – в органах государственной безопасности. Здесь нашел свое призвание. В 1942 году осуществил заветную мечту – стал коммунистом. Три года назад

назначен начальником райотдела МГБ, избран членом бюро райкома партии. Сердцем и разумом оценил это большое доверие и старался оправдать его...

Вторая рана в живот оказалась роковой. Врачи и друзья сделали все, чтобы вырвать из объятий смерти Александра Андреевича, но не удалось. На второй день перестало биться сердце патриота, отважного чекиста.

7 ноября 1967 года – 50-летие Великого Октября. Вместе с Иваном Семеновичем Барановым мы идем по улицам и проспектам Львова. До чего же хорош он в праздничном убранстве! Нескончаемым потоком идут и идут в ярких костюмах поющие, счастливые демонстранты. Море кумачовых знамен и флагов проплывает мимо трибуны. Ликут люди, познавшие радость свободного труда и счастья, обретенного в суровой борьбе.

Но не слышит, не видит народного ликования Александр Пасько. Многим таким, как он, не довелось дожить до этого великого праздника. На алых знаменах, на государственном флаге Украины есть частица и их крови, пролитой ради того, чтобы над всем миром было чистое небо, чтобы люди не знали страха, свободно трудились и счастливо жили.

...Недавно мы встретились с Иваном Семеновичем у него в цветнике, а вернее, в оранжерее. Многие его друзья и знакомые приходят сюда полюбоваться прелестью цветочного мира и возвращаются с большими букетами, подаренными щедрым хозяином.

Тем, кто мало знает капитана Баранова, теперь капитана в отставке, кажется несколько необычным, что человек такой суровой профессии и вдруг – незаурядный садовод, искусно выращивающий сотни сортов великолепных цветов.

Однажды Иван Семенович, будто отвечая на это, сказал:

– А у нас есть с кого брать пример. Я много читал о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском и убеждался, какой большой души был этот человек. Как сильно любил он жизнь, людей, природу, как много сделал для спасения тысяч беспризорных ребят! Поразительной силы его душевные письма к родным, близким, друзьям. У него мы учимся гуманности к людям и ненависти к врагам.

Смотрю на эти чудесные цветы, и в их прелести как бы отражается благородство этого и теперь подвижного, живого, с такими же, как двадцать лет назад, быстрыми серыми глазами, не по годам поседевшего человека.

С большими букетами цветов направились мы на могилу капитана Пасько.

Возлагать букеты на могиле боевого друга Иван Семенович считает своим священным долгом. Приходя сюда с женой Ксенией Николаевной, много лет проработавшей в органах госбезопасности, он мысленно воскрешает образ Александра Андреевича и дарит ему цветы.

По пути на кладбище зашел разговор о Гималее.

– Я свое обещание выполнил, – говорит Иван Семенович. – Гималей исчез из города и начал действовать в одном из районов. Однажды мы узнали, где он скрывается. Выехали туда, но там его не оказалось. Видимо, кто-то успел предупредить. Второй раз мы окружили хату на опушке леса, где он находился. Бандит оказал сопротивление, выпрыгнул в окно и пытался скрыться в лесу. Но далеко не ушел. Смертельно раненный, он упал, как-то нелепо подпрыгнув, будто земля его оттолкнула от себя... В кармане у Гималея, одетого в полувоенную форму, обнаружили военный билет, документы «ястребка» и даже удостоверение на право ношения оружия.

– Врагам не удалось осуществить свои черные замыслы, – заключил Иван Семенович. – Жаль, конечно, очень жаль, что при разгроме бандитов погиб наш боевой друг.

Молча стоим у могилы капитана Пасько. Чувство грусти охватывает сердце. Кажется, мы думаем об одном и том же – об увековечении памяти отважного чекиста. Он того заслужил.

ВАСИЛИЙ ГРАБОВСКИЙ
ДРУЖБА НАВЕКИ

Тихим осенним вечером 21 сентября 1944 года группа советских разведчиков, возглавляемая Павлом Федоровичем Якубовичем, на военном самолете поднялась в воздух. Скоро фронт остался позади. Юго-западнее Кракова, где еще хозяйничали фашисты, самолет попал в сплошное море огня. Била зенитная артиллерия. Летчикам пришлось искусно и умело маневрировать, чтобы вывести машину из опасной зоны.

– Плохо стреляют фрицы, – сказал кто-то из ребят. – Теперь можно считать, что главная опасность позади.

– Не совсем так! – спокойно ответил командир. – Нас ждет еще высадка...

Это был сплоченный, боевой коллектив. В партизанском отряде «Львовяне», который летит на боевое задание, все уже бывалые, обстрелянные воины. Им не раз и не два приходилось меряться силами с коварным врагом.

Вот рядом с командиром сидит его заместитель Владимир Вангровский. Комсомолец. Смелый, опытный воин. До войны служил в десантной части, которая в 1941 году вела ожесточенные бои с фашистами. Потом – плен, концентрационные лагеря. Побег. Активная работа в подполье – в Народной гвардии имени Ивана Франко.

Семен Сидоренко – ростовчанин, окончил военно-пехотное училище. После тяжелого ранения попал в плен. Немного подлечился, сбежал из госпиталя и вскоре присоединился к подпольщикам Народной гвардии имени Ивана Франко. Здесь он проводил массово-политическую работу среди населения, доставлял для народных мстителей оружие, боеприпасы. В 1943 году возглавлял партизанскую группу, которая действовала на территории Рава-Русского района Львовской области. Семен считался лучшим разведчиком. Добытые им сведения о враге отличались большой точностью.

Среди «Львовян» были и девушки. Например, Софья Дмитриевна Ходжаева (болгарка по национальности, родом из Харьковской области). Она показала себя настоящим патриотом. На фольварках, где хозяйничали фашисты, поджигала заскирдованный хлеб, доставляла партизанам оружие и боеприпасы, выполняла обязанности связной с районами области...

Комиссар отряда Виктор Каренин, рядовые бойцы Эдуард Тумикян, Владимир Сергованцев, Степан Цимбалистый. Русские, украинцы, армяне...

Раздумья командира прервал зеленый огонек, который замигал на табло. Якубович повернул голову к иллюминатору. На черном осеннем небе мерцали звезды, светила бледная луна. А внизу, острием треугольника на восток, горело три костра.

– Приготовиться! – раздалась команда.

Еще какое-то мгновение – и прозвучал электрический звонок. Без суеты, один за другим спокойно подходили, к дверям парашютисты. По команде в ночную бездну прыгали партизаны. Первый, второй, пятый, седьмой. Восьмым был радист Евгений Егоров, а последним – Якубович. Не успел он оставить самолет, как в воздухе раздалась автоматная очередь. В чем дело? Ведь стреляет кто-то рядом. (Все выяснилось уже на земле: Евгений случайно нажал на спуск автомата). Командир инстинктивно схватился за вытяжное кольцо парашюта... Над головой

повис купол.

Какие ночью чудесные горы! Покрытые лесом, они под серебристым лунным сиянием напоминали сказочное царство. Внизу лентой блестела река. Была видна дорога. Чем ближе к земле, тем отчетливее доносился лай собак, гул автомашин. Якубович достал из чехла финку, приготовил автомат. Под ногами что-то зашелестело, затрещало. Он зацепился за верхушку ветвистой сосны и спустился на землю.

На сбор десантников и спущенного на парашютах груза ушло немного времени. Уже через несколько часов советские разведчики нашли теплый прием на окраине села Зазрива Дольно-Кубинского района у лесника Йозефа Штрица. Здесь же, в хате лесника, состоялась неожиданная встреча Якубовича с командиром другой спецгруппы – товарищем Морским, который вылетел сюда на несколько дней раньше. Эта встреча ободрила «Львовян». Чувствуя в неизведанном краю гор и лесов локоть друга, каждый из них смелее, с большей уверенностью и надеждой смотрел в будущее.

Отряд расквартировался в Плешиве, одном из многих небольших горных хуторов, в Гаврония и Клобучна, Грунь и Бела, Козлинская, Ростки и Новина, разбросанных в районе Зазривы. Люди отдыхали, привыкали к горному воздуху. Что ни говори, а высота более 1600 метров над уровнем моря дает о себе знать.

По партизанскому отряду «Львовяне» был объявлен приказ № 1. В нем отмечалось:

«В ночь с 21 на 22 сентября 1944 года наш отряд благополучно высадился на базе Морского в районе хутора Плешива. До начала боевых действий отряд будет пополняться личным составом. Каждый боец готовит себя к боевой жизни. Внутренний распорядок, который существует на базе Морского, обязателен для вверенного мне отряда.

Майор Игорь».

Бойцы входили в свою роль, бывали в разведке, изучали обстановку и осторожно, очень осторожно заводили знакомство с местным населением.

В партизанский отряд вступали добровольцы – чехи и словаки. Первым познакомился с советским командиром-разведчиком чех-коммунист Станислав Дворак. Еще недавно он работал на заводе в Судетской области. Но вот пришли фашисты. Убийства, издевательства, тюрьмы, унижение человеческого достоинства...

Он заявил:

– С оружием в руках я хочу уничтожить фашистов.

А оружие Станислав Дворак умел держать крепко. В 1937 году во время войны в Испании он сражался на стороне республиканцев. Русский «максим» был грозным оружием. Много раз точным и метким огнем пулемета поддерживал он наступающие батальоны республиканцев. Здесь, на родной чехословацкой земле, Станислав Дворак был таким же храбрым бойцом, каким его знала республиканская Испания.

По рекомендации Станислава Дворака в партизанский отряд пришла молоденькая семнадцатилетняя Оля Ядвишак. Посмотрел на нее Якубович и удивленно сказал:

– В самом деле, не знаю, что и делать! Ведь это отряд... Ты понимаешь меня, здесь не играть, а воевать надо...

– Командир, не спеши, – медленно произнес Дворак. – Ее родителей фашисты уничтожили. Девушке тяжело. И мы с вами не имеем права отказать ей. Она будет настоящим мстителем.

Постоянными помощниками советского чекиста, его советчиками и друзьями были коммунисты Рудольф Сокол и Рудольф Стрехай.

Плешива стал центром объединения народных мстителей. Словаки изучали здесь оружие, усваивали методы борьбы с противником.

Душою молодого партизанского коллектива был советский разведчик Эдуард Тумикян, бывший гвардеец, воин инженерных частей Советской Армии. Он многому научил своих словацких товарищей – обнаруживать и обезвреживать мины различных систем, минировать объекты, метко стрелять из автомата и пистолета. Владея первоклассным советским оружием, люди почувствовали в себе силу и рвались в бой. Якубович понимал это, но понимал также и то,

что первый шаг в бою, окажись он неудачным, отрицательно повлияет на ход дальнейших операций. Следовательно, расчет должен быть точным, безукоризненным.

Первую боевую операцию командир решил провести как можно дальше от партизанской базы с тем, чтобы уничтожить высоковольтную линию, которая снабжала электроэнергией военные заводы в Поварской долине. Необходимость этой операции была обоснована: во-первых, фашистские заводы на некоторое время выйдут из строя, во-вторых, гитлеровцы не догадаются о месте нахождения отряда.

Группу возглавил советский партизан Семен Изотович Сидоренко. Кроме русских и украинцев в ее составе были чехи и словаки. 17 октября 1944 года под покровом темноты партизаны прибыли в указанное место и сразу же приступили к действиям. Сидоренко выступал не только в роли командира. Вместе с бойцами он закладывал под фермы высоковольтной линии взрывчатку, маскировал шнур.

Когда все было подготовлено, один из разведчиков, который должен был прикрывать группу со стороны железной дороги, доложил, что на станции находятся под парами два паровоза с большим военным эшелоном. Немного подумав, Сидоренко обратился к товарищам:

– По всему видно, эшелон будет двигаться только в сторону фронта. Другого пути здесь нет. У меня возникла идея: немедленно заминировать рельсы в этом пологом месте, и когда вагоны взлетят в воздух, паника фашистов усилится еще и от взрывов на высоковольтной линии, которую мы так старательно заминировали.

Как сказал командир, так и сделали.

Когда основная группа народных мстителей была уже далеко от железной дороги, ночную темень прорезали молнии, по долинам прокатилось эхо затяжных глухих взрывов. На месте железнодорожной катастрофы вспыхнуло зарево.

Через десять дней на боевое задание ушла новая группа под руководством словака Антона Шмегиля. Его помощником был украинец Ярослав Медвидь. Партизаны имели задание взорвать железнодорожный и шоссейный мосты в направлении Жилино – Кролеваны. Задание усложнялось тем, что вблизи объектов проходил тоннель, который охраняли фашисты из гарнизона, расположенного в селе Кролеванах.

Было уже далеко за полночь, когда партизаны с дорогим грузом на спине – взрывчаткой – подползли к мостам, быстро заминировали их. После взрыва в стане врага началась паника. Фашисты поспешно выскакивали из помещений, а партизаны тем временем косили их автоматными очередями. Полтора десятка гитлеровских головорезов нашли себе могилу на чехословацкой земле.

В ту ночь проводили операции еще две диверсионные группы, возглавляемые Семеном Сидоренко и Эдуардом Тумикяном. Их послал майор Игорь за многие километры от партизанской базы – в район Моравской Остравы. Дело в том, что в этом высокоразвитом промышленном районе с густой сетью коммуникаций гитлеровцев мало кто тревожил. По железной дороге из Чехословакии и Австрии непрерывным потоком мчались на восток военные эшелоны с живой силой, техникой, боеприпасами. Необходимо было сбить спесь с гитлеровцев, которые здесь чувствовали себя очень уверенно. Вот тогда командир и решил «пройтись» по фашистским коммуникациям. Рейд был успешным. За несколько дней группа Сидоренко уничтожила пять, а группа Тумикяна – три эшелона с живой силой и техникой врага. Движение поездов на этой линии было парализовано на несколько суток.

Тем временем специальная группа отряда ежедневно совершала вылазки в населенные пункты, на железнодорожные станции и добывала все новые и новые сведения. Анализируя их, командир предвидел, что гитлеровцы, обеспокоенные действиями народных мстителей, вскоре пошлют в партизанский район большие карательные подразделения. Это предположение подтвердилось информацией и из другого источника. Официантка ресторана, которую специально устроил здесь майор Игорь, сообщила интересную деталь. Однажды на обед в ресторан зашли три фашистских офицера. В разговоре между собой они несколько раз повторяли одни и те же названия: «Зазрива, Плешива». Официантка прислушивалась, но напрасно. Разговор прекратился, как только в зал вошел генерал. Офицеры вскочили с мест, выбросили вперед руки и в один голос выкрикнули: «Хайль Гитлер!»

Генерал, в черном мундире, с черепом и фашистской свастикой на рукаве, сел за отдельный столик. Тишина царила недолго. Генерал что-то спросил полковника, а тот вместо ответа

раскрыл планшет, достал топографическую карту и развернул ее на столе. Снова официантка услышала: «Зазрива, Плешива». Ловко расставляя на столе приборы, девушка мельком взглянула на карту. Населенный пункт Зазрива был обведен черным кружочком, а посередине стояла цифра «3000».

– Ну что ж, товарищи! – сказал Якубович, обращаясь к своим ближайшим помощникам. – Плешиву мы должны немедленно оставить. Фашисты, очевидно, думают, что нас не 150, а 3000, и, конечно, бросят сюда значительные силы. Как только начнет темнеть, немедленно двинемся вот сюда! – И он указал пальцем на карте то место, где было написано: «Хутор Козлинская».

Предчувствие не подвело чекиста и на сей раз. На рассвете партизаны наблюдали интересную картину. В воздух взлетели сигнальные ракеты. Гул пушек, минометов, стрекотание пулеметов слились в непрерывный гром.

Гитлеровцы, развернувшись в цепь, при поддержке артиллерии и большого количества танков наступали на... безлюдный хутор Плешива.

Генерал войск СС, который командовал операцией, не мог простить себе, что партизаны обвели его, как говорится, вокруг пальца. Эсэсовцы все дальше и дальше углублялись в лес, стараясь напасть на след патриотов. Партизаны вели с ними бои в Грустинском лесу, в районе горного массива Великий Хоч, в долинах Святоанской, Малатинской, Каламенской, Просецкой. Несмотря на то, что враг имел значительное преимущество в живой силе и технике, народные мстители, умело маневрируя, выходили из самых сложных ситуаций. Каратели ни разу не достигли желаемого успеха, хотя в своих газетах не переставали трубить о разгроме партизан. Чтобы разоблачить фашистское вранье, Якубович (хотя каждый боец был на строгом учете) регулярно отрывал от отряда и посылал на ответственные задания диверсионные группы. Вот скучные строчки из его дневника:

Конец октября – первые дни ноября 1944 года. Железнодорожная линия Жилино – Чадце. Группа Сидоренко подорвала воинский эшелон из 35 вагонов с людьми и амуницией.

Валашская Мезерич – Границе. Эта же группа Сидоренко пустила под откос эшелон из 14 вагонов с вражескими солдатами.

Валашская Мезерич – Моравская Острава. Взорван эшелон – 22 вагона с военным грузом.

То же самое на линии Фридек – Фридлинд.

11 ноября 1944 года. Жаркий бой. Уничтожено 20 эсэсовцев. Наши потери – два товарища – украинец Ярослав Медвидь и словак Йозеф Томашец. Будучи тяжело ранеными, они попали в плен. Фашисты зверски издевались над ними, а затем живьем сожгли на костре. Свидетелем этой ужасной картины был наш боец Владимир Титов, которого эсэсовцы не заметили под густой елью. Ночью Володя пришел в отряд.

16 ноября 1944 года. Форсировали бурную реку Ораву, вышли в район горы Великий Хоч. В нескольких местах разобрали железное полотно.

20 января 1945 года. Группа Владимира Титова, которая в подавляющем большинстве своем состоит из словаков, в районе Рибарполье подорвала военный эшелон из 50 вагонов с живой силой противника. Возвращаясь на базу, партизаны уничтожили охрану, подожгли шесть складов с оружием, артиллерийскими снарядами и минами. Пламя пожара было видно за десятки километров. Долго-долго раздавались глухие взрывы.

21–23 января 1945 года. Группы Софии Ходжаевой и Степана Туза вместе с местными жителями дважды подрывали на линии Дольный Кубин – Новый Тарг железнодорожное полотно. На станции Парижовцы группа Туза напала на вражеский гарнизон, взяла в плен и привела в лес 20 мадьярских солдат, 18 из которых были безземельными крестьянами. Все они в годах. Мобилизованы в армию во время войны. По добровольному согласию мадьяр мы зачислили их в хозяйственную команду отряда.

Степаном Тузом гордился весь отряд «Львовяне». Стоит рассказать об отдельных эпизодах из боевой жизни этого простого парня, уроженца Глинянского района на Львовщине. Степану не надо было, как говорится, занимать храбрости, смекалки, изобретательности. А тот факт, что он неплохо владел немецким языком, давал ему возможность выполнять ответственные задания. Однажды группа партизан в форме эсэсовцев строем зашла на территорию расположения фашистского гарнизона. Вел эту команду браваый обер-ефрейтор с автоматом наперевес. Чекая шаг, он аккуратно отдавал честь офицерам, рядовые солдаты тем временем тянулись перед ним.

На окраине села возле колодца стояли два упитанных гитлеровца с автоматами наперевес и разговаривали с горной красавицей. Туз поманил их пальцем к себе.

– Кто вы такие и что здесь делаете? – строго спросил он.

– Нас послали сопровождать военный эшелон на фронт, – доложил один из них. – Располагаем тремя часами свободного времени, вот и решили отвести душу...

– Это очень хорошо! – спокойным тоном продолжал «обер-ефрейтор». – И все же, когда фатерлянду угрожает опасность, солдатам великого фюрера не к лицу заигрывать с прекрасными фройляйн. Нам дорога каждая минута. Становитесь в строй!

– Господин обер-ефрейтор, мы опоздаем на станцию!

– Не разговаривать! Через час после выполнения срочного задания возвратитесь на то же самое место.

– Есть! – стукнув каблуками, ответили солдаты и замкнули строй.

Через час они были в лесу. Допрашивал немцев чекист Якубович...

Подобными методами действовал Степан Туз и в других местах, где он вместе со своими товарищами ночью тихо снимал часовых, которые охраняли спящих фашистов, и, выполнив предупредительные меры – вытащив из немецких автоматов затворы, приказывал оккупантам выходить на улицу. Потом он целыми партиями конвоировал их к условленному месту.

Однако не всегда все шло гладко. В помещении школы в одном селе разместились полевая жандармерия (до 20 человек). Туз подкрался к часовому с целью обезвредить его. Но тот неожиданно закричал, и в лагере врага поднялась тревога.

Степан и его товарищи, не теряя времени, пустили в ход «карманную артиллерию» – в окна полетели одна за другой восемь гранат. Ни одному оккупанту не удалось спасти свою шкуру.

Поле деятельности спецотряда «Львовяне» ширилось с каждым днем. Бесперывные боевые операции партизан были по душе местным жителям, и они всегда оказывали народным мстителям необходимую помощь. Партизаны в свою очередь пытались наладить с ними крепкие контакты, завоевать их расположение. Во многих горных районах, где действовал отряд, выпускались газеты, работали агитаторы-коммунисты. Живым и печатным словом они еще и еще раз разъясняли словакам, что несет поработенным народам фашизм, разоблачали страшные злодеяния гитлеровских поработителей, призывали везде и всюду оказывать сопротивление врагу. И это делало свое дело: даже те, кто не сочувствовал партизанам, больше того, был враждебно к ним настроен, старались чем-то им услужить. Так, юрист Т. из города Липтовский Микулаш, который скомпрометировал себя сотрудничеством с членами правительства фашистского диктатора Тисо, решил сделать партизанам услугу – привлечь к сотрудничеству с ними министра путей сообщения Словакии. О таком намерении юриста сообщил Якубовичу Рудольф Стрехай.

– Заманчиво! – усмехаясь, сказал майор Игорь. – Купишь не купишь, а пощупать надо...

– Крысы начинают оставлять тонущий корабль! – засмеялся Рудольф.

С целью конспирации встречу с доверенным лицом министра решили провести не в Липтовском Микулаше, а в соседнем селе Просек. За несколько часов до встречи сообщили об этом юристу. Майор Игорь с группой бойцов темной мартовской ночью тронулись в путь. Шли крутыми горными тропинками. Каждый неосторожный шаг мог стоить им жизни. Пятикилометровую дистанцию с трудом преодолели за четыре часа.

– Товарищ командир, все в порядке! – доложил патрулирующий Андрей Забойник. – Доверенный их величества находится в хате Марии Гураневой. Наши дозорные контролируют все дороги, которые ведут к селу, путь в горы прикрывают пулеметчики.

Из-за стола поднялся коренастый, уже в годах, мужчина. Он вежливо поклонился, назвал себя. Наступила пауза... Потом он обратился к Якубовичу:

– Господин командир! Министр прежде всего просит у вас гарантии безопасности. Если вы заверите его в этом, он готов оказать вам помощь не только ценными сведениями, которые являются государственной тайной, но и предоставит материальную помощь.

– Что вы имеете в виду?

– Можем снабдить вас деньгами. Миллион, два миллиона. Сколько вам понадобится.

– Партизаны в деньгах не нуждаются, – ответил Якубович. – Богатство наше измеряется не миллионами. А что касается сведений, то прошу – выкладывайте.

Доверенный достал из портфеля карту, разложил ее на столе:

– Министр сообщает вам, что завтра отправляют в Германию важные государственные архивы правительства Тисо. Одновременно будут эвакуировать из Братиславы семьи всех министров... Вот здесь, в районе Грбальтово, – показывает на карте, – находятся очень важные склады оружия и боеприпасов. Здесь – специальные склады фаустпатронов.

Доверенный министра оказался словоохотливым человеком. Он детально рассказал обо всем, что знал, в частности, о секретных входах к военным базам, об их охране.

– За информацию благодарим, хотя, правда, эти данные не являются для нас новостью, – произнес Якубович, когда тот, окончив доклад, выжидательно посмотрел в его сторону. – Передайте, пожалуйста, нашу партизанскую благодарность и министру. Заверяем, что мы полностью гарантируем ему безопасность, где бы он ни находился. Пусть он спокойно эвакуируется с правительством Тисо, а семью может оставить на месте. Связь с ним будем поддерживать через вас.

Рюмка теплой словацкой грядты... Гости на ходу закусывают и снова – в путь. Куда кто: посланец министра – в Ружомберок, Якубович – в партизанский отряд, а Володя Титов с группой товарищей – в район Грбальтово уничтожать фашистские склады.

Село Просек партизаны запомнили еще и потому, что здесь они наладили контакты с начальником словацкого военного округа капитаном Вайдой, который впоследствии перешел на их сторону. В этом же селе, к сожалению, попался фашистским палачам комиссар отряда Виктор Васильевич Каренин. Он прибыл сюда на встречу с молодыми словацкими патриотами, которые по заданию Якубовича проводили здесь подпольную работу. Задержался. И когда под вечер, простившись с ребятами, шел через село, узнал, что фашисты устроили облаву и у всех проверяют документы.

Каренин был уверен, что его документы на имя эвакуированного предпринимателя из Восточной Словакии были настоящими, и не имел оснований беспокоиться. Но когда доставал из внутреннего кармана паспорт, случайно зацепил им пистолетную обойму с патронами, и она упала на землю. Фашисты бросились к Каренину, скрутили руки и отправили в Ружомберокскую тюрьму. Впоследствии в тюремных архивных документах, которые попали к нашим разведчикам, была обнаружена запись о том, что Каренина вместе с другими арестантами эвакуировали во Францию. Однако жители Ружомберока утверждали, что видели Каренина в группе арестованных, которых фашисты вели на расстрел.

Вот уже четверть столетия прошло с того времени, как утихла грозная буря второй мировой войны. Быстро летит время, много событий произошло в мире. Подросло новое поколение. Смотришь нынче на задорную, веселую молодежь и думаешь: «Были и мы вот такими. Только судьба другая нам досталась: суровая, трудная».

Дети Павла Федоровича Якубовича уже стали взрослыми. А самый маленький – Игорек, ученик – часто просит: «Папа, ну расскажи еще какой-нибудь фронтовой случай. Ну, прошу тебя». Интересуется...

Якубович – человек с чистой совестью. Ему есть о чем рассказать не только своему сыну. Родился в местечке Хмельник на Винничине. Рос без отца (умер в 1921 году от тифа). Дома часто не было куска хлеба.

Больше всего врезался ему в память Тульчин. Тридцатые годы. В то время он работал на почте. Много внимания уделял общественной деятельности, комсомольской работе. Член секции рабоче-крестьянской инспекции – РКИ, член Тульчинского горсовета, он постоянно принимает участие в работе чрезвычайной комиссии по пересмотру персональных дел осужденных к принудительным работам. Но это не на первом плане... Коллективизация – вот что главное было на повестке дня.

– Однажды вечером разговаривал по телефону с председателем сельского Совета, – вспоминает Павел Федорович. – Договариваемся созвать завтра на 17 часов сельский сход. Кулакам, наверное, было известно, о чем там будет идти речь. Конечно, о хлебосдаче. На второй день приезжаю на велосипеде в село, но вместо схода попадаю на похороны председателя сельсовета. Зверски убили его мироеды...

Учеба в институте связи. Армия. Младший сержант. Снова учеба, И наконец – офицер.

В 1939 году Якубович принимает участие в освобождении Западной Украины. Потом Великая Отечественная война. Фронт, подполье, специальный партизанский отряд в Словакии.

На каком бы посту Якубович ни находился, он всегда глубоко верил в правоту своего дела.

И эту веру прививал тем людям, которыми ему приходилось руководить в дни тяжелых испытаний.

Характерный случай. В первых числах марта 1945 года войска Советской Армии, преодолевая упорное сопротивление врага, с тяжелыми боями продвигались вперед. Понимая, что приближается роковой конец, фашисты в районе Сельницы начали сооружать опорные узлы, фортификационные линии. Эсэсовский гауптман, который руководил этими работами, отличался особой жестокостью. Ежедневно из Сельницы и окружающих сел он сгонял сотни мужчин и женщин, принуждал их работать с раннего утра и до поздней ночи. Партизаны решили помешать фашистам, хотя понимали, что это связано с большим для них риском.

Разведчики Владимир Титов и Людо Гайдаш рано утром вместе с крестьянами ушли в Сельницу рыть окопы. Вскоре сюда явился гауптман в сопровождении ефрейтора. На глазах многих сотен крестьян партизаны уничтожили оккупантов, а всех мужчин и женщин отправили домой. Позднее гитлеровцы уже не осмеливались продолжать оборонные работы.

Десятки боевых операций в горах Словакии провел отряд «Львовяне». И за их успех надо благодарить советского чекиста Павла Якубовича, который воспитал возглавляемый им коллектив, завоевал симпатии словацкого населения, оказывавшего советским разведчикам всестороннюю помощь.

Свидетельством таких симпатий могут быть многочисленные встречи бывшего майора Игоря (теперь работника Львовского областного управления сельского хозяйства) с населением тех районов Чехословацкой Социалистической Республики, где действовали «Львовяне». Такие встречи происходили в 1945, 1956 и в 1964 годах.

Больше всего запомнилась встреча в селе Зазриве, где отряд начинал свою деятельность. Якубович приехал сюда с секретарем Дольно-Кубинского райкома партии. Сельский клуб переполнен, почти у половины присутствующих на груди – красные банты и юбилейные партизанские медали. Когда Якубович поднялся из-за стола президиума и произнес: «Здравствуйте, старые друзья», в зале все поднялись с мест, раздался гром аплодисментов, возгласы в честь нерушимой дружбы двух братских народов.

Радостно встречали дорогих гостей и жители села Просек. Вместить всех желающих в клубе не было возможности, и митинг дружбы состоялся под открытым небом. Якубовича забросали цветами, которые он здесь же вручал просечанам. Многих помнил. С Марией Гураневой, в хате которой состоялась памятная встреча с уполномоченным министра, обнялись, расцеловались.

Не узнать теперь Словакии. Некогда бедная аграрная область, она преобразилась в край высокоразвитой лесной промышленности, тяжелой индустрии. И очень хорошо, что люди понимают, кого за все это благодарить.

– Вас, дорогие советские друзья! – говорят они. – Ваших бесстрашных людей, которые в тяжелые годы второй мировой войны не жалели для нас ни сил, ни здоровья, самого дорогого – жизни. Честь и слава вам! Дружба – навеки!

СЕМЕН ДРАНОВ
ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Тучи заволокли небо, и сразу стало сумеречно. Внезапно наступившая мгла и разразившийся грозовой дождь, однако, не остановили Лабузова, он настойчиво шел к цели. Вот уже на окраине вырисовался силуэт разыскиваемого одноэтажного, покрытого красной черепицей, домика. Втроем незаметно подошли, притаились. Стук в дверь всполошил хозяев дома. Шумно распахнулось окно, и в ту же минуту из него стремительно выпрыгнул человек. Но именно здесь его подстерегали. Схватка была короткой.

Из крепких рук Лабузова неизвестному не удалось ускользнуть.

– Отпусти, слышишь?! Тебе же будет лучше, а иначе пожалеешь! – брызжа слюной, сиплым голосом грозился бандит.

Вместо ответа Лабузов крепче скрутил рецидивисту руки и без особых приключений доставил задержанного в милицию.

Так прошла первая боевая операция комсомольца Михаила Лабузова, на которую он пошел добровольно. И как-то сразу проявились черты характера молодого человека с проникновенными темными глазами: смелость, решительность, бесстрашие.

– Дрейфил? – спросил у Михаила дежурный на участке, пожилой старшина с маленькими черными усами, когда он явился к нему.

– Нет, – уверенно ответил комсомолец и тут же добавил: – Но, признаться, без привычки...

Старшина перебил Лабузова и подбодрил новичка: «Привыкнешь!...»

Это слово Михаил впервые услышал в ту пору, когда он юнцом стоял с котомкой в руках и широко открытыми глазами с надеждой смотрел на мастера цеха. Тринадцатилетним подростком пришел он на завод, на котором многие годы работал его отец, Василий Иванович. Умер отец в 1921 году. Тогда в семье из четырех человек Михаил был самый старший, и именно ему предстояло заменить отца.

– Трудновато тебе будет, Мишутка, – ласково говорил мастер, – да и ремеслу ты никакому не обученный...

Михаил стоял как вкопанный, не шелохнулся. Всем своим видом он давал понять, что отказать ему нельзя. И, взглядываясь в Лабузова-младшего, мастер, наконец, с сочувствием произнес:

– Так вот, Мишутка, – покрутил он пальцами правой руки посеребрившийся ус, – раз у тебя еще нет определенного ремесла, могу пристроить рассыльным в железнодорожном цехе. – Помолчал. – Конечно, работка не очень заманчивая, но что поделаешь! Привыкнешь! А там, смотри, может, и к делустроишься. Твой отец ведь тоже не сразу литейщиком стал! – Снова помолчал. – Ну, как?

Глаза подростка от радости заблестели, он запальчиво ответил:

– Согласен!

С того памятного дня Михаил больше не приходил к своим сверстникам в живописные уголки ширококоруслой Волги, не ловил с ними рыбу, как прежде. Куда там! Времени для таких забав теперь не оставалось. Невысокий, с круглыми карими глазами, любознательный, Михаил

носился из цеха в цех с деловым видом, аккуратно выполняя различные поручения. И ни разу не пожаловался на усталость. Терпел!

– Ну как, малыш? – однажды спросил у него мастер и похлопал его по плечу. – Все бегаешь?

В ответ Михаил улыбнулся, широко открыв ровный ряд белых зубов, нараспев ответил:

– Бегаю!

Ни одна «встреча» со станками, ни одна плавка металла не проходили для него бесследно. «Вот штука интересная!» – восторгался про себя подросток. Ведь он никогда раньше не видел, как с металлической болванки снималась стружка и послушно вилась спиралью. Не приходилось ему видеть раньше, как строгают металл, сверлили его, до блеска зачищали поверхность. Все отныне занимало рассылного, разжигало его любопытство. Дома он с увлечением рассказывал добродушной матери, Анне Сергеевне, которую очень любил, о «чудесах» на заводе «Красный Октябрь».

Так в хлопотах и суете пробежал первый трудовой год. Михаилу исполнилось четырнадцать лет. Юркого подростка полюбили на заводе. Однажды мастер порадовал его:

– Вижу, ты старательный парень, молодец! Теперь скажи: к чему у тебя лежит душа?

Михаил понял: настало время выбрать специальность. Но какую? Оставаясь под впечатлением «волшебных» станков, он буквально выпалил:

– Хочу стать токарем!

– Ну что ж, малость подучишься, а там привыкнешь...

...Токарному делу учился в фабрично-заводском училище. Потом работал учеником токаря, однако вскоре потянуло его на литейное дело. Почему-то именно теперь, когда повзрослел, захотелось ему продолжить профессию отца.

– А как же станки? – искренне удивился мастер.

– И токарное не забуду! – поспешно заверил Михаил мастера.

А тут, к счастью, заводу потребовались литейщики-формовщики по металлу. Михаила по его просьбе перевели в чугунолитейный цех.

На общезаводском комсомольском собрании, когда обсуждали заявление молодого литейщика о приеме его в ряды комсомола, люди постарше его с полным основанием говорили:

– Михаил Лабузов примерный рабочий и скромный, хороший товарищ. За короткое время он стал настоящим литейщиком. Видать, в отца пошел.

В тот день Михаил не шел, а бежал домой. Еще на пороге расцеловал мать и громко воскликнул:

– Мамочка! Я – комсомолец!

То был 1923 год. Не легкий для молодого Советского государства. В стране царила разруха. Классовый враг упорно не сдавал своих позиций. Но новое властно наступало на старое. В городе на Волге рабочие и инженеры приступили к осуществлению ленинской идеи – пересадить крестьянина с коня на трактор. Началось строительство крупнейшего тракторного завода. Вместе с комсомольцами Михаил возводил один из первых индустриальных гигантов страны. В трескучий мороз кирпич за кирпичом молодые энтузиасты укладывали в стены. Завод был построен. И снова – родной литейный.

Шесть лет работы литейщиком на заводе «Красный Октябрь» закалили Лабузова, укрепили и подняли его революционное сознание. Вершиной его политического возмужания стал день, когда он в 1928 году вступил в ряды Коммунистической партии. Тогда же Лабузова избрали в состав завкома комсомола. Работал он культпропом, а годом позднее – заведующим культпропа райкома ВЛКСМ Средне-Актюбинского района. А еще через год Михаила призвали в Красную Армию. В полку, где он служил, ему не раз объявляли благодарность перед строем. Подтянутый, стройный, он громко отвечал:

– Служу Советскому Союзу!

Из армии Лабузов возвратился на «Красный Октябрь», снова стал литейщиком. Однако не долго ему довелось работать по специальности, которую любил. На исходе 1931 года сталинградская комсомольская организация направляет Михаила Лабузова, на чекистскую работу. Друзья напутствовали его:

– Начни, а там привыкнешь!..

И вот, после выполненного первого оперативного задания, Михаил невольно вспомнил

дни, когда он впервые услышал слово «привыкнешь»... Молодой чекист привыкал к сложной работе, проникался сознанием своей ответственности за высокое доверие, оказанное ему.

...Стоял хмурый февральский день. Небо мгlistое, серое. Холодное солнце редко ласкало низину, раскинувшуюся на несколько километров.

Михаил Васильевич Лабузов с женой Галиной Ефимовной переселились из города в самый крупный в области мясосовхоз «Усть-Медведицкий». Сюда его направили на должность заместителя начальника политотдела по госбезопасности. Жить устроились на центральном хуторе, насчитывавшем не более двадцати хат. От хутора до районного центра было шестьдесят километров, а до железнодорожной станции – сто двадцать. Именно здесь требовалось недремлющее око чекиста. Пробравшись на фермы совхоза, кулаки всячески вредили хозяйству, травили скот, преследовали в совхозе неугодных им людей. Надо было выявить затаившихся врагов, обезвредить их, обеспечить бесперебойное снабжение рабочих города мясoproдуктами.

В совхозе было десять ферм. Расстояние между ними – пятнадцать-двадцать километров. Всякий раз, когда Михаил Васильевич отправлялся на одну из них, неизменно предупреждал жену:

– В углу стоит заряженная винтовка, а под подушкой – наган. Дверь никому не открывай!

Кулаки и подкулачники сразу почуяли в Лабузове опасного человека. На тайной сходке они решили разделаться с ним.

На исходе короткого февральского дня Лабузов отгребал от дома снег. Только успел плотно закрыть за собой дверь, как к дому подошли трое.

«В такую пору? – удивился Лабузов. – Кто бы это мог быть?» Сказав жене, чтобы она перешла во вторую комнату, где стоял железный сундук с документами и надежно были закрыты ставни, он взял на изготовку оружие.

В дверь постучали.

– Кто? – негромко спросил Лабузов.

– Из конторы, принес пакет, – ответил резкий мужской голос.

– Ты один?

– Один.

Ответ незнакомца настораживал. Ведь Лабузов ясно видел троих. Значит, не с добрыми намерениями явились сюда.

– Пакет возьму завтра. А как твоя фамилия?

Вместо ответа в дверь сильно загромыхали. Запоры оказались прочными. Потом послышалась возня у окна, плотно закрытого ставнями. Потоптавшись несколько минут у порога, незнакомцы ушли. А Михаил Васильевич напряженно вглядывался сквозь щель. Из-за наступившей темноты трудно было кого-либо опознать. Только и приметил, что один из троих припадал немного на правую ногу.

Сразу почему-то подумалось о животноводке, рыжебородом Парфентии с блудливыми глазами. Вспомнилось и такое: при встрече тот шапку скинет, а в лицо не смотрит.

На следующее утро Лабузов приехал на ферму. Парфентий разносил корм молодняку:

– Доброе утро, товарищ начальник! – наигранно весело приветствовал Парфентий Лабузова и скосил взгляд мимо него. Михаил Васильевич расспросил его о падеже за истекшую неделю, о том, много ли припасено кормов, как спорится работа. Парфентий спокойно отвечал на все вопросы.

Лабузов почувствовал, что Парфентий играет, не такой уж он словоохотливый в жизни, каким рисуется нынче. А когда тот пошел за кормами, Лабузов окончательно утвердился в своем подозрении: вечером приходил к нему с недругами он!

Но как его обезвредить? Отлично понимал: если не сделает это теперь, то, возможно, потом будет поздно. И, прежде всего, надо было установить, с кем связан Парфентий.

Так, в раздумье, Лабузов постоял несколько минут, а когда Парфентий возвратился, поинтересовался у него, далеко ли ему отсюда добираться домой. Михаил Васильевич заметил, как в прищуренных глазах Парфентия заиграла хитринка.

– Может, начальник, ко мне в гости пожелуете? – Наигранно вежливо пригласил Парфентий. – Милость такую окажете! Встречу с радостью, как положено честному труженику.

– А дома еще кто есть? – осведомился Лабузов, внимательно наблюдая за выражением его лица.

– Никого, товарищ начальник, в одиночестве жизнь свою коротаю. – Парфентий тяжело вздохнул. – Сам, одиныхонький как пеня!

– Приду, только не сегодня, дел по горло, – пообещал Лабузов.

Узнав адрес Парфентия, он решил нагрянуть к нему неожиданно. Интуиция подсказывала ему, что Парфентий обязательно проинформирует своих сообщников о разговоре с ним и те надлежащим образом подготовятся к встрече.

День постепенно угасал, а Лабузов домой не спешил, он направился к Парфентию. Еще издали заметил его с двумя незнакомыми мужчинами. В дом вошли только двое, третий же свернул в сторону и удалился. Выждав некоторое время, Лабузов подошел ближе, осторожно заглянул в окно, однако ничего не увидел, окно было плотно завешено. Тогда постучал в дверь. Хозяин, уверенный в том, что возвращается третий из его компании, не спрашивая кто стучит, открыл дверь. Когда же перед ним оказался Лабузов, от неожиданности лицо его застыло в испуге. Быстро овладев собой, Парфентий пригласил его войти в комнату. Лабузов пропустил вперед Парфентия и последовал за ним.

За небольшим непокрытым столом сидел незнакомый с редкой бородкой и чистил пистолет. Ничего не подозревая, тот медленно поднял глаза и остановил свой буравящий взгляд на Лабузове.

Теперь все решали секунды, и тут во всей силе проявилась чекистская хватка. Лабузов ловко выхватил из кармана заряженный пистолет и строго скомандовал: «Руки вверх!» Незнакомец не поднял вверх руки, а подобно рыси стремительно бросился вперед, пытаясь схватить руку Лабузова с оружием. А он успел отвести ее, другой рукой нанес нападавшему сильный удар в живот. Охнув, тот присел буквально у ног растерявшегося Парфентия.

Со всеми предосторожностями Лабузову удалось доставить задержанных в милицкий участок.

Третий участник вредительской группы скрылся и несколько дней не появлялся в этих местах. А потом тайно пришел в совхоз к притаившимся там друзьям. В совхозе начались поджоги ферм, отравление кормов ядохимикатами, участились случаи нападения на активистов. Стало ясно: в совхозе действует новая банда диверсантов. Надо было напасть на ее след и ликвидировать.

И вот помог случай. В один из вечеров Лабузов увидел кравшегося к ферме человека с каким-то узелком в руках. «Если это работник фермы, – рассуждал Лабузов, – ему нечего было бы скрытно пробираться туда. Значит...»

Лабузов притаился и стал наблюдать за странным посетителем. Через каждые несколько шагов неизвестный оглядывался и снова торопился к ферме. Там уже никого не было, и, приоткрыв ворота, тот прошмыгнул вовнутрь.

Без промедления Лабузов тем же путем пробрался на ферму и в серой дымке сумерек увидел, как неизвестный что-то рассыпал в корытца. «Враг!» – мелькнуло в голове Лабузова. Крикнув «стой, ни с места!», он бросился к неизвестному. Последний отшвырнул в сторону уже наполовину опустошенный узелок, выстрелил в Лабузова и кинулся к воротам. Пуля со свистом пронеслась над головой Лабузова, но не задела его.

– Стой! – снова потребовал Лабузов, а сам укрылся за столбом.

В ответ прозвучал новый выстрел. Тогда Лабузов сделал рывок вперед. Спотыкаясь и оглядываясь, неизвестный помчался по дороге. И тут был настигнут Лабузовым. Сказалась его спортивная закалка.

Диверсант был обезврежен. Вскоре при его содействии разоблачили и остальных сообщников.

Благодаря чекистской выдержке, находчивости и смелости Лабузова была разоблачена и изолирована опасная шайка, рассчитывавшая своими злодеяниями затруднить мясopоставки рабочим волжского города, подорвать экономику совхоза, посеять панику среди людей.

В служебной аттестации тех лет чекиста М. В. Лабузова сказано лаконично:

«...Добросовестный и энергичный работник, любящий оперативную работу. Будучи заместителем начальника политотдела совхоза «Усть-Медведицкий», вскрыл три контрреволюционные вредительские и диверсионные группировки...»

А в характеристике от 7 апреля 1938 года записана и такая строка:

«Заслуживает быть повышенным в звании».

Вся жизнь чекиста Лабузова принадлежала Родине, трудился он не покладая рук. Не остыл задор и тогда, когда он стал старшим следователем следственной части НКВД УССР в городе Киеве. Правда, длилось это не долго – три года. Потом его направили на работу в западные области Украины.

...К вечеру пошел дождь. С холмов побежали ручейки и, слившись в единый поток, устремились к реке. Машина неслась из Львова по освещенной золотыми лучами фар скользкой асфальтированной дороге. В Городок Львовской области Лабузов приехал в должности помощника начальника райотдела НКВД.

Начиналась весна, и морем зелени встретила его гостеприимная прикарпатская земля. Дышалось легко, свободно, а Лабузову особенно радостно: у него родился второй сын. В шутку Михаил Васильевич сказал жене:

– Прикарпатский!..

Но даже и такая большая семейная радость не отвлекла его от забот чекиста. Здесь приходилось много работать. Часто за семейным столом он говорил о мужестве, честности и трудолюбии людей, с энтузиазмом взявшихся строить новую жизнь. Но враги пытались помешать.

– Не забывай, Галочка, наша работа почетная, но и опасная. Всякое случается... Ты должна быть готова ко всему.

Так Лабузов говорил жене в тот майский день 1941 года, когда его из Городка перевели в Радехов на должность начальника райотдела НКВД.

Почетный пост возлагал на него еще большую ответственность. Но Михаилу Васильевичу к этому не привыкать, он с удвоенной энергией принялся за дело, при этом проявляя незаурядные организаторские способности. А тут разразилась война...

В памятное июньское утро Михаил Васильевич с тревогой подумал о своей семье. «Как теперь сложится их судьба?» – терзался в мучительных догадках. А его жена, коммунистка Галина Ефимовна, в тот день пришла с детьми в Городокский райком партии. Здесь уже стояли наготове грузовые машины. Переполненные людьми, они вскоре отправились на восток. Враг бомбил Львов, особенно вокзал и железнодорожные пути. Пришлось в обход Львова добираться до Тернополя. Фашистские самолеты с бреющего полета обстреляли машины с людьми. Погибло несколько женщин и детей...

Только через десять дней Галина Ефимовна добралась в родной волжский город. А Михаил Васильевич в это время уже выполнял важное задание в Днепродзержинске. Затем с оперативной группой Лабузов оказался в Ворошиловграде, оттуда перебрался в Сталинград.

Эвакуация в тыл промышленных предприятий, охрана электростанций, вывод из строя важных объектов, чтобы те не достались врагу, и другие оперативные задания пришлось выполнять в очень сложных условиях и с риском для жизни.

Оказавшись однажды у водного рубежа, чекисты должны были преодолеть естественное препятствие. Переправа была разбита. На противоположном берегу маячила лодка. Как быть? Фашистские войска приближались... Тогда Лабузов, сбросив обмундирование, переплыл Донец и пригнал лодку. Сделав несколько смелых рейсов, он переправил всю группу чекистов на другой берег.

...Бой был тяжелым. Фашисты ввели большие силы, стремясь любой ценой прорвать оборону важного пункта. На переднем рубеже вместе с бойцами залег и майор Лабузов. Вдруг вблизи все загрохотало, закружилось... Лабузова тяжело контузило.

Лечился он в казанском госпитале. Долго не мог передвигаться. Потерял слух. Но врачи исцелили от недуга. Через несколько месяцев чекист возвратился в строй.

Был уже конец 1943 года. Под ударами Советской Армии фашисты, понеся ощутимые потери, откатывались на запад. От захватчиков освобождалась Украина. В июле 1944 года вместе с передовыми частями Михаил Васильевич вошел в освобожденный Городок на Львовщине. Теперь он остался в нем на посту начальника районного отдела госбезопасности.

Фронт отодвигался дальше на запад, а в этих местах война еще продолжалась. В отдельных

селах, да и в самом Городке, действовали украинские буржуазные националисты. Предатели народа из-за угла стреляли в коммунистов и комсомольцев, сельских активистов. С лютой ненавистью они учиняли расправы над односельчанами, начавшими восстанавливать разрушенное гитлеровцами хозяйство.

Трудное время. От чекистов требовалось мужество, бесстрашие...

Вскоре к Лабузову приехала семья. Радости не было конца. Михаил Васильевич очень любил детей. Но счастье семьи омрачили бандиты. Под дверь квартиры тайно подсунули записку:

«Убирайся отсюда вон, ибо прикончим тебя и твоих детей!»

Если Лабузову они пока угрожали, то в селах творили черные дела. Муха, Серый, Слепой и другие главарь банд надеялись таким путем запугать население, увести его от решения насущных задач, натравить отсталые элементы на Советскую власть. Украинские буржуазные националисты стремились опорочить Советскую власть, умалить те блага, которые она принесла на истстрадавшиеся западноукраинские земли.

В один из августовских дней Лабузов вел допрос задержанного бандита. Чекист пытался проникнуть в психологию обманутого человека, понять, какие силы толкали его на страшные поступки, старался убедить в несостоятельности братоубийственной политики бандеровцев, направленной против трудового народа. Перед ним стоял бандит по кличке Мокрый из села Тучапы Городковского района. Обветренное продолговатое лицо, широко раскрытые серые глаза, длинные руки. Мокрый говорил глуховатым голосом, правая бровь дергалась. Лабузов долго смотрел на девятнадцатилетнего парня. Встретил бы его где-нибудь в селе или на дороге – не отличил бы от многих односельчан. Что он знал в свои девятнадцать лет! Оказалось, что в 1939 году его отца раскулачили и заставили самого работать на себя, без эксплуатации чужого труда. Четырнадцатилетнему сыну кулака «дружки» усиленно вдалбливали в голову версию, будто их разорила Советская власть, противница «соборной Украины», а когда на Украину вторглись немцы, Мокрый пошел в полицию, а затем добровольно вступил в дивизию СС «Галичина». В девятнадцать лет его руки обагрились кровью советских людей...

После разгрома дивизии СС Мокрый скрывался в схроне и дальше вредил Советской власти, убивал своих земляков-активистов.

– Зачем ты убивал односельчан? – спросил Лабузов у бандита.

Мокрый глухо откашлялся и грустным голосом признался:

– Потому, что они не хотели идти с нами.

– Они строили новую и свободную жизнь, а вам это не нравилось. Так?

– Так.

– Ну, а что вы обещали людям?

– Соборную Украину без коммунистов и советов.

На лице Лабузова скользнула улыбка. Мокрый отвечал автоматически, не задумываясь над тем, что несет явную чушь.

– Скажи мне, до прихода Советской власти в селе Тучапы была украинская школа?

Мокрый замаялся.

– Украинская молодежь на каком языке училась?

– На польском.

– А вот Советская Армия изгнала немецких фашистов с этой земли, и в твоём родном селе сразу открылась украинская школа.

Мокрый молчал. Потупив глаза, он слушал великую правду, которую принесла на западноукраинские земли Советская власть. Однако сознание его было отравлено демагогией бандеровцев, а у самого не хватило ни воли, ни духа перебороть клевету недругов украинского народа, уйти от них. Михаил Васильевич потом делился с людьми впечатлениями:

– Многие бандеровцы даже и не подозревают, как жестоко их обманули атаманы, которые декларируют о свободной Украине, а сами делают все, чтобы ее закатали фашисты.

Из разных мест района приходили неприятные вести: бандиты подожгли здание сельсовета, убили двух комсомольцев, надругались над молодой русской учительницей... А в Тучапах украинские националисты насильно вербовали молодежь в банду. Кто отказывался, с

теми расправлялись на месте.

Для восстановления в селе правопорядка Лабузов послал оперативных работников: Караева – в Тучапы, Пасюкина – в Ратычи.

– Выявите зачинщиков, а людям объясните, в чьих интересах действуют бандеровцы.

В хлопотах прошел день, другой, а оперативные работники райотдела из села не возвращались. Лишь на третий день появился Пасюкин, Караева же все не было. Тогда Лабузов вместе с двумя оперативными работниками и Пасюкиным выехал на подводе в Тучапы. Стояло безоблачное, теплое утро 14 августа 1944 года. Накануне Михаил Васильевич работал всю ночь. И только на рассвете пришел домой, чтобы поцеловать спящих детей и сказать жене: «Я ухожу на задание».

По дороге в село Лабузов предался воспоминаниям. Подумалось о том, что родные приволжские места такие же живописные, как и эти. Здесь следы войны еще виднелись повсюду: то скелетом торчали трубы сожженных домов, с дороги еще не убрали подбитые орудия, то тут, то там зияли воронки от снарядов. Сколько бед причинила война.

Да, война еще дымилась здесь...

Так в раздумье Лабузов и его боевые друзья подъехали к Тучапам. Большое село с церковью в центре. С окраины до сельсовета совсем уже близко, и вдруг – грянули выстрелы.

«Засада!»

Спрыгнув с повозки, Лабузов, Пасюкин, старший лейтенант Бутенко и сержант Харченко залегли и открыли ответный огонь. Бандиты сжимали кольцо, усилили обстрел. Четверо отбивались более чем от двухсот бандеровцев. Силы неравные...

Первым упал сраженный Пасюкин. Вражья пуля ударила в голову Бутенко. Умолк Харченко. Ранило в ногу Лабузова... Михаил Васильевич не рассчитал и последний патрон выпустил в подбежавшего бандита.

Бандеровцы стянули с убитых сапоги, сорвали ордена, забрали планшетки, а раненого Лабузова поволокли волоком во двор хаты украинского националиста Михаила Майстришина.

Лабузов не мог стоять, он сидел на земле и с презрением смотрел на пьяную ватагу.

– Ну вот и встретились, – противно хихикая, выкрикнул бандеровец Степан Тимура. – Теперь ты нам объяснишь, что такое Советская власть и почему наших людей преследуешь!

Лабузова обступили бандиты. Его пинали сапогами, били кулачищами в лицо. Злорадствуя, кто-то гаркнул:

– Ну, чего молчишь? Говори, пока язык еще при тебе остался!

– Скажу, – не теряя самообладания, ответил Михаил Васильевич. – Скажу вам, кто вы такие...

– Кто? – свирепел подкулачник Алексей Кушнир. – Кто?!

– Вы предали свой народ и напрасно на всех переулках кричите, что народу добра желаете. Вранье! Вы сами себя обманываете, а люди уже знают вам цену! Советская власть простит вас, если вы явитесь с повинной. Я вам советую...

– Чего рты пораскрывали! – перебил высокий худощавый, в начищенных сапогах, с буйной прической. Он приблизился к Лабузову вплотную и с яростью полоснул ножом по лицу.

– А теперь что ты скажешь?

Кровь сбежала по бледному лицу Лабузова. На месте носа зияла рана. Лабузов не испугался лютости бандитов и теперь уже громко, словно заглушая боль и выражая страстный призыв к жизни, сказал:

– Меня вы убьете, а Советская власть стояла и стоять будет на этой земле. Такова воля народа. А вы, жалкие фашистские холоуи, не сегодня, так завтра, но обязательно сгинете!..

Бандиты жестоко пытали чекиста, вымещая на нем злобу за свое бессилие. Они отрезали ему уши, выкололи глаза, выбили зубы, отрубили пальцы на руках и ногах...

Михаил Лабузов истекал кровью, терпел страшную боль, теряя силы. Но пока работало сознание и стучало сердце, он беспрерывно твердил бандеровцам, что они отвержены народом и народ никогда не простит им совершенных кровавых злодеяний.

Обессиленного, Лабузова бандиты живьем закопали в яме. Еще долго шевелилась земля...

...Чекист Михаил Васильевич Лабузов любил жизнь, но в трудную минуту на своем посту, не дрогнув, отдал ее во имя счастья людей.

**СЕРГЕЙ БОБРЕНОК
ПОКА БИЛОСЬ СЕРДЦЕ**

На Львовщине, на старом кладбище Яворова, среди многих есть и его могила со скромным солдатским надгробием:

«КОСТРИЦА ПАВЕЛ МОИСЕЕВИЧ
Младший лейтенант
1909–1949 гг.»

За неказистой кладбищенской оградой и буйной зарослью сирени неумолчно и таинственно шумят могучими кронами вековые деревья. Тишина.

Дорогое сердцу прошлое лучше всего просматривается наедине с собой, в немых потемках бессонных ночей. Сколько раз в такой тиши я как бы перелистывал страницы жизни чекиста, посмертно награжденного боевым орденом Отечественной войны. И, перебирая в памяти скупые факты короткой биографии, я постепенно добирался к истокам его мужества, ненависти к врагам и горячей любви к Родине, к людям советским; яснее видел, весомей, зримей ощущал становление замечательного характера гражданина, чекиста, коммуниста, героически отдавшего свою молодую жизнь за наше сегодняшнее счастье, за мирное небо над колыбелью моих детей. И как-то неудержимо, властно родилась потребность рассказать о нем, рядовом славной семьи дзержинцев, хотя бы этим выразив благодарность ему и его товарищам-чекистам, мертвым и живым, о которых еще напишут, обязательно напишут повести и рассказы, легенды и песни.

...Часто ночами маленький Павлушка просыпался оттого, что плакала его мама, горестно шепча: «Мусийчику, где же ты, Мусийчику? Тяжко мне... Сын растет сиротинушкой, былинкой при битой дороге... Извелась я, обессилела. Возвращайся поскорей, Мусийчику, ждем тебя, так ждем...»

Тогда, обхватив ручонками мамину шею, семилетний Павло силился представить себе самого дорогого, долгожданного человека, которого мама называла Мусийчиком и еще его, Павлуши, отцом. И не мог: едва четыре годика минуло Павлику, когда забрали отца на далекую и страшную войну с причудливым названием – «германский фронт».

На Харьковщине, в родном селе, красавица весна встречалась с летом, потом, пышно убранная красными гроздьями калины, приходила осень, чтобы на тонкой паутине бабьего лета притянуть за собой белые мотыльки зимы. И снова звонкая капель возвещала о весне.

Отца все не было.

Уже мама надела на Павла чистую белую сорочку, как на праздник, и вывела в поле, дала ему небольшой серп. Когда же упали к его босым ногам первые сжатые им шуршащие стебли,

прижала сына к груди и сказала слова, наполнившие сердце Павлуши радостью и гордостью. «Помощничек мой, кормилец!» И почему-то, вытерев глаза краешком косынки, вздохнула: «Если бы отец увидел – порадовался б на сыночка своего».

А потом в золотом предвечерье долго стояли на околице и все всматривались, всматривались на заход солнца, ждали – не появится ли на дороге отец. Чувствуя непривычную боль во всем теле и особенно в руках, покрывшихся первыми, мягкими еще мозолями хлебороба, Павло до боли в сердце жаждал, чтобы отец возвратился именно сегодня, сейчас. И тогда не будет плакать ночами мама, и завтра они выйдут в поле втроем, и осенью он пойдет, как все сверстники его, в школу, и будут у него свои собственные сапоги.

...Отец возвратился в метельные приморозки конца 1917 года. Стал на пороге выстуженной хаты солдат в почерневшей и заснеженной шинели с алым бантом на груди. Запричитала, обессилев от неожиданной радости, мать. Павло очутился на крепких солдатских руках, кололся личиком о жесткую щетину отцовских щек, шептал упоенно: «Папа, папочка!» А солдат, отец, сказал, как взрослому: «Теперь заживем, сынок! – и прибавил незнакомое слово: – Революция!»

В школу Павло пошел, хотя «свои» сапожки появились у него не скоро.

Завихрилась огнем гражданская. Отец снова ушел в армию. Старшим в семье остался Павло. Старшим, потому что к тому времени появились два братика и сестренка. Так до срока окончилось его детство.

Кто из нас может сказать, когда, в какой день и час пришла к нам зрелость, когда мы стали взрослыми? Не по годам, нет, а по восприятию мира, по возмужанию души. Мне кажется, что Павло по-настоящему, навсегда, как умеют это только хлеборобы, полюбил землю-кормилицу в день своей первой жатвы. А почувствовал себя взрослым, ответственным за судьбы и жизнь близких в скорбные минуты нового расставания с отцом, когда в хате оставалась мать с тремя малышами на руках. И он, старший, явно подражая отцу, сказал:

– Не печальтесь, мама, не плачьте, проживем...

Но по-настоящему переступил тот невидимый рубеж между детством и по-мужски зрелой юностью немного позже, в свои четырнадцать мальчишеских лет, когда увидел смертельный поединок между жизнью и смертью.

...Через село проходила дорога на Харьков. «Казенный шлях», как называли его тогда. Кого только не было на той дороге. Каких только флагов, знамен, хоругв и стягов не покрывала тут пыль боя. Бело-голубые, желто-блакитные, с черепами на полотнище – все они несли смерть.

От них, как от самой смерти, спасал Павло своих братиков и сестренку, маму, себя. И было только одно знамя, несшее с собой жизнь, – цвета алого банта на отцовской шинели, красное знамя. Оно, спасительное, вошло в его сердце, и ему он оставался верным до последнего дыхания.

Возвратился отец с гражданской войны без руки. В красном углу повесил свою буденовку, саблю и неистово набросился на работу. Тяжело было – не жаловался, не сетовал. Пахал, сеял, даже косил, приспособив петлю к косе. Первой в колхоз, организованный в селе, пришла семья Кострицы. Отец стал колхозным плотником, сын, после окончания специальных курсов, – счетоводом. Было это в 1930-м. Не хватало тогда грамотных людей, вот и доверили учет сыну героя гражданской, комсомольцу, вожаку сельской комсомолки. На призывной пункт (это уже в 1932-м году) Павло Кострица пришел в буденовском шлеме своего отца – деталь, говорящая сама за себя.

Пограничные войска, Туркмения. Рядовой, младший командир, секретарь комсомольской ячейки заставы. Тяжелые пограничные будни. Частые стычки с бандами. Смерть побратимов среди бесконечных песков, под немилосердным солнцем. И слезы вдруг осиротевших лошадей, что первыми, задолго перед тем, как зарыдают невесты, матери и жены, оплакивают погибших.

Так закалялась чекистская сталь. Так созревало решение посвятить свою жизнь защите и охране всего, что создано новыми хозяевами новой земли, да и самой жизни советских людей.

Демобилизовавшись, пошел в военизированную охрану на станцию Лозовая, а потом в Харьков. Схватки с ворами и грабителями. Считай, с тридцать второго и по самый день войны не расставался с винтовкой и револьвером. А в Великую Отечественную – заместитель по политчасти начальника специального отряда НКВД. С ним прошел от Украины до Волги и от Волги вновь до Украины. Бои с вражескими десантами в тылу, прочесывание прифронтовых

лесов, уничтожение недобитых гитлеровцев, бандитов, изменников, шпионов и диверсантов... Это были бои, о которых напрасно бы мы искали следы в сводках Совинформбюро. Но после них, как и на передовой, вырастали свежие могилы чекистов по всем дорогам к нашей, победе. За отвагу, мужество, за верность солдатскому долгу фронтовые коммунисты принимают его в свою семью. Дошел с боями до Украины, возвратился в родные места. Здесь его ждало известие, до срока посеребрившее виски белой изморозью: жена его, Аннушка, умерла во время оккупации от голода. Голодная смерть среди бескрайних, испепеленных войной хлебных полей... Но горе крушит только слабых, сильных и мужественных оно закаляет. Тогда же, в 1943-м, перевели Павла Кострицу на оперативную работу в органы государственной безопасности.

Фронт неодолимо, девятым валом катился на запад. А чекист Кострица остался на освобожденной земле. Как рачительный садовод уничтожает гусеницу на деревьях, чтобы цвели они, красовались щедрым золотом плодов, так он со своими побратимами обезвреживал вражеское охвостье, чтобы мирная жизнь набиралась силы на израненной войной земле. Борьба с бандитизмом на Сумщине, Ровенщине, Львовщине. Начальник штаба истребительного батальона. Оперуполномоченный Яворовского райотдела МВД Львовской области и командир истребительного батальона. Давно отгремели салюты Победы, солдаты возвратились по домам, а чекист Кострица все еще в бою, ежедневном, упорном, опасном. Беснуются в предсмертной агонии вооруженные банды украинских националистов. Финансируемые из-за границы, отщепенцы и предатели великого народа, они глухими ночами выползают из тайных убежищ-схронов с немецкими автоматами в руках, охотятся за первыми колхозными активистами западных земель Украины, убивают учителей, комсомольцев, детей... Презренная горстка бандитов силится смертью и кровью остановить весеннее половодье новой жизни.

Краткая запись в анкете чекиста о тех днях:

«...Неоднократно принимал участие в операциях по ликвидации банд украинских националистов».

Что кроется за этими скупыми строками?

...Трое вооруженных до зубов бандитов окружены в старой избушке лесника. Взять их лобовой атакой – значит потерять несколько бойцов. Младший лейтенант Кострица один ползет под градом пуль. Добирается к окну, бросает в него гранату и вслед за взрывом вскакивает в избушку. Сталкивается грудь в грудь с уцелевшим бандитом. Кострица стреляет первым.

...Пятые сутки ждут в засаде бойцы со своим командиром – Павлом Кострицей. Пятые сутки по колени в болоте. И уже второй день без перерыва сечет холодный осенний дождь. Разложить костер, даже закурить нельзя: где-то за болотом в волчьих зарослях – бандитский схрон. Именно к нему приползут зализывать раны остатки банды, по пятнам которых идут чекисты – товарищи Павла. А потом будет бой. И когда он закончится, младший лейтенант, вытерев с лица пот и грязь, увидит три дырочки на своей отяжелевшей от воды шинели – три смерти только за одну схватку ощупывали костлявой рукой чекиста, выскивая его сердце.

Это лишь два эпизода из чекистских будней, о которых в анкете будет коротко написано:

«Неоднократно принимал участие...»

За месяц ему удастся побывать дома два-три дня. Смыть болотную грязь, отдохнуть по-человечески в постели, приласкать жену и сыновей. Да, у него уже есть сыновья. Встретил чекист свою любовь нежданно-негаданно. Бывшая учительница с Ярославщины Алла, Алла Федоровна. Товарищ по работе. Подарила жена солдату двух сыновей. Стала матерью его детей и верным другом боевым. Могла жить во Львове (там была квартира Кострицы), растить детей и дожидаться, когда придет муж. Но знала – трудно Павлу одному. Презрела опасность, приехала к нему, чтобы разделить и радости и горечи. Ложилась в постель с пистолетом под подушкой. Сыновей – к стене, прикрывала собой от возможной беды. Привыкла к бессоннице тревожных ночей и к ожиданию в одиночестве. Оно, ожидание это, как высшее проявление верности и любви, знакомо многим женщинам нашим по дням войны, когда тысячи солдаток высматривали фронтовиков с далеких дорог. Для верных подруг чекистов тревожное ожидание еще и сегодня –

норма жизни. Научились ждать отца и сыновья его. При встрече с ним прижимались головками к шинели и лепетали такое знакомое: «Папа, папочка!»

Они еще не знали, сколько новых сил прибавляли отцу, обнимая его своими ручонками. Тогда, забывая усталость, Павел Моисеевич пел им песни (он очень любил петь), шутил, потом занимался нехитрым хозяйством своим, помогал жене. А после короткого отдыха – снова на операции по ликвидации банд.

В семье о работе старался не говорить. К чему лишний раз тревожить жену и детей? В основном Алла знает «профиль» его обязанностей. А подробности...

Вот недавно возвращался домой. Встретили двое с автоматами, словно привидения, вынырнув из-под моста. Мгновенно бросился ближнему под ноги, в падении вынимая пистолет. Застыл бандит с пулей в сердце. Второго поймали за селом. На допросе сказал, что в их черном списке младший лейтенант Кострица стоит под номером один. Таков приказ заграничного центра... Значит, правильно действуешь, товарищ младший лейтенант, значит – все в норме. О чем же тут рассказывать? Чекистские будни, Никогда и не думалось Кострице, что вся его жизнь – подвиг, сложенный из действий, привычных для чекиста и иногда почти незаметных в семье держинцев.

26 сентября 1949 года возвратился домой где-то около шести вечера, уставший и чем-то угнетенный. Посадил сыновей к себе на колени, гладил их головки, а сам видел молодую колхозницу в лужице крови и рядом с ней ее мертвого ребенка с разmozженной головкой... Жена накрыла на стол. Не мог есть. Взял газету, но не читал – тяжело свесив голову на руки, думал о чем-то.

– Пусть отец поспит, отдохнет, а вы собирайтесь, ребятки, погуляем немного во дворе. – Жена одела сыновей, вышла с ними, тихо прикрыв двери.

А в восемь позвонил телефон. Поступило сообщение, что сегодня в село Старый Яжев наведаются «гости» из леса. Смыл холодной водой сон и усталость, привычно перекинул через плечо автомат. Проверил пистолет.

На улице поцеловал сыновей, жену.

– Не волнуйся, Алла, через два-три дня возвращусь.

Ушел. Спокойно, как всегда, шел на очередное свое задание. Не знал, не подозревал, что оно – последнее. Впрочем, каждое из тех, прошлых, могло быть последним.

Ночью Алла Федоровна часто просыпалась, во сне плакали дети, словно предчувствуя беду, звали настойчиво: «Папа, папочка!»

Чуть свет – забежала соседка, жена начальника милиции. Молча стала на пороге и, едва переводя дыхание, словно после долгого бега, спросила с тревогой:

– Павлик дома?

– Нет. А что?

– Да так я, ничего, ничего...

– Жень, что случилось?

– Алла, возьми себя в руки, у тебя же дети...

...До глухой полночи младший лейтенант Кострица с группой солдат выжидал бандитов в засаде на околице деревни. Никого. Быть может, те, кого они ждали, прошли раньше или выбрали другую дорогу? С двумя солдатами шел улицей притихшего села, чутко вслушиваясь в ночную темень. Что-то подозрительное вон в той хате. Рядовой Зарапкин огородами обошел подворье с тыла. Младший лейтенант и боец Михайлов направились к воротам. Из-за плетня показалась женщина.

– Кого вам?

Кострица заметил за ее спиной какие-то тени. С пистолетом наготове шагнул вперед, будто прикрывая собой от неведомой еще опасности Михайлова. Он всегда кого-то прикрывал, защищал своей грудью в бою. Из темноты секанули очереди трех автоматов, заглушив выстрел пистолета. Подоспели товарищи. Бойцы бросились с собакой по свежим следам убийц, и вскоре слышно стало – настигли.

Младший лейтенант Кострица Павел Моисеевич лежал, широко раскинув холодеющие руки, в последний раз обнимая родную землю.

Пуля бандита остановила горячее сердце чекиста, но она бессильна поставить точку в честной биографии солдата. Страницы его жизни дописывают труженики свободной, навсегда

советской Яворовщины. Новые славные строки вносят в нее боевые побратимы. И сыновья чекиста продолжают летопись отца: старший, Леонид Павлович – в рядах Советской Армии, он стал часовым Отчизны; младший, Борис Павлович, после окончания техникума – возле заводского станка. Пройдут годы, и внуки героя делами рук своих завоюют право дописать новые страницы в бессмертную книгу жизни хлебороба и воина.

...На Львовщине, на старом кладбище Яворова, среди многих есть и его могила со скромным солдатским надгробием:

«КОСТРИЦА ПАВЕЛ МОИСЕЕВИЧ

младший лейтенант

1909–1949 гг.»

Благоговейно склоняю голову перед нею, до конца своих дней благодарный коммунисту, гражданину, чекисту, который отдал свою жизнь за наше сегодняшнее счастье, за мирное небо над колыбелью моих детей и тех, кто скажет первое слово «мама» завтра. Пусть этот рассказ будет скромным проявлением огромного уважения к нему, его товарищам, мертвым и живым, о которых еще будут, обязательно будут написаны повести и рассказы, легенды и песни.

НИКОЛАЙ ИЛЬНИЦКИЙ *ТРИСТА ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ ТИМОФЕЯ ВАЛИТОВА*

У него жилистые, сильные руки – такие бывают у строителей или землепашцев. Руки эти не дали врагу надругаться над первой коллективной бороздой в районе, потом они положили первый камень в фундамент Добротворской ГРЭС, через несколько лет взяли за включатель на могучем пульте – и в селах Львовщины разлилось море огня, а керосиновые лампы исчезли навсегда. Освободитель, страж земли и первый зодчий на ней! Татарин Тимофей Валитов почувствовал, что уже не сможет ее покинуть. Львовщина навсегда стала для него родным домом. Здесь он прожил восемь самых тяжелых послевоенных лет, когда нужно было восстанавливать хозяйство, очищать города и села от развалин и от тех, кто хотел снова вернуть ее в рабство иностранных захватчиков. С каждым клочком земли, с каждым селом у него очень много связано. Он знает каждую могилу своих боевых побратимов. Судьба этой земли в его сердце, она – его жизнь, биография его...

Недавно Тимофей Алексеевич попытался подсчитать, в скольких чекистских операциях пришлось ему принимать участие. Как нелегко было ему это сделать!словно тяжелые тучи,плыли и плыли воспоминания о былом и пережитом.

– Не берусь рассказывать обо всех этих операциях, – сказал он. – Пришлось бы писать

целую книгу. Поведаю лишь об одной, триста первой.

*

Поздним вечером прискакал гонец из Селец-Бенькова: «Зарижный пытается членов правления». Тимофей бросился к телефону:

- Подполковника Шульгу! Товарищ подполковник! Снова Зарижный! Еду на операцию!
- Хорошо.

Подняв оперативную группу, Валитов умчался в ночь. Чекисты уже были на окраине села, когда услышали выстрелы: это Зарижный кончал расплату.

Пятеро лежали на площади перед конторой. Валитов присмотрелся и распознал всех. Председатель колхоза Павел Василишин, члены правления Василий Браташ и Андрей Волян, два «ястребка» – Ткачишин и Лиско, которые остались в деревне для охраны. Под бледным сиянием луны блеснула темно-красная лужа возле убитых.

...Зарижный извивался между селами, словно уж. Хитрил, отстреливался, путал следы. Он сначала было подался на Руду-Силецкую, но, вероятно, поняв, что здесь, где деревни большие и расположены близко одна от другой, может попасть в засаду, свернул резко в сторону. Путь его теперь лежал на хутора Иваньки, Долину, Перекалки.

«Вот хитрая лиса! – разгадывал Тимофей тактику главаря. – Понимаю, хутора – его стихия. Там люди боятся их».

Недалеко от хутора Перекалки Валитов потерял следы беглецов. Словно сквозь землю провалились. Проверили дворов десять в Перекалках – безрезультатно.

Валитов остановился с бойцами в поле и думал – что же делать теперь? Зарижный был где-то близко, он, очевидно, решил переждать, пока его не оставят в покое.

Нет, не мог Тимофей возвратиться в Добротвор! У него созрел план – он отправит почти всю группу назад, оставит с собой лишь четырех товарищей.

Замаскировались в поле недалеко от хутора и тоже ждали.

Тимофей лежал на пригорке под кустами черного терна. Он расстегнул пуговицы гимнастерки: жарко. Был конец июня. Солнце жгло нестерпимо. Из укрытия Валитов зорко осматривал местность. К самому пригорку подступало поле ячменя. Из трубок только выбивались щетинистые колосья. Длительное ожидание клонило к воспоминаниям о семье – о детях, о жене. Давно уже не видел их, соскучился. Бывало не раз приезжает в Каменку-Бугскую, останавливается перед домом, в несколько шагов перемахивает двор, и уже его, такого, как есть, всего в пыли, в военной одежде, обнимает жена, а Валерик и Люда взбираются на руки, на плечи. Те несколько часов в семье – утешение. Каких только игр не придумывал с детьми! А потом – прощание... Уже четыре месяца не видел их, хотя до дома всего двадцать километров...

Прервал воспоминания. Какое он имеет право рассеивать внимание, когда сейчас, как никогда, нужно быть зорким, чутким...

...Шли вторые сутки. Снова солнце принялось жечь землю. Мучили жажда, голод.

Он посмотрел в сторону и вдруг увидел: вдали на полевой дороге клубится пыль. К хутору Перекалки ехала подвода. Было длительное, беспокойное ожидание. Затем подвода остановилась. С нее соскочил человек и пошел по полю в направлении засады. Вскоре Валитов узнал его. Это был колхозник из Селец-Бенькова.

Он сел рядом, вытер с лица пот, сказал:

– У полковника Шульги узнал, что вы здесь, и сразу же сюда. Чуть лошадей не загнал. Хочу сообщить – сегодня после обеда под дубом, что в поле между Перекалками и Осовцом, состоится, встреча Зарижного с посланцем Билоуса.

– Сам будет или с бандой?

– Сам... Так что же делать, Тимофей Алексеевич?

Валитов посмотрел на часы – было без пятнадцати минут два. К дубу километра два...

Подчиненные Тимофея настаивали: «Нападем вместе – так надежней!» В карих, прищуренных глазах командира – отрицание. Повесил автомат на грудь, отстегнул кобуру пистолета:

– Всей группой пойти – значит, всполошить птицу. Оставайтесь здесь, наблюдайте дальше. Двинетесь только после выстрелов... А ты, дружище, – он крепко обнял колхозника, –

возвращайся домой.

Пригнувшись, Тимофей исчез в высокой ржи.

*

Когда в 1941 году в Селец-Беньков пришли фашисты, среди тех, кто встречал их с хлебом-солью, был Алексей Шевчук. Он опередил самых гостеприимных, открыл дверцы черного «оппель-капитана» и поклонился.

Сын сельского старосты Романа Шевчука, который до 1939 года был лакеем у осадников и на том сбил немалое состояние, Алексей возненавидел Советскую власть, которая сделала в Селец-Бенькове всех равными. Шевчуку так хотелось, чтобы называли его паном, чтобы снимали перед ним шапки. Вот почему, когда над дверью школы крестом-пауком зачернел флаг, он пришел к своим спасителям.

– Пан майор Неймер интересуется, кто вы, – вышел к нему переводчик.

– Скажите: его верный слуга. Есть важное дело.

Шевчук еще не научился кричать «хайль» и поэтому, когда вошел в кабинет, где когда-то стояли глобусы, книги, цветы, а теперь на столе чернел ряд бутылок, лисьим шагом подошел к майору и положил перед ним список коммунистов, которые не успели эвакуироваться, и тех, кто первым подал заявление в колхоз в 1940 году. В этот же день этих людей расстреляли. С тех пор и началась карьера Шевчука-младшего. Он первым в селах Надбужья сменил гражданский костюм на форму полицака. Ему разрешили открыть свой магазин и буфет. Сюда в любое время оккупанты могли зайти и выпить стакан спиртного. Сюда Шевчук приносил награбленные в селах ценности. Теперь он снова был пан.

С годами карьера Шевчука росла. Ему удалось пронюхать подпольную группу в селе, и он выдал ее гитлеровцам. Он усердно чистил из крестьянских амбаров последние килограммы хлеба для Германии. Старания полицака заметили, и за два года он выслужился до унтер-офицера.

Потом для прислужника наступили черные дни. Из Селец-Бенькова бежали оккупанты. Машина шефа была перегружена. Правда, фашисты могли остановить ее, немного потесниться, дать и ему местечко, но почему-то этого не сделали.

Когда в Селец-Беньков вошла Советская Армия, Шевчука в селе не было: он прятался в лесах над Бугом. Через несколько дней узнал, что его магазин, буфет, землю конфисковали, раздали все людям. Открылась затянувшаяся рана, чувство ненависти переполнило сердце.

В августе 1944-го в селах Надбужья заговорили о банде Зарижного (Шевчука). Вскоре сама земля вздрогнула от тех кровавых злодеяний, которые на ней чинил этот палач.

*

...В полночь они вывели из дома секретаря Селецкого сельсовета Гуменюка.

– Расстрелять! – кричал боевик Воробец.

– Не то говоришь! – сплюнул Зарижный и подошел вплотную к Гуменюку. – Что, узнаешь? Ну, присматривайся, присматривайся... К журавлю его!

Секретаря гвоздями прибили к журавлю. Уходя, перерезали ему горло. На рассвете люди пошли к колодцу, и девушка, которая первой приблизилась к журавлю, вскрикнув, потеряла сознание. (С того колодца с тех пор не пьют воду).

...Семья Григория Балембы ужинала. А еда – как на горе: по картошке в мундирах да по щепотке соли. Григорий смотрел на детей – желтых, худых – и почему-то прятал под стол костистые руки.

Заскрипела дверь – вошли трое. Балемба поднял глаза и сразу же в высоком, одетом в немецкий мундир, узнал Шевчука.

– Поужинали? – опросил Шевчук. От этих слов в груди Балембы словно что-то оборвалось. Никто не ответил, Шевчук сел возле плиты, не спеша скрутил «козью ножку». Дым окутал всех.

– Значит, Балемба, за советы? Смотрю, ты скоро возьмешься в колхоз гнать людей. Эх Балемба, Балемба, не думал я, что ты, украинец, станешь таким бестолковым. Кстати, ты не забыл, что должен мне мешок муки? Ничего, я добрый, я знаю, что сейчас у тебя муки нет. Ну что ж, богу отдашь.

На топчане, забившись в угол, словно сиротливые птенцы в гнезде, сидели трое малышей.

Зарижный подал знак помощнику – тот вышел. Через минуту со двора начали заколачивать досками окна. Жена Балембы упала перед Шевчуком на колени, зарыдала:

– Помилуйте, пан. Он не пойдет больше в сельсовет... Дети у нас, имейте сердце, Олексо.

– Анна, подымись! Слышишь, что говорю! – закричал словно не своим голосом Балемба.

Шевчук ехидно улыбнулся, процедил:

– Так не забудь, Балемба, богу возвратить муку и помолиться за советы.

В сенях затопали сапоги.

Балембы слышали, как заколачивали дверь, как потом брызгали по стенам, окнам. А затем в комнате стало светло-светло, словно днем. Где-то вдалеке раздались возгласы: кто-то кричал. Во дворе ударила еще автоматная очередь, и вскоре для семьи Балембы наступил трагический конец...

В Селец-Бенькове Зарижного поддерживали родственники, и какое-то время он гулял довольно привольно. Но уже через несколько месяцев банда попала в засаду.

После боя с чекистами Зарижный недосчитался многих боевиков. Тогда он стал более осторожным, перенес поле своей деятельности в другие села Каменко-Бугского района, а затем расширил его и на Лопатинский и Радеховский районы.

Вскоре старания Зарижного были соответствующим образом оценены, и он возглавил так называемый надрайонный провод.

Новые обязанности принудили новоиспеченного «проводника» призадуматься над тем, что делать дальше. Ведь Советская власть крепнет, везде по селам уже организуются колхозы. И тогда Зарижный старается сформировать новые банды на территории провода, втянуть в них людей под угрозой смерти. Их атаманы – Каменяр, Карат, Монета, Соловей, Очерет взмахнули черными крыльями над селами. Из села в село передавались вести: убили директора школы в Руде-Селецкой Глоговского, отрезали языки жителям села Незнанов Павлу Королевичу и Марии Билык, застрелили районного судью Ивана Коржа, сожгли спиртзавод в Селец-Бенькове, казнили секретаря Ясеницкого сельсовета Косолапова, убили председателя Каменко-Бугского горсовета Гуменюка, повесили председателя колхоза в Батятичах Марчишина...

Зарижный задумывает издавать в схронах печатную литературу, переводит на территорию своего провода (где хутора и где не так опасно) окружной провод.

Но все чаще Шевчука преследует Валитов и его товарищи. Это они ликвидируют главарей банд Орлика (Михаила Браташа), Осоку (Дмитра Войтовича), Очерета (Теодозия Фика). А Зарижный, самый опытный, хитрый, держится. Он знает, что пошли с повинной многие из тех, кого он еще вчера считал своими единомышленниками. Знает, поэтому весь в злобе, как зверь перед смертью.

*

Валитов шел напрямик через рожь. Была она высокая, могучая, колосья звенели над самой головой, лезли в глаза. Шел прямо к дубу, который был виден издали. Присмотрелся – на дереве никого. Пошел медленнее. Руками раздвигал стебли, шел осторожно, еле слышно. Был собран, готов к любой неожиданности. Он давно убедился, что Зарижный хитрый, коварный и может появиться там, где его не ждут. Валитов вспомнил зимний день 1946 года. Среди других писем, которые пришли по почте, он увидел и треугольник без обратного адреса. Круглые, наклоненные влево буквы.

«Говорю тебе по-хорошему, Валитов, убирайся, пока не поздно, в свою Татарию. Есть здесь кому наводить порядки и без тебя. Слышишь, повторяю, если хочешь, чтобы голова осталась на плечах, уматывай отсюда. Зарижный».

Валитов показал письмо подполковнику Шульге и капитану Шведченко.

– Смотри, даже угрожает!.. – Шведченко поднял брови. – Видно, костью стали мы ему поперек горла. Дорого бы дал, чтобы убраться нас.

Шевчук привык, чтобы его боялись, и не мог простить Валитову, что тот не обратил внимания на его ультимативное письмо.

В июне 1946-го Тимофей вместе с Павлом Хреновым, своим другом, поехали верхом в Шайноги. В поле было жарко, и они держались тени, падающей от тополей на дорогу. Павел рассказывал веселые истории, а Валитов искренне смеялся.

– Тра-та-тах! – ударила автоматная очередь, и раненая лошадь Валитова, заржав, упала на передние ноги. В ту же секунду Тимофей и Павел прыгнули в канаву. Над головами засвистели пули. Стреляли несколько человек, прятавшиеся в кукурузе.

«Засада», – догадался Валитов.

Приготовили гранаты, запасные диски. Разгорелся настоящий бой. Тяжело пришлось бы им тогда, если бы не подоспели свои. Пойманный бандит признался: их сюда прислал Зарижный.

...Валитов, держа палец на спусковом крючке автомата, присел во ржи и замер. Тихо-тихо. Лишь слышно, как где-то в хлебах кричит перепел. «Возможно, Зарижного здесь нет. А если бы он был, то, наверное, заметил меня, – размышлял Валитов. – Впрочем, он, очевидно, ждет людей от дороги, они будут идти через ячменное поле».

Поднялся. Шаг... Второй... Третий... Четвертый... Зацепил сапогом стебли, они зашелестели. Словно поплавок из воды, под дубом из ржи показалась голова. В больших выпуклых глазах – испуг, смешанный с нечеловеческой, волчьей жадностью.

Они впервые встретились с глазу на глаз – Валитов и Шевчук. Какое-то мгновение смотрели друг на друга. Автоматная очередь прошла над самой головой Валитова. Впервые не послушались Зарижного руки. Впервые он промахнулся. И сразу же Валитов выпустил очередь из автомата по непокрытой, заросшей голове. Левее показалась еще одна голова, и Тимофей, еще не успевший снять пальца с крючка, короткой очередью причастил и его.

Остальные шесть шагов он преодолел двумя прыжками.

Под дубом лежали двое. Зарижный был в рваном, без пуговиц, без погон, немецком кителе.

Длинный, сухой, костлявый, он скорее напоминал засохшую ветвь дерева, чем человека. На босых ногах чернел толстый слой грязи. Кожа на лице бледная, землистая – видно, редко касалось ее солнце.

Вскоре возле дуба были друзья Тимофея. Кто-то из них проверил карманы Зарижного, вытащил из них несколько бумажек и подал Валитову. Знакомый почерк: круглые, с наклоном влево буквы. Отчеты о террористических актах, описания чекистов, списки тех, кого нужно ликвидировать. И вдруг послание Билоусу:

«Мой дом под Осовцом, юг.-зап. км. Жду инструктажа».

Валитов перечитал еще и еще раз. Дом... Он чуть не крикнул от радости. Это же их схрон там!.. И как раньше он не додумался? Они же всегда в таких местах базируются, что и предположить трудно.

Отчетливо возник в памяти один эпизод.

...Зима, мороз. На протяжении нескольких дней Тимофей проверяет хутора, раскинувшиеся на границе Каменко-Бугского и Радеховского районов, и все безрезультатно. А банда сидела где-то именно в этих местах.

Наступила ночь. Валитов с бойцами, осторожно ступая, шел к хутору Збица. Что-то замигало в глазах – в окне крайнего дома то гас, то снова загорался огонь. Валитов остановился, словно завороченный: «С чего бы это?.. Словно сигналият... Конечно же, это лампа».

Он огляделся и увидел такую картину: метрах в десяти от него подымается вверх большая тарелка снега. А за ней из-под земли показывается человеческая голова. Валитов выпускает короткую очередь. Вопль – и снежная тарелка падает.

Из схрона открыли стрельбу, но группа Валитова уже окружила пристанище банды.

– Сдавайтесь! – крикнул Тимофей.

Из-под земли послышались глухие выстрелы, стоны, а затем все стихло.

Когда Валитов вошел в схрон, все бандиты лежали мертвые. Референт окружного провода расстрелял всех, а потом прикончил и себя...

Теперь Валитов был убежден, что схрон Зарижного находится под хутором Осовец, а что «юг.-зап. км» означает – в километре юго-западнее.

Группа немедленно двинулась к этому месту. Операцию закончили раньше, чем Валитов рассчитывал. Десять бандитов было ликвидировано в схроне...

Триста первая операция Валитова. Это за нее командование подарило ему именные часы и вынесло благодарность (уже третью) за смелость и находчивость в борьбе с украинскими буржуазными националистами. Были после этого и другие операции. В конце 1951 года была и последняя в его жизни чекистская операция. После нее уже не было слышно на этой земле бандитских выстрелов.

Ежегодно ранней весной, когда из-под земли пробиваются первые цветы, жители Лопатина видят, как в их городок приезжает среднего возраста крепкий человек. Он спешит на площадь, где много солнца, пространства. Здесь его встречает высеченный из гранита, поднятый на постамент памятник. Приезжий стремится первым положить к подножью памятника ранние цветы, но непременно застает здесь букеты подснежников. И тогда на лице его рождается улыбка благодарности.

Лопатинцы хорошо знают, что приезжий – Тимофей Валитов. Он долго стоит перед памятником, сняв фуражку. Смотрит на высеченные на плите имена боевых друзей. Среди них имя старшего лейтенанта Анатолия Валитова. Толя, младший брат. Он сложил свою голову накануне той весны, которая принесла человечеству победу. В лесу пробивались первые подснежники, когда он во время боевой чекистской операции в Лопатинском районе упал, сраженный бандитской пулей.

Стоит старший лейтенант Тимофей Валитов и думает о Толе, который очень любил жизнь, покой на земле и не успел еще никого полюбить. Думает о капитане Кармелитове, капитане Шведченко, капитане Дзюбенко, лейтенанте Новикове и многих других друзьях.

Пухом земля вам, чекисты!

БОГДАН ВАСИЛЕВИЧ В КВАДРАТЕ СМЕРТИ

На рассвете 5 марта 1947 года в селе Брошках Краковецкого района на Львовщине органы государственной безопасности обнаружили оуновский схрон. В это сумрачное утро здесь, в темном подземелье, нашли свой конец шесть оуновских бандитов, которые прятались от людей и света днем, чтобы потом под покровом ночи творить свои черные дела.

В схроне нашли ротатор, склад с автоматами, пистолетами, медикаментами, националистическую литературу, листовки, партбилет, личные документы и оружие чекиста капитана Дидуса Кирилла Фомича.

*

В эту ночь капитан Кирилл Фомич проснулся раньше, чем всегда, хотя пришел домой далеко за полночь, когда уже все спали. Тихо, на цыпочках, вошел в комнату и, раздевшись, лег

на диване. С противоположной стороны комнаты до его слуха доносилось ровное, спокойное дыхание жены Анастасии Яковлевны, сонное бормотание дочки Наташи. Потом в кроватке дочки заскрипели пружины, и снова стало тихо. «Наташка повернулась на другой бок. Интересно, что она видит во сне в свои семь лет?»

Кирилл Фомич закрыл глаза, и перед ним предстала картина: ослепляющие белоснежные сугробы, а среди них – стройный, высокий, весело улыбающийся молодой офицер в белом тулупе с высоко поднятым воротником. Кирилл Фомич тоже улыбнулся, так как узнал в нем себя.

Он раскрыл глаза, и все исчезло. За окном сердито и зловеще завывал ветер. Кирилл Фомич плотнее завернулся теплым одеялом, но сон не шел. Снова появился тот самый стройный молодой офицер, затем – юноша с комсомольским значком на груди...

На него наступали странные картины, которые перенесли его в далекое прошлое.

1920 год. В розово-белом цветении садов большое село Рокитное на Киевщине, где родился Кирилл Фомич. Ему шестнадцать. Год суровый и бурный. Родители стали жертвой эпидемии в 1919-м. Кирилл остался вдвоем с младшим братом...

Припомнилась районная комсомольская конференция в начале двадцатых годов. На ней выступал парень в выпцветшей гимнастерке. Говорил: «Гудят локомотивы истории. Великая Октябрьская социалистическая революция призвала к жизни самые лучшие силы трудового народа, и мы, товарищи, являемся частицей тех сил, которые создают историю»...

1928 год. Его, сельского активиста, культармейца, комсомол направляет в органы государственной безопасности. С тех пор он всегда на переднем рубеже борьбы за новую жизнь.

...Предутреннюю тишину разорвал телефонный звонок, выведший Кирилла Фомича из раздумья. Он поднял трубку.

– Слушаю, – промолвил спокойно.

– Товарищ капитан, это я, Кривцов. Прошу немедленно явиться в управление.

– Сейчас буду.

Тревожные ночи чекиста. Это не первая такая ночь в жизни Кирилла Фомича. Он быстро, но спокойно начал одеваться.

Анастасия тоже поднялась вместе с ним. Она подошла к мужу, заглянула ему в глаза, промолвила:

– Береги себя...

Кирилл Фомич подошел к кроватке, где спала Наташа. Наклонился к ее головке еле коснувшись губами. «Спи, родная. Хотя четыре года твоей небольшой жизни минуло в войне, еще и теперь для нас война не закончилась».

*

Утром ветер немного утих, но холод все еще давал о себе знать. Серые туманы затянули долины, заволокли леса, заслонили солнце. Оно, поднимаясь все выше и выше, постепенно освобождалось от тумана и вырисовывалось на небе бледным холодным кругом.

– Может быть, в полдень погода улучшится, – с надеждой промолвил капитан Дидусь.

– Должно потеплеть. Весна, – ответил Андрей Павлович Кривцов, молодой офицер, исполняющий обязанности начальника Яворовского районного отдела госбезопасности. Затянувшись дымом, он продолжал: – А вообще нам, наверное, будет жарко и без потепления.

Оба чекиста сидели сзади на охапке соломы, прикрытой плащпалаткой. Впереди на подводе, закутавшись в засаленный кожаный плащ, удобно устроился ездовой Порфирий Пантелеймонович Бондаренко. Он без надобности, по привычке, время от времени покрикивал на коней и безразлично разглядывал еще покрытые снегом поля. Впереди виднелся лес. Лошади тяжело ступали в месиве снега и почвы.

– Для многих сел это будет первая колхозная весна, – сказал Кирилл Фомич и задумался, наверное вспомнив о первых колхозах на родной Киевщине.

– Бандеровцы колхозников терроризируют. Стариков, детей не жалеют. Озверели, – заметил Кривцов.

– Да, озверели, – поддержал разговор Порфирий Пантелеймонович. – Помните, Кирилл Фомич, прошлой весной мы были в одном селе, где бандеровцы учительницу повесили и

председателя сельсовета зарубили.

Капитан Дидусь кивнул головой, дескать, как же такое можно забыть?

– Пока вы, товарищ капитан, с людьми беседовали, – продолжал ездовой, – я с одним дядькой сел перекурить, ну и разговорились. Он оглянулся вокруг, нет ли посторонних ушей, и говорит: «Бандеровцы, они – как бешеные собаки, на людей бросаются. Конец свой чувят. Залили они людям сала за кожу, ох и залили». – «А чего люди терпят их?» – спрашиваю. – «Потому, что жить хотят. Боятся иродов. Но уже долго терпеть не будут».

– Верно говорил тот дядька. Я помню, Петром его звали, – Кирилл Фомич улыбнулся. – А вы тогда, Порфирий Пантелеймонович, отличились, помогли на след схрона напасть.

– Не напал бы я, если б не тот Петро... Хороший человек. Обязательно в гости к нему поеду. Приглашал. – И Порфирий Пантелеймонович так затянулся дымом сигареты, что она заискрилась в его толстых губах.

Глянув на часы, Кривцов сказал:

– Таким транспортом разве только за смертью ехать. При такой езде до Любели доберемся лишь через час.

– Вы, товарищ начальник, на транспорт... того... не очень сетуйте, – отозвался ездовой. – Теперь это самый ценный транспорт. Универсальный. Он тебе ни забуксует, ни заглохнет. – И Бондаренко бойко, с гордостью протянул: – Вйо!

Лошади, вытянув шеи, покатали подводу быстро вперед.

Кривцов начал нервничать: ведь дело не терпит промедления. Уже тот факт, что капитан Рыбалко, начальник Краковецкого райотдела органов госбезопасности, позвонил в Яворовский райотдел поздно ночью, говорит сам за себя. «Прошу прибыть как можно скорее. Это необходимо для дальнейшего проведения операции». Капитан Рыбалко сообщил, что в селе Любеля убиты два бандита, но ни местные крестьяне, ни сотрудники Краковецкого райотдела не могут установить их личность. По-видимому, убитые не принадлежат к бандбоеккам, действовавшим на территории Краковецкого района, а забрели в село Любеля из Яворовского района...

Кривцов задумался: если предположение капитана Рыбалко подтвердится, то, возможно, удастся напасть на след боевки, которая в последнее время усилила террор в селах Яворовщины.

И он снова беспокойно взглянул на часы, а затем на Кирилла Фомича, будто тот мог заставить ездового ехать быстрее.

– Узнаем ли бандитов? – с сомнением спросил Кривцов.

– Обязательно, – спокойно ответил Кирилл Фомич, и в его словах было столько уверенности, что у Кривцова окончательно развеялись сомнения.

Да, Кривцов не ошибся в том, что взял с собой именно капитана Дидуся: он лучше всех знает преступную деятельность оуновцев, состав бандитских боевок.

За разговорами чекисты не заметили, как приблизились к лесу. А вот и село. Приземистые, почерневшие хаты, сараи грустно виднелись среди серых снежных барханов. Из села доносился лай собак.

– Наконечное-второе, – сказал капитан Дидусь. На душе у него было беспокойно.

Вдруг Кривцов резко привстал и схватил капитана Дидуся за плечо...

– Посмотрите! Посмотрите туда! – он показал рукой на одинокую человеческую фигуру, быстро отдаляющуюся от хаты, которая осиротело стояла на краю села.

– В лес удирает. И чего бы это вдруг вот так, по полям, напрямик? – вслух раздумывал Кирилл Фомич.

– А мы сейчас спросим, – решительно сказал Кривцов и тут же крикнул: – Гражданин, гражданин, подождите!

Но неизвестный, оглянувшись, не остановился, а изо всех сил помчался по направлению к лесу.

– Черная у него душа. Иначе не бежал бы.

– С ним надо встретиться с глазу на глаз! – Кривцов приказал ездовому остановить подводу и выпрячь лошадей.

Неизвестный тем временем быстро удалялся. Кривцов и Дидусь верхом на лошадях пытались пересечь дорогу к лесу. «Стой! Стой!» – несло ему вдогонку...

Неизвестный круто повернул к селу. А тут как на грех лошади застряли в глубоком мокром

снегу.

Беглец вот-вот мог исчезнуть между хатами, тогда Кирилл Фомич крикнул Кривцову:

– Я в село. Там от меня никуда не денется. Вот только выберусь на дорогу...

– Товарищ капитан! А если там... Но Кирилл Фомич уже был далеко.

– Ничего не случится, люди там свои, хорошие... – донеслось до Кривцова.

Капитан Дидусь галопом мчался к селу. Из-под копыт коня во все стороны разлетались брызги.

«Всегда такой – отчаянный, неудержимый. Бросается навстречу опасности», – думал о Дидусе Кривцов, подводя коня к саням.

Порфирий Пантелеймонович на всякий случай вытянул из-под сена автомат, пробурчал:

– Чует мое сердце недоброе. И сон какой-то дурной видел.

– Что ты там молишься? – сердито спросил Кривцов.

– Да ничего, товарищ начальник. Думаю, как бы с капитаном беды не случилось.

А Кирилл Фомич тем временем исчез за крайними хатами села, и его конь уже мелькал по сельской улице. Вдруг совсем рядом, справа от него, раздалась длинная очередь из ручного пулемета. Конь, резко подняв передние ноги, истушенно заржал, стал на колени и упал на правый бок. Кирилл Фомич, освободив ногу, отполз в канаву.

«Банда», – промелькнуло в голове Дидуся. Он мгновенно бросился во двор. И оттуда просвистели пули. Стреляли из распахнутого настежь окна светлицы, метрах в пятнадцати от него.

«Теперь конец», – медленно вползала в голову капитана какая-то чужая мысль, и он, желая прогнать ее, чувствуя, как грудь наполняется злостью, послал в ответ длинную автоматную очередь. Хотел подползти ближе к окну, но пули в метре перед ним пронизывали грязное снежное покрывало. Теперь бандиты стреляли со всех сторон, казалось, вычерчивали вокруг капитана квадрат. А он лежал на снежной плоскости за не совсем надежным укрытием. Земля такая огромная, а он вынужден лежать на ее маленьком клочке, охваченном огненной петлей, которая с каждым мгновением сжималась.

– Капитан Дидусь! – с желчью и злорадством донеслось из окна. – Какая встреча! Капитан и надрайонный проводник...

– Зир... – прервал Кирилл Фомич. – Ты не врешь. Ты надрайонный проводник Зир. Я знаю тебя уже не один год.

Он действительно знал главаря местной банды по характеристикам, данным задержанными оуновцами, по рассказам населения, и теперь словно узнал его хриплый, надрывный голос.

– Значит, мы старые знакомые? – ехидно, с присвистом хихикнул Зир. – Приятная встреча! А нам есть о чем поговорить.

– Можно и поговорить, – приподнял голову Кирилл Фомич. В его сознании едва теплилась надежда на спасение, на возможность расправиться с Зиром, за которым охотится вот уже два года. – Но что это за разговор, когда со всех сторон стреляют, – добавил как можно спокойнее.

– Не стрелять! – скомандовал Зир.

– Не стрелять! Не стрелять! – подхватили его команду несколько голосов.

Воцарилась тишина.

Заложив гранату в рукав шинели, Кирилл Фомич поднялся и подался вперед.

– Не двигаться! – в окне на мгновение показалось худощавое бледное лицо Зира.

«Так вот какой ты, палач яворовских крестьян. Это тобой, как оборотнем, матери пугают непослушных детей, А я так долго тебя разыскиваю...» Капитан невольно сделал шаг вперед. Но автоматная очередь перерезала ему дорогу, и он остановился.

«Квадрат смерти».

– Ведь я предупреждал: не двигаться, – ехидно скалил зубы Зир. – Брось оружие и тогда иди. – И он тут же исчез в оконном проеме.

«И в самом деле, зачем мне сейчас автомат?» – подумал Кирилл Фомич. Бросив его, он ступил четыре шага вперед в направлении хаты.

Квадрат смерти расширялся. Когда капитан ступил пятый шаг, послышался голос Зира:

– Стой!

Кирилл Фомич остановился и молниеносно бросил в окно гранату. Ее взрыв слился с автоматными и винтовочными выстрелами, разъяренными криками раненых, звоном разбитого

стекла.

И в этот миг его тело словно обожгло огнем, что-то с силой толкнуло в грудь. В голове вспыхнула мысль: «Я выполнил свой долг – Зир убит». В глаза ударил сноп разноцветных искр. Искры рассыпались, а затем слились в один круг. Круг вертелся, мигал... В этом круговороте мелькал Зир. Вдруг все остановилось, и Зир очень громко крикнул: «Как ты меня узнал, капитан Дидусь»?

«Я научился, я очень хорошо умею распознавать изменников Родины, предателей своего народа».

Дидусь безмолвно шевелил губами, а ему казалось, что голос его звучит громко. Зир еще раз закружился в разноцветье кругов, они рассыпались мириадами искр, и тут свет заслонила сплошная тьма.

*

А тем временем Кривцов, охваченный тревожным предчувствием, бежал к селу, на помощь капитану Дидусю.

– Товарищ начальник, я с вами, – поспешил было за Кривцовым Порфирий Бондаренко.

– Оставайтесь возле лошади, – крикнул Кривцов.

...Забежав во двор крайней хаты, он остановился, чтобы перевести дыхание. Прислушался. Стал осторожно пробираться со двора во двор, держа курс на выстрелы. Нигде ни души. «В селе словно вымерли все», – подумал он.

И вдруг над его головой просвистели пули. Кривцов остановился как вкопанный. Стреляли из-за покосившегося сарая.

– Сдавайся, энкаведист! – слышалось оттуда.

Кривцов, ища защиты от пуль, одним прыжком очутился в раскрытых сенях хаты. Что-то резко обожгло правую ногу. Не останавливаясь, ловко взобрался по лестнице на чердак. Быстро перевязал рану оторванным от сорочки лоскутом, выдернул из соломенной крыши два снопа и выглянул во двор. Было тихо.

Стрельба прекратилась. «Что с Кириллом Фомичом? Неужели?.. – У Кривцова кровь отхлынула от лица. Лишь сейчас он почувствовал, как заныла рана, налилась свинцом нога. – Неужели?...»

Во двор из хаты выбежала женщина, таща за руку мальчишку.

– А ну-ка, баба, беги отсюда! Сожжем твою хату вместе с этим большевиком. Пусть летит к господу богу на исповедь!

Из-за сарая показались две фигуры. Кривцов ударил по ним из автомата. Слышались крики, стоны, ругань, беспорядочные выстрелы. И в этот же миг резкий удар в левое плечо свалил Кривцова с ног. На рукаве шинели разрасталось багровое пятно. Пули с шипением прошивали старую соломенную крышу.

Первая рана лишила Кривцова возможности двигаться, вторая – вести прицельный огонь из автомата.

«Западня», – подумал Кривцов, крепко сжимая в правой руке пистолет.

«Что с Кириллом Фомичом?.. Ну что ж, живым не сдамся!»

Но Кривцов тут же отбросил эту мысль.

«К черту смерть! Жить! Жить! Это моя обязанность перед народом, перед партией!» Мобилизовав все усилия, он поднялся и выглянул в амбразуру. Во дворе не было никого. Стояла мертвая тишина, но Кривцов знал: тишина эта обманчива, совсем рядом бродит смерть. Вот она, коварная, кровожадная, столбами черного дыма вползает со всех четырех углов на чердак. Пламя уже лениво лижет крышу изнутри.

Огненный квадрат смерти.

«Подожгли...»

Разъяренные крики, проклятия, стоны свидетельствовали о том, что понес потери в людях враг. Значит, он, Кривцов, стрелял метко, бил в цель. Но против огня он бессилён, беспомощен. И чекист с мучительной надеждой взглянул на пистолет.

Пламя охватывало все большую площадь. Дым ел глаза, давил горло. Кривцов задышался и на ощупь полз к выходу чердака. «Может быть, и хорошо, что подожгли хату? Возможно, люди

прибегут на огонь», – бледным огоньком мерцала последняя надежда на спасение. Далеко в селе глухо ударил колокол, но тут же умолк. Звонивший упал замертво. Когда Кривцов рукой коснулся лестницы и, раскрыв глаза, взглянул в сени, с улицы раздалась пулеметная очередь.

– Солдаты!.. Бежим! – долетели к нему удалявшиеся растерянные голоса.

Теперь пламя зловеще пылало над головой Кривцова, Когда огненный квадрат смерти должен был вот-вот замкнуться, Кривцов был уже в сенях: какая-то могучая энергия, очевидно рожденная инстинктом самозащиты, жаждой жизни, наполнила его тело, и он быстро, не чувствуя боли, спустился по лестнице вниз. Смерть опоздала на какую-то долю секунды...

Пограничники вынесли потерявшего сознание Кривцова из пылающего дома.

Кривцов смотрел на угасающий огонь и думал о красоте жизни, о счастье борьбы, о том, что он отдает всего себя для уничтожения остатков оуновских банд, которые сопротивляются в предсмертной агонии.

Для расследования этих событий в селе Наконечное-второе и выехала оперативная группа чекистов, разгромившая 5 марта 1947 года в селе Брошки большой схрон, в котором был найден партбилет, личные документы и оружие капитала Дидуся.

А днем раньше, 4 марта, в селе Комарник тоже был обнаружен схрон, где прятались оуновцы. Трех бандитов убили, а одного – Черноту – схватили живым. По показаниям Черноты именно эта боевка, возглавляемая Зиром, убила капитана Дидуся. Тело его вывезли в лес, а партбилет, документы и оружие взял Зир, который переселился в схрон в селе Брошки и таким образом продлил свою черную жизнь еще на один день.

От гранаты, которую перед смертью бросил Кирилл Фомич, погибли два бандита. Зир же за несколько секунд до взрыва вышел в другую комнату.

Когда стало известно, что из схрона, разгромленного в Брошках, выволокли трупы бандитов, из села медленно начали сходить люди. Лица оживились, когда в одном из мертвых узнали Зира, «надрайонного проводника» ОУН, который в течение нескольких лет наводил ужас на крестьян Яворовского района, устраивал страшные кровавые оргии, перед которыми меркнул варфоломеевские ночи.

ЛЕОНИД ШАПА ЧЕРНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Самолет уходил в полночь.

На аэродроме стояла настороженная тишина. В небе, робко перемигиваясь, дрожали холодные звезды. Вокруг ни огонька. Время было тревожное. Фронт еще не успел перешагнуть Карпаты.

Неподалеку от взлетной полосы стояли двое военных. Один – невысокого роста в форме

полковника, второй — без знаков различия, худой, в ватной телогрейке, туго перетянутой широким офицерским ремнем. На голове, вместо фуражки, летный кожаный шлем. Лицо, с лихо закрученными черными усами, казалось беспокойным. Он машинально провел рукою по связке гранат, висевших на ремне, и вопросительно посмотрел на полковника.

Куда уходил самолет, знали только эти двое. Одному из них предстояло возвратиться в штаб и ждать, пока в эфире не появятся знакомые позывные, а другому...

Они хорошо знали, какие трудные пути у разведчиков, но не жалели, ступив на этот путь. Война подходила к концу. Советская Армия, освободив Львов, гнала врага за Вислу. Там, куда уходил самолет, еще хозяйничали фашисты. Там было очень трудно.

— Счастливого пути, Алексей!

В голосе полковника чувствовались забота и беспокойство. По усталым, задумчивым глазам, спрятанным под густыми лохматыми бровями, легко угадывалось, что и сам бы он полетел, будь на то его воля.

— Все будет хорошо, Павел Александрович.

— Тогда — в путь.

...Самолет ушел, а полковник еще долго стоял на аэродроме, вслушиваясь в удалявшийся гул мотора.

*

Глубокой осенью 1944 года, когда ветер сметал с тротуаров пожелтевшие листья каштанов, на улицах многих городов Чехословакии, оккупированной фашистскими войсками, появились огромные объявления:

**«КОМАНДОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В ЧЕХОСЛОВАКИИ ОБЕЩАЕТ
ДЕНЕЖНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ В СУММЕ ОДНОГО МИЛЛИОНА МАРОК
ТОМУ, КТО ПОЙМАЕТ ИЛИ УКАЖЕТ МЕСТО ПРЕБЫВАНИЯ КОМАНДИРА
ПАРТИЗАНСКОГО СОЕДИНЕНИЯ ПОД КЛИЧКОЙ «ЧЕРНЫЙ ГЕНЕРАЛ».**

За последнее время, пожалуй, не было такой ночи, чтобы в гестапо надрывно не звонили телефоны: «Взорваны мосты. Пущен под откос эшелон, следовавший на Восточный фронт... Похищены важные документы».

Фашисты бросались на поиски разведчиков, но в это время в городе гас свет, умолкали телефоны. А в горах эхом отдавались далекие взрывы. Взлетали в воздух вражеские эшелоны, исчезали немецкие солдаты и офицеры.

Дождь смывал пожелтевшие на тумбах объявления. И тогда на них месте появлялись новые... Но люди молчали. Только глаза их словно говорили: «Попробуй, поймай сокола в горах».

Однажды вечером на центральной площади в городе Тисовец возле тумбы, где висел немецкий опозвит², остановился мужчина с лихо закрученными усами. В руках у него был обыкновенный кнут, каким погоняют волов словацкие крестьяне. Черные глаза незнакомца небрежно скользнули по плакату.

— И не жалко им такой суммы, — заметил он вполголоса своему спутнику.

Минуту они постояли у тумбы, а когда отошли, прохожие так и ахнули. На фашистском плакате, обещавшем миллионное вознаграждение, широким размашистым почерком было написано: «С ценою не согласен! Махну котелок на котелок Гитлера». И внизу подпись: «Черный генерал».

К тумбе подбежали гитлеровцы. Люди с тревогой осмотрелись по сторонам. Не случилось бы беды. Но на том месте, где стоял человек с черными усами, никого не было. Он словно сквозь землю провалился.

— Ищи теперь ветра в поле, — слышалось из толпы.

В ту же ночь неподалеку от города в воздух взлетела электростанция, дававшая энергию заводу по производству мин. Прибывшие на место происшествия солдаты никого не

² Опозвит — объявление (словацк.)

обнаружили.

*

Оперативная группа Алексея Михайловича Садиленко приземлилась среди бесконечных гор, почти сплошь покрытых густыми лесами. Это был горнолесной массив Словенско-Рудогорие.

События к тому времени нарастали тревожные. Измученные годами фашистской неволи под властью гитлеровского ставленника Тисо, жители словацких сел и городов подняли осенью 1944 года вооруженное восстание. К восставшим рабочим и крестьянам присоединились солдаты и офицеры словацкой армии.

Для подавления восстания гитлеровцы бросили в Словакию восемь дивизий СС. Партизаны и повстанцы вынуждены были вести боевые действия на широких фронтах, располагая, главным образом, лишь легким вооружением. Руководство Коммунистической партии Чехословакии обратилось к Советскому правительству с просьбой об оказании помощи чехословацкому народному движению против фашистов.

В район восстания на самолетах были выброшены небольшие оперативные группы, в том числе и группа Алексея Садиленко.

Вместе с разведчиками были сброшены мешки с грузом. Казалось, тщетно искать их в густых зеленых чащах. Куда ни кинь – лес огромный, словно море. Поиски были нелегкими. А без грузов – оружия, боеприпасов и медикаментов – много не навоюешь. До поздней ночи бойцы бродили по горам и скалам. За весь день удалось найти только два мешка. А ведь их было двадцать!

Все приуныли. И какое было удивление, когда на третий день рано утром часовой остановил возле лагеря какую-то подводку. На узкой заброшенной дороге, лениво жуя жвачку, стояла пара длинноногих волов, запряженных в повозку с большими колесами. Рядом стоял мужчина в белых шерстяных домотканых штанах, меховой безрукавке и с ременным кнутом в руках.

– Кто будет пан велитель?³ – спросил старик. – Вот мы, газды, собрали ваш вантаж и довели до вас.

Оказалось, что местные жители собрали мешки и привезли в лагерь. А ведь найти их было так же трудно, как иголку в стоге сена.

Весть о появлении советских десантников с быстротой молнии облетела горы. Каждый день в отряд приходили жители окрестных хуторов и сел.

– Дайте нам оружие! – требовали они.

Однажды в партизанский лагерь пришел высокий худощавый старик. С ним был рослый, плечистый парень.

– Это мой самый младший, моя кровинка. Возьми, командир, к себе. Сам бы попросился, да годы не те. А у нас в горах говорят: не мужчина тот, кто отсиживается на печи, когда у соседа крыша горит.

Примерно такой же разговор произошел с крестьянином по имени Янко.

– У меня шестеро детей, пан велитель. Пока хозяйничают швабы, кормить детей нечем. Дай оружие, прогоним германа.

В те дни в отряд пришел и надпоручик чехословацкой армии Гюго Либенгардт. Дивизия, в которой он служил, готовилась уйти в горы. Но нашелся провокатор, который сообщил об этом немцам, и те разоружили словацких солдат.

Разведчики радовались новым людям, охотно делились с ними теми небольшими запасами, которые привезли с собой.

Словацкие патриоты помогли Алексею Михайловичу связаться с местными подпольщиками, которых возглавляли коммунисты Ян Демян и Ондрей Черный. Ондрей Черный – партийная кличка Андрея Клокача – секретаря подпольного обкома партии Рымавская Соббота. Товарищ Демян возглавлял подпольный райком партии. Теперь в каждом селе, в каждом поселке у разведчиков появились верные, надежные люди.

³ Велитель — командир (словацк.).

Стояла глубокая осень. Шли дожди. Ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья, на опушке у вырубок было слышно, как трубили олени. В один из таких дней в штаб прибежал связной Йожка. Он сидел на низком влажном пне, стараясь уклониться от струйки воды, стекающей с соседнего дерева. Йожка пришел от товарища Черного. Вести, которые он принес, тревожные. Ночью в сторону города Банска-Быстрица фашисты направляют свой бронепоезд. Банска-Быстрица – центр, сердце словацкого народного восстания. Садиленко смотрит на Йожку, на его промокшую до нитки серую куртку, войлочные штаны, и ему становится жаль паренька. Добраться сюда, в горы, не так-то легко. Он шел по оврагам, почти по горло в воде.

– Так, говоришь, сегодня ночью?

Йожка молча кивает головой. По его виду не трудно угадать – паренек сомневается, что мы успеем что-либо сделать... Остановить бронепоезд не просто. Да и внешний вид разведчиков не внушает особого доверия: большинство из них чуть постарше Йожки. Он вопросительно смотрит в глаза командиру.

– Они не пойдут на Быстрицу, – говорит Алексей Михайлович.

Он и сам не знает, что будет делать, но бронепоезд не пройдет.

Лицо Йожки светлеет.

– Так и передай товарищу Черному.

– А можно мне с вами?

– Нет, Йожка, – командиру хотелось сказать: «Тебе еще рано», но в последнюю секунду передумал и добавил: – Тебя ждут там, внизу.

Нелегкая задача стояла перед отрядом, тем более, что добрая половина опытных бойцов ушла в разведку, а здесь, в лагере, осталась одна молодежь: Саша Малышев, Валька Буров, Валька Орлов, Зина Титова...

После разбора всевозможных вариантов остановились на самом простом – взорвать железнодорожный мост в районе города Мнишек. Руководить операцией поручили Николаю Радулу. До наступления темноты добрались до железной дороги. Дождь на время утих. А вот и мост, рядом проходит шоссе.

– Красотища какая, – еле слышно прошептал Саша Малышев.

Мост действительно красивый, и все же его надо было рвать.

Николай Радул дотронулся до поясного ремня: на месте ли ручные гранаты? Подул ветер – зашумели деревья.

С наступлением темноты разведчики бесшумно сняли часовых. Понадобились акробатические способности, чтобы на пятнадцатиметровой высоте с крутого обрыва подлезть под фермы моста. Все делалось молча, по ладоням и дыханию чувствовали друг друга. Но вот уложен тол, подведен бикфордов шнур. Грянул взрыв. Теперь нужно было отходить. Немцы отчаянно стреляли с того берега. Поздно спохватились. Разведчики уже поднимались в горы.

Рядом послышался шорох. Шедший впереди Орлов схватился за автомат.

– Выходите сюда, тут тропинка, – раздался голос Йожки. Лица его не было видно в темноте, но по интонации чувствовалось: он доволен.

– Вот это грохнуло! Теперь пусть дуются швабы от злости, как жабы, пока не лопнут.

– А где же ты был, Йожка? – выбираясь из зарослей на тропинку, спрашивает Алексей Михайлович.

– Вы не хотели меня брать, думали Йожка маленький, а я забрался на сосну и все видел.

Взрывом моста партизаны на три дня вывели из строя железную дорогу. Бронепоезд так и не прошел в Банску-Быстрицу.

В лесничестве, где располагался отряд, нередко вечерами собирались словацкие друзья. Они здоровались и устремляли свои взоры в угол, где стоял приемник. Им не терпелось узнать, как идут дела на фронте, как дерутся бок о бок с частями Советской Армии бойцы Первого чехословацкого корпуса под командованием генерала Людвика Свободы.

Гости просили радиста включить приемник на «минутку». Тот выполнял просьбы. Но эта «минутка» была слишком длинной. Радист только разводил руками.

– Сядут аккумуляторы. Что тогда будем делать?

– Пусть слушают люди, – успокаивал радиста Садиленко, – аккумуляторы добудем. У немцев «попросим».

Во время одной из таких передач они услышали слова, которые по сей день с гордостью

произносят в Чехословакии: «С Советским Союзом на вечные времена!»

Гости, приходившие из долины, приносили тревожные вести. Фашисты жестоко расправлялись с повстанцами, жгли хутора и села, убивали невинных людей. Особенно бесчеловечную расправу они учинили в городе Тисовец.

Комендант Тисовца приказал согнать жителей с окрестных сел и хуторов, объявив их партизанами. Мужчин фашисты тут же расстреляли, а женщин и детей загнали в сарай, облили бензином и подожгли.

О трагедии в Тисовце партизанам рассказал товарищ Черный. Он сообщил также, что по инициативе Компартии Словакии все патриотические силы объединены в общий словацкий орган в лице Словацкого Национального Совета (Словацкая Народная Рада). В эти трудные дни коммунисты Словакии снова вынуждены уйти в подполье. Но борьба продолжается. Партия располагает надежными закаленными кадрами, прошедшими суровую школу подполья.

Он говорил неторопливо, взвешивая каждое слово.

– Они думали, что нас разбили. Вы, наверное, слышали, как ночью гремело в горах? – И он впервые за весь вечер улыбнулся. – Это наши хлопцы взорвали перевал.

Гремело в горах... Ломая отчаянное сопротивление врага, уже пробивается сюда сквозь неприступные карпатские перевалы Советская Армия.

...Трагедия, разразившаяся в городе Тисовец, глубоко взволновала партизан.

– Попался бы мне в руки этот зверюга-комендант, – скрипнул зубами высокий, красивый, похожий на цыгана, партизан Юлий Корж.

– Давай попросим командира, чтобы разрешил нам посчитаться с этим палачом, – предложил Николай Чуб.

У костра одобрительно загудели. Приближался рассвет. Низко над горами плыли тучи, словно коряги по реке, а между ними одиноко нырял месяц. Этой ночью партизаны вынесли смертный приговор коменданту города Тисовец – майору войск СС, палачу словацкого народа.

Прошло несколько дней. Однажды, как только стемнело, преодолевая метель, в партизанский штаб прибежала связная Марта. Почти двадцать километров прошла она по обледенелым, заснеженным скалам. Марта очень спешила. Она принесла вести, что утром из Тисовца в Брезно должен выехать комендант города.

Немедленно была укомплектована спецгруппа. Возглавил ее Андрей Футьянов – бесстрашный боец, всю войну проводивший в партизанском отряде «За Родину». Вместе с Футьяновым пошли Юлий Корж и Николай Чуб.

Партизанам довелось совершить труднейший марш-бросок. И они не опоздали. Наскочив на мину, машина коменданта взлетела в воздух. Фашистский палач и его подручные были уничтожены. Приговор приведен в исполнение.

«Так будет со всеми, кто попытается поработить свободолюбивый словацкий народ, – говорилось в листовке, обращенной к жителям города Тисовец. – Красная Армия ведет бои на Дуклинском перевале. Близок день освобождения. Поднимайтесь на борьбу с оккупантами! Смерть фашистам!»

Нередко Алексея Михайловича донимали словацкие товарищи:

– Расскажи, Михайлич, как вы генерала-хортиста в Москву отправили.

Садиленко молча качал головой.

– Так то Волянского работа.

– Полно, полно, знаем, чья это работа.

В самом деле, это была дерзкая и очень опасная операция. Нашим разведчикам стало известно, что один из хортистских генералов каждое воскресенье проводит в своей вилле в местечке Гача в ста километрах от Будапешта. Вместе с ним туда часто выезжал начальник венгерской жандармерии генерал-полковник Габор Фараго и другие высокопоставленные лица. Виллу охраняла рота солдат. Партизаны решили поближе познакомиться с этой «птицей». Запросили Москву. Оттуда ответили: «Действуйте!»

Большая группа разведчиков во главе с Евгением Павловичем Волянским скрыто перешла венгерскую границу и остановилась в кукурузном поле неподалеку от шоссе. Перед вечером устроили засаду. На дороге показались три машины с гестаповцами. Это было то, что

нужно. Гитлеровцы не успели схватиться за автоматы, как были обезоружены...

Ночью разведчики чистили и штопали фашистское обмундирование. А на рассвете к генеральской вилле с шиком подкатили три автомашины. С передней вышел «гауптман» в эсэсовской форме. Приняв рапорт начальника охраны, он приказал заменить караул.

– Русские совсем близко. Мы не можем рисковать жизнью человека, работающего для рейха...

– Слушаюсь...

– Проведите меня в виллу и вызовите в столовую всех солдат.

Салашисты подобострастно пялили глаза на немецкого офицера.

«Гауптман» слегка кивнул головой сопровождающему его рослому «ефрейтору». Тотчас в столовую вошли человек пятнадцать автоматчиков и, вскинув оружие, громко скомандовали:

– Руки вверх!

Партизаны без особого шума отправили солдат в подвал. Туда же они препроводили командира роты и его денщика.

После этого «гауптман» пригласил дворецкого сыграть в преферанс. За картами он выяснил все, что ему требовалось. Его партнер оказался человеком благоразумным. Он сразу догадался, с кем имеет дело, и выложил все, как на исповеди.

Ровно в одиннадцать часов к вилле подошла легковая машина. Часовой отдал честь, открыл ворота. Когда генерал вошел в кабинет, там его ждал «гауптман».

– Оружие на стол!

Хозяин виллы не сразу сообразил, что случилось. А когда понял, что перед ним советский разведчик, тяжело опустился в кресло:

– Я ничего вам не скажу.

– Тем хуже для вас... – «гауптман» достал сигарету, закурил. – Не забывайте, генерал, теперь тысяча девятьсот сорок четвертый год. Гитлер не сегодня-завтра... В общем, не в наших интересах играть в прятки. От имени советского командования официально заявляю: вам будет сохранена жизнь! Но...

– Я никогда не совершу предательства.

– Слишком поздно, генерал. Надо было думать об этом перед тем, как вы пошли на службу к фашистам. Даю вам пятнадцать минут на размышление.

– Говорите, что я должен сделать? – после короткого раздумья спросил генерал.

– Нам нужна схема новой оборонительной линии по реке Грон.

– Но ведь это невозможно! Документы находятся в Будапеште.

– А вы позвоните, что вам необходимо уточнить некоторые детали. Пусть план под охраной доставят на виллу.

Генерал нехотя потянулся к трубке.

– Только шутить не советую. Пока из Будапешта прибудет гестапо, вы преспокойно успеете переселиться на небо.

Через несколько часов хортисту были доставлены необходимые документы. Эсэсовцев, которые привезли их, тоже обезоружили и заперли в подвале.

Задание выполнено – можно возвращаться в лагерь. С наступлением темноты, погрузив на машины оружие, двинулись в обратный путь.

Закончить операцию помешала непогода. Поднялась страшная метель. А из Москвы и Киева требовали немедленно выслать документы. Ночью на партизанский аэродром с большим трудом пробился двухместный самолет. Накануне в отряде случилась беда: тяжело ранило комиссара отряда. Необходимо было сделать срочную операцию. Его надо было отправить на Большую землю. Партизаны решили, что генерал подождет...

А как быть с документами? Хортист никак не расставался с портфелем. Пришлось прибегнуть к хитрости...

Только через три дня генерала отправили в Москву транспортным самолетом. Там с ним произошел страшный конфуз. Когда его доставили к советскому командованию, генерал торжественно доложил, что привез схему оборонительной линии по реке Грон.

– Вот эту? Она уже давно у нас.

Генерал схватился за свой портфель... Но там, кроме старых газет, ничего не было.

– А вы не волнуйтесь. План теперь, как видите, в надежных руках...

Садиленко откашлялся, закурил, хитро улыбнулся и продолжал:

– А был еще и такой случай. Соединению нужны были деньги. Найти их поручили командиру отряда имени Тельмана. Семьдесят переодетых в немецкую форму партизан на пяти грузовиках и двух бронетранспортерах двинулись в один из словацких городов.

На центральной площади колонна остановилась. Партизаны перекрыли улицы. Тем временем «штандартенфюрер» в сопровождении двух «офицеров» направился в банк. В пакете, который он вручил управляющему, говорилось, что все ценности необходимо срочно передать по описи для эвакуации в Берлин.

– Положение на Восточном фронте обязывает нас принять некоторые меры предосторожности. Такова воля фюрера.

– О да, я понимаю, – сказал управляющий и предложил выпить по рюмке коньяку.

– С большим удовольствием. Только сначала... – и командир дал указание своим людям.

Пока партизаны грузили в машины мешки, «штандартенфюрер» мирно беседовал с управляющим. Документы у него были безупречны. Кстати сказать, по этой линии за все время пребывания в тылу у партизан не было ни одного провала. Во многом здесь пригодилась довоенная профессия Алексея Михайловича. Ведь он работал художником.

Подписав акт, «штандартенфюрер» любезно простился с управляющим и сел в машину. Вслед за ним двинулись грузовики и бронетранспортеры. Изъятые у фашистов ценности партизаны передали в Главный штаб.

Бывало, партизанские разведчики забирались далеко во вражеские гнезда, жили под одной крышей с гитлеровцами...

В глухом лесу неподалеку от Нитры подпольщики обнаружили школу гестапо.

Как обезвредить это осиное гнездо? Несколько дней Садиленко ходил задумчивый. Сделать налет?.. Это ничего не даст, только насторожит фашистов. И все же надо было что-то предпринимать. Решить эту задачу помог счастливый случай.

Отряд Николая Радула произвел удачную диверсию. В результате ее в штабе оказались документы тридцати шести немецких солдат и офицеров. Просматривая бумаги, Садиленко обнаружил, что какой-то Курт направляется в специальную школу. Документы отмечали его всевозможные заслуги перед вермахтом.

– Так это то, что нам надо, – чуть не вскрикнул от неожиданности Алексей Михайлович.

Он тут же позвал начальника разведки и показал документы.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Пошлем своего человека вместо этого Курта – вот и весь сказ.

– Послать то пошлем, но кого? Думаешь, фашисты дураки? Малейший промах...

Упустить такой случай разведчики не могли. В школе готовились шпионы для засылки на нашу землю. Каждый из них мог принести немало бед.

Садиленко внимательно посмотрел на фотографию немца:

– Слушай, а ведь он как две капли воды похож на нашего Малика!

– Действительно, похож.

Малик по национальности чех – человек верный, преданный. Прекрасно владеет немецким языком.

В ту же ночь, переоформив документы, Малик уехал к новому месту службы... Для связи с ним местное подполье выделило пожилую женщину, бывшую артистку оперного театра.

Садиленко хорошо понимал, как мучительно больно было Малику с его чистой и открытой душой находиться среди врагов. Наконец, от него пришло донесение:

«Племянник чувствует себя хорошо. Готовятся гости. Дядя здоров».

Это значило – занятия идут нормально, диверсантов готовят к выброске, его, Малика, ни в чем не подозревают.

Прошло еще несколько дней, и в руках командира появилась записка:

«Сестра собирается замуж. Шлите подарки. Сообщите маме».

Все ясно. Гестаповцы собираются куда-то эвакуировать школу. Этого нельзя допустить.

Партизаны передали Малику жидкий фосфор. Он аккуратно обвел им края железной крыши главного корпуса и дымохода. В ту же ночь по радио попросили выслать в этот район несколько бомбардировщиков. Наши самолеты точно вышли на цель. Ночь была темная. С воздуха разведшкола видна как на ладони. После двух заходов бомбардировщиков от «осинового гнезда» ничего не осталось.

*

Где-то в конце января товарищ из словацкого подполья принес в лагерь тревожные вести. Фашисты бросили на борьбу с партизанами 309-й горнострелковый полк «Эдельвейс».

– Красивое название, черт побери, – заметил Николай Радул.

– Что ж, эдельвейс так эдельвейс, – заключил Садиленко и в тот же день приказал заминировать дороги, сделать на них завалы. Имелась еще одна дорога, шедшая по ущелью. Ее оставили немцам, перегородив завалами только в двух местах.

...Карательные отряды продвигались в глубь ущелья, не подозревая об опасности. И вдруг в небо взлетела красная ракета. Тотчас, разрезая тишину, ударили пулеметы. Это, захватив горные перевалы, отряд Николая Радула открыл губительный огонь из всех видов оружия. Удар был настолько внезапным и ошеломляющим, что каратели не выдержали и повернули обратно, но и здесь их встретили словацкие партизаны. Фашисты метались по ущелью, как в мышеловке. Трое суток шел бой. Из карателей не уцелел почти никто.

...Советские разведчики вместе со словацкими патриотами десятки, сотни раз принимали участие в совместных боевых операциях. За четыре месяца пребывания в Словакии Алексей Михайлович Садиленко организовал соединение из четырех бригад численностью в 7200 человек.

Партизаны спасли от разгрома такие крупные населенные пункты, как Лом, Сиглу, Черный Балог, Доброч и другие, они уберегли от угона в Германию свыше пяти тысяч человек...

За мужество, проявленное в боях с фашистскими захватчиками, правительство Чехословацкой социалистической республики наградило советского чекиста Алексея Михайловича Садиленко высшими орденами – «Словацкое народное восстание» 1 степени, «Чехословацкий крест со львами» и медалью «За храбрость». В шести словацких городах, спасенных от разгрома, Алексею Михайловичу присвоено звание почетного гражданина.

...Давно отгремели бои, а дружба боевых побратимов продолжается. Не забывают Черного генерала братья-словаки, пишут ему письма.

«Дорогой товарищ Садиленко!

Мы очень часто вспоминаем ваше пребывание у нас в лесничестве на Фабовой горе неподалеку от деревни Паломки. То было трудное время. Шел конец 1944 года. Словацкое народное восстание было подавлено, свирепствовали фашисты...»

Алексей Михайлович отложил в сторону письмо. Глаза его, еще минуту тому назад весело смотревшие из-под густых черных бровей, стали задумчивыми.

Письма... Их много. За каждой строчкой встают незабываемые годы суровой борьбы с фашистскими захватчиками.

Вот письмо от Алексея Никитовича Асмолова – генерал-майора запаса. В Словакии он командовал всеми партизанскими силами, действовавшими в Высоких и Низких Татрах.

«Дорогой Алексей Михайлович, – пишет он, – поддерживаешь ли ты связь со словацкими товарищами? Там тебя помнят хорошо. Во всех чехословацких книгах, посвященных словацкому восстанию, упоминается твое имя, а во многих сборниках помещен твой портрет. Посылаю на добрую память свою семейную фотокарточку».

А вот выдержки из письма Николая Радула:

«Дорогой Алексей Михайлович! В Словакии бережно хранят память о тех, кто, не щадя жизни, боролся за светлое будущее. В лесу между Черным Балогом и

Клиновцем, где находился штаб, местный народный выбор построил домик для отдыха и на стене установил мемориальную доску с надписью: «Здесь в годы войны находился штаб партизанской бригады, которой командовал майор Садиленко. В боях с гитлеровскими захватчиками погибли...»

Бывший подрывник Александр Васильевич Малышев также не забывает Черного генерала. Он пишет:

«Никогда не забудется мне один из многочисленных эпизодов. Обстоятельства сложились так, что в самый разгар вражеского наступления наш штаб на некоторое время несколько оторвался от боевых подразделений соединения.

В тот вечер, как всегда, кипела работа. Тучи табачного дыма выплывали из комнаты начальника штаба.

Радисты заканчивали связь с Киевом. Завхоз Лагодич хлопотал насчет ужина. Я готовился к выполнению очередного задания. Все было спокойно. И вдруг разведка сообщила, что к месту расположения штаба со стороны города Тисовец движется крупный карательный отряд. Скоро выяснилось, что гитлеровцы окружают нас со всех сторон.

О прорыве не приходилось и думать: слишком неравными были силы. В штабе находилось пятнадцать человек, в том числе две медсестры. На нас наступало несколько сот вооруженных до зубов карателей.

Выход был один – перехитрить фашистов и незаметно проскользнуть через вражеское кольцо. Но как?

Густые сумерки спустились на землю, когда мы оказались среди вековых деревьев на самой вершине горы. С наступлением темноты фашисты разожгли костры по склонам. С вершины хорошо было видно это огненное кольцо. Мороз крепчал. Мы тоже не без умысла разожгли небольшой костерок. Все собрались вокруг него. Усталость и сон брали свое, но всем было ясно, что до утра оставаться здесь нельзя.

Где же выход? Вы, Алексей Михайлович, и начальник штаба соединения Климов сосредоточенно смотрели на карту, что-то искали. Изредка кое-кто пытался завязать разговор, но ничего не получалось. Костер догорал. Наконец, вы встали, оглядели всех сидящих и сказали:

– Хлопцы, что же вы приуныли? Или забыли, как врага бить? В полночь будем пробиваться. – Потом, немного помолчав, добавили: – Марш будет нелегко, поэтому приказываю: все лишнее, кроме боеприпасов и радиостанции, уничтожить... Костер не тушить, пусть немцы думают, что мы здесь, в мышеловке.

Как опытные альпинисты, двигались мы по каменистой тропе, хватаясь руками за редкий кустарник, иногда, попадавший на наш путь. Двигались, соблюдая строжайшую тишину. Через час вышли к подножью скалы. Предстоял самый опасный участок пути – переход железнодорожного полотна и шоссейной дороги. Враги совсем рядом. Вдруг в кустах мелькнула какая-то тень. У меня невольно лег палец на спусковой крючок автомата. Но в это время послышался шепот: «Товарищи, не ходите туда, там швабы... Идите за мной, я словак, ваш друг».

Простой словацкий крестьянин оказался с нами в трудную минуту. Он слышал, как пьяные фашисты хвастались, что сегодня ночью приведут живьем Черного генерала. «Нет, не бывать этому», – решил словацкий патриот и направился в горы, чтобы предупредить нас о грозившей опасности.

Группами, по два-три человека, мы прошли под самым носом у фашистов, а когда наступил рассвет, были далеко от Вепра. Оттуда доносилась стрельба вражеских минометов.

– Враги пошли на штурм, – сказали вы, улыбаясь, Алексей Михайлович. – Пусть постреляют!

Словака, который встретил нас ночью, уже не было. Как появился, так и исчез неожиданно. И осталось неизвестным имя нашего отважного помощника. Вечером

мы были среди своих. И снова закипела работа в штабе. С большой радостью узнали местные жители, что не удалось фашистам в ту зимнюю ночь поймать бесстрашного Черного генерала и его храбрых хлопцев. А в память об этом случае к кличке «Черный генерал» прибавилось еще одно слово – «неуловимый»...

Алексей Михайлович смотрит задумчиво в окно. Письма побратимов напомнили о самом святом и заветном, о большой, нерушимой дружбе, о пройденных дорогах. О том, что и сегодня они, испытанные бойцы, стоят на посту. И каждый из них считает своим высшим счастьем быть готовым к новым подвигам, готов грудью встать на защиту своей Родины...

*

...Телеграмма была неожиданной:

«Буду во Львове проездом. Поезд Москва – Прага. Вагон 5. Встречай. Алексей Садиленко».

Сколько лет не виделись, хотелось о многом расспросить Алексея Михайловича.

За последние годы он почти не изменился, разве что прибавилось седины на висках. Садиленко возвращался из Словакии, где гостил по приглашению своих боевых товарищей.

– В Братиславе я встретил одного из организаторов словацкого восстания Ондreja Клокача. Сейчас он член правительства. Там же живет и товарищ Ян Демян, – рассказывал Алексей Михайлович.

Много, очень много сердечных встреч было на словацкой земле у Алексея Михайловича Садиленко. Но не всех довелось встретить. Умер сразу же после войны Гюго Либенгардт.

Почти все дни, проведенные в Словакии, были до предела заполнены встречами. На всю жизнь запомнится Алексею Михайловичу вечер в Завадке, куда съехались бывшие побратимы чуть ли не со всей Словакии. Здесь ему торжественно вручили национальный костюм, вышитый женщинами города, и именную валашку – словацкий топорик.

Самый старый житель города сказал Алексею Михайловичу:

– В годы войны у нас в горах родились легенды – одна о белых ангелах, которые опустятся на вершины словацких гор и принесут освобождение народу, а вторая о валашке Яношика, спрятанной в горах. Кто найдет ее, тот поднимет народ на восстание и выгонит угнетателей с нашей земли. Обе легенды сбылись. С востока прилетели белые ангелы и опустились на вершины словацких гор. Это были советские парашютисты. Они нашли заветную валашку, помогли словацкому народу подняться на борьбу и освободить словацкую землю.

– А вот и валашка, – Алексей Михайлович показал мне инкрустированный топорик.

Мы стояли, молча смотрели на валашку, и каждый из нас думал: никогда не угаснет дружба двух народов, родившаяся в дни суровых испытаний. Память об этих днях останется в их сердцах навечно.

ЛЕОНИД СТУПНИЦКИЙ
ЗА СЛЕЗЫ НАШИХ МАТЕРЕЙ

1. ШЕЛ ПАРНИШКЕ В ТУ ПОРУ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД...

Это случилось в Ейске. В тревожном 1942 году Витя Карпенко, секретарь комсомольской организации железнодорожной школы, пришел однажды домой и застал маму в слезах. Голосила невестка, четверо малышей прижимались к ней.

– Витенька, – причитала мать, – Коля наш погиб!..

Стиснув зубы, Виктор читал похоронную.

«Ваш сын Николай Антонович Карпенко погиб смертью храбрых...»

Страшное известие! Николай у них самый старший. Когда в 1926 году умер отец, Виктору был всего лишь один год. Осталось семеро сирот. На плечи Николая легли все заботы о большой семье. А потом своей семьей обзавелся. Он был кормильцем и советчиком, всем заменял отца. Теперь его нет... Сапер Николай безмолвно лежит где-то в далекой смоленской земле. От Василия – танкиста – тоже нет никакой весточки...

Беда повсюду. Горят города и села Белоруссии, Украины, России. Заполыхали казачьи станицы Кубани, льется кровь, плачут матери, вдовы... Горю народному нет предела...

У Виктора собрались друзья по школе, зашел и классный руководитель. Мальчики любили своего учителя Божевильного. Он был участником финской кампании, часто рассказывал о боях на Карельском перешейке, штурме Выборга. Ученики гордились им. Сейчас пылали мальчишечьи сердца.

– Немцы под Ейском, а мы сидим и зубрим формулы, роем окопы, как кроты. Фашисты же прут и прут. Нам нужно что-то делать. Ведите нас в военкомат. Мы уже не дети!

Учитель задумчиво посмотрел на них, потом встал и сказал:

– Пошли, друзья мои!

Вот так, во главе с классным руководителем, девятиклассники пошли в военкомат. Всем классом. Со слитой воедино ненавистью к захватчикам. Это была не романтика добровольцев, а жизненная необходимость. Фашизм отнял у них юность, но завоевания революции у них отнять нельзя.

После двухнедельного обучения они также всем классом были направлены в 873-й полк 276-й стрелковой дивизии 58-й армии. На ее долю выпала честь стоять насмерть, чтобы преградить фашистам дорогу к Кавказу.

Не повезло автоматчику Виктору Карпенко на войне. В бою под станицей Петровской его ранило в правую ногу. Хорошо, что ранение было легким. Через месяц вернулся в свою роту – назначили командиром отделения.

А потом случилось непоправимое. В марте 1943 года начальник штаба полка вызвал к себе группу автоматчиков. Среди них был и Виктор.

– Старший сержант Саламахин, – обратился командир к помкомвзвода. – Отберите семь лучших бойцов. Задание – пробраться на хутор Свительник и вот здесь, – он обвел карандашом на карте какую-то точку, – из помещения школы взять языка. С вами пойдет местный житель, проведет вас самой короткой и удобной дорогой. Задача понятна?

– Так точно, товарищ майор!

– Исполняйте!

– Есть!

Старший сержант стал готовиться в разведку. Времени было в обрез. Выстроив бойцов, зачитал список:

– Гурамишвили!

– Я!

– Муха!

– Я!

– Карпенко!

– Я!

– Карпенко, – обратился он к Виктору, – а сколько тебе лет?

– В январе пошел восемнадцатый!

Бойцы засмеялись.

– Чего гогочете, как гусаки? – бросил сосед Карпенко. – Парень уже обстрелянный, успел побывать в санбате. Не сомневайтесь, товарищ старший сержант, не подведет. Виктор лют на фрицев. Брат у него погиб под Смоленском...

Это была незабываемая ночь. Разведка удалась. Языка, немецкого офицера, подстерегли возле уборной и без приключений доставили до нейтральной полосы, но на рассвете столкнулись с вражеской разведкой. Пришлось принять бой. Заслышав перестрелку разведчиков, фашисты открыли шквальный огонь.

Виктору запомнились огромные от смертельного ужаса глаза фрица, крепкий кляп в его зубах. Взрыв страшной силы... И тонкая струйка крови... Сознание то приходило, то покидало его. В голове, как на старой киноленте, туманные кадры. Кто-то его тянет. Нестерпимая боль в ноге. Возле него Витька Фролов. Их несут, куда-то везут на возу, в который запряжены две коровы. Вся в морщинах, незнакомая женщина подает пить, силой вливает ему в рот молоко. Нога распухла.

...Окончательно пришел в себя в госпитале. Осмотрев раненую ногу Виктора, потрогав раздробленную кость, врач утомленно сказал ему:

– Жить – будешь, воевать – нет.

И уже в Тбилиси ему выдали справку: инвалид второй группы.

2. ВОЗВРАЩЕНИЕ НАДЕЖДЫ

Младший сержант Виктор Карпенко переступил порог родного дома на костылях.

– Сыночек, родненький! Что они с тобой сделали?! – запричитала мать, обнимая худенькие ребячьи плечи. – Ироды проклятые! Чтоб тому Гитлеру...

– Мама, перестань, не надо, дорогая. Карпенки живучи. А что, Вася пишет?

– Пишет, сыночек, пишет! Недавно танк новый получил.

К вечеру собралась вся большая родня. Сестры Агафья, Анна. Пришла вдова Николая. В уголке примолкли племянники.

– Что же ты теперь будешь делать? – спросила невестка.

Вначале он опустил глаза, потом глянул на стену, где висели фотографии покойных отца и брата, как бы спрашивая у них совета: «Действительно, что же мне теперь делать?»

– Вот оформлю пенсию, а там будет видно.

Через неделю он уже сидел в десятом классе. Костыли торчали над партой.

Так прошла осень 1943 года. В январе вспомнил, что ему уже исполнилось восемнадцать. По ночам, на погоду, болели раны, особенно нога. В ступне, как говорится, пружинка не держала – нерв перебит, и ничего уже не сделаешь.

А в феврале – письмо из Тбилиси. Писала из госпиталя начальник отделения Любовь Михайловна Заидзе:

«Дорогой Виктор Антонович! В нашем госпитале есть уже аппарат, который сшивает поврежденные нервы. Сделали несколько операций, результаты хорошие. Приезжайте».

«Неужели может произойти чудо? – думал Виктор, возвращаясь из школы. – Какие хорошие люди живут на земле! Бывший классный руководитель Иосиф Моисеевич Божевильный – еврей. После финской, несмотря на ранения, пошел на фронт вместе со своими учениками, погиб, но навечно оставил светлую память о себе в наших сердцах. А тот санитар, который вынес меня через всю нейтральную полосу, – русский. Я и фамилии его не знаю. Он тоже погиб, прикрыв меня своей грудью. Или же вот Любовь Михайловна Заидзе – грузинка. Кто я ей? А вот вспомнила, нашла меня в Ейске... Поеду в Тбилиси! Операция, ну и пусть еще одна операция. Десять операций! Война еще не закончилась. Как только врачи поставят на ноги, я опять пойду на фронт и еще успею побывать в Берлине. Я отомщу вам, фрицы, за смерть брата Николая, за учителя, санитаря и за тысячи погубленных советских людей...»

Операцию сделали удачно. Через две недели поднялся с кровати. На костылях подошел к окну. Попробовал стать... И вдруг дернуло, словно электрическим током, от пальцев до головы. Упал. Лоб покрыла холодная испарина.

– Молодец, Виктор! Теперь вы танцевать будете! – радовалась Любовь Михайловна.

– А воевать буду?

– Война закончится и без вас. Необходимо учиться. Окончить десятый класс, а там – в институт. Теперь строить нужно. Сколько можно воевать? И так тысячи покалеченных.

– Дорогой доктор, спасибо вам за то, что моя нога чувствует землю. Раны на теле заживают, а заживут ли раны в душе?..

После окончания десятого класса Виктор поступил в Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Рана постепенно заживала, костыли сменила палочка.

Среди студентов факультета «Мосты-метрополитен» было много таких, как он, инвалидов с пенсионными книжками. На первом же собрании его избрали секретарем комсомольской организации факультета. Днем – лекции, вечерами конспекты, учебники и радостные вести «Совинформбюро».

«Сегодня... столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам...»

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Смерть немецким оккупантам!»

И так каждый день. А ночами во сне бывшие фронтовики то справа, то слева от кровати Виктора кричали: «Огонь!», «Иванов, танки справа», «Пулемет, почему молчит пулемет?», «Чайка, Чайка, я Урал».

Разбуженный ночными вскриками соседей, Виктор долго лежал и думал. Это кричат раненные войной человеческие души. В госпиталях они стонали от жгучих ран. А здесь кричат, ибо не так скоро все забывается. Каждый из его товарищей имеет на своем счету подбитые танки или самолеты, уничтоженных в рукопашном бою гитлеровцев. А он вроде бы ничего не сделал для победы. Два ранения. Ну и что же? Разве это большая заслуга? Языка взяли. А воспользовались ли тем синеглазым фрицовским офицером? Возможно, ребята и не дотянули его до места. Надо научиться строить метрополитены, мосты. Ведь это так нужно. Скоро возьмут Берлин. Закончится война. Будет всенародный праздник... А совесть спросит: «Что ты сделал для победы?»

Прочь мысли! Надо спать. Скоро Новый год. В январе ему будет двадцать. Как быстро летит время!

3. «ВАС ВЫЗЫВАЮТ В ВОЕНКОМАТ»

– Товарищи! Всех фронтовиков вызывают в военкомат.

Это известие облетело весь факультет. Кто-то заметил:

– Ага, я же говорил, что повоюем, а вы кисли...

Виктор Карпенко, идя в военкомат, оставил в общежитии свою спутницу – палочку. Повсюду лежал пушистый снег, и как-то непривычно и страшно было без нее идти по скользкой улице.

В военкомате им раздали анкеты. Граф было много. Кроме того, нужно было написать обстоятельную автобиографию.

Быстро пролетел декабрь. О военкомате уже не вспоминали. Но вот однажды в институт пришел незнакомый майор и всех, кто заполнял анкеты, пригласил в кабинет парторга.

– Товарищи, – обратился он к приглашенным. – Я представитель органов государственной безопасности. Мы ознакомились с вашими документами. Кто из вас желает, приглашаем к себе на работу.

– А что мы будем делать? – спросил сосед Виктора. – Государственные банки охранять?

Майор улыбнулся.

– Кто изъявит желание, тому и расскажем, что делать.

– А воевать еще успеем? – поднялся Виктор.

Майор внимательно посмотрел на него.

– Профессия чекиста такая, что все время приходится воевать.

Чекист... Еще в школе Виктор читал про Феликса Эдмундовича Дзержинского, его соратников. Знал, что чекисты вели борьбу против врагов Советской власти, заботились о беспризорных детях, оставшихся без родителей в дни революции и гражданской войны. Что тут долго думать? Надо – так надо!

Из 30 студентов, изъявивших желание, взяли на работу только восемь. «Работа ответственная. Согласны?» – еще раз спросили. Виктор, как и все его товарищи, дал согласие.

4. БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА

Обучаясь в Киеве, Виктор Антонович много слышал о зверствах, которые чинили украинские буржуазные националисты в западных областях. Убивали детей, стариков, женщин. Бросали живых людей в колодцы. Вешали или топором проламывали череп. Неужели это делают «сыны Украины»? Нет, это звери, фашистские палачи!

Слушал лекции, рассказы очевидцев, чьи семьи испытали на себе бесчинства оуновцев. Его сердце было преисполнено ненавистью к тем, кто мешает народу мирно трудиться. Виктор думал: «Много выстрадали гуцулы, лемки, бойки в период оккупации. Сейчас они хотят покоя, и этот покой нужно обеспечить. Это задание партии, Советского правительства».

В феврале 1945 года поезд мчал его к новому месту назначения – во Львов. Здесь долго не задержался. Направление – Куликовский район.

В райотделе МГБ его встретили с радостью. Точнее, никто не встречал. У телефона сидел старший лейтенант Макаров. Передавали что-то важное, и он был взволнован. Положив трубку, мельком глянул на документы и без вступительной беседы сказал:

– Вот что, берите автомат, запасные диски, гранаты и гайда на машину! Об устройстве поговорим потом.

Уже в машине Макаров рассказал Виктору Антоновичу, что между Подлесным и Волей-Жолтанецкой шел настоящий бой. Бандеровцы напали на активистов, занимающихся переписью населения, и зверски расправились с ними.

...И вот Виктор первый раз увидел своими глазами, о чем слышал на лекциях в Киеве. Впервые увидел массовые похороны людей не в военной форме, как это было на фронте, а в гражданской одежде. И погибли они не от немецких рук, а от рук таких же украинцев, как и сами. Да разве эти бандиты понимают по-человечески братскую «единокровность»? Вот врач Заидзе – грузинка, она никогда не жалела своей крови, спасая человеческую жизнь, а кто боец по национальности – грузин, русский, украинец, белорус, – и не спрашивала. Да разве она одна такая?

Медленно движется похоронная процессия, наплывают воспоминания. Вспомнился казах, что лежал с ним в тбилисском госпитале. «Сестричка, воды!» И санитарка, белоруска Леся Белорукая, как родная сестра, бежала к нему и старалась ласковым словом облегчить его

страдания. А потом горько плакала, когда он умер. Мысли перескакивали с далекого Тбилиси на Ейск, с Ейска – сюда, на Львовщину.

Похоронная процессия остановилась. Звуки траурного марша терзают душу, сердце разрывается от материнских и детских рыданий. Секретарь райкома произносит речь. Двадцать восемь гробов! К одному из них склонился маленький мальчик и гладит по голове отца:

– Татусю, родной, проснись, открой глаза!

А отец лежит, немой, холодный, только ветер слегка шевелит прядь его темных волос. К горлу подступил комок. «Спите спокойно, товарищи, – думал Виктор. – Ваши дети не останутся без внимания. Бандиты их осиротили, но настоящие люди заменят им родителей, Советская власть выведет их в люди. Убийцы дорого заплатят за их израненные души и за вашу безвременную оборванную жизнь».

И опять воспоминания. Госпиталь. Прощание... «Спасибо вам, дорогой доктор, за то, что моя нога чувствует землю. Раны на теле заживают, а заживут ли раны в душе?»

Плач матерей и жен на похоронах, крик малыша: «Татусю, родной», слезы сестры, жены погибшего рождали неутолимый гнев и призывали к борьбе.

5. ЛИКВИДИРОВАТЬ БАНДУ КОШЕВОГО

Начались обыкновенные будни чекиста. Именно будни, ибо в послевоенные годы у них не было праздников, не было выходных дней. Дни и ночи слились в единое целое. Конец работы определялся полной ликвидацией бандитской группы-боевки.

Виктор Карпенко был закреплен за участком недалеко от Куликова, где действовала банда Кошевого (Мороза). Многие «лесовики», поверившие было в годы фашистской оккупации пропаганде оуновцев, сейчас приходили с повинной. Они сдавали оружие, возвращались к мирному труду. Часть из них шла помогать ликвидировать банды.

Но были и другие... Они люто ненавидели Советскую власть, убивали организаторов колхозов, председателей сельских Советов, преследовали актив. Бандиты прятались в схронах-бункерах, там они пьянствовали, отдыхали, а с наступлением ночи начинали разгул и грабеж.

Представители органов государственной безопасности, опираясь на народ, на тех, кто возвратился из армии, на сельский актив, делали все, чтобы быстрее покончить с оуновским подпольем.

Неизмеримое горе трудящимся Куликовского района принесла банда Кошевого. Оперуполномоченный Виктор Карпенко знал, что у того двенадцать «лесовиков». Ему были известны их клички и настоящие имена. Был известен и район бандитских налетов.

Как-то он зашел во двор одной вдовы в Великих Передримихах. Взгляд упал на подоконник сарайчика. Там лежал обрывок газеты с мыльной пеной и волосами только что побритой бороды.

– Орест, – спросил он четырехлетнего мальчугана хозяйки, – татко приехал?

– Тата нет, он на фронте погиб.

– А кто же брился у вас в сарайчике?

– То вуйко, что в пивнице.

Значит, в подвале прячутся бандиты.

Оставив на страже двух помощников, сам спустился в подвал. Светом карманного фонарика ощупал стены. В одном месте заметил шесть сдвинутых кирпичей. Это и есть вход в схрон.

– А ну, вылезай, кто там!

Тишина. Когда лопатой приподнял кирпичи, оттуда вылетела граната. Схватив ее на лету, кинул назад. От взрыва содрогнулся подвал. Это была первая отплата смерти за смерть. Но среди четырех бандитских трупов Кошевого не было...

И снова встречи с людьми, привлечение в отряд активистов из сельской молодежи, детальная разработка каждой операции, бессонные ночи.

Однажды в Нагорцах зашел к учительнице.

– Анна Николаевна! Вы идете на уроки, а я, разрешите, немного поработаю в вашей комнате. Здесь тихо, а то в сельсовете все время люди, негде расположиться.

– Пожалуйста, товарищ старший лейтенант, – ответила учительница. – Что за работа у вас?

Может, стихи собираетесь писать? Садитесь за этот столик и пишите себе на здоровье.

Учительница лукаво подмигнула, переводя взгляд на шкаф.

«Э, бестия, – подумал Виктор Антонович, – выпалась, наелась, ей хорошо подмигивать».

– А может, пан офицер захочет отдохнуть? Тогда к вашим услугам моя кровать.

– Нет, спасибо, я буду писать, но не стихи.

– Извините, мне пора на уроки!

Проходя тропинкою мимо окна, она еще раз подмигнула. Виктор Антонович остался сам. Снял с плеча автомат, положил на стол и внимательно обвел взглядом комнату. Бедновата комната сельской учительницы. Кровать, столик, две табуретки, небольшая этажерка с книгами, а в шкафу нет внизу левого ящика. Заметил, что в том месте виднелось что-то похожее на приклад винтовки или автомата.

Ничего не подозревая, подошел к шкафу и нагнулся, чтобы убедиться, не ошибся ли. Вдруг створки шкафа распахнулись, и на него навалился здоровенный верзила.

Бандит был намного выше чекиста. Винтовка, приклад которой увидел старший лейтенант, лязгнула рядом. Они вцепились друг в друга и повалились в ожесточенной схватке. Высокий и крепко сложенный бандит прижал чекиста к столу, на котором лежал автомат. Одной рукой уже схватил его за приклад. В то же мгновение Карпенко двумя руками перехватил лямку. Оба вскочили на ноги. Знает ли оуновец, как спустить предохранитель? Ведь у него винтовка. В кармане чекиста пистолет. Но стоит только отнять одну руку, чтобы вытащить пистолет, как бандит вырвет автомат. Виктор изо всех сил потянул к себе лямку автомата и отпустил ее. Бандит упал.

– Пане! Не убивайте, все расскажу!

– Где, Кошевой?

– В Артасове, в стодоле Шпака!

– Ага! – радостно вскрикнул старший лейтенант, – значит в Артасове!

Держа пистолет наготове, Виктор нагнулся, чтобы поднять автомат, и сразу же бандит схватил его за ноги, свалил на пол.

Старший лейтенант не успел опомниться, как враг впился зубами ему в шею. Рука с пистолетом прижата к полу.

«Может, ребята услышат?» – мелькнуло в голове, и Виктор трижды выстрелил. Бандит вздрогнул, рука освободилась, и, уже теряя сознание, Виктор выстрелил в четвертый раз. Почувствовал, что тело врага обмякло.

Бандит вытянулся. Виктор, как пьяный, шатаясь, поднялся на колени, взял автомат и, тяжело переводя дыхание, вышел.

Вечером остатки банды и сам Кошевой были ликвидированы. Учительница на допросе сказала:

– Я же подмигивала старшему лейтенанту. Думала, он догадается, что в шкафу спрятался бандит.

– А почему вы об этом не написали, если боялись сказать?

– Я не сообразила!

Выяснилось, что она – связная оуновцев.

6. НЕСПОКОЙНЫЕ БУДНИ

Кому хоть раз приходилось встречаться со смертью с глазу на глаз, тот понимает, какая тяжелая работа легла на плечи работников органов государственной безопасности по ликвидации оуновского подполья. Они ежедневно были на передовой. Многие из них погибли.

Во время войны фронтовики знали, где враг. Вот наши окопы, впереди – минное поле; иногда, если это затяжная оборона, – колючая проволока. За нейтральной полосой – враг с его укреплениями.

Борьба против скрытых врагов не имела линии фронта. Каждая операция по ликвидации той или иной группировки разрабатывалась в далеко не удобных кабинетах. Но борьба велась довольно успешно, ибо чекисты опирались на тысячи честных людей, на народ.

Оперуполномоченный Виктор Карпенко, смелый и бесстрашный офицер, обладал всеми качествами, которых требовал Феликс Дзержинский от людей этой бесстрашной профессии, –

горячим сердцем, холодным разумом. Он любил и ненавидел. Любил сельских мальчишек-сирот, таких как Орест, который рассказал ему о бандите, спрятавшемся в подвале. Времена были нелегкие, но он всегда в карманах носил сладости и угощал ими малышей. Постоянно интересовался семьями погибших фронтовиков и по возможности помогал им. Расспрашивая их о жизни, сам думал о своей матери. Когда извещали, что кто-то из сельских активистов погиб, в нем все кипело от ненависти к врагам народа. Он тяжело переживал неудачи, особенно когда бандиты делали повторные налеты. Значит, не все сделал, чтобы быстрее покончить с оуновским подпольем.

Это случилось зимой 1948 года. Утомленные бойцы вместе со старшим лейтенантом Карпенко зашли на хутор Грабовец к кулаку Выхопню. Пока хозяйка готовила ужин, солдаты легли отдохнуть. Виктор Антонович сидел за столом и при керосиновой лампе помогал хозяйской девочке решать задачу. Неожиданно на пороге, как из-под земли, появились бандиты. Девочка первой увидела их и, вскрикнув, ударила по лампе. Очередь пронзила тишину. Пуля прошла через фуфайку старшего лейтенанта, опалила грудь. Правда, ранение было легким. Солдат, оставшийся во дворе, услышав стрельбу, кинулся на выручку и в упор расстрелял одного за другим всех четырех «лесовиков».

Смерть ходила по пятам храброго чекиста, но жизнь сильнее смерти, и Виктор Антонович всегда выходил победителем. На хуторе Дунаевцы он обезвредил банду так называемой «службы безопасности», которую возглавлял заклятый враг Сивый. В Подлесном возле лисьих нор карпенковцы с помощью председателя сельского Совета Ивана Ивановича Гапона уничтожили остатки довольно опасной банды, в Граблецах раскрыли «провод» Ключа и его стаю.

Все годы без выходных дней. Бессонные ночи, боевые операции одна за другой. В напряженной работе забывал о себе, о своей личной жизни. Молодые люди создавали семьи, а ему все не хватало времени. Иногда зайдет в школу, послушает щебет детворы и подумает: «А не пора ли и мне завести вот таких?»

Женился только в 1953 году в Старом Самборе. Екатерина Михайловна, а тогда просто Катюша, стала его верным другом. Она много слышала историй о старшем лейтенанте, которого перевели из Львовской в Дрогобычскую область, о его храбрости во время ликвидации районного «провода» в Турке. Люди с глубоким уважением рассказывали о Викторе Антоновиче, о том, как он умело пропалывал, словно сорняк с грядки, одну за другой банды в Хировском, Добромилском, Стрелковском районах.

После тревожных ночей настали спокойные дни.

– Вы слышали, что уже и Черноте конец? – с радостью говорили люди, когда в Хирове была ликвидирована банда.

– Карпенко и Жару всыплет жару!

Районный «проводник» Жар десять лет слонялся по лесам, селам и хуторам Старосамборского района. После того, как карпенковцы выследили логово «лесовика» и уничтожили последних двух «побратимов», Жар пришел с повинной.

– Потом уехал в Донбасс. Там стал работать, женился. Приезжает в наши края в гости. Я часто с ним встречаюсь, – уже совсем недавно рассказывал о нем Карпенко.

Виктор Антонович открывает сейф и показывает пожелтевшие от времени папки. Каждое такое дело – огромный труд по обеспечению спокойствия мирного населения. В них история судеб человеческих и в какой-то мере биография капитана Карпенко...

7. «ТОВАРИЩ КАПИТАН»...

Зазвонил телефон.

– Карпенко слушает.

В трубке – далекий взволнованный голос:

– Товарищ капитан! Это я, Николай Терлецкий. Мы здесь с ребятами подозрительного задержали и отобрали у него холодное оружие. Приезжайте скорее!..

Старшему оперуполномоченному районного отдела Комитета государственной безопасности Виктору Антоновичу Карпенко не обязательно ехать самому в отдаленное приграничное село. Можно было известить участкового милиции или пограничников, но он

знал: если ребята обратились к нему – дело серьезное. Лучше поехать.

Позвонил жене на работу:

– Катюша! Мне нужно в Волошиново. На обед, наверное, не успею. Проследи, пожалуйста, чтобы Валечка не опоздала в музыкальную школу.

При всей своей загруженности он никогда не забывал о своей семье, особенно о детях. Вот и теперь, делая крутые повороты на мотоцикле по горным тропам, думал о них, не замечая волшебной красоты дорогого для него прикарпатского края. Думал о своих делах, про того, кого задержали дружинники в Россохах.

Внезапно дорогу перебежал небольшой табунчик быстроногих косуль. Затормозив, он наблюдал, как маленький козленочек на тоненьких ножках, вытянув шейку, догонял свою мать. Наверно, в зарослях их напугал кто-то, а возможно, перебираются ближе к полонине, к зеленой, сочной молодой травке...

Эх, если бы Костя и Валя увидели эту красоту! Валечка такая же быстрая, как та козочка... Хорошо, что кончает седьмой класс по фортепьяно. А вот Костю надо перевести в класс аккордеона. Для парня лучше аккордеон или баян. Вырастет, пойдет служить в армию, а баянист – всегда любимец у солдат.

Вот так, пока мысли бежали одна за другой, и не заметил, как примчался к Волошиновскому сельсовету. Выяснилось, что ребята задержали преступника, сбежавшего из заключения и пытавшегося переправиться за границу.

А было это так: первой незнакомца заметила продавщица сельмага Иванна. Она немедленно разыскала дружинников Николая Терлецкого и Ивана Наневского.

– Хлопцы! Проверьте-ка документы вон у того типа. Что-то он не похож на командировочного.

Дружинники догнали незнакомца, лица которого давно не касалась бритва.

– Ваши документы!

У незнакомца по-воровски забежали припухшие глаза. Он медленно порывлся в левом, а затем в правом кармане и... ловким приемом оттолкнул ребят, опрометью кинулся к границе. Дружинники – за ним.

В это время сторож местного колхоза Михаил Терлецкий резал лозу возле приграничной полосы. Заслышав шорох, он поднял голову и увидел, что прямо на него из кустов бежит мужчина, а за ним ребята.

– Вуйку Михайле! Ловите гада!

Сторож бросился наперерез и схватил беглеца за полу пиджака. Тот понял, что оказался в цепких руках. Вначале остановился, а потом, как зверь, накинулся на старика. Началась неравная борьба. Совсем рядом был крутой обрыв. Противник старался столкнуть сторожа с обрыва. Но, собрав последние силы, старик вырвался, присел, мгновенно обхватил руками ноги врага и толкнул головой в колени. Потеряв равновесие, беглец упал... Николай и Иван подбежали в тот момент, когда над дедом блеснула финка. Сильный удар сапогом по руке – и нож отлетел в сторону. Втроем они связали перебежчика крепкой веревкой, на которой дед Михайло собирался принести лозу, и как медведя, привели в сельсовет.

– Молодцы, хлопцы! – выслушав историю поимки до конца, сказал капитан. – Передайте большое спасибо местным жителям, которые помогли его поймать, – Иванне и деду Михайле, а мы разберемся, что это за птица.

И вот я снова в кабинете у капитана Карпенко. Нашу беседу прервал старенький бойко.

– Можно к вам, товарищ капитан?

– Заходите, пожалуйста, – приглашает Виктор Антонович.

– Такое дело, товарищ капитан, где-то мой сын пропал. Вот уже второй месяц, как ушел...

Я прислушиваюсь к вопросам капитана, ответам старика и чувствую, что это дело не касается органов государственной безопасности.

– Вы заявите в милицию, – советует оперуполномоченный.

– Нет, дорогой капитан, – возражает старик. – Мне в селе люди сказали, чтобы я шел только к вам. Капитан Карпенко, говорят, кого хочешь найдет...

В Старосамборском районе нет села, где бы не знали Виктора Антоновича. Особым уважением он пользуется у сельской молодежи. Дружинники называют его «наш капитан», а избиратели – «наш депутат». С 1958 года его неизменно избирают депутатом Старосамборского

горсовета. Тут он возглавляет комиссию социалистической законности. Кроме того, является активным членом районного отделения общества «Знание», заместителем председателя юридической секции. Его часто приглашают к себе в гости сельские школы. Ученики, слушая рассказы боевого капитана, с завистью смотрят на его грудь, украшенную орденскими планками.

Капитан Карпенко – еще и бессменный секретарь партийной организации своего учреждения...

Я беседую с капитаном и думаю: как хорошо, что нынешнее поколение чекистов-дзержинцев унаследовало от Феликса Эдмундовича его справедливость и доброту, его суровость к врагам и чуткость к людям! Как хорошо, что у Виктора Антоновича Карпенко теперь есть время и для отдыха, и для забот о семье, и для постоянного общения с народом, из которого он вышел и которому он верно служит.

МИХАИЛ ВЕРБИНСКИЙ У СТАРОЙ ВОДОКАЧКИ

Извилистую долину обступают изумрудные горы. Вдали зелень тушется легкой синеватой пеленой. А самые дальние вершины, словно лебяжьим пухом, покрыты белыми облаками... Слышен клочок бьющейся о камни воды. За поворотом, напоминающим огромную подкову, дорога приблизилась к реке и потянулась вдоль берега. С мчавшегося газика было видно, как быстротечная вода, ударяясь о седые, словно отполированные валуны, пенится, шумит, поднимая фонтаны жемчужных брызг.

– Ну как, нравятся Карпаты?

Лейтенант Александр Ипатов не сразу ответил, стараясь подобрать слова, которые выразили бы его восхищение окружающей природой.

– Сказать: нравятся – этого, пожалуй, мало, – заметил, наконец, он. – Горы чаруют – столько в них привлекательности и красоты!

– Да, верно говоришь: горы чаруют... Я частенько гляжу на них и не могу налюбоваться, – мечтательно произнес подполковник Журавлев.

Александр устремил взгляд своих прищуренных, задумчивых глаз сквозь ветровое стекло вдаль. Ему, впервые прибывшему на запад Украины, вспомнилась Вологодщина, где он родился и вырос. Бесконечные равнинные поля, леса, тянущиеся на сотни километров, озера, отсвет северного сияния... И вот Карпаты... Он никогда не видал их, но полюбились они ему сразу, как только очутился здесь.

Газик мчал вперед. Выскочил на возвышенность. Журавлев, считавший себя в этих краях старожилом, знакомил новичка:

– Видишь нефтяные вышки? Там – Борислав. А в стороне – островок белых корпусов курортного городка Трускавца. Слышал о нем?

– Слышал, слышал...

Вскоре газик спустился вниз, и горизонт сузился. Машина вошла в село. По обе стороны – домики. Где добротные – под железом и черепицей, где убогие – под соломенной стрехой. Справа в одной из хат окна и двери накрест забиты досками.

– Всю семью бандеровцы истребили – вот и пустует жилье, – пояснил Журавлев, показав рукой на осиротевшую хату.

Глаза Ипатова стали угрюмыми, лицо посуровело.

– И войны нет, а невинные люди гибнут, – глухо промолвил он.

Журавлев тем временем подал знаю водителю, и тот притормозил у низкой изгороди. Подполковник, бывавший здесь раньше, открыл калитку и направился к двери домика с вывеской «Сельсовет». За ним широко шагал невысокий, коренастый, крепкий в плечах лейтенант Ипатов.

– Привет, друзья! – раздался звонкий голос Журавлева.

– Доброго здоровья, Яков Антонович! – послышалось в ответ.

В накуренной комнате сидели трое крестьян: средних лет, с приятным улыбчивым лицом – Филимон Лисович, чуть старше его возрастом, худощавый, добродушный – Григорий Федык и щупленький – дедок Игнат Удыч. Старым своим знакомым Журавлев крепко пожал руки. Поздоровался со всеми и Ипатов.

– Где же председатель сельсовета? – поинтересовался Журавлев.

– С утра еще подался в город. Говорил, что вызывают в райисполком, – ответил Григорий Федык.

– О чем же здесь толкуете? – дружелюбно спросил подполковник, закуривая папиросу.

– Колхозы в соседних селах создаются, вот мы думаем, что и нам пора организовать. Коллектив ведь – большая сила! – заговорил энергичный и бойкий Филимон Лисович. – Не отставать же нам от других.

– Колхоз – верный путь к лучшей жизни, – рассудительно сказал Журавлев. – Получите машины, инвентарь, облегчится труд, урожаи станут лучшими...

Сельские активисты рассказывали гостям о своих планах на ближайшее время. В селе собираются строить школу, чтобы все дети могли учиться, оборудуется помещение для сельского клуба-читальни. Но больше всего речь вели о создании колхоза.

– Радуются наши крестьяне, что от панов и фашистов освободились, – говорил бывший батрак Григорий Федык. – Да вот нету покоя от бандеровцев!

– Шныряют по ночам бандиты, как голодные волки: грабят людей, убивают! – сердито бросил Филимон Лисович.

– Сынка моего недавно убили антихристы, – с горечью отозвался дед Игнат. – А за что? За то, что в Красной Армии служил, с фашистами воевал, а когда вернулся с фронта – о колхозе слово молвил... – Старик достал из кармана окровавленную веревку, показал лейтенанту. – Посмотри, парень, посмотри. Этим мотузком бандиты связали моего сына, вытащили из хаты, издевались, а потом расстреляли...

Слезы заблестели на глазах отца, а в сердце заныла неизлечимая рана. Игнат стоял и, как в забытьи, держал в руках веревку. Это была память, страшная память о сыне.

– И погибели нету на тех душегубов! – с негодованием промолвил Федык.

– Придет на них погибель, придет! – убежденно сказал взволнованный лейтенант Ипатов.

...Заурчал мотор газика. На обратном пути к Дрогобычу проезжали снова около опустевшей хаты. «Как же так? Ни за что уничтожить всю семью? Убить фронтовика?» – думал Ипатов. Журавлев, как бы угадывая мысли своего нового подчиненного, проговорил!

– Видел, лейтенант, как горная река несет бревна, корневища и все, что попадает в бурное течение? Так и новая жизнь в этом крае снесет со своего пути бандеровцев и всякую нечисть, не останется от них ни малейшего следа.

В разговоре не заметили, как подъехали к городу. Машина уже шла по улицам Дрогобыча.

– Так вот, Александр, дорогу в Лужок и другие села я тебе показал, кое с кем познакомил, теперь осваивайся, – сказал Журавлев, когда они вышли из машины и направились в здание областного управления госбезопасности.

*

– Разрешите? Вы меня вызывали?

– Да.

– Слушаю! – стал перед подполковником Ипатов.

– Нам сообщили, – стал объяснять подполковник Журавлев, – что за Лужком на берегу Быстрицы, где водокачка, завтра на рассвете появятся два бандеровца. Один из них по кличке Чумак, – Журавлев подал его фотографию, – второй – главарь местной банды, отъявленный головорез Сойко. Они захворали, хотят встретиться с доктором...

– Там и накроем их! – нетерпеливо заявил Ипатов.

– Подберите бойцов. Продумайте все как следует. Не медлите, но и не спешите. Желательно взять их живыми. Ну, а коль не удастся, тогда...

– Задание понял.

– Приступайте к делу! – провожал взглядом подполковник лейтенанта.

...Телега, запряженная парой гнедых, ночью бесшумно двигалась полевой дорогой. Недалеко от речки ездовой остановил лошадей. Бойцы, соскочив с повозки, тесным кольцом обступили Ипатова. Лейтенант изложил план операции.

Три бойца залегли вблизи того места, где предполагалась встреча бандитов с врачом. Ипатов вместе с молодым, как и он сам, чекистом лейтенантом Лебедевым направился в глубь кустарника.

Только лишь зарделась утренняя зорька. Густым бурым покрывалом висевшая темнота начала расступаться. В тумане уже стали просматриваться горы. У чекистов оружие наготове. Слух, внимание, глаза – все напряжено до предела.

Александр Ипатов вглядывался в предутреннюю мглу. В памяти всплывали фронтовые события.

...Один из летних дней сорок третьего года. Гремит артиллерийская канонада. А он, сержант Ипатов, вместе с ротой стрелков, крепко держа автомат, идет на штурм безымянной высоты западнее Смоленска. С вершины этой высотки строчит пулемет, летят мины. Но это не останавливает наших бойцов. Падают убитые, раненые, а те, кто не выпустил из рук оружия, с возгласами «ура!» идут на врага. Кричал и он во весь голос, посылая по гитлеровцам свинцовые очереди, с неистовством бросал гранаты. Вот взята первая траншея. И с новой силой гремит победное «ура!»

«То было в открытом бою на фронте, – думал Александр. – А здесь... здесь иной, но тоже фронт...» Шелохнулись ветви, зашуршали листья. Что это? Вспорхнули птицы и стаей понеслись над кустарником. И снова тихо-тихо.

Не ослабляет внимания Ипатов. Прислушивается к каждому шороху идущий рядом Лебедев. Оглядываясь вокруг, они вышли на берег речки. А на противоположном берегу черным силуэтом вырисовывалась старая водокачка. Ипатов и Лебедев шагнули в воду и перешли речку вброд. За стеною кустов – большая развесистая ива. Приблизились к ней.

– Кто-то здесь был, – определил Ипатов. – И, кажется, совсем недавно.

– Да, следы свежие, – подтвердил Лебедев.

На примятой траве валялись пустые консервные банки, бутылки от спиртного, крошки хлеба, клочья бумаги.

– Опоздали мы, – с досадой прошептал Лебедев.

– Не торопись с выводами, – поднял сосредоточенные глаза Ипатов.

– Предлагаешь ждать?

– Пока что уйдем отсюда, а позже вернемся, – решил Ипатов.

...По сигналу, напоминающему крик кукушки, собрались все бойцы. Пошли кустарником по берегу реки за старую водокачку. А когда стало совсем светло, направились к развесистой иве. И снова, как первый раз, бойцы окружили кустарник, а два лейтенанта тихо прочесывали кусты. Вдруг Лебедев тронул Ипатова за плечо. Прошептал:

– Слышишь храп?

Прислушались. Между кустами за несколько метров от ветвистой ивы спали двое. Один вытянулся, как колода, положив взлохмаченную черноволосую голову на автомат. Второй лежал

на боку, напоминая огромного набухшего червяка.

– Сашко, – обратился Ипатов к своему тезке Лебедеву. – Незаметно подкрадывайся, вытащи автомат и хозяина его бери на себя. Я возьмусь за второго.

Завязалась схватка. Черноволосый, крепкий, рослый детина – Чумак, лишившись автомата, тигром бросился на Лебедева и от злости зарычал, как дикий разъяренный зверь:

– Стреляй, Сойко! Стреляй!

Но тот, вскочив как ошпаренный и обдав Чумака лютой бранью, метнулся в кусты. Пуля, посланная Платовым, пробила полу кожанки главаря банды, но он исчез из виду. Бойцов вблизи не оказалось. А Ипатову надо было выручать друга. Чумак уже успел подмять под себя Лебедева. Одной рукой бандит крепко прижимал его к земле, а другой пытался вытянуть какой то предмет. Наверное, нож. Ипатов, не раздумывая, бросился на бандита. Схватка длилась недолго...

*

Время за полночь. В комнате горит свет. Спать Ипатову не хочется. Ходит он из угла в угол, насупленный, угрюмый. В Лужке похоронили Филимона Лисовича, одного из организаторов колхоза, колхозного бригадира. Зверски замучили его бандеровцы.

После первой встречи в сельсовете Ипатов часто встречался с Филимоном Лисовичем, который всегда был озабоченно весел. Однажды слышал, как Филимон, держа за руку свою дочурку, напевал:

Туман яром котиться,
Краще жить нам хочеться...

Говорил своей малютке: «Вырастешь, Марийка, в Москву вместе поедem, посмотрим кремль, поклонимся Ленину...»

Нет, не пришлось съездить Филимону в Москву. Розы и маки положили люди на свеженасыпанную могилу, А он, лейтенант Ипатов, и несколько бойцов после выстрелов, оборвавших жизнь активиста, два дня бродили по лесу. Искали убийцу из шайки Сойко. Где только не ходили, где только не искали – все напрасно.

И сейчас жгучая досада не давала покоя. Завтра воскресенье. Уже давно он не отдыхал, и усталость давала о себе знать. «Что поделаешь – такая служба, – успокаивал сам себя. – Вот, может, завтра удастся поехать с Лебедевым на рыбалку...»

...На фоне зеленого луга поблескивает речка Быстрица. А тут, около водокачки, вода разлилась озером. Густая трава будто шелком окаймляет берега. Ипатов и Лебедев расположились вблизи заядлого любителя-рыбака Степана, которого в Лужке за молчаливость прозвали тихим.

– Клюет, дядя Степа? – спросил Ипатов.

Молчание.

– Дядя Степа, много уже поймали?

– Тихо, рыбу испугаете, – прошептал Степан.

– А у меня берет! Смотрите, какая рыбина попалась! – и Лебедев вбросил добычу в маленькое ведерко.

Степан молча вытащил из воды удочку – крючок оголенный.

– Давайте, дядя Степа, я наживлю, – предложил Ипатов.

Степан молча передал леску с крючком.

– Готово! Бросайте! Теперь обязательно возьмет!

Разговорился Степан лишь когда рыбачить закончил. Затягиваясь самокруткой и собирая рыбацкие снасти, он, будто между прочим, сказал:

– Знаете ли вы о том, что прошлой ночью два бандита приходили за Семеном Котиком? Хорошо, что успел выскочить из хаты... Убежал в поле, затем на водокачку и не возвращается оттуда.

– Интересно, кто же эти бандиты? – как будто про себя сказал Ипатов.

– Говорят, дело рук Тигрису, – прошептал дядя Степа.

– Да, о его грязных делах слухом земля полна. Пуля по нему скучает, – промолвил Лебедев. Дядя Степа как-то враз оживился, посмотрел вокруг, а затем еле слышно прошептал:

– Вы бы, хлопцы, куда следует заявили: прячется он в одной хате на окраине села, там у них явочная квартира...

Ипатов и Лебедев расстались с дядей Степой добрыми друзьями. А возвратившись домой, сразу же пошли к Журавлеву. Рассказали о том, что слышали на рыбалке.

О Тигресе знала вся округа. Это был один из опытных разбойников из банды Сойко. Руки Тигриса были обгарены кровью активистов, простых, ни в чем не повинных советских людей. Но все же настигла его справедливая кара. Когда к явочной квартире прибыла группа чекистов, Тигрис и его приспешник Крук выскочили из своего пристанища, намереваясь уйти в лес. Но уйти им не удалось. И в этой операции сообща действовали Ипатов и Лебедев.

И вот снова группа бойцов, которую возглавил на этот раз сам Журавлев, в Лужке. Автоматчики окружили деревянный дом и двор, где, по достоверным данным, пряталось несколько бандитов. Ипатов занял позицию у сруба колодца, находившегося во дворе. Журавлев остался около автомашины, стоявшей вблизи дома.

Журавлев послал местного жителя в дом вызвать хозяина, а бандитам передать, что им предлагают сдаться. Выяснилось, что хозяев не было дома. Бандиты же ответили выстрелами из окон, бросили в машину гранату. Осколком был ранен в руку Журавлев.

– Что прикажете? – обратился Ипатов к подполковнику, перевязывая ему рану.

– Командуй, лейтенант!

– Выходите! – крикнул что было силы Ипатов бандеровцам.

Из дома никто не показывался. Раздались автоматные очереди с чердака. Ипатов приказал бойцам пока не отвечать на выстрелы. Думал – может, опомнятся, сдадутся. Но никто из дома не выходил. А было их там двое – Мак и Холодный, грабители и убийцы. Как выяснилось позже, наложили они на себя руки – побоялись сдаться и держать ответ перед народом...

Все реже и реже появлялись в селах бандиты. А вот главарь шайки Сойко все еще где-то скрывался, бродил по полям, лесам. Нет-нет – да и заглянет в село. О таких его визитах сразу же становилось известно чекистам от местных жителей, у которых кипели сердца от ненависти к бандеровцам. И вот однажды пришел сигнал о том, что в одном из сельских домов намерен остановиться Сойко.

Группа бойцов, возглавляемая Ипатовым, засела в кустарнике близ села. Из леса должен был идти Сойко на явочную квартиру. Четыре дня сидели в засаде чекисты, а главарь не появлялся. И лишь к вечеру на пятый день он показался на дороге еще с одним бандеровцем. На требование остановиться бандиты ответили пальбой из автоматов. И тогда чекисты открыли огонь...

В воздухе кружились снежинки. Сквозь белую пелену не видно было ни горных хребтов, ни близлежащего зеленого хвойного леса. И домики села, к которому подъезжала машина, терялись в бушующем снежном море. Перед глазами Ипатова свежая картина: осада схрона бандеровской «боевки». Резкие выстрелы, нарушившие тишину леса. Два оуновца, вышедших из подземелья с поднятыми руками. Остальные сами покончили с собой здесь же, в схроне. Чекисты нашли там документы. Это, в частности, планы новых грабежей и убийств. Не забыли оуновцы вынести смертный приговор и ему, Ипатову.

Через полчаса вместе со своими помощниками Ипатов приехал в село Быстрицу. В приземистом сарае раскидали в углу навоз, увидели дощатые двери, которые вели в погреб. Удар ломиком – дверь открылась. Бандиты не отвечали на ультиматум Ипатова. Вскоре выползли двое. Бросили автоматы, пистолеты. Дрожат от страха, просят пощадить их. А главарь боевки Орих высунул голову из погреба и – снова вниз. И так три раза – то покажется, то исчезнет. Слышен его гнусавый голос:

– Боюсь...

– Выходи! – гневно крикнул Ипатов.

И вот вылезает высокий, худой, с синими прожилками на лице, в грязном полушубке оуновец Орих, который истязал и замучил комсомолку Розалию Свищ и других активистов. Выпучив налитые кровью глаза, Орих кусал губы. Насупленный, не проронив ни слова, он поплелся впереди конвоиров.

Спустя неделю Ипатов выкуривал «зимовщиков» из схрона, оборудованного на склоне

холма у опушки леса. Ходили в поисках бандеровца по кличке Игорь. В прошлом это был священник, сменивший крест на автомат и гранаты. Уже несколько раз получали чекисты сигналы о том, когда и где появляется он в селе. Но каждый раз Игорь исчезал, будто сквозь землю проваливался. Вот и теперь в домике, где он должен был быть, его не оказалось. Вдруг – в стороне от дороги след, присыпанный свежим снежком. Пошли по нему. На склоне холма – проталина. Приблизились – здесь вход в схрон.

Переговоры с обитателями схрона длились недолго. Бросая оружие, из подземелья вышли бандеровцы. Один назвал себя Дубом, другой – Яремой. Оба обросшие, худые, на руках и лицах полно копоти и грязи.

– Чего здесь сидели, чего выжидали? – спросил Ипатов.

– Да мы бы пришли в село, – начал Дуб. – Но боялись...

– Кого?

– От ватажка Сойко был приказ: сидеть здесь до особого распоряжения, – сказал Ярема.

Ипатов рассмеялся и, окинув сощуренными глазами исхудавшие, заросшие лица бандеровцев, объявил:

– Так Сойко ведь уже давно не ваш главарь! Его больше нет, погиб.

– Так новый тоже заявил: «Вернетесь в село без разрешения – повешу, – отозвался Дуб, а затем дрожащими губами жалобно пробормотал: – Голодные мы, как собаки... Не найдется ли у вас чего-нибудь поесть?..

– Дайте им, ребята, по куску хлеба, – распорядился Ипатов. – Видать, неважные бандеровские харчи...

Еще один схрон пришлось ликвидировать Ипатову и его боевым товарищам, с которыми он выполнял задания. Распадались оуновские боевки, прекращали свое существование их схроны. В один из дней, возвратившись с очередного задания, Ипатов доложил Журавлеву, что взят и бывший слуга божий бандеровец Игорь. Бесславно кончилась карьера еще одного вожака бандеровского отребья.

Орденом Отечественной войны 1-й степени награжден Александр Васильевич Ипатов. Мужество, находчивость, отвага чекиста в борьбе с вооруженными бандами оуновцев приравнена к фронтовому подвигу.

*

Прошло двадцать лет.

Ясным весенним днем из Львова на Дрогобыч стрелою мчалась голубая «Волга». Оживленный разговор в ней не прекращался ни на минуту.

– Ну, как там на морях-океанах? – спрашивал Александр Васильевич Ипатов своего спутника. А был это уроженец села Лужок Богдан Иванович Котик. Его отец, сельский активист, погиб от рук бандеровцев в 1947 году. Тогда-то Ипатов и познакомился с десятилетним Богданом. Окончив среднюю школу, юноша поступил в медицинский институт, стал врачом. Работает в Одесском морском, пароходстве на кораблях дальнего плавания. Приехал в отпуск. По пути остановился во Львове, нанес визит Александру Васильевичу. И вот вместе едут они в родное село Богдана, которое навсегда стало дорогим и ему, Ипатову.

Дрогобыч широко раскинулся в долине, разросся, помолодел, став городом заводов, школ, техникумов, студентов. Ипатов с благодарностью вспомнил своего первого наставника – чекиста Якова Антоновича Журавлева. К сожалению, он умер несколько лет назад, и его похоронили тут, в Дрогобыче. Нет в живых и Александра Лебедева, с которым Ипатов дружил и работал в то тревожное время.

Из Дрогобыча «Волга» вышла на шоссе, ведущее к Самбору. Вскоре машина свернула влево, в сторону Быстрицы, к тому месту, где стоит старая водокачка.

Как родного брата, встретил здесь Ипатова Семен Михайлович Котик.

– До сих пор, значит, воду качаешь? – улыбнулся Ипатов.

– Двадцать лет...

Это он, Семен Михайлович, в одном нижнем белье убежал из своей хаты от бандеровцев на водокачку. Здесь остался жить и работать. Недавно построил новый дом в Лужке, так что приглашает на новоселье.

...В светлой просторной горнице собралось много знакомых, приятелей Семена Михайловича. Все это – хлеборобы, колхозники. Была здесь и старенькая мать Богдана. Зашла молодая женщина – дочь Филимона Лисовича, первого колхозного бригадира, которого убили оуновцы. Это – Марийка, Мария Филимоновна, мать двоих детей. Растет новое поколение Лисовичей...

В доме оживленный говор, песни, веселый смех, С чувством гордости смотрел Александр Васильевич Ипатов на обновленный край, на счастливые лица людей и вместе со всеми радовался торжеству новой жизни.

ИВАН ЛЮБАЩЕНКО ЖИЗНЬ – ПОДВИГ

СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ

Когда я впервые увидел этого голубоглазого, сидящего человека, услышал его мягкий, задушевный голос, то он показался мне по-домашнему мирным, спокойным собеседником, с которым приятно поговорить о самых обыденных вещах. Это чекист Иван Гордеевич Перебенев. Из его личного дела я узнал о том, что он смелый разведчик, не раз смотревший смерти в лицо, умеющий разгадывать коварные замыслы врага, находить правильное решение в самой сложной обстановке.

И только потом, когда я провел с Перебеновым несколько вечеров, понял, что его «мирная» внешность – не от кажущегося спокойствия, а от уравновешенного характера, который формировался в течение многих лет.

Удивительная жизнь у Ивана Гордеевича! Такой жизни позавидует каждый. Сколько в ней интересного, поучительного! Вот хотя бы такой факт. Обычно люди празднуют свой день рождения один раз в году, а Перебенев – дважды – 31 декабря и 28 августа. 31 декабря он родился, а 28 августа – воскрес из мертвых.

...Советские суда, вывозившие в 1941 году из Таллина ценное имущество, в открытом море были внезапно атакованы фашистскими самолетами. Бомбежка причинила им огромный ущерб. Судно, на котором находился Перебенев, затонуло. Мало кто из его команды остался в живых. Тридцать часов добирался Иван Гордеевич на обломке доски к советскому берегу. И добрался! Вот и празднует теперь 28 августа как день своего второго рождения.

В такие сложные ситуации Перебенев попадал не раз. В Варшаве его чуть не расстреляли по ложному доносу агентов Армии Краевой; в одном из сел Лопатинского района на его жизнь покушались бандеровцы; в Яворовском районе ему постоянно подбрасывали записки с угрозами.

Вот скупые строки из биографии чекиста Ивана Гордеевича Перебенова. Родился он в Киевской области в 1912 году. Закончил металлургический техникум. В 1938 году Луганский горком ЛКСМУ рекомендовал его в органы государственной безопасности. После окончания школы чекистов Перебенев становится оперативным работником НКВД Житомирской области. В годы Великой Отечественной войны работал в контрразведке Советской Армии, затем – в Войске Польском. В 1946 году Перебенев назначили начальником Лопатинского, а в 1951 году – Яворовского райотдела госбезопасности. В связи с болезнью ушел в отставку. Теперь живет и работает во Львове.

За успешно разработанные и осуществленные чекистские операции Перебенев награжден многими советскими и польскими орденами и медалями.

В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Немцы непрерывно бомбили и обстреливали Кировский район города. В первые дни осады Ленинграда бомбежка велась беспорядочно. Если вражеские самолеты прорывались в черту города, они сбрасывали свой смертоносный груз куда попало: на жилые дома, площади, парки. Но через некоторое время фашистские стервятники даже по ночам стали вести прицельную бомбежку.

Контрразведке Ленинградского фронта стало ясно: в Ленинграде действуют вражеские лазутчики, которые наводят самолеты на важные объекты. Это предположение подтверждалось и пожарами, которых становилось все больше в городе, особенно в тех кварталах, которые враг не мог обстреливать артиллерийским огнем или бомбить с самолетов. Так ни с того ни с сего загорелся Гостиный двор, сгорело несколько жилых домов...

На оперативном совещании в управлении контрразведки разработали план поимки вражеских лазутчиков и диверсантов. В первую очередь надо было «нащупать» канал их связи, засечь место, откуда немцы забрасывали их в Кировский район города. Осуществить разработанный план было поручено оперативной группе, в которую входил и старший оперуполномоченный Иван Гордеевич Перебенев.

Первым делом чекисты хорошо обследовали обширные пригороды, примыкающие к линии обороны, побывали в окопах, на стыках между армейскими частями, оборонявшими город. Мнение у всех было одно: враги могут проходить линию фронта только пустырями, примыкающими к Пулковским высотам, да в районе проспекта Стачек.

Усилили наряды, стали высылать к линии фронта ночные дозоры. Казалось, что теперь к Ленинграду не прорвется незамеченным и заяц. Однако наводчики вражеских самолетов, поджигатели домов продолжали действовать.

Тогда Перебенев предложил переправить к немцам своих людей. Пусть войдут к фашистам в доверие, предложат свои услуги. Может, и клонет? Возможно, таким путем удастся «нащупать» вражеский канал связи? Начальник отдела Николай Петрович Кабанов, руководивший операцией, выслушав Ивана Гордеевича, согласился. Готовить людей к переброске во вражеский тыл, руководить их разведывательной работой он поручил Перебенову.

К немцам Перебенев направил двух восемнадцатилетних комсомольцев – Мишу и Петю. Сыновья рабочих и сами рабочие, юноши в свободное время рыли окопы под Ленинградом, дежурили на крышах домов, обезвреживая зажигательные бомбы, сбрасываемые вражескими самолетами, в составе рабочих дружин патрулировали по городу. Иван Гордеевич не раз до этого встречался с комсомольцами, видел их в деле. Особенно нравился ему голубоглазый, с веснушками на лице Петя. Он поражал Перебенова находчивостью, умением хорошо разбираться в людях. Худощавый, черноволосый Миша, на первый взгляд казался флегматичным, а на самом деле был смелым и ловким парнем.

Темной дождливой ночью юноши благополучно перешли линию фронта и надолго застряли в немецком тылу. Перебенев ждал их возвращения одну неделю, другую, третью... Но от юных разведчиков не было никаких вестей. «Наверное, хлопцам не удалось перехитрить абверовцев... Значит, сам виноват. Что-то не доделал, упустил», – думал Иван Гордеевич. Думал так, а в душе все же надеялся, что они возвратятся, операция завершится успешно.

Миша с Петей появились в Ленинграде на квартире, которую им указал Перебенев. На них была добротная одежда, на щеках алел румянец.

– Откормились на немецких харчах, – пошутил Петя.

Юноши рассказали Ивану Гордеевичу о своих мытарствах у немцев.

Когда перешли линию фронта, на допросе в абвере в первую очередь показали листовки, которые немцы тоннами разбрасывали над Ленинградом. «Посмотрите на нас – кожа да кости остались, – говорил немцам Петя. – А вы в своих листовках обещаете хлеб, масло...» Хлопцы клялись, что готовы верой и правдой служить немцам, помогать им. Фашисты, конечно, хорошо знали, в каких нечеловеческих условиях живут ленинградцы в осажденном городе, надеялись, что голодные люди не выдержат, сдадутся. И все же юношам сначала не поверили. В абвере их допрашивали, избивали, но Петя и Миша стояли на своем.

И немцы поверили. Приодели их; подкормили, снабдили продуктовыми карточками и перебросили через линию фронта в Ленинград. Задание дали – действовать в Кировском районе.

– Нам поручили определить местонахождение зенитных установок, обороняющих район с воздуха, – сообщил Миша.

– Мы поможем вам в этом, – улыбнулся Перебенев.

Советские чекисты снабдили юных разведчиков ложными сведениями и через несколько дней снова переправили через линию фронта. Спустя неделю комсомольцы опять встретились с Перебеновым на ленинградской квартире.

– Кажется, поверили! – воскликнул Петя. – Снова дали задание разведывательного характера.

Чекисты снабдили юношей ложными «разведывательными» данными и переправили их к немцам. На этот раз фашистская разведка, направляя Мишу и Петю в осажденный город, сообщила им явку своего агента, передала ему через юношей задание вербовать наводчиков немецких самолетов на цели.

По возвращении юных разведчиков в Ленинград в управлении разработали детальный план захвата вражеского агента. Операция была назначена на раннее утро. Ею руководил Иван Гордеевич Перебенев. Он подошел с чекистами к дому, в котором жил вражеский агент, на рассвете. Поднялся на четвертый этаж, постучал в дверь. На стук долго не отвечали. Потом за дверью послышались шаркающие шаги и сонный голос тихо спросил:

– Кто там?

– Из похоронного бюро. Нет ли в вашей квартире мертвецов? – спросил Перебенев.

Это был условленный пароль, который сообщили фашисты юным советским разведчикам.

– Мертвых нет, но я сам очень плохо себя чувствую, – ответили за дверью тоже паролем.

Дверь распахнулась, и Перебенев увидел перед собой довольно крепкого еще человека, закутанного в стеганный халат. Наметанный глаз чекиста заметил что-то за поясом хозяина квартиры. «Оружие», – определил Иван Гордеевич, входя в квартиру немецкого агента. Убедился, что в ней больше никого нет.

– А теперь здравствуйте, – протянул руку хозяину.

Тот настороженно ослабилась и тоже поднял руку для пожатия. И тут же Перебенев нанес ему сильный удар в живот и выхватил у него из-за пояса пистолет.

– Руки вверх! – скомандовал Иван Гордеевич.

На допросе агент выдал своих сообщников, и они были арестованы.

Так было ликвидировано осиное гнездо в Кировском районе осажденного Ленинграда. Наводка вражеских самолетов на цели и поджоги в городе прекратились. Контрразведчики помогли ленинградцам сохранить от разрушения оборонные предприятия, важные общественные и жилые здания.

В РЯДАХ ПОЛЬСКИХ КОНТРРАЗВЕДЧИКОВ

Иван Гордеевич Перебенев, как уже говорилось, служил в Войске Польском, боролся с фашистами на Украине, освобождал Варшаву, штурмовал Берлин. По просьбе народного правительства Перебенев остался в рядах польской контрразведки и после войны. Во время жестокой борьбы с бандами Армии Краевой Иван Гордеевич работал заместителем начальника одного из отделов главного управления информации Войска Польского. В задачи этого отдела как раз и входила разработка оперативных планов, связанных с ликвидацией банд Армии Краевой.

У польских контрразведчиков всюду были свои «глаза и уши». Им помогали тысячи добровольных помощников. Таким образом удалось предотвратить многие диверсии на предприятиях и железных дорогах, разгромить сотни банд, рыскавших вокруг столицы и других больших городов страны. Трудящиеся Народной Польши стремились быстрее залечить нанесенные войной раны, строить новую, счастливую жизнь. Поэтому подавляющее большинство поляков, часто рискуя жизнью, выслеживало банды, сообщало о них контрразведчикам. Но были случаи, когда тщательно разработанные операции срывались. Контрразведчики были уверены, что среди них есть предатель. Но как его выявить? Они внимательно начали изучать личные дела работников отдела, наблюдали, следили за ними, однако желаемых результатов не добились. Тогда собрались контрразведчики, хорошо знавшие друг друга во время войны, не раз делившие пополам горе и радость. Собрались, чтобы поговорить, как действовать дальше. В узком кругу товарищей Иван Гордеевич Перебенев предложил разработать план, связанный с ликвидацией одной из банд. Здесь же, на совещании, договорились: никому больше не сообщать об этом, никаких документов на проведение операции не оформлять.

Так и сделали... Войска выступили из Варшавы ночью. Направились вначале в другом направлении. За городом же изменили маршрут и скрытно подошли к месту, где, по данным разведки, должна была базироваться банда. Ее «накрыли» (вместе с эмиссаром из Лондона) в предместье польской столицы. Главарь банды, поднимая руки вверх, выругался:

– Стервы! Служат и нашим и вашим.

– Надо знать, кого к нам засылать, – сказал Перебенев, не ведая еще, о ком идет речь.

– Да вроде бы знали. А вышкололи на свою голову.

Так, слово за словом, Перебенев вытянул у главаря банды вес, что ему нужно было. Врагами оказались секретарь отдела и машинистка. Они и выдавали планы контрразведки бандитам. На допросе предатели польского народа рассказали обо всем, в том числе и о террористических актах, которые готовили банды Армии Краевой, выдали польской контрразведке нескольких своих агентов.

С тех пор операции, разработанные польскими контрразведчиками, стали всегда осуществляться успешно. Вскоре все банды Армии Краевой были ликвидированы.

КОНЕЦ БАНДЫ БРЫЛЯ

Это случилось летом 1948 года, когда подполковник Перебенев возглавлял Лопатинский райотдел органов государственной безопасности, Лопатинский район тогда уже был в основном очищен от банд украинских буржуазных националистов. Но в некоторых селах бандеровцы еще продолжали действовать. Много хлопот доставляла чекистам банда главаря по кличке Брыль, скрывавшаяся в лесах недалеко от села Кустын. Она терроризировала местных жителей, убивала сельских активистов. Подходы к этому селу и лесу были под наблюдением бандеровских связных.

Как ликвидировать банду? Эта мысль не давала Ивану Гордеевичу покоя. Строил различные варианты, мысленно осуществлял их, но снова и снова отбрасывал, понимая, что в условиях села Кустын они неприемлемы. Однажды поехал туда, зашел в дом крестьянки, сын которой находился в банде. Завел с нею разговор:

– Как думаете жить дальше? Пропадет ваш сынок... Одной бедовать придется. Передайте, чтобы пришел к нам с повинной...

– Да говорила я с ним, – ответила женщина. – Боится, что не простят ему грехов...

– Советская власть гуманна. Простит и вашего сына, если вовремя одумается.

Женщина задумалась, смахнула набежавшую слезу. А Перебенев продолжал:

– Передайте Николаю, что хочу встретиться и поговорить с ним.

Через несколько дней женщина сообщила Ивану Гордеевичу: «Согласился».

Прошло еще несколько дней в переговорах о месте и условиях встречи. Место назначил Перебенев, условия встречи – бандит. Встретиться решили поздним вечером без оружия один на один. Передавая Перебеневу свой разговор с сыном, женщина расплакалась:

– Вручаю судьбу сыночка в ваши руки, – причитала она. – Сохраните ему жизнь...

Перебенев вышел из села на встречу с бандитом, когда начало смеркаться. Шел и думал:

«А вдруг подвох? Вдруг бандиты решили заманить его в ловушку, а он поверил...» В сердце прокрадывалась тревога, но отступать от задуманного, естественно, и не собирался.

Пришел в назначенное место, прилег в густой ржи. Лежит и думает: придет бандит или нет? Прошло минут пятнадцать. Вдруг где-то вблизи зашуршала рожь. Иван Гордеевич приподнялся. Видит: идет человек. Ступает осторожно, прислушивается. Подошел ближе, остановился, тихо свистнул. Поднялся на ноги и чекист. Они подошли друг к другу и легли на землю.

– Вот ты какой худой и бледный, – сказал Перебенев.

– В бункере жиру не нагонишь...

– Так выходи из бункера!

– Поздно, – проговорил он хриплым голосом.

– Почему же поздно? – спросил Иван Гордеевич.

– Вы не расстреляете, так свои прикончат. У нас измены не прощают.

– Запутался ты парень...

– Так помогите выпутаться! – почти выкрикнул бандит.

– Поможем, если захочешь.

– Очень даже хочу!

Бандит произнес эти слова так искренне, что не верить ему было просто нельзя.

– Какое у тебя оружие? – спросил Иван Гордеевич.

– Винтовка. А что?

– Получишь автомат и будешь действовать.

И Перебенев рассказал Николаю, что ему предстоит делать, выложил перед ним план, как обезвредить банду.

...Спустя несколько дней после этой встречи в окрестностях Кустына ночную тишину пререзала автоматная очередь, Это стрелял Николай. Отпросившись у Брыля на побывку к матери, он взял спрятанный в ее сарае автомат, который ему дали чекисты, и залег у тайной тропы. От его пуль пали тогда два самых отъявленных бандеровца, с помощью которых Брыль держал в руках всю банду. В бункер же Николай возвратился с винтовкой. Так что у бандитов он был вне подозрения. И чекисты способствовали этому: после выстрелов они быстро появились у места стычки. Бандиты были уверены, что автоматные очереди – дело рук чекистов.

Банда понесла потери, но продолжала действовать. После гибели двух своих помощников Брыль решил перевести «боевку» в другое место. Николай сумел сообщить об этом чекистам, назвал примерное время, указал путь, по которому, вероятно, будет следовать банда. И не ошибся. В один из осенних дней на рассвете бандеровцы напоролись на чекистскую засаду. Чтобы не вызвать у Брыля подозрений, Николай находился тоже среди бандитов. После первых же выстрелов он упал на землю. Бой был коротким, но жарким. Чекисты шквальным огнем прижали бандитов к земле и захватили их.

Так закончила свое бесславное существование последняя крупная банда в Лопатинском районе. Разгромить ее чекистам помог Николай, который все же понял: не по пути ему с отщепенцами украинского народа.

ГРИГОРИЙ ГЛАЗОВ
СЕРО-ЗЕЛЕНЫЙ «ФОЛЬКСВАГЕН»

Сперва ему было грустно, что день рождения придется встречать далеко от дома. Но в конце концов и здесь, в Западном Берлине, можно было бы найти хорошую компанию, завалиться в какой-нибудь бар, чтобы отметить свое двадцатишестилетие. Слава богу, выпить здесь есть что, а у баров всегда вертятся смазливые девчонки. Другое тревожило Марвина Мякинэна: в свой день рождения, 19 августа, он будет далеко даже отсюда, от Западного Берлина, – где-то на дорогах Советской России.

При мысли об этом он зябко передернул плечами и невольно оглянулся по сторонам. Но все было в порядке, ведь в этот душный июльский вечер 1961 года он шагал пока что по улицам Западного Берлина. Его зазывали разноцветными крикливыми огнями рекламы магазинов, манили яркие афиши кинотеатров, из открытых дверей баров доносилась музыка и нестройные голоса сидевших там посетителей.

Мякинэн шел мимо всего этого. Ему хотелось побыть наедине с собой. В Европе он не впервые и обычно о доме своем – городке Чэссел в штате Мичиган – вспоминал редко. Вот уже второй год он обучается здесь на химическом факультете так называемого «свободного» университета в Западном Берлине, куда поступил в соответствии с соглашением об обмене студентами между Пенсильванским университетом штата Филадельфия и Западберлинским. Он получает приличную стипендию, покрывающую расходы на обучение и на жизнь. Все было бы неплохо, если бы не эта встреча месяц назад.

Это произошло, кажется, в первую неделю июня. Он возвращался из библиотеки. Было за полдень. Жара висела над городом, от нагретого асфальта исходил приторный запах бензиновых испарений. Мякинэн решил зайти в бар, выпить кружку холодного пива и покушать сосиски. В баре было пусто. В прохладном полумраке на полках поблескивали бутылки разных форм. За стойкой листал газету бармен. Он мельком глянул на вошедшего, кивнул ему, как старому знакомому, и лениво спросил:

– Как дела, студент?

– Все в порядке, – улыбнулся в ответ Мякинэн, расслабляя галстук, сжимавший жесткий ворот рубахи. Он ходил в этот бар давно, у него даже было свое местечко в углу возле арки.

Бармен знал привычки своих постоянных посетителей и поэтому, не спрашивая, поставил перед Мякинэном на стол запотевшую кружку пива и сосиски.

В баре появилось двое мужчин. Быстро оглядев зал, они подошли к столику, за которым сидел Мякинэн.

– Разрешите? – спросил один из них в то время, как другой уже усаживался.

Мякинэн удивился: свободных мест было достаточно.

– Жара, не правда ли? – спросил тот, который уже сидел, и, обернувшись к стойке, сказал: – Два пива.

К Мякинэну они обратились на английском языке.

– А ведь я вас знаю, – сказал один из пришедших. – Вы – Марвин Вильям Мякинэн?

– Допустим, – сухо ответил Мякинэн, которого начинала злить бесцеремонность этих двух.

Он почувствовал, что встреча не случайна. Ему было любопытно, чего от него хотят. – Так чем могу быть полезен? – спросил Мякинэн.

– Да это пустяк, – ответил один и, обратившись к своему спутнику, начал ему рассказывать какую-то историю об автокатастрофе.

Они беседовали между собой, уже не обращая внимания на Мякинэна, вроде его здесь и не было. Затем они взяли еще пива, предложили Мякинэну, но он отказался.

Когда, расплатившись, он выходил из бара, один из американцев протянул ему визитную карточку:

– Заходите, буду рад вас видеть. Мы ведь земляки. Меня зовут Дайер. А это – Джим, – кивнул он на своего приятеля.

Возвращаясь домой, Мякинэн все время был под впечатлением этой странной встречи, несколько раз доставал из кармана визитную карточку и рассматривал ее.

Прошло несколько дней. Однажды вечером, едва он хотел сойти с тротуара и пересечь улицу, возле него резко затормозил «Мерседес» и высунувшийся из дверцы мужчина окликнул его:

– Хэлло, земляк! Как дела?

Это был Дайер.

– Привет. Все в порядке.

– Садитесь, я подвезу вас.

Мякинэну ехать, собственно, было некуда. Но он решил сесть. Эта история должна иметь какой-то конец.

В машине кроме Дайера, сидевшего рядом с водителем, был и Джим. «Мерседес» понесся по широкой освещенной улице.

– Не заехать ли ко мне, Джим? – обратился Дайер к приятелю. – Пропустим по рюмочке, поболтаем. И удовлетворим, наконец, любопытство нашего земляка.

– Можно, – буркнул Джим.

– А как вы думаете? – спросил Дайер у Мякинэна.

– Валяйте, – храбрясь, ответил тот.

Квартира Дайера была обставлена со стандартным уютом. Низенький стол, кресла вокруг него, сервант с баром и книжная полка с яркими корешками книг. Было похоже, что в этой комнате обитатели находятся изредка.

Дайер поставил рюмки, бокалы, бутылки и приготовил лед. Затем, наливая в рюмку Мякинэна, он вдруг спросил у него:

– Когда вы собираетесь в Советский Союз?

Мякинэн едва не вздрогнул – так неожидан был этот вопрос. Не дав ему опомниться, молчавший Джим спросил:

– Сколько будет стоить вам эта поездка?

Мякинэн не ответил.

– Слушайте, Марвин, давайте играть в открытую, – откинувшись в кресле и ставя рюмку, сказал Джим. – Мы представляем одну из специальных служб американской армии в Западной Германии. У каждого своя работа. И каждый должен делать ее хорошо. Вы умный человек и понимаете, что прежде чем обратиться к вам, мы постарались удостовериться в том, что в этом есть смысл. Поэтому не обижайтесь, что мы кое-что знаем о вас, хотя, может, вы этого и не желали. Как турист вы однажды уже посетили Советский Союз. Мы предлагаем вам на сей раз осуществить поездку туда за наш счет, но и на наших условиях...

Теперь Мякинэн понял все. Но как ни странно, он не ощутил в себе ни гнева против этих двух, привезших его, на конспиративную квартиру, ни раскаяния в том, что он очутился здесь, вежливо выслушивает их, наоборот, к его любопытству прибавилось еще какое-то чувство гордости, что вот именно его посвящают в свои тайны парни из американской разведки. Правда, в голове промелькнуло, что от предложения собеседников веяло элементарной нечистоплотностью, но он отмахнулся от этого.

– С ответом не спешите, Марвин, – сказал Дайер. – Подумайте хорошенько. Ни до поездки, ни после нее мы вам никаких вознаграждений не обещаем. Мы ее только оплачиваем за некоторые ваши услуги нам. Если вы патриот и хотите помочь своей стране, поймите нас правильно. Этот разговор вас ни к чему не обязывает.

– Разве к одному, – добавил Джим, – забыть о нем в случае, если вас не устроит наше предложение. Итак, мы ждем вашего звонка в четверг...

У двери Дайер добавил на прощание:

– Учтите, что ни стрелять, ни убивать вам никого не нужно будет, – он засмеялся. – Взрывать тоже ничего не придется. Вы возьмете с собой только фотокамеру...

В четверг, как и было обусловлено, Мякинэн позвонил:

– Хэлло, Дайер, это Мякинэн. В общем, я согласен, – сказал он, слушая напряженную тишину в трубке.

Дайер откликнулся не сразу. После паузы он сказал:

– Отлично, Марвин, скоро встретимся, – И повесил трубку.

Теперь, когда было сказано «да», Мякинэн стал размышлять. Он говорил себе, что как настоящий американец он должен был согласиться оказать помощь своей стране в той борьбе, которую она ведет против коммунистической России. Правда, лично он не испытывал ненависти к этой стране, но ему постоянно внушали ее газеты, речи политиков, телепередачи и кинофильмы. Однако где-то в самой глубине его души копошилась и другая мыслишка: во всей этой истории его устраивало больше всего то, что он сможет сэкономить деньги, съездив в туристскую поездку за счет военной разведки, что патриотические его чувства подогреты именно этим фактом. И если бы ему предложили съездить в Советский Союз за свой счет, но с заданием, которое даст разведка, он бы, пожалуй, отказался. Но эту невыгодную мысль Мякинэн старался заглушить в себе, потому что патриотом выглядеть гораздо красивее и удобней...

Готовить к поездке его начали сразу. Прежде всего было оговорено, что в Советский Союз он въедет через его западную границу, но свой туристский маршрут он может выбрать сам. Мякинэн выбрал такой путь следования: Ужгород – Львов – Киев – Одесса – Ялта – Запорожье – Харьков, а затем – Москва – Минск – Брест. Этот вариант вполне устраивал его новых друзей.

– Нам очень важно, чтобы вы прокатились по Украине, – сказал ему Дайер. – Вся работа по организации этой поездки вы должны самостоятельно провести через «Интурист» Советского Союза без нашего участия в этом. Вы поняли, Марвин?

Он все понял и оказался весьма успевающим во время специальной краткосрочной подготовки в методах распознавания военной техники и военных объектов.

Дайер и Джим, удовлетворенно переглядывались, когда на инструктаже Мякинэн безошибочно определял различные типы танков, полевых орудий, бронетранспортеров и автомашин, находящихся на вооружении Советской Армии, точно запомнил воинские звания и эмблемы родов войск.

– Экипируем мы вас очень просто, – сказал Мякинэну Джим. – Вы получите нательный пояс, фотопленку и вот эту камеру. Это одна из новейших конструкций. Проста, удобна, с сильным объективом. Ну и, конечно, обеспечим вас деньгами.

Вечером они сидели в комнате, где на большом столе были разложены карты, планы городов Советского Союза, и, прорабатывая будущий маршрут, Мякинэн отмечал на них объекты, представляющие особый интерес. Кроме того, Дайер обратил его внимание на линии высоковольтных передач, башни, казармы и мосты.

– По возможности это надо сфотографировать. Память – дело хорошее, но фотопленка надежней, – пошутил Джим. – Ну и, кроме того, интересуйтесь всем, что на ваш взгляд может представлять ценность для наших специалистов. Не гнушайтесь случайной информацией, услышанной из разговора. В общем, будьте внимательны всюду, не только в тех городах, на которые мы вас нацеливаем особо. Вы – химик. О периодической таблице Менделеева слышали. Так вот, этот русский химик по составу сырья, которое подвозили эшелоны к немецкому заводу, и по количеству этих эшелонов, так сказать, по их пропорциональности, смог вывести формулу и доказать ею, что на заводе этом производится взрывчатка. Может быть, это легенда, – засмеялся Джим, – но я не возражал бы, чтобы вы последовали примеру ее героя. А теперь выпьем...

Все это происходило месяц назад. Но чем ближе становился день отъезда, тем тревожнее было на душе у Мякинэна. Он понял, что просто трусит, и с грустью думал о том, что очередной свой день рождения он встретит в опасной дороге, не такой уж приятной, какой она могла бы быть, когда задумал он туристскую поездку, еще не ведая о существовании Дайера и Джима.

23 июля 1961 года через пограничный контрольно-пропускной пункт после недолгих таможенных формальностей на территорию Советского Союза въехал серо-зеленый «Фольксваген» под номером ВМР-999.

Мило улыбнувшись на прощание работникам таможни, его владелец Мякинэн начал свою туристскую поездку по нашей стране.

Красивая машина, появившаяся на наших дорогах, привлекла внимание не только автолюбителей, но и сотрудников органов государственной безопасности. И это не случайно. В начале этого года Мякинэн уже приезжал в нашу страну в качестве туриста. Он побывал в Москве и Ленинграде. Не слишком ли часты поездки, связанные с немалыми расходами?

Майору Максименко и группе подчиненных ему оперативных работников было дано задание – принять меры по выяснению истинных целей приезда американца в нашу страну. Предыдущий опыт показал, что американская военная разведка и Центральное разведывательное управление США уже делали попытки использовать граждан различных стран, отправлявшихся в туристские поездки в нашу страну для сбора секретной информации.

Старший лейтенант Капитонов установил, что Мякинэн, направляясь к бензозаправочной станции, расположенной на оживленной автотрассе, вдруг остановил машину, и в течение некоторого времени внимательно рассматривал летное поле и наземные сооружения одного из аэродромов. Затем сел в машину и укатил.

Следующее событие не оставило никаких сомнений в отношении намерений Мякинэна. При следовании по автотрассе американец начал фотосъемку. В отличие от других туристов, снимающих обычно прекрасные пейзажи Карпат, Мякинэн направлял объектив фотокамеры в сторону других объектов. Он ехал не спеша, несколько раз по дороге во Львов останавливал машину, но не выходил из нее, а лишь открывал дверцы. Наблюдавшие за Мякинэном чекисты понимали, что, снимая дальние объекты прямо из машины, американец пользуется специальной оптикой.

На состоявшемся коротком совещании в кабинете майора Максименко было принято простое и естественное решение: продолжать мероприятия по сбору улик о шпионской деятельности Мякинэна.

Их было немного, участников этого совещания. В основном – молодые люди, но имевшие уже опыт чекистской работы. Да и сам Максименко ненамного был старше своих подчиненных. Невысокого роста, плотный, темноволосый, в штатском костюме, с удивительно четкой и лаконичной речью, имел он на своем боевом счету не одного обезвреженного шпиона. Встав из-за стола и упершись широкими ладонями в его края, Максименко сказал:

– Все, товарищи, вроде ясно. Маршрут Мякинэна известен. Задание у него шпионское... Если вопросов нет, тогда – по местам...

...Из машины старший лейтенант Капитонов хорошо видел, как Мякинэн остановился недалеко от воинской части и, постояв несколько минут, поехал дальше. Когда «Фольксваген» скрылся за поворотом шоссе, ведущего на Львов, Капитонов подъехал к тому месту, где только что останавливался Мякинэн, и, оглядевшись по сторонам, понял, что отсюда хорошо просматривается территория воинской части.

– Нажми, – сказал Капитонов водителю. И «Волга», рванув по свободной дороге, принялась догонять «Фольксваген». Капитонов держал такую дистанцию, чтобы, не теряя из виду машину американца, самому оставаться вне его подозрения.

Возле Львова Капитонов, чтобы не привлечь внимания Мякинэна, «передал» его под наблюдение другой оперативной группы во главе с капитаном Дубровым.

Тем временем папка с делом Мякинэна, лежавшая в сейфе майора Максименко, пополнялась новыми сообщениями. В ней, в частности, появились две такие записи:

«Утром 25 июля около главного вокзала американец конспиративно сфотографировал военнослужащих». «На автотрассе Львов – Киев замечено, что при следовании в районах расположения некоторых важных сооружений и промышленных объектов Мякинэн снижал скорость автомашины».

Во Львове «турист» не задерживался. Его тянуло на автотрассу, на узкие грунтовые

дороги, отвлекаясь от широких шоссе, в лес и в поселки. Дубров понимал, что Мякинэн ищет военные объекты.

Когда проезжали еще по территории Львовской области, Дубров сказал сидевшему на заднем сидении лейтенанту Швыдко:

– Смотри, что сейчас будет. Не прозевай, надо зафиксировать.

Навстречу «Фольксвагену» шла колонна с войсками и техникой. Заметив их, Мякинэн съехал с шоссе на поляну, открыл капот машины и начал ковыряться в моторе. Но сидевшие в машине чекисты видели, как американец, незаметно пристроив фотокамеру, стал фотографировать. Когда колонна прошла и осела пыль, Мякинэн опустил капот, влез в машину и, вытащив блокнот, начал быстро что-то записывать. Он не знал, что в тот момент, когда он съехал с шоссе, на него уже был нацелен фотообъектив чекистов, снимавших с помощью сильной оптики на большом расстоянии.

– Записи открыто он ведет впервые, – сказал Дубров. – Этого еще не было. Боится, что забудет. Совсем зарвался.

Было уже далеко за полдень. Шуршал под колесами размягчившийся асфальт. Ветерок сносил дорожную пыль на траву вдоль кюветов. И она была уже не зеленой, а какой-то бурой, жесткой. И только в стороне, где начинался лесок, все зеленело и манило прохладой. На полянке расхаживали ленивые от зноя коровы, вяло пощипывавшие траву.

Все это проносилось перед глазами американца, и временами ему казалось, что едет он по одной из магистралей родного штата Мичиган – так все было похоже. Из этого состояния Мякинэна вывела мелькнувшая вдруг на опушке солдатская гимнастерка, затем другая. Мякинэн тут же поискал глазами съезд с шоссе в сторону леска, понимая, что такой спуск должен быть обязательно.

Дубров проехал мимо вперед и остановился возле закрытого магазина сельпо, стоявшего на пригорке, откуда хорошо просматривалось и шоссе, и лесок, и поляна, на которой стоял «Фольксваген».

Не прошло и несколько минут, как чекисты увидели, что Мякинэн вдруг быстро сел в машину и пулей вылетел на шоссе, понесся по нему, промчался мимо них и скрылся за поворотом.

– Что-то случилось, – сказал Дубров, повернувшись к Швыдко. – А ну, быстренько, – кивнул он водителю.

Лишь позже Дубров и Швыдко узнали причину столь торопливых действий американца. А произошло вот что. Когда заученным маневром Мякинэн съехал на поляну и, подняв капот, начал якобы ковыряться в моторе, необычный вид машины привлек внимание солдат. Один из них заметил в руках американца фотокамеру. Солдаты доложили об этом своему командиру – капитану Вольному. Увидев вооруженных солдат, Мякинэн испугался и, вскочив в машину, уехал. Об этом командиру части был представлен рапорт, содержание которого осталось одной из улик в папке Максименко.

В Киеве Мякинэн остановился в кемпинге. Вечером он перезарядил аппарат, привел в порядок свои записи и рано лег спать, с тем чтобы утром поехать в город.

Пока «туристу» снились счастливые сны, судьба его решалась в другом месте. На оперативном совещании было принято решение при очередных, явно разведывательных, действиях «туриста» задержать его с поличным.

Утром Мякинэн выехал из кемпинга в Киев. Не спеша въехал на Крещатик. Поливочные машины оросили улицу свежей водой. Было тихое, еще не знойное начало дня, когда отдохнувший за ночь город вновь наполнялся шумом и суетой. Мякинэн с интересом проехался по всему Крещатику, рассматривая дома, витрины и прохожих. Затем остановил машину, вышел из нее, прошел несколько шагов и, поймав такси, попросил отвезти его к зоопарку. Здесь, расплатившись с шофером, он не задерживался, а пересел в троллейбус и возвратился к своему «Фольксвагену». Улыбнувшись мальчишкам, рассматривавшим «Фольксваген», он сел, включил зажигание и, быстро развернувшись, уехал.

Но еще до его отъезда в сторону зоопарка отправилась машина с оперативной группой. Было понятно, что Мякинэн вернется в эту часть города, понимали, что его поездка на такси была разведкой какого-то объекта, и решили «туриста» встретить здесь.

И действительно, поколесив по улицам, американец снова прибыл в этот район. По улочке

с выбитой мостовой он подъехал к забору, над которым рос платан, поставил в его широкой тени «Фольксваген», а сам пешком отправился к насыпи, поросшей густыми кустами.

Все это видел Швыдко, привыкший уже к повадкам Мякинэна и фиксирующий каждый его шаг.

Тем временем руководитель оперативной группы майор Кицко договаривался с комендантом воинской части о том, как они будут задерживать Мякинэна. Были согласованы все детали, перекрыты возможные пути бегства Мякинэна к своей машине, возле которой ждали его Дубров и Швыдко.

Устроившись поудобнее в кустах, Мякинэн глянул с насыпи вниз и улыбнулся: лучшей точки для съемки и не придумаешь. Отсюда просматривалась вся территория воинской части. Мякинэн снимал кадр за кадром.

Кицко придерживал рукой плечо коменданта и говорил:

– Не спешите, не спешите, пусть еще пощелкает.

Прошло несколько минут, томительных и длинных.

– Пора, – кивнул Кицко коменданту.

И в тот момент, когда американец в очередной раз приник к видоискателю фотоаппарата, на его плечо и запястье опустились руки Кицко...

После личного обыска и осмотра автомашины Мякинэна на стол следователя легли специальный нателный пояс с семью фотопленками, географические карты и план Киева, записная книжка и тетрадь с записями, по которым непосвященный человек не мог бы сделать вывода об их разведывательном характере.

– Мы хотим показать вам «пейзажи», которые вы снимали, чтобы у вас не было иллюзий насчет темы нашего дальнейшего разговора, – сказал Мякинэну следователь КГБ подполковник Рыбалко. – Поэтому хотим пригласить вас прямо в лабораторию. Это для начала.

Растерянный Мякинэн молча пошел вслед за человеком в синем костюме, вежливо и спокойно предложившим американцу пройти вместе с ним.

На проявленных в присутствии Мякинэна пленках ясно проступили заснятые в колоннах и отдельно воинские автомашины, мосты, цистерны бензохранилищ, антенные устройства, линии высоковольтных передач и многое другое. Но среди всего этого не было ни одного кадра, на котором были бы запечатлены с истинно туристской страстью прекрасные пейзажи Карпат и Киевщины.

– Как видите, для туриста это слишком одностороннее увлечение, – сказал Мякинэну следователь, когда они вернулись в кабинет. – Эти кадры оставляют весьма узкое представление о нашей стране. Не правда ли? – он улыбнулся. – Что же вы делали в районе, где вас задержали?

– Я хотел ознакомиться с окраиной города, – хрипло ответил Мякинэн.

– И для этого вы фотографировали воинскую часть?

– Хорошо, я расскажу правду, – спохватился Мякинэн, глядя на следователя – скуластого, голубоглазого человека с шевелюрой светлых волос. – Я занимался фотографированием запрещенных объектов по поручению своего знакомого из университета. Его фамилия Руденко. Он связан с центром одной украинской эмигрантской организации в Париже. – Мякинэн выпалил эту «легенду», придуманную ему Дайером, без остановки, как хорошо заученный урок. Замолчав, он посмотрел на следователя и увидел, как у глаз его сходятся насмешливые морщинки.

– Вы лютеранин? – спросил следователь.

– Да.

– И американец по происхождению. Так вот, не странно ли, что при этих обстоятельствах вы решили ради каких-то отщепенцев, к тому же католиков, рисковать и довольно серьезно? Видимо, Дайер спешил, готовя вас к дороге, и ничего остроумнее не придумал.

– Вы знаете Дайера? – растерялся Мякинэн.

– Лично не знаком. Но не вы первый, кого он финансировал в таких поездках в обмен на определенные услуги. Давайте не будем терять времени, вы же понимаете, что обнаруженное у вас свидетельствует о сборе вами секретной информации. Надеюсь, вы не считаете нас дураками, как и мы вас...

Мякинэн понял, что дальше врать и записывать бессмысленно. И молча кивнул головой, словно соглашался со словами следователя...

– Начнем с расшифровки ваших записей?

Здесь нет смысла приводить полностью расшифровку всего, что записал американский шпион, разъезжая по нашей стране. Для наглядности приведем лишь два отрывка из его тетради-дневника.

Условная запись

«...Я проехал 34042 км, когда достиг ручья, в котором намочил тряпку, чтобы вытереть переднее стекло».

«...Около 150 км из 120 езда была очень медленной ввиду встречного движения, поэтому невозможно было обогнать идущие на моем пути машины. Вчера я купил красивые открытки у небольшого киоска в Ровно и отправил их друзьям Мьюрей Смит, 62, Джаньепер Роунд и Роберт Транс, 317, Хой Роунд Эшбурнхэм».

Следователю «турист» признался.

Действительное содержание записи

«В том месте, где спидометр показывал 34042 км, я сфотографировал высоковольтную линию передач».

«На участке Львов – Ровно встретил большую колонну военных автомашин. Она двигалась мне навстречу. Отдельные машины попадались и за Ровно. Всего я насчитал 62 джипа и 317 других военных машин. Вдоль дороги, в местах, где был лес, стояло по несколько военных машин. Очевидно, возвращаются с учений. Военные машины попадались мне примерно на протяжении 150 км от 120-километрового столба»... «Никому никаких открыток я не посылал, и таких друзей у меня нет. Я использовал эти вымышленные адреса для указания количества машин»...

В собственноручном показании Мякинэн написал:

«..Признаю, что занимался шпионажем против Союза Советских Социалистических Республик в пределах его границ. Я полностью отдаю себе отчет в том, что мои действия наказуемы по советским законам.

Я заявляю, что намеревался проводить эту работу только из соображений оказания услуги правительству моей страны. Я не питал никаких иллюзий в отношении того, что совершаю героический поступок, и не добивался этой деятельностью хорошей репутации для себя».

При чтении этого последнего абзаца следователь улыбнулся: Мякинэн опять хотел выглядеть чистоплотней, нежели был на самом деле. Но все это касалось уже чисто моральной стороны вопроса. В военном же трибунале Киевского военного округа во внимание принимали лишь факты, добытые контрразведчиками Львовщины и Киева. В соответствии с этими фактами по советским законам Мякинэн приговорен к восьми годам лишения свободы.

Дело «туриста» Мякинэна было закрыто. Связанная белой тесемкой папка пошла в архив.

АРКАДИЙ ПАСТУШЕНКО
ОДИН ИЗ ПЛЕМЕНИ ХРАБРЫХ

Биография Михаила Семеновича Дудника – это биография его современника, биография его поколения, простая и тяжелая, пламенная и героическая. Год рождения – 1913; начальное образование – семь классов; фабзавуч; комсомол; продразверстка; кулацкие выстрелы; рабфак; с 1932 года до начала Великой Отечественной войны – путь от лаборанта до сменного инженера завода.

Как специалиста, его эвакуируют с оборудованием завода в Кемерово. В 1943 году – служба в органах государственной безопасности, школа разведчиков. С 1944 года он – в распоряжении Львовского управления органов государственной безопасности.

К 50-летию ВЧК – КГБ Михаил Семенович был награжден орденом Красного Знамени.

Вот она, биография, которая укладывается в даты, анкеты, послужные списки. Весь путь, вся жизнь в них. А что за ними?

...Все было просто. По крайней мере, четко и предельно просто была поставлена задача: на перроне Кемеровского вокзала в таком-то часу появится человек. Высокого роста, коренастый. Одет в фуфайку, за спиной солдатский вещмешок. Опытный фашистский диверсант. «Его нужно взять тихо и незаметно, без лишнего шума. Задача ясна?» – «Так точно!» – «С вами будет капитан С. Выполняйте!»

В кабинете слова начальника казались обычным приказом. Сейчас, на вокзале, они стали первым боевым заданием в его чекистской жизни. К тому же он никогда еще не видел капитана С.

Кемеровский вокзал жил жизнью военного сорок третьего: везде военные, гражданские, женщины, дети, старики, инвалиды. Люди неделями ждут своего счастья – пробиться в вагон или на платформу товарного поезда. У войны свои законы, свои неписанные правила. Давка, нервозность, отчаяние... Где он, капитан С.? Где и как перехватить среди этого множества лиц и глаз обнадеживающий, ободряющий взгляд: я здесь, рядом с тобой, нужно будет – помогу тебе, друг!..

Нечего и думать... Но если он здесь, на вокзале, и тоже выполняет это задание – значит, все в порядке. Капитан видит его и в критический для Дудника момент придет на выручку. Следовательно, не о капитане сейчас нужно думать, не его надо искать в этом людском потоке... Малейшая неосмотрительность может насторожить врага, и тогда поминай как звали!..

Но азарт разведчика у Дудника не угасал с тех пор, как он вышел из кабинета начальника. Будто кто-то выталкивал его на перрон, а затем снова вел в здание вокзала, заполненное людьми так, что иголке негде было упасть. Прошел час, второй, а диверсант словно в Лету канул. Неужели провел его, чекиста? Но как он мог исчезнуть? Ни один поезд пока не останавливался. А до прибытия нужного состава еще пятнадцать минут. Среди тех, кто бросится к нему, наверное, будет и он. Ведь он должен быть где-то здесь. Может, даже смотрит на него, может, даже встречал его не раз...

Вдруг созрело решение – удивительно простое решение, и Дудник не столько устами, сколько глазами промолвил дежурному милиционеру:

– Следите за мной. Когда подойдет поезд и вы увидите, что я кого-то бью, берите немедленно нас обоих. Это приказ!

Милиционер понимающе подмигнул, незаметно кивнул головой. Для этого разговора им понадобилось лишь несколько секунд, и они, не обращая больше друг на друга внимания, разошлись в разные стороны.

Тут-то Дудник неожиданно увидел того, кого искал. Так же, как другие, он энергично проталкивался в толпе к выходу на перрон. (Позднее, когда операция закончилась, Дудник, анализируя события, пришел к выводу: здоровяка выдало именно спокойствие, чересчур уравновешенное, рассчитанное, холодное, какое-то стерильное спокойствие. То, в чем он был так надрессирован, чем оценивается качество разведчика, – то явилось для нег неотвратимой, губительной ловушкой). Дудник тоже начал действовать – то локтем, то плечом или головой, изо всех сил проталкиваясь сквозь шум и ругань женщин за ним. Еще секунда-вторая – и будет поздно: в вагоне «без лишнего шума» его не возьмешь...

Краешком глаза Михаил заметил настороженного милиционера (где-то за пределами шума, женских причитаний и плача) и, понатужившись, вплотную приблизился к здоровяку. Михаил ему лишь по плечо... Где-то пронзительно вскрикнул паровоз, и Дудник, застонав от «боли», изо всех сил дернул здоровяка за полу фуфайки:

– Почему на ноги наступаешь, скотина?!!

Все случилось так неожиданно, так молниеносно, что оторопевший здоровяк лишь глазами захлопал. Опомнившись, он сильно толкнул Дудника локтем. «Все идет как нужно...» Милиционер стоял уже рядом.

– Ваши документы! – набросился он на Михаила. Дудник, то и дело поглядывая на вагон, будто боялся, что отстанет от поезда, поспешно подал ему удостоверение сменного инженера.

– Нарушаете порядок, гражданин!.. Ваши документы! – обратился милиционер к здоровяку и требовательно протянул руку.

– Я его не трогал, он первый!.. Я опаздываю на поезд, я уже трое суток здесь сижу!.. – почти закричал тот, но документы все-таки предъявил.

– Успеете! – сказал милиционер. – Прошу следовать за мной! Оба!

Здоровяк, озираясь, неохотно вышел из толпы. Свирепыми серыми глазами обжигал Михаила – даже жилы вздулись на толстой шее. Однако пошел вместе с Дудником: их, нарушителей общественного порядка, вел милиционер...

Так закончилась первая боевая операция чекиста Михаила Дудника. Здоровяк действительно оказался ценной птицей, которую фашистская разведка забросила в тыл Советской Армии.

Чекистская биография уже началась...

Славные наши войска, освобождая от фашистского рабства родную землю, продвигались на запад.

Шел 1944 год.

Вместе с передовыми частями советских войск на территорию освобожденных западноукраинских земель вступила группа чекистов, в которой находился и Михаил Дудник.

Враг в предсмертном отчаянии пытался отравить воздух смертоносными бациллами: на землях западных областей Украины появилось множество бандеровских бункеров и схронов.

Враг был еще опасен и коварен. Пока под присмотром его «постоянных представителей» бандеровские «самостийники» проходили науку убивать, вешать и резать советских людей, другие его представители в специальных школах за границей готовили (фанатично и самоотверженно) руководящие кадры этих банд. Одну из них возглавлял сторонник самого Бандеры Микола Лебидь, учителями убийств, насилия и пожаров были Гаврила Приходяк (он же Завзятый, Басурман) и адъютант Лебидя, не менее опытный в кровавых истязаниях и пытках Орляк.

По окончании фашистской школы Басурман стал так называемым референтом СБ и информации «краевого проводом» ОУН. Правда, на этом его карьера и окончилась: в 1945 году карающая рука народного правосудия заставила его сесть на скамью подсудимых.

Однако, прежде чем Басурман был пойман, он, стараясь отработать средства, затраченные на его палаческую науку третьим рейхом, создает на территории Бусского, Олесского, Красненского, Куликовского и Новоярычевского районов специальную боевку СБ.

Руководителем ее становится Купяк, который посылал своих подчиненных уничтожать колхозников, учителей, советских и партийных работников.

Сейчас Купяк-Клей живет-поживает в Канаде. То, к чему он стремился здесь, на Украине, ради чего пытал, сжигал живьем, того он достиг – стал владельцем ресторана.

Есть деньги, есть и подручные, которых Купяк подобрал на мусорной свалке (синяя волна выбросила их из океана на заграничный берег). Для них родина там, где хорошо платят. Вместе со своим добродетелем тайком от новых хозяев они пропивают денежки, субсидированные различными разведками для подрывной деятельности против Советского Союза.

Однако не всем головорезам удалось избежать кары за свои кровавые злодеяния. Не ушел от нее и Орляк. На советской границе был задержан также Пришляк с «грузом», предназначенным для продажи иностранным разведкам, – с названиями советских воинских частей, с данными об их дислокации, с адресами партийно-советских активистов и другими шпионскими данными. Предстал перед советским правосудием и Дьявол с собственной охраной – Удавом, Зубром, Вовком – истязателями, наводившими ужас на мирных жителей Винниковского района на Львовщине.

Ныне, после полувекового юбилея Советской власти, не стоило бы вспоминать об этих бандитах со звериными кличками. Но делаем это потому, что мы, живые, не забыли и не забудем тех, кто боролся и пролил свою горячую кровь за нашу светлую жизнь, за наше ясное солнце на чистом украинском небе. Мы думаем также и о тех, кто продолжает борьбу и сегодня.

Я имею в виду Михаила Семеновича Дудника.

...Не поддержал и не мог поддержать бандеровских «самостийников» украинский советский народ, не дал им пристанища на своей земле. Боясь кары, часть этих вырождков отступила с гитлеровцами. Те, которые не успели ухватиться за отрубленный хвост третьего рейха, с оружием в руках разбрелись по границам. Третьи начали углублять свои норы – бункеры, схроны. Однако было ясно: это конец.

И тогда так называемый центральный бандеровский провод, чтобы спасти их жизнь, решил легализовать ряд своих членов, и они под чужими фамилиями расплозились по Советскому Союзу. Нужны, следовательно, соответствующие документы. Надо было немедленно найти человека, который согласился бы за деньги достать их. Разыскать его поручили Светлане – связной между центральным проводом и краевыми референтами СБ. Вскоре ей «удалось» встретить такого человека: им – под видом райисполкомовского работника – был Михаил Семенович Дудник.

Первая встреча с головорезами, вторая – они проверяют его личность. Проверка старательная, придирчивая до тошноты. Малейший промах – с третьей встречи он может не вернуться: законы волчьи. Однако третья встреча как раз все и решила.

В убогом демисезонном пальтишке, в фетровой шляпе, Дудник встретился со Светланой на безлюдной околице Львова – человек, замученный нуждой, за деньги он все сделает, Ради денег вынужден мерзнуть на резком февральском ветру, зуб на зуб не попадает: кто же этому не поверит?..

Среди белой снежной пороши никого, кроме Светланы, не видно. Однако каждой клеткой тела Дудник чувствовал, что за ним следят, что чей-то острый взгляд пронзает его убогое пальтишко насквозь, выведывает, нет ли под ним оружия. Но сейчас Михаил Семенович не чекист! Бывший учитель химии, а ныне работник райисполкома, он за большую сумму согласился достать документы. Ему нужны деньги, больше его ничто не интересует. Даже то, для кого эти документы предназначены. Таков закон деловых людей.

Светлана молча пошла впереди, Дудник – за нею. Вокруг – ни домика, ни деревца. Снежные хлопья слепили глаза, ветер пронизывал до мозга костей.

Ни зги не видно, и им обоим, и Дуднику, и Светлане, приходится ступать наугад в белые сугробы, лежащие поперек пути. Светлане ничего – она в сапогах, а его старые ботинки уже набиты снегом. Она даже не оглянется, словно его нет сзади. Наконец остановилась, и в этот же момент послышалось натужное, промерзшее похрапывание лошадей – словно из-под снега выросли сани с двумя заснеженными мужчинами. Молча остановили возле них лошадей, предложили сесть рядом. «Все в порядке... Поверили». Но куда они его везут?

За Куровичами ему завязали глаза. Лошади, устало фыркая, потянули сани дальше, и время – секунды, минуты, часы – словно повисло над ним, и уже не было ощущения времени. И в эти

тяжелые минуты долг чекиста, сознание ответственности за выполнение важного задания подсказывали ему – крепиться, выстоять, перенести трудности.

А потом лошади остановились, и ему развязали глаза. Хотя бдительность разведчика не притуплялась в нем на протяжении всего пути, но сейчас ожила с новой силой: где я?.. (Позднее, недели через две после этого, выяснилось, что его, с целью запутать следы, полтора часа возили по кругу). К приземистой, полузасыпанной снегом хате, возле которой остановились лошади, подступал темно-сизый лес, зазубренной подковой тянувшийся с запада на северо-восток.

Едва переставляя оцепеневшие ноги, он покорно пошел вслед за Светланой в хату. Не успел переступить сенной порог, как из углов выскочили обвешанные немецкими автоматами два бандита и молча ловко обыскали его карманы. Так же безмолвно отошли, и один стволом указал на дверь: заходи, мол.

За столом возле бокового окна под низким потолком сидели четверо. Очевидно, его ждали, потому что все изучающе-настороженно смотрели на него, держа руки на автоматах. Кажется, сделай он малейшее движение – и они повскакивают с мест.

Он, устало склонившись на притолоку, сказал:

– Дорого обойдется мне это путешествие...

– Не мы цену устанавливали, – вскинул брови крайний от дверей. (Очевидно, он был здесь старшим). – Мы воюем за свободную Украину, а не за деньги. Тебе захотелось денег – будешь иметь, если... – он нетерпеливо заерзал на стуле, – если ты честный человек!

– Все, что вам нужно, я постараюсь сделать, – ответил он.

– Наименьшее наше подозрение – и ты заплатишься жизнью. Ты думал об этом?

– Я об этом не думал, ибо меня не в чем подозревать, а согласился достать документы только потому, что мне нужны деньги. Я знаю, чем рискую: меня могут судить и засудят, если узнают...

– Все будет зависеть от тебя.

– Не только от меня.

– За нас можешь не бояться, мы умеем уважать смелых.

– Уважение мне не нужно, у меня с вами деловые отношения, я вам документы – вы мне деньги! – сказал громче, и лицо старшего заметно побледнело, однако он сдержанно промолвил:

– От нас ты вернешься либо с деньгами, либо без головы... Где родился?

– В Кременце.

– Родители где живут?

– Родители умерли.

– Кто это подтвердит?

– Пошлите в Кременец людей.

– Мы знаем, что нам делать. Кто подтвердит в Кременце? Фамилии?

– Соседи, они еще живы.

– Во Львове где живешь? Почему пошел работать на советов?

– На улице Подвальной. Работаю, потому что нужно жить.

– Нам документы нужны, сможешь достать?

– Смогу.

– Что для этого требуется? Кроме денег, разумеется?

– Фотокарточки этих людей.

– Фотокарточек мы не дадим, нам нужны чистые бланки, сможешь достать?

– Нет.

– Почему?

– Без подписи документы не действительны, однако никто их не подпишет без фотокарточек, никто не возьмет на себя такую ответственность. Даже за деньги – безнадежное дело, и если вы не сможете дать фотокарточки – разговор наш ни к чему...

Наступила длинная гнетущая пауза, лишь в трубе жалобно завывал ветер да за окном простуженно фыркнула лошадь. Тот, который допрашивал, наклонился к своему соседу, что-то шепнул ему и снова обернулся к Дуднику:

– Есть хочешь? Тебе придется пожить у нас.

– Жить долго у вас я не смогу, у меня государственная работа, и если я не появлюсь, меня будут искать.

– Мы постараемся, чтобы тебя не нашли, – впервые улыбнулся «старший», однако улыбка была угрожающей, застывшей. Он поднялся и широким шагом подошел к двери, остановился возле Дудника. – Окажешься честным – мы позаботимся о том, чтобы тебя не спросили, где и с кем ты был в эти дни... Гнида! – крикнул властно в сени. В дверях мигом появился один из тех, который недавно обыскивал его карманы. – Накорми этого пана и постели кровать, да гляди, глаз с него не спускай!

– Не для того я приехал к вам, чтобы удирать, – сказал Дудник, – однако я не хотел бы здесь долго задерживаться. Пока это единственное мое желание.

– Постараемся его исполнить, а теперь иди с ним. Гнида, гляди в оба!..

Комната по другую сторону сеней была тоже маленькая, как и та, из которой его только что вывели, – чисто побеленные стены, два перекошенных от времени окошка. Ни стола, ни стульев. Лишь в углу деревянная, покрытая сеном кровать. От стен веет запустением и морозом, наверное, отапливается не часто...

Михаил Семенович зябко пожал плечами и сказал:

– В этом подвале мне жить? В этой холодине?

– Благодарю бога, что не в снегу, – ответил Гнида и поспешно, как-то виновато добавил: – Сейчас принесу дров, натоплю.

Гнида действительно вышел, и Дудник видел в замерзшее окно, как он, придерживая рукой автомат, побрел по глубоким сугробам в лес. Шел тяжело, будто нес на плечах тяжесть, так, как ходят крестьяне, уставшие от нелегкой своей работы. «Кто он – горемыка, оторванный от земли, или кулачий сынок, которому нужна Украина с панами, с кнутом и палкой? Одурманенный «вождями» или сам из тех, кто распространяет вокруг этот человеконенавистнический угар?.. Кто он?..»

Но, как ни удивительно, не почувствовал к нему неприязни, скорее увидел в этом угловатом, неповоротливом «боевике» обиженного человека. Пусть не сейчас, не сегодня, думал Дудник, но настанет такой день, когда этот блудный сын поймет, что он ошибался, и пойдет праведным, честным путем. Поймет... Он и разговаривает как-то виновато – так, словно что-то скрывает... Это точно!

Михаил Семенович отвернулся от окна и от неожиданности застыл: на стене возле печи темнело большое пятно крови. Кто-то пытался его соскоблить, но оно так и осталось темным пятном. Вокруг пятна были рассеяны небольшие, тоже темные, кровавые пятнышки. Чья жизнь оборвалась в этой крестьянской хате? Какими были те последние слова, те невинные вопли? Где-то же они есть, они не могли исчезнуть бесследно, они впитались в стены, в окна, в двери, чтобы, когда придут сюда люди, их услышали – и отомстили.

Дудник почувствовал, что под шляпой зашевелились волосы, потому что в хате вроде бы действительно кто-то закричал – надрывно, со смертельной тоской в голосе. Вдруг тот крик оборвался, лишь стон еще сползал тихо и безнадежно по стенам на пол, становясь все слабее и слабее...

Ой вытер ладонью лоб и присел на кровать: спокойствие, прежде всего спокойствие... ты первый из тех, кто пришел мстить, поэтому пока не нервничай, не обнаруживай пока своей ненависти к убийцам. Это твой долг, это приказ!..

Зашел Гнида. Заснеженный, раскрасневшийся, он бросил к печи охапку дров и сказал:

– Света божьего не видать, и когда оно прекратится?

Он говорил будто сам с собой, но снова Дудник уловил в его голосе тревожные нотки: что меня ждет, как мне жить дальше? Не снимая с груди автомат, Гнида стал накладывать в печь дрова, деловито кряхтя и посапывая. Вдруг он обернулся от печи и сказал:

– А с едой-то у нас нынче не очень...

И снова виноватый тон, такая же виноватая улыбка: хозяин принимает гостей – не иначе! И Дудник также улыбнулся:

– Как-нибудь переживу, хотя бы не держали меня здесь долго.

– У нас быстро не бывает, – сказал Гнида и, будто опомнившись, поспешно добавил:

– Должны быть бдительными, в противном случае – нас не будет. На этом лишь и держимся, такова, как видите, жизнь. Мне, видите, еще повезло, а хлопцы сейчас по лесам, не сладко им нынче, такие морозы...

– Не сладко, – согласился Дудник.

Ободренный разговором, Гнида сказал:

– Живешь надеждой, что долго так не будет...

Наконец дрова в печи разгорелись, и он начал стелить кровать: впустил на ней сено, прикрыл старым потертым одеялом. Подушки не было, и он сложил вдвое, шерстью наружу, кожух. Еще один бросил на кровать – накрыться.

За окном стали сгущаться сумерки – как-то быстро и неожиданно, и через несколько минут в хате потемнело. Лишь светились удивленные темно-синие глаза стекол, а где-то за ними, отчаянно плакала вьюга...

Уснул Михаил Семенович сразу и крепко. Но разведчик в нем не спал.

...Прошел день, второй, да и четвертый, но его, Дудника, никто не вызывал, никто с ним не говорил. Разве что Гнида: принесет пищу, или заберет пустую посуду, или затопит печь. А все остальные – словно вымерли. И лишь тогда, когда выходил на двор, чувствовал, что за ним следят, не сводят с него глаз. В конце концов, чего-то иного Дудник и не ожидал – не в гости же ехал! А мозг его не прекращал работу даже во сне. Да, эта хата – обыкновенное место для явок, ее отвели для встречи с ним, а «проводников», тех, кому нужны документы, здесь нет. Собственно, только они его и интересуют: он должен иметь их фотокарточки. Нельзя допустить, чтобы тот, кто натворил столько зла, исчез бесследно. Пока не поздно, их нужно найти, обезвредить, и весь успех задуманной операции будет зависеть от того, пройдет ли он, Дудник, эсбистскую проверку. А в том, что его проверяют, сомнений нет, ибо зачем тем четверым столько дней здесь сидеть да и его держать!

На четвертый день вечером Гнида задержался в комнате дольше, чем обычно. Затопил печь, поправил постель, начал подметать пол. Дудник заподозрил, что Гниде хочется поговорить. Это было видно и по его частым неожиданным взглядам. Наконец не выдержал:

– Завтра тебя Помста вызовет.

– А ты откуда знаешь? – встревожился Михаил Семенович, хотя виду не подал. А Гнида продолжал:

– Слышал я, что Помста сказал Зрубу: «Возвратились, – говорит, – наши хлопцы».

– А Помста... это кто? – с притворным безразличием спросил Дудник, зевая при этом. Гнида испуганно обернулся к нему:

– Ох, не доведи господь его узнать! – и он перешел на шепот: – Видел на стене кровь? Это Помста... ребенку голову размозжил, ударив его о стену на глазах у матери... а ее вон там, – показал на лес... – Все его знают – и мертвые, и живые, лишь ты, вижу, не знаешь... – После небольшой паузы он перевел разговор на другую тему: – Слушай, а советы расстреливают?

Конечно, этот вопрос – не коварство врага: глаза Гниды, его небритое лицо выражали страх и надежду, но что можно ответить в таком случае, и имеет ли право он, Дудник, ответить так, как ему хотелось бы, как ему подсказывает совесть? В данной обстановке он далек от политики, и любое искреннее, но неосторожное слово может оказаться роковым – ведь и стены подслушивают.

А рисковать он не имеет права. И Дудник безразличным тоном ответил:

– Этим я никогда не интересовался... но, как видишь, – жив-здоров.

– Ты! – сказал Гнида. – А меня... меня расстреляют?

– А за что тебя расстреливать?

– Ну, видишь... я... – Гнида тронул руками автомат.

– Ты что – такой же, как и Помста?

– Упаси бог! – испугался Гнида. – Слова никому плохого не сказал, клянусь!

– Клятвы не нужны, – продолжал Дудник. – Мне-то все равно, я вот за себя переживаю: столько дней сижу здесь, а меня наверное уже ищут... Что отвечу, когда спросят, где был?

Но Гнида, кажется, не слышал этих слов, думал о чем-то своем, что-то его тревожило. По щетинистому лицу скользнула едва заметная тень, и он сказал:

– Восемь месяцев я детей не видел, двое их у меня...

– А тебе разве не разрешают их навестить?

Гнида лишь безнадежно-обреченно пожал плечами. В его глазах было столько неподдельной тоски, что, казалось, вот-вот из них брызнут слезы. Может, и зарыдал бы Гнида, но вдруг насторожился. Привычным движением руки поправил на груди автомат и бросился в другую комнату: его позвал Помста.

Помста... Кто скрывается под этой страшной кличкой, какая мать дала жизнь этому извергу?.. И кто те трое? От Гниды Дудник узнал, что зовут их Зруб, Тарас и Степовый, но кто они и откуда – даже Гниде не было известно...

Зимние ночи длинные, томительные, но последняя была особенно длинной. Дудник знал: разведчик должен иметь крепкие нервы и быть осторожным даже тогда, когда остается сам, когда вблизи нет врага... Знал, но почему-то именно сейчас вспомнил теплую руку жены, вспомнил друзей. В памяти всплыли детские годы (невинные и далекие) – это было так некстати на этой постели, в этой одинокой хате на краю мертвого леса... А в промежутках между этими отрывками мыслей, между картинками пережитого мозг с изумительной точностью фиксирует: в другой комнате кто-то разговаривает, кто-то вышел во двор, трое или четверо зашли в комнату – далекий... приглушенный стон... тишина...

Тихо было до самого утра, до тех пор, пока Гнида не сказал: зовет Помста.

За столом кроме Помсты, Зруба, Тараса, Степового сидел еще один. На его лицо падала тень от Помсты – может, он нарочно выбрал себе такое место. Помста, Зруб, Тарас и Степовый подобострастно смотрели на него, – из этого можно было сделать вывод, что пятый является предводителем провода. Проверка, значит, окончена, подозрений не возникло, и сейчас начнутся переговоры. Но разговор начался не так, как можно было ожидать.

– Ну, – сказал Помста, – я предупреждал тебя, что, если ты окажешься нечестным, останешься без головы. Сегодня ты с нею распрощаешься!

Голос его звучал грозно, и те четверо не шевельнулись, даже тени их застыли на стенах. Дудник ответил спокойно:

– Перед вами я не провинился.

– Врешь! – крикнул Помста. – Кто тебя заслал к нам?

– Меня привела сюда ваша помощница.

– А где ты ее встретил?

– Это вы знаете.

– Что тебе здесь нужно?

– Вам нужны были документы, и я согласился их достать.

– Ты чекист! – Помста направил на Дудника автомат. – Мы знаем, кто тебя сюда заслал, сейчас я тебя расстреляю!

– Воля ваша, но меня никто не засылал.

То ли спокойный и уверенный тон Михаила Семеновича сделал свое дело, то ли просто наступил конец спектакля, но вдруг пятый отвел в сторону автомат Помсты и спокойно сказал:

– Хватит... Вы можете достать нужные нам документы? – обратился он к Дуднику, – Мы уплатим,

– Могу.

– Что требуется от нас?

– Вы должны мне уплатить.

– Это ясно... А кроме денег?..

– Дать мне список людей, их фотокарточки. Без этого ничего не выйдет. Вы знаете: чистые бланки никто не подпишет. У меня же их нет, я должен буду делать это официально и законно.

– Допустим, мы согласились. В таком случае вы гарантируете успех?

– На девяносто девять процентов.

– Почему не на сто?

– Возможны неожиданности.

– Например?..

– Тяжело их предусмотреть. Например, тот человек, который пообещал мне все устроить, передумает.

– Гм... А еще...

– Иных, пожалуй, нет.

Наступила пауза.

– Мы верим вам, – снова заговорил пятый, – верим как сознательному украинцу, ибо то, что вы нам сделаете, равнозначно великому подвигу – вы спасете мозг нашего освободительного движения. История этого не забудет. Мы верим вам как человеку, и если вы выполните нашу просьбу – вы не останетесь безымянным героем: повторяю, история вас не забудет. А что

касается нас... мы умеем платить щедро. По рукам?

– По рукам.

Не вставая из-за стола, пятый подал бумажный сверток:

– Здесь фотографии и фамилии наших людей. При малейшей опасности вы должны все это уничтожить, Понятно?

– Безусловно.

– А сейчас наши люди доставят вас во Львов. Извините за одну маленькую неприятность: мы должны завязать вам глаза.

– Это наслаждение я уже испытал...

...Так закончилась еще одна операция, в которой принимал участие чекист Михаил Дудник. Потом были другие, и нужно было идти к врагу с оружием и без оружия, самому и с товарищами – обо всем не расскажешь. Повествование о судьбе этого человека не уместится в один очерк, о нем надо написать большую и мудрую книгу. Всегда Михаил Семенович Дудник оставался верным долгу перед народом, перед партией Ленина. Этому великому делу он служит и сегодня – тогда, когда мы с вами сидим вечерами в переполненных театрах, когда гуляем с детьми, когда слушаем трели соловья.

КОНСТАНТИН ЕГОРОВ ТАКОЙ ХАРАКТЕР

Первое боевое крещение Емельян Павлович Колодяжный прошел в двадцатом году на Харьковщине. Действовавшие там контрреволюционные банды нападали на работников советских органов, грабили крестьян, убивали женщин, детей, стариков. На подавление разбойничьих шаек был брошен чекистский эскадрон, в котором служил Колодяжный.

– Приготовиться к атаке! – услышал тогда властную команду.

Глянув вперед, Емельян увидел в степи, недалеко от села, вражеский разъезд. Положил руку на эфес сабли, сам весь напрягся, как бы готовясь к прыжку.

Кони рванули вперед и вынесли красных всадников на околицу села. Застигнутые врасплох бандиты заметались в панике. Колодяжный со свистом опускал на их головы сверкающий клинок, рубил направо и налево.

А когда бой закончился, командир эскадрона, пожилой человек, уже воевавший на многих фронтах гражданской войны, крепко пожал Емельяну руку и сказал:

– Из тебя, парень, выйдет боевой чекист!

Потом десять лет службы на западной границе. Позже – оперативная работа, о которой мечтал.

Беспокойная судьба чекиста бросала Колодяжного из района в район, из области в область.

Винница, Житомир, Одесса... Учеба... И снова – оперативная работа. Назначение в Крым, в Феодосийский городской отдел госбезопасности.

Войну Емельян Павлович встретил в Феодосии. А когда гитлеровцы стали приближаться к воротам древней Таврии, он попросился на фронт.

И вот Колодяжный в Джанкое. Вместе с товарищами обеспечивает оборону Крыма, вылавливает и обезвреживает диверсантов и шпионов, пытавшихся проникнуть в тыл советских войск.

А вскоре настал момент, когда весь личный состав городского отдела госбезопасности во главе с Колодяжным ушел в партизаны...

*

Ничем не примечательный дом на одной из улиц Дрогобыча. В небольшом кабинете за широким столом сидел коренастый человек с усталым лицом, изрезанным глубокими морщинами, и красными от недосыпания глазами.

Это был подполковник Колодяжный. Он просматривал стопку донесений, делая на них пометки цветным карандашом.

Было начало 1948 года. Три года назад закончилась война, а в предгорьях Карпат все еще гремели выстрелы, в лесах часто возникали короткие, но ожесточенные схватки. Разбитые и обреченные на гибель вооруженные банды бандеровцев отчаянно сопротивлялись, пытаясь помешать восстановлению мирной жизни в западных областях Украины.

Несколько минут назад поступил тревожный сигнал из отдаленного района. Колодяжный вызвал своих помощников и приказал собрать боевую группу. При этом сказал:

– Опять предстоит горячий день. Отправляйтесь... Держите тесную связь с местным населением.

Проводив опергруппу в дорогу, Колодяжный снова принялся за работу. Но мысль его неудержимо рвалась вслед за товарищами, которые только что покинули кабинет. Обычно он лично сам возглавлял оперативные группы, сам руководил операциями, устанавливал контакты с населением, в котором видел верную опору органов государственной безопасности. Но сегодня у него были другие, не менее важные дела.

В дверях кабинета появился дежурный.

– Товарищ подполковник, из района пришли люди. Говорят, дело очень срочное. Лично к вам... Просят принять...

– Пусть заходят.

Емельян Павлович вышел из-за стола навстречу посетителям.

– Садитесь, пожалуйста!

– Да нет, нам некогда. Мы очень спешим... В Почаевичах Чумак объявился.

– Чумак? О, это старый знакомый!.. Спасибо, товарищи, за сообщение.

Нет, сегодня, видимо, другими делами заняться не придется.

Диверсионно-террористическая группа, которую возглавлял оуновец по кличке Чумак, представляла серьезную опасность: нападала на села, чинила расправу над советскими активистами, совершала диверсии на промышленных предприятиях. До сих пор Чумаку чудом удавалось замечать следы, скрываться и отсиживаться в лесных тайниках.

– Январские морозы выжили Чумака из лесу, – сказал Емельян Павлович, когда работники отдела явились по вызову. И твердо добавил: – Пора с Чумаком кончать. Я наметил план операции. Вот он... Надо окружить Почаевичи – бандитскую опорную базу, отрезать ее от леса, а потом внезапно накрыть оуновцев, заставить сложить оружие.

...Оперативную группу возглавил сам Колодяжный. Чекисты продвигались к Почаевичам скрытными путями. Точно так же в годы войны в Крыму Емельян Павлович водил партизан. Тут тоже была война, и она требовала от людей героических действий.

К полудню прибыли в район Почаевичей. Слезли с машин, развернулись в цепь. Снег под ногами предательски поскрипывал. Мороз щипал лица, забирался под одежду. Где перебежками, а где по-пластунски бойцы уверенно продвигались вперед, огибая кольцом хаты.

Разведчики донесли, что Чумак все еще находится в селе, на околицах и на улицах он выставил часовых.

– Подождем сумерек, – сказал Колодяжный, взглянув на циферблат часов. – Передайте бойцам: ждать моего сигнала.

Зимние сумерки быстро сгущались. Снег потемнел, слился с черной полосой леса. «Пора!» – решил Колодяжный и подал сигнал.

Первого бандитского часового удалось снять бесшумно. Другой, заметив чекистов, выстрелил. Из хат выбегали оуновцы и палили куда попало.

Попав в огневой мешок, бандиты предприняли отчаянную попытку прорваться, но всюду, куда бы ни кинулись, – натыкались на чекистов.

– Сдавайтесь! – крикнул Колодяжный, врываясь с небольшим отрядом на улицу. В ответ бандиты ударили по нему из автоматов. Пули просвистели рядом.

– Сжимайте кольцо! – приказал командир.

Лишь немногим оуновцам удалось выскользнуть из окружения. (Как потом показали задержанные, ликвидация их банды предотвратила много серьезных бед: Чумак готовился совершить крупную диверсию в Дрогобыче).

...В отдел вернулись лишь под утро. От усталости и нервного напряжения бойцы валились с ног. Колодяжный распорядился:

– Всем свободным от дежурства – отдыхать!

Сам он тоже едва держался на ногах: ведь пятая ночь без сна! Провел ладонью по щетинистой щеке, подумал: «Побриться не мешало б. Да и помыться тоже...»

Как бы угадывая его мысли, заместитель предложил:

– Идите домой, Емельян Павлович, поспите часик-другой. А я тут буду. Ежели что – дам знать.

Поехал домой. Увидев мужа, Мария Романовна кинулась снимать с него шинель. А уже через десять минут из ванны потянуло парком.

– Вот блаженство-то! – воскликнул Емельян Павлович, погружаясь в горячую воду. – Есть, оказывается, рай на свете!

*

«Воин в боевой обстановке может на каждом шагу встретиться с опасностью. Но он об этом не думает. Его движет вперед другая мысль – успешно выполнить боевое задание».

Эти слова – из записной книжки Колодяжного. Их целиком можно отнести и к самому Емельяну Павловичу. Они служили ему путеводителем на протяжении всей жизни.

...Было это в феврале 1942 года в Крыму, когда Емельян Павлович находился в партизанах. Успокоенные успешными рейдами против гитлеровских захватчиков, некоторые командиры пренебрегли осторожностью, не выставили надежную охрану Кара-Субазарского лагеря. А проснувшись утром, партизаны заметили, что окружены.

Намерение врага было нетрудно разгадать: он рассчитывал ворваться в лагерь, раздробить его защитников по частям и уничтожить. Главный удар намечался как раз в расположении отряда Колодяжного. Сюда фашисты подтянули батальон своих автоматчиков.

Весь день гремел неравный бой. Попытки партизан вырваться из окружения не увенчались успехом. Патроны были на исходе. Люди пали духом, но они с надеждой смотрели на своего командира.

Его вид был несколько экзотичным: широкая брезентовая панама на голове, черные запорожские усы, пробитый пулями старый ватник, на ремне висело полдюжины гранат... «Усачу», как называли Колодяжного, бойцы верили. Знали его храбрость, умение находить выход из любого сложного положения.

– Друзья! – обратился Емельян Павлович к партизанам, укрывшимся за камнями. – Поступил приказ командира партизанского соединения – ни шагу назад. Нам надо продержаться дотемна. А там мы покажем фашистам, на что способны народные мстители!..

Гитлеровцы же, очевидно, не собирались ждать ночи. Под прикрытием артиллерийского огня они пошли в атаку.

И вот, когда, казалось, жидкая цепь защитников лагеря будет смята и раздавлена, во весь

рост поднялся Колодяжный.

– Гранаты к бою! Вперед, товарищи! – крикнул он и первый с гранатой в руках бросился навстречу врагам. За ним в едином порыве поднялись все бойцы.

Оторопевшие от неожиданной контратаки, вражеские солдаты затоптались на месте. Тут их и накрыли осколки партизанских гранат. Стоны. Крики. Проклятья. Колодяжный и его бойцы вступили в рукопашную схватку. В ход пошли штыки, приклады, ножи. Упал, сраженный пулей, комиссар отряда Смирнов. Еще девять партизан свалились замертво. И все же гитлеровцы дрогнули, обратились в бегство.

Ночь укрыла партизан, пробившихся сквозь огневое кольцо. Фашисты начали было преследовать их, освещая местность ракетами, но партизаны скрылись и дали о себе знать лишь через несколько дней – налетом на вражеский гарнизон на Крымском побережье...

А вот еще один случай, который многое говорит об Емельяне Павловиче.

После длительной героической обороны пал Севастополь. Через некоторое время Колодяжный получил достоверные сведения: неподалеку от города немцы создали секретную школу, где готовят лазутчиков для засылки в советский тыл.

– Мы должны все узнать об этой школе, – сказал Колодяжный.

Он нашел среди подпольщиков таких людей, которые проникли в самое логово врага.

Будущие немецкие шпионы только начинали осваивать в школе азы своего ремесла, а наше командование уже имело их фотографии, характеристики, знало их настоящие фамилии. И стоило затем дипломированному лазутчику высадиться где-нибудь на советской территории – его там уже ждали. Так были сведены на нет усилия гитлеровского шпионского «инкубатора»...

*

Когда Колодяжного назначили работать на Львовщину, главари украинских буржуазных националистов уже знали, с каким человеком придется им иметь дело. Они боялись и ненавидели его и задались целью любой ценой «вывести из строя» Колодяжного.

Из рассказов очевидцев, из документов мы узнали подробности последней операции, которой руководил этот мужественный чекист.

...С польской стороны советскую границу перешли несколько сотен оуновцев из банды Черняка. По поступившим данным, они продвигались к селу Головецкое в надежде отсидеться там и запастись продовольствием.

Через час небольшой отряд чекистов на двух грузовиках (Колодяжный с тремя бойцами и шофером ехал в газике) углубился в лес неподалеку от Головецкого. Ранний май в предгорье дышал покоем. Деревья одевались в зеленый наряд. Благоухали первые цветы, пели птицы.

– Красота-то какая! – произнес Колодяжный, оглянувшись вокруг.

– И не верится, что где-то рядом лютые волки бродят, – поддержал его шофер, резко затормозив газик по сигналу начальника.

Возвратившиеся из разведки бойцы доложили, что в Головецком бандиты не обнаружены. По всей вероятности, отсиживаются где-нибудь в лесу.

– Ясно, – сказал Колодяжный, – бояться показываться на людях. Поедем в село...

Крестьяне уже знали о нашествии банды, и многие прятались в погребах, сараях. Завидев чекистов, они вышли из укрытий и радостно приветствовали их. Заметил Емельян Павлович и несколько недружелюбных взглядов. Было ясно: Черняка кто-то предупредил, и он не пошел в Головецкое, а притаился в лесных чащах.

Колодяжный решил сманеврировать – покинуть село, а перед вечером вновь прибыть сюда. Он был уверен: бандиты к тому времени обязательно заявятся в Головецкое.

Грузовики с бойцами двинулись в путь. В этот момент какой-то человек с крыльца сельсоветского дома позвал Колодяжного:

– Товарищ подполковник, вас к телефону.

Емельян Павлович вошел в сельсовет, взял телефонную трубку. Она молчала. «Эге, это злая шутка!» – подумал он и поискал глазами человека, позвавшего к телефону. Но того и след простыл.

Пожав плечами, Колодяжный сел в газик, и тот пустился догонять уехавшие вперед грузовики.

Узкая проселочная дорога бежала среди густых кустарников. Кое-где стеной вставал лес.

На крутом повороте из лесу вырвалось пламя огня. Газик осыпало градом пуль. Трое бойцов были убиты прямо в машине.

Из засады выскочила группа бандеровцев и со злобным ликованием навалилась на тяжелораненого Емельяна Павловича.

– Колодяжный!

– Колодяжный!

– Колодяжный!

Они боялись чекиста даже теперь, когда у него были прострелены грудь и рука.

Емельян Павлович сделал усилие, чтобы сбросить их с себя.

– Негодяи! – хрипел он, захлебываясь кровью.

На его голову обрушились приклады. Бандиты били чекиста уже мертвого,

*

Украинский народ пригвоздил оуновские стаи к позорному столбу, проклял их навеки. Справедливое возмездие не минуло и банду Черняка.

...В новом доме на одной из львовских улиц живет семья Колодяжных. Все здесь напоминает об Емельяне Павловиче – фотографии, книги, вещи. В специальной шкатулке хранятся награды – орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, много медалей. Колодяжный был награжден также именным оружием.

Как дорогую память, семья хранит его часы и платок. Их принесли Марии Романовне много месяцев спустя после гибели мужа. И часы, и платок побывали в руках бандитов. Предметы эти как вещественное доказательство они приложили к рапорту на имя «высшего начальства», в котором расписывали свою «победу» над «грозным чекистом».

Емельян Павлович живет и теперь. Живет в делах своих боевых товарищей. Живет в сыне Павле, который пошел по стопам отца.

...Наша беседа закончена. Капитан Павел Колодяжный, взглянув на циферблат отцовских часов, которые ни на минуту не останавливались все эти годы, начал торопливо одеваться. Его зовет служба. Боевая служба Родине, любовь к которой неугасимым пламенем горит в сердце сына отважного чекиста.

ПЕТР ПАНЧЕНКО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ – ЛЮДЯМ

В Бродовском районе на Львовщине в 1944 году начал свой трудный и сложный путь

чекиста Петр Глебович Худяков. Стройный, высокий, со скуластым лицом, медлительный в движениях, он отличался смекалкой, глубоким знанием оперативной работы, принципиальностью. Крестьяне Бродовского района видели в нем сердечного товарища, искренне советовались с ним, доверяли свои сокровенные думы, помогали выискивать и обезвреживать бандеровцев – этих злостных и заклятых врагов Советской власти. Так, уже в первые дни его деятельности они помогли напасть на след матерого и коварного бандита под кличкой Стефанивский. В 1939 году он бежал с Западной Украины в буржуазную Польшу, а оттуда перебрался в фашистскую Германию. Там прошел специальную подготовку и с первой волной фашистского нашествия появился в Бродах. С тех пор он уже и не покидал Львовщины, а оставался как связной «районного провода» ОУН.

Стефанивский терроризировал население Бордуляк, Станиславчика, неистовствовал в селах Волыни. Везде его сопровождали четыре головореза-хранителя, оставлявшие за собой смерть и пожары. Особенно беспощадным был Стефанивский к прежним своим сообщникам, которые, прозрев, порывали с бандой и шли навстречу новой жизни. Летом 1945 года он со своими телохранителями-эзекуторами расстрелял восемнадцать оуновцев после того, как те пришли с повинной.

Худяков с группой бойцов неделями выслеживал Стефанивского в Бордуляцких лесах, искал его следы, но бандит умело заматал их. Так в напряженных поисках прошел месяц. Худяков все чаще заводил беседы с людьми, взвешивал полученные сигналы, сопоставлял факты. В голове промелькнула фамилия местного кулака. Кулик, Кулик... Сигналы о его связях с бандитами были и раньше, но установить их не удалось. И все же надо начинать с него...

Оперативная группа, обойдя кладбище, повернула к опушке леса. В хозяйстве Кулика заметили группу. Кто-то поспешно закрыл входные двери, а через минуту, прячась за стенку, выглянул из окна. Чекисты быстро, с мерами предосторожности, вошли во двор. Царила тишина. К скирде соломы подошел солдат, обратил внимание на большой куст смородины с увядшими листьями. Он схватил за ветки и дернул куст. Вместе с ветвями у него в руках оказалась квадратная крышка. Зловещей темнотой зачернело отверстие бункера. В то же мгновение из ямы вылетела зелено-серая «груша» и упала у самых ног офицера... Не разорвалась. Удивительно, но случаются в жизни такие критические секунды, когда смерть и жизнь вместе сходятся. «В рубашке родился», – шутил потом Петр Глебович.

– Сдавайтесь! – приказал Худяков.

Ответа не последовало.

– Последний раз предлагаю сдаться, иначе взорвем схрон! – крикнул Худяков.

И в этот момент прозвучали глухие, короткие автоматные очереди, доносившиеся из отверстия бункера из-под земли. Как выяснилось позже, это Стефанивский уничтожил всю банду и себя.

Время шло. Зимой сорок пятого опергруппа, которой руководил Петр Глебович, направлялась на задание через село Лагодив. Ночь темная, хоть глаз выколи. Лишь яркими золотистыми точками кое-где из окон пробивался свет. Вдруг где-то невдалеке залаяли собаки.

С чего бы это? Чекисты настороженно остановились в центре села около дома Мартынюка. Пару дней перед этим он известил Худякова, что к нему заходили бандиты, грозили лютой смертью за то, что хозяин где-то высказался за организацию колхоза. Из дома сквозь шторы пробивался свет. Петр Глебович дал знак солдатам. Они моментально рассеялись в темноте. Сам прижался к стене вблизи окна, из-за которого доносились приглушенные, но возбужденные голоса, стук стаканов. Хриплый голос пробасил:

– Глянь-ка, друже, на улицу, вроде кто-то ходит под окнами.

Худяков на цыпочках подошел к двери, держа наизготове автомат. Заскрипела дверь. Из сеней густо повеяло луком, соленой капустой, перегаром самогона. Показалась большая взъерошенная голова. Повернулась вправо, влево и снова спряталась, хлопнув дверью.

– Не слышно ничего, – раздался голос, – все спокойно.

– Добре, друже! – похвалил бас, – Выпьем за свободную неньку-Украину, без советов.

Когда в доме снова возник шум, чекист решил действовать. Громко постучал в дверь, нажал на них плечом. Не открывалась, только слегка скрипнула задвижка.

– Открывайте!

В доме все утихло. Потом кто-то истерически завопил:

– Окружили, окружили! Измена!

Зазвенело стекло, из окна сыпанули автоматные очереди. Худяков, согнувшись, отскочил от стены. Кинулся в снег. С окон в хате кто-то сорвал шторы. Подвешенная к потолку лампа брызнула светом в заснеженный двор. Потом по ней кто-то резко ударил. Свет потух. В это время через окно со звоном разбитого стекла и криком выпрыгнула женщина. Вслед за ней послышался пистолетный выстрел. Петр Глебович понял: «Бандиты стреляли в убегающую». И тут же через второе окно выскочила девочка.

– Убили маму! – голосила она. – Убили маму! – В ее сторону тоже блеснула из хаты вспышка выстрела. Тут же Худяков услышал мужской голос:

– Йой! В хате банда!

Петр Глебович понял: это хозяин. Ему все же удалось выпрыгнуть из окна во двор. Худяков пустил в середину дома несколько коротких очередей. Усилилась автоматная трескотня, хлопали одиночные пистолетные выстрелы.

Женщину и девочку Петр Глебович оттащил под глухую стенку, в безопасное место. Маленькая стонала, глухо всхлипывая. К чекисту подполз хозяин, оставляя за собой на снегу изгиб кровавого следа.

– Там три бандита, – сообщил он. – У них автоматы, гранаты, будьте осторожны!

А из дома со свистом, врезаясь в пухлый снег, пролетали пули.

– Сдавайтесь! – крикнул Петр Глебович. – Ваше положение безвыходное!

В ответ – снова стрельба, грязная ругань. В комнате прозвучал взрыв. Яркое пламя осветило окна, полыхнуло к чердаку.

– Керосин зажгли! Керосин! – в отчаянии завопил хозяин. – Проклятие вам, ироды!

Почти одновременно взорвались в доме гранаты, брошенные чекистами. Наступила тишина. Свалился горящий потолок, сыпались искры с полыхающей соломенной крыши. Долго еще гудело пламя пожара.

Так было покончено еще с одной бандой на Львовщине.

Петр Глебович, как мог, успокаивал семью Мартынюков. Перевязали раненых, отправили их на подводе в районную больницу. В отдалении из-за углов поглядывали крестьяне, но подходить к догоравшей хате не решались.

...Жизнь Бродовского района постепенно нормализовалась. Начали работать школы, клубы, в селах создавались инициативные группы, которые должны стать основой будущих колхозов. Новое властно входило в свои права, и этого течения не могли остановить бандиты, которые из шкуры лезли, чтобы преградить ему дорогу.

За новую жизнь чекисты самоотверженно боролись вместе с сельскими активистами, которые тоже нередко принимали участие в вооруженных операциях. Петр Глебович до мельчайших деталей припоминает одну схватку в Гримайливском лесу, где чекисты и сельские активисты столкнулись с крупной бандой. Бандеровцы открыли огонь первыми. Сразу же был ранен старший оперативный работник Поляков. Приникло к земле обмякшее, безжизненное тело Джумиги – председателя райисполкома. Вокруг роились шмели пуль. Наступал предельно критический момент. Петр Глебович, взяв несколько гранат, пополз к яме, которую давно уже приметил. Бандиты ринулись в атаку. И тут одна за другой в них полетели гранаты. Несколько бандитов было убито и поранено. Среди них произошло замешательство. А тут доспела поддержка из числа активистов. Бандиты, оставляя в спешке раненых и убитых, скрылись за деревьями.

С каждым днем у Петра Глебовича разрастался круг друзей в Бродовском районе. Они не раз оказывали ему помощь, шли в отряды самоохранны, в «ястребки». Чекист накапливал опыт оперативной работы, активно помогал в налаживании новой жизни.

Вскоре Худяков за самоотверженный ратный труд был повышен в звании и по службе. Потом был назначен начальником Олесского райотдела. К этому времени крестьяне здесь уже начали вступать в колхозы, делались первые шаги коллективного хозяйствования.

Лето 1948 года выдалось теплое, но сыроватое, часто выпадали дожди. Крестьяне села Опак собирали коллективный урожай. В амбары свозили общественный хлеб. На страже колхозного добра стояли сельские комсомольцы. Казалось, ничто не предвещало беды. Однако в одну из августовских ночей над селом запылало зловещее пламя. Горел колхозный ток с

необмолоченным хлебом. Вскоре огонь перебросился на колхозный амбар, где хранился фураж. А в разных концах села вдруг пламя пожаров охватило несколько домов сельских активистов. В ночной тишине языки огня бросались в поднебесье, огонь стонал, грозно ревел, швырял вверх клубы догоравшей соломы, стрелял залпами искр...

Советская власть материально помогла опаковцам. Решением облисполкома крестьянам выделили некоторое количество зерна, скота, строительный материал, одежду. А чекистов беспокоило: кто же мог осуществить такую крупную и наглую диверсию против целого села?

Вскоре в Опаках стали поговаривать, что поджог совершила банда «боевика» Бескида. Петр Глебович проверил сигналы и убедился в этом лично. И снова наступили беспокойные, тревожные дни и ночи. Чекист дневал и ночевал здесь. Проверял и уточнял все звенья происшествия. Советовался с комсомольцами, сельскими активистами. Бандиты не должны остаться безнаказанными. Но как уничтожить банду? Этого хотели и крестьяне, они стремились помочь чекисту. Комсомолец Зиновий Левицкий пообещал Худякову найти следы поджигателей.

Парень вдоль и поперек измерил лесные заросли, но все напрасно. Однажды в лесу заметил следы серны. Пригляделся к ним. Они выглядели чрезмерно глубокими, развороченными. «Неужели это шла серна?» И сразу же отбрасывал навязчивую мысль. Вдруг следы исчезли, а дальше вместо них появились крупные отпечатки мужской обуви. Насторожился. На ветках толстого бука увидел ходули. На концах их были приделаны копыта. Зиновий быстро пошел по направлению ближней дороги, обламывая за собой по пути кончики веток деревьев и кустарников, чтобы запомнить, где обнаружены следы. К полудню он уже докладывал обо всем Петру Глебовичу.

Немедленно была объявлена тревога. Состоялось оперативное совещание, а через полчаса Худяков с оперативной группой шел по следам «серны». Вышли на холм, поросший кустарником. Вдруг солдат, шедший впереди, заметил двух бандитов. Они стояли около открытого бункера и о чем-то разговаривали. Бандиты заметили чекистов. Заговорило оружие. Солдаты быстро окружили убежище, блокировали выход. Бандиты огрызались бесцельными автоматными очередями.

Когда банда была полностью уничтожена, Худяков с группой чекистов спустился в бункер. Здесь они нашли запасы консервов, бочку соленого сала, мяса, несколько мешков муки, сухари, хлеб. Тут же был склад одежды, обуви, большие суммы денег. В нише хранились списки активистов сел района, партийного актива области. На полках стояли брезентовые сумки, набитые антисоветскими листовками.

Зиновий поделился вслух мыслями: «С сегодняшнего дня из этого убежища горе к людям больше не придет».

Петр Глебович возвращался домой. На душе было радостно от сознания того, что выполнен долг солдата, что он сделал большую услугу людям. Теперь они могут жить и работать без страха. Но вот вспомнил он пережитое горе, и лицо его вновь нахмурилось. Не удалось тогда уберечь от бандитов первого секретаря Олесского райкома партии С. Д. Кухаренко.

Было лето 1947 года. Секретарь на газике с шофером направился к хутору Павлики. Слегка покачивалась на ветру цветущая рожь. И наверное Кухаренко думал тогда о хлеборобах, уборке урожая, завтрашнем дне района. Но выстрелы бандитских автоматов оборвали раздумья. Все покрылось темной мглой... Когда к секретарскому газiku подъехал Петр Глебович, было уже поздно. Кухаренко лежал возле машины мертвым. В его застывших глазах отражалось голубое небо. В груди торчала рукоять кинжала. На запыленных лепестках спорыша застыли темные пятна крови...

Чекист Худяков всегда глубоко сознавал важность и ответственность того поста, на который поставил его народ. Выполняя самые рискованные и важные задания, он не думал о себе, о своей жизни, потому что ему поручила партия постоянно стоять на страже безопасности народа, любимой Родины.

Затем Петра Глебовича переводят в Городокский район, где он выполнял долг чекиста до ухода в запас. Свершенные им добрые дела оставили достойный след в людской памяти. В личном деле Петра Глебовича в графе наград и поощрений значатся ордена Отечественной войны первой степени, «Знак Почета», две медали, благодарности Комитета государственной безопасности. Каждая из наград – свидетельство больших заслуг человека-коммуниста, чекиста, жизненной формулой которого было и есть: человеческое – людям!

ВЛАДИМИР ОЛЬШАНСКИЙ ОТРЯД УХОДИТ НА ЗАПАД

Их было четверо. В конце 1943 года они прибыли в Киев и готовились к выброске в тыл врага.

Зима выдалась на редкость мягкой. Почти беспрерывно сыпал мокрый снег, стояли густые молочные туманы. Переброска группы через линию фронта откладывалась.

Василий Андреевич, начальник оперативно-разведывательной группы, одетый в новенькую военную форму с погонами капитана, частенько заходил в управление. Там его приветливо встречали, но всякий раз отвечали одно и то же: нелетная погода.

Приближался Новый год. Погода не менялась, аэродромы были закрыты. Василий Андреевич начал подумывать о других способах переброски, строил различные планы, но говорить о них своим товарищам не решался. Однажды он высказал в управлении предложение – перейти линию фронта на спокойном участке, влиться в один из партизанских отрядов и вместе с ним двигаться на запад. Его поддержали. И второго января сорок четвертого года недалеко от Коростеня группа с помощью армейских разведчиков благополучно перешла линию фронта и в тот же день у станции Рудня Радовельская, что между Коростенем и Олевском, была встречена партизанами из отряда И. И. Шитова. А ночью в Киеве приняли первую радиogramму. После расшифровки сотрудник разведуправления ее аккуратно подшил в тоненькую папку, на внешней стороне которой было написано одно слово: «Унитарцы».

Так на временно оккупированной гитлеровцами территории появилась еще одна оперативно-разведывательная группа советских чекистов. Кроме Василия Андреевича Хондошко в нее входили еще Даниил Семенович Муха, заместитель начальника группы, и две радистки: Ася Титовна Краснобаева и Екатерина Михайловна Алексеева. Все они, конечно, тогда действовали под другими именами и фамилиями.

Основное задание группы – сбор сведений оперативного характера, интересующих органы государственной безопасности. Сюда входило также определение лиц, завербованных немецкой разведкой и засылаемых в районы военных действий и за линию фронта.

14 января 1944 года партизанский отряд И. И. Шитова форсировал реку Случь и с боями вышел на территорию Львовской области. Группа чекистов во время совершения рейда детально изучала обстановку, сложившуюся в западных областях Украины, и работала в тесном контакте с разведчиками партизанского соединения.

В этот период Хондошко провел несколько операций по разоблачению оуновских руководителей в местечке Моквин. Василий Андреевич провел эти операции с присущей ему чекистской вдумчивостью, хладнокровием и мастерством. В местечке Моквин первым был

задержан видный пропагандист-оуновец. К этому времени Хондошко с помощью партизан-разведчиков собрал немало сведений о его враждебной деятельности и сразу же после задержания объявил ему, что он находится в руках работников Комитета государственной безопасности. А когда Василий Андреевич перечислял его злодеяния, оуновец понял безнадежность своего положения и рассказал все, что ему было известно об оуновском подполье.

Были разоблачены и другие руководители оуновцев, которые указали места расположения крупных складов националистической организации. Партизаны получили немало продуктов, обмундирования и оружия, в которых очень нуждались.

Проведение таких операций не требовало привлечения большого количества людей, и Хондошко вполне обходился своей группой. Но Василий Андреевич понимал, что от него ждут более солидных дел, важных сведений.

До партизан дошло сообщение о развернувшейся крупной битве под Корсунь-Шевченковским. Советская Армия громила фашистов на огромном фронте и все дальше теснила их на запад. Василий Андреевич сознавал необходимость добычи таких сведений, которые в какой-то мере могли бы помочь частям и соединениям Советской Армии в проведении дальнейших операций. Он разворачивает активную деятельность по созданию отдельных разведгрупп во Львове, Тернополе, Луцке и других городах. Для того, чтобы удобней было работать, он со своей группой переходит в партизанский отряд, которым командовал Борис Григорьевич Шангин, находившийся в лесах на Волыни.

Особое внимание Хондошко уделял Львову, он усиленно изучал возможности создания там боевой группы по сбору сведений военного характера, а также о деятельности буржуазных националистов. Совсем неожиданно помощь ему оказали партизаны Шангина. Вот как это произошло.

Во время одной операции партизаны задержали и привели в отряд средних лет мужчину, который назвался Янчуком Виктором Васильевичем. При нем были документы, свидетельствовавшие о том, что Янчук, уроженец города Запорожья, еще в 1936 году нелегально бежал в Польшу, что он пользуется покровительством немецких властей, а в настоящее время проживает в городе Львове и работает электриком в немецкой фирме «Сименс».

На допросе Янчук показал, что эти документы фиктивные, что он вовсе не Янчук, а Боровских Павел Иванович, уроженец города Асбеста. В начале войны ушел на фронт, служил стрелком-радистом на бомбардировщике. В сентябре 1941 года самолет был подбит под Бродами. Тяжелораненый Боровских попал в немецкий госпиталь, откуда бежал и долгое время скрывался у местных жителей. Затем установил связь с партизанами, и с их помощью приобрел документы на имя Янчука.

Казалось, лучшей кандидатуры для руководителя львовской группы не сыщешь. Но Хондошко медлил с отправкой Янчука-Боровских во Львов, он ждал подтверждений из Киева о правильности показаний Боровских. Вскоре подтверждение пришло. Василий Андреевич теперь занялся созданием львовской группы.

Через некоторое время радистка Ася Краснобаева отстукивала для Киева зашифрованную радиограмму. В тот же день в папку с надписью «Унитарцы» лег еще один документ, свидетельствовавший о том, что в городе Львове действует разведгруппа в составе Боровских Павла Ивановича и Зембы Станиславы Станиславовны, дочери железнодорожника, работавшей в то время секретарем генерал-губернатора Львова Вехтера.

Перед отправкой во Львов Хондошко долго ходил с Боровских по лесу. В воздухе пахло весной. Повывсовывали свои бледно-голубые лепесточки подснежники, эти первые предвестники весны, а солнце, словно вырвавшись на свободу из-за густых туч, поднималось все выше и выше, согревая землю живительными лучами.

Василий Андреевич, обычно скупой на слова, в этот раз говорил много, будто хотел этой одной беседой передать весь свой чекистский опыт и знания новому своему коллеге. Он мало говорил об опасности, которая будет подстерегать Боровских на каждом шагу, – это бывший летчик-радист и сам отлично понимал.

– Больше выдержки и спокойствия в работе, – поучал его Хондошко. – Не гонитесь за многими сведениями, старайтесь выбирать самые важные. Вы человек военный и понимаете, что может быть сейчас самым важным. Дислокация и перемещение воинских частей,

оборонительные сооружения, новые виды оружия – вот главное направление вашей работы. Потом оуновцы. Берегите Станиславу, она очень ценный человек. В канцелярии Вехтера она сможет добыть важную информацию. Помните, что вы не имеете права рисковать без причины. Без моего ведома новых людей к работе не привлекайте.

К тому времени Павел Боровских уже приобрел некоторый опыт подпольной работы. В селах Грубешов и Верешин он создал из местных крестьян подпольную группу «Смерть фашизму». Эта группа, имея весьма скудное оружие, сумела уничтожить 32 гитлеровцев, 7 полицаев, особенно ненавистных жителям сел, сожгла три вражеские машины, взорвала два склада горючего и около 300 метров железнодорожного полотна.

Через несколько суток после разговора в лесу Боровских отбыл во Львов. В один из вечеров у него состоялась встреча со Станиславой. Эта миловидная девушка с большими блестящими глазами оставляла впечатление озорницы, и Павел Иванович побаивался, что она может провалить даже самую незначительную операцию. Уж очень легко все у нее получалось. Она в любое время могла принести чистые бланки удостоверений, с которыми после заполнения можно было свободно пребывать в любом городе и селе, оккупированном фашистами. Этими бланками снабжались партизаны, а также советские военнопленные, бежавшие из лагерей. Станислава заводила бесчисленные знакомства с немецкими офицерами, посещавшими генерал-губернаторство, она запросто входила в кабинет самого Вехтера. Пользуясь покровительством генерал-губернатора Вехтера, она частенько «уходила к родственникам», а на самом деле незаметно пробиралась в лес и передавала собранную информацию. Вот и в этот раз, встретившись с Боровских, Станислава со свойственным ей озорством сказала:

– Есть возможность раздобыть план зенитной обороны львовского укрепленного района немцев и аэродромов, расположенных вблизи Львова.

Она рассказала, что штаб зенитной обороны находился в доме, в котором жила подруга Станиславы Мария Ценко. Ее из дома выселили, и она живет рядом в маленьком флигеле. Марии в «друзья» давно набивается немецкий лейтенант Вилли Вернер, который носит при себе в планшете карту противовоздушной обороны Львова.

– Пусть Мария продолжает знакомство с этим лейтенантом, – сказал Павел Иванович, – только никакой самостоятельности с картой. Когда надо будет – сам тебя найду. Я посоветуюсь.

Ночью Боровских исчез из Львова. И никто не видел, как на рассвете, через несколько дней, грязный, уставший, он незаметно пробрался к своей квартире. На работе сказал, что болел эти дни.

Вечером Павел Иванович встретил Станиславу. Он ей передал чистую карту и изложил план, разработанный Хондошко. На том и расстались.

– Будь осторожна, Стася, – тихо сказал на прощанье Боровских.

Она в ответ озорно улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй.

Прошло еще несколько дней. Мария Ценко, встретив у дома лейтенанта Вернера, пригласила его к себе на день рождения. Девушка свободно владела немецким языком, и это очень понравилось немцу. Он не скрывал, что Мария ему по душе. Вилли старался казаться вежливым и внимательным ухажером, предохраняя ее от приставаний других офицеров. Немец поблагодарил за приглашение и между прочим спросил:

– А кто еще будет?

– Моя симпатичная подруга, а больше никого, – лукаво улыбаясь, ответила Мария.

– Так, может, мне пригласить кого-нибудь из моих друзей? – высказался Вилли, – Так будет веселее, все дамы будут с кавалерами.

– Не надо, – ответила Мария, – подруга не любит шумного веселья, да и я тоже.

Лейтенант сказал, что хозяйке лучше знать, и пообещал прийти без опоздания.

Он действительно пришел вовремя. В одной руке держал тощий букет цветов, в другой – объемистый сверток. Лицо лейтенанта выражало радость. Еще бы! Ведь он так долго добивался разрешения переступить порог этой квартиры.

Хозяйка выглядела прелестной. Платье с глубоким вырезом на груди плотно облегалo красивую фигуру. В ее вьющихся каштановых волосах алела маленькая роза. Большие серые глаза, которые лейтенант привык все время видеть грустными, на этот раз излучали радость. Рядом с Марией стояла ее подруга Станислава Земба. Как только немец зашел в квартиру, она сразу же окинула его взглядом сверху донизу. Прежде всего заметила: на тонком ремешке висел

планшет. Станислава сделала комплимент офицеру:

– Вы, лейтенант, и в гости к девушкам являетесь в таком же строгом виде, как в канцелярию генерал-губернатора. Это делает вам честь, вы настоящий офицер.

– О фрейлейн, – лейтенанту комплимент пришелся по душе, – сейчас такое напряженное время, что нужно быть в любую минуту готовым ко всему.

Пока Мария накрывала на стол, ее подруга завела патефон, поставила пластинку с каким-то старинным танго и пригласила немца танцевать.

Вилли был отменным танцором, он легко вел даму вокруг стола. Ему было приятно танцевать со Станиславой. А Мария кокетливо пригрозила ему пальцем: смотри, не влюбись в секретаршу генерал-губернатора. Станислава, улыбаясь, объявила:

– Придется, лейтенант, сказать генералу Вехтеру, что вы не только хороший службист, но и замечательный танцор.

Лейтенант сиял. Он попытался продолжить приятный ему разговор, но тут гостеприимная хозяйка пригласила всех к столу.

Первый тост подняли за именинницу, и Вилли настоял, чтобы все выпили рюмки до дна. Девушки согласились, но с условием, что лейтенант больше на этом настаивать не станет, а сам будет подчиняться требованиям именинницы. Вилли поспешил согласиться.

С каждой выпитой рюмкой лейтенанту становилось душней. Пил в основном только он, Мария придирчиво следила за тем, чтобы его рюмка не пустовала, а Станислава подкручивала пружину патефона и меняла пластинки. Лейтенант танцевал с ними поочередно.

– Сознайтесь, Вилли, – завела разговор Станислава, – Вехтер был бы счастлив оказаться сейчас на вашем месте?

– Думаю, что и фюрер не отказался бы. – Эти слова офицера девушки встретили звонким смехом.

Веселье было таким непринужденным, таким искренним, что лейтенанту и в голову не приходила мысль о том, что его хотят умышленно напоить. А он хмелел все больше. Это был уже не тот прилизанный, щегольски одетый, на вид культурный офицер, который всего три часа тому назад переступил порог этой квартиры. Волосы растрепались, галстук давно заброшен, рубашка расстегнута. Своим видом он вызывал к себе брезгливое отвращение. Но девушки терпеливо продолжали с ним танцевать.

В полночь опьяненный лейтенант, наконец, свалился на диван и тут же захрапел. Девушки облегченно вздохнули, выждали еще несколько минут и принялись за дело.

Станислава осторожно расстегнула планшет, вытащила карту и удалилась в соседнюю комнату. Все до единого знака девушка перенесла на чистую карту, которой ее снабдил Боровских. Закончив эту работу, Станислава положила карту обратно в планшет. Лейтенант продолжал храпеть.

Он проснулся рано утром. Прямо против дивана на кровати, прижавшись друг к другу, сидели Мария и Станислава.

– С добрым утром. Вилли! – приветствовала его хозяйка.

Лейтенант, глянув на часы, в ответ что-то буркнул неразборчиво, кое-как привел себя в порядок, поспешно попрощался и, отказавшись от завтрака, ушел. Лишь тогда девушки спокойно вздохнули.

Вечером Павел Иванович Боровских с надежным пропуском выехал попутным транспортом из Львова. На другой день он благополучно добрался до партизанского лагеря и передал капитану Хондошко копию карты зенитной обороны Львовского укрепленного района. Первым же самолетом карту переправили в Киев.

Долгое время Василий Андреевич не мог найти нить, которая привела бы его к центру подготовки и засылки вражеской агентуры за линию фронта. Немцы держали месте расположения центра в строжайшей тайне. Но все же тщательный анализ показаний двух задержанных агентов привел к так называемому «комитету помощи украинскому населению». «Комитет» возглавлял один из лидеров украинских националистов некий Кубиевич.

Что общего у этого «комитета помощи» с вражеской агентурой? Какие у него связи с центром подготовки агентов? Эти и многие другие вопросы волновали Хондошко. И на каждый из них надо было дать ответ.

Началось тщательное изучение деятельности «комитета». Внешне создавалось

впечатление, будто «комитет» только и занимается оказанием помощи украинским семьям, пострадавшим от войны. Но Василий Андреевич быстро нащупал совсем другое направление в деятельности «комитета» Кубиевича и, главное, – его тайные связи с гестапо и разведывательными органами немцев. Выяснилось, что «помощь украинским семьям» – это просто ширма, которой Кубиевич прикрывал свою основную деятельность – вербовку агентов из числа националистического отребья. Здесь все завербованные получали солидные суммы денег, а после того, как их переправляли за линию фронта, «комитет» оказывал помощь их семьям.

«Хорошо бы иметь своего человека в этом «комитете», – думал Хондошко. – Но не легко это сделать. Уж очень ревниво его опекают оккупанты». Оставалось одно – завербовать на свою сторону кого-нибудь из сотрудников «комитета».

Василий Андреевич очень терпеливо изучал людей, находившихся в подчинении Кубиевича. К этой работе он привлек и Боровских. Вскоре выяснилось, что в «комитете» почти с самого его создания работает бывший военнопленный Фролов Николай Андреевич. Хондошко сумел за короткое время собрать довольно точные сведения о нем. Фролов – уроженец города Одессы, 1910 года рождения, до начала войны жил и работал во Львове. В 1941 году в одном из боев был тяжело ранен и оказался в окружении. При содействии своих знакомых ему удалось бежать из лагеря и устроиться на работу во Львове.

По заданию начальника группы «Унитарцы» первый разговор с Фроловым вел Боровских. Вначале тот держал себя осторожно, но затем, убедившись, с кем имеет дело, подробно рассказал о себе и своей работе в «комитете» Кубиевича. Оказалось, что Фролов давно искал возможности связаться с подпольщиками или партизанами. На этой же встрече он заявил, что собрал ценнейшую, на его взгляд, информацию, которую надо немедленно передать куда следует.

– Нас интересует агентура, которую немцы засылают за линию фронта, – откровенно сказал Боровских.

– Завтра я вам смогу дать списки, – ответил Фролов. – И не только списки, но и клички агентов, и их приметы. Скажите, куда мне прийти.

– А вы никуда не приходите. Наш человек вас встретит так же неожиданно, как я сегодня, и назовет пароль. Ему и передадите все, что у вас будет.

– Не доверяете? – нахмурился Фролов.

– Не обижайтесь, – продолжал разговор Боровских, – пока иначе нельзя. Пока. Будьте осторожны.

Боровских крепко пожал руку своему новому знакомому и скрылся в узкой улочке.

Василий Андреевич Хондошко сам работал не жалея себя и редко хвалил своих подчиненных за удачно выполненные операции. Он воспринимал все как само собой разумеющееся. На сей раз он не сдержался и похвалил Боровских.

– Вы, Павел Иванович, действуете, как настоящий разведчик.

– Да какой я разведчик, – отвечал ему Боровских. – Я простой советский солдат и делаю все, что в моих силах, чтобы наша победа пришла как можно скорее.

На другой день Боровских получил от Фролова объемистый пакет и сразу же переправил его командиру «Унитарцев». В пакете были списки агентуры, засланной немцами в районы, освобожденные Красной Армией, а также большой список самых активных оуновцев, действовавших во Львове, и командного состава дивизии СС «Галичина». Все эти данные были немедленно отправлены в Киев.

А Василий Андреевич уже разрабатывал планы новой операции. Разведчики партизанского отряда Шангина сообщили о том, что большие группы фашистских войск продвигаются в район Тернополя и там сосредотачиваются. Необходимо было уточнить количество войск, а главное – уяснить планы командования. Для выполнения этой операции был привлечен в группу «Унитарцы» Вячеслав Васильевич Засанский, уроженец села Заболотцы Дрогобычской области, комсомолец. В это время он работал электриком во Львове. По заданию Хондошко он совершил поездку по Дрогобычской, Станиславской и Тернопольской областям. Вячеславу Засанскому тогда было 24 года, он обладал исключительной наблюдательностью и способностью из многочисленных событий отбирать наиболее важные. Ему удавалось быстро завязывать знакомства с немецкими офицерами, входить к ним в доверие.

Вернулся Вячеслав с весьма ценными сведениями. Он сообщил, что в районе Тернополя

немцы готовятся к наступлению. Он собрал данные о количестве войск и нумерации многих частей и соединений, среди которых были и химические войска.

Возвращаясь из этого опасного путешествия, Вячеслав заехал во Львов к своему отцу Василию Ивановичу Засанскому, который работал подсобным рабочим на аэродроме. Василий Иванович завел знакомство с немецким офицером по имени Пауль. В это время аэродром чаще обычного стали посещать гестаповцы. Все служебные здания, подъезды да и всю территорию аэродрома спешно приводили в порядок. Ясно было, что ожидается приезд какой-то важной персоны. И вот Пауль, будучи в состоянии сильного опьянения, выболтал Василию Ивановичу, что во Львов приезжает сам фюрер.

Получив такие данные, Вячеслав вместе с Боровских срочно направились к Хондошко. О проезде Гитлера по маршруту Львов – Броды – Винница узнала и Станислава Земба. Она об этом прослышала в канцелярии Вехтера. По дороге в Билгорайские леса, где в то время находился командир группы «Унитарцы», Засанский и Боровских собрали еще сведения о скоплении войск, боевой техники и боеприпасов на станции Белз.

Эти очень важные сведения Василий Андреевич Хондошко в тот же день передал в Киев. А через некоторое время партизаны принесли в отряд весьма радостные для разведчиков вести о массированных налетах советской авиации на Тернополь, Львов и Белз. О результатах бомбардировки львовских аэродромов и станции Белз были получены точные данные. В общей сложности здесь было уничтожено 30 танков, 10 самолетов, 26 цистерн с горючим, больше 300 солдат и офицеров.

События на фронте тем временем развивались весьма стремительно. Красная Армия, сокрушая оборонительные сооружения немцев, приближалась ко Львову. «Унитарцы» приступили к проведению заключительной операции по добыче плана минирования города. Это задание было поручено львовской группе. Весьма энергично работали Боровских, Земба, Фролов и Засанский.

С большим трудом Станиславе Зембе удалось раздобыть план минирования Львова, и уже в тот момент, когда советские войска вели бои за город, Павел Иванович Боровских с риском для жизни пошел навстречу наступающим частям и передал командованию точный план минирования Львова. И в том, что город уцелел, что сохранились ценнейшие памятники архитектуры, несомненная заслуга «Унитарцев».

Львов был полностью освобожден. Над зданием ратуши взвился красный флаг. Впервые «Унитарцы» собрались все вместе. Василий Андреевич Хондошко, как с родными, попрощался со своими боевыми соратниками. Он уезжал в Киев для доклада о деятельности группы. Другим же участникам этих событий предстоял еще путь в тыл врага, жизнь, полная опасностей и риска. Новую группу по заданию органов государственной безопасности возглавил Павел Иванович Боровских. В нее вошли Николай Андреевич Фролов, Станислава Станиславовна Земба и радистка Варя. Вскоре все четверо на парашютах благополучно приземлились в лесу недалеко от Кракова. Деятельность «Унитарцев» продолжалась.

ПАВЕЛ ДЕГТЯРЕВ
СТРАНИЦЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Чекисты, особенно оперативники, не ведут дневников. Подполковник Иван Романович Серегин много лет, с начала работы в органах, ведет необычные записи в маленькой, повидавшей виды, книжечке. Посторонний человек ничего в них не поймет. Дата, название населенного пункта, имя, какое-то слово... Хозяин книжки, глянув на записи, видит перед собой далекие и совсем близкие картины своей беспокойной жизни.

Иван Романович листает тронутые временем страницы...

*

На одной из первых страниц заметки:

«Повезло? Л: 44».

Я вопросительно смотрю на своего собеседника. Он минуту что-то припоминает, потом рассказывает.

...Было это возле литовского города Паневежис, в 1944 году. Серегина, тогда молодого работника армейской контрразведки, несколько дней как прислали в артдивизион. Часто задумывался над тем, как получше организовать охрану подразделения от вражеских диверсантов.

На рассвете шел с сержантом и солдатом по тылам огневых позиций дивизиона. Думалось: тебе вверена безопасность всех этих людей, ты за них в ответе. Незаметно дошли до опушки леса, невдалеке серебрилась нитка железнодорожного полотна. Тишина, лишь издали доносятся раскаты артиллерийских залпов. А здесь покой, дивизион отдыхает перед новыми боями.

Вдруг на полотне заметили человека, который, склонившись над шпалами, что-то делал.

Решение пришло молниеносно: сержант с солдатом обойдут слева, сам – справа. Подошли к неизвестному одновременно. Минутку наблюдали. Нет, не обходчик. Минер, враг, уже успел заложить две большие пачки тола, осталось пристроить шнур.

Диверсант был задержан.

Серегин предупредил: чистосердечное признание облегчит участь.

– Вчера сбросили на парашютах. Несколько групп. В моей группе – пятеро. Я заместитель командира. Задача – взорвать железнодорожное полотно... Это все!.. Честное слово!.. Меня теперь не расстреляют?

– Вашу судьбу решит суд.

Диверсант заискивающе смотрел в глаза Серегину. А тот рассматривал лежащие на столе нож, пилку для резки стали, карту, пачку денег. На минуту оторвался от вражеского снаряжения. Из распахнутой полы палатки было видно железнодорожное полотно, по которому мчался на запад воинский эшелон с танками и солдатами. Невольно подумал «Что было бы сейчас с этими

людьми, если бы...»

Через несколько дней контрразведчиками полностью была ликвидирована группа диверсантов. Кто-то из товарищей сказал Серегину: «Тебе повезло!» А он отвечал: «Нет, и здесь, в недалеком фронтовом тылу, война. Здесь тоже, оказывается, нужно быть внимательным. Может быть, повезло, а возможно, это результат пристального внимания... Важно, что мы спасли жизнь наших людей, что враг своевременно обезврежен» Да, это главное.

Среди многочисленных боевых эпизодов военного времени запомнился штурм Кенигсберга. Вместе с группой бойцов Серегину поручили блокировать консульство одного из государств, входивших в пресловутую фашистскую ось.

Спецгруппа штурмовала городские кварталы в рядах линейных подразделений. Ожесточенный бой за каждый квартал, дом, этаж. Помнили завет сталинградцев: швыряй гранату, бей из автомата, не забывай о ноже. Это закон боев в населенном пункте.

Ворвались в двухэтажное здание. Из подвала – на первый этаж. Гитлеровцы засели на втором. В это время рухнул соседний дом. Назад путей нет, только вперед, вернее – вверх. Немцы не ожидали решительного натиска, сдалось в плен двадцать фашистов. А у Серегина лишь пятеро бойцов (остальные – в подвале, заваленном развалинами соседнего дома). Вокруг вражеские солдаты. Что делать?

Приказал немцам выбросить затворы винтовок и пулеметов, гранаты. Построил в колонну, наши бойцы посредине. Так и подошли к своему переднему краю. Дали условный сигнал.

В оперативной группе Серегин сказал:

– Докладывать нечего, потерял ребят, в подвале они остались.

Его успокоили: все благополучно возвратились. И вскоре группа Ивана Романовича снова ушла в полыхающие огнем кварталы города. Проводник сказал: вот и консульство. Небольшое полуторазэтажное здание. Везде закрыто, тихо. Лишь из подвала слышны голоса. Не открывают. Пришлось вышибать дверь рельсой, оказавшейся во дворе.

Вышел генеральный консул, бледный, растерянный. Через переводчика сказал:

– Наши страны поддерживают дипломатические отношения. Вы понимаете?.. Если с нами что-нибудь случится...

Серегин не выдержал:

– Дипломатические отношения? А вы почему здесь, в осажденном вражеском городе? – Махнул рукой: что толковать зря?! – А о жизни вашей, сотрудников консульства, не беспокойтесь. Это – наша забота.

Вдруг ахнула огромная бомба. Взрывная волна отшвырнула Серегина. Стало тихо, абсолютно тихо: он потерял слух и речь.

Начал слышать лишь через несколько дней в медсанбате. А потом и заговорил.

Вскоре возвратился в строй.

*

И снова страничка:

«Трудно пришлось бы нам, если б не здешние люди, их помощь. Крукеничи, 1946».

Начало 1946 года Серегин встречал в Крукеничах, тогда райцентре Дрогобычской области. Начальник территориального райотдела Иван Иванович Середа, опытный чекист, говорил:

– Обживетесь немного, с людьми и обстановкой познакомитесь, присмотритесь ко всему, а тогда – за дело.

А молодому оперуполномоченному хотелось поскорее в гущу жизни и борьбы. Беседовал со здешним человеком. Время было тяжелое: только что закончилась война. Еще не возвратились с нее воины. Вчерашние гитлеровские полицаи, оуновцы и их пособники понимали, что они уже обречены, поэтому и стремились мстить народу, Советской власти. Удирая, гестаповцы оставили националистам склады оружия. То здесь, то там звучали выстрелы: гибли активисты, партийные и советские работники – те, кто прокладывал первые тропы к новой жизни.

Спасти честных людей от бандитского террора – вот цель, которую поставил перед собой

чекист Серегин и которая не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Необходимо было изучать настроения жителей Крукеничского района, выявлять их отношение к Советской власти, в общем искать себе союзников в этом ответственном деле, за которое он взялся. Приходилось проводить беседы, налаживать связи с трудящимися, которые хотели положить конец всему тому, что мешало жить по-новому.

Как-то разговорился с учительницей из Гориславичей. Это была немолодая уже женщина, хлебнувшая много горя. Она с гневом говорила о лозунге националистов – «За единую и соборную Украину».

– Видели мы ее, «соборную и единую», под фашистским сапогом. Сколько горя натерпелись от ее поборников, бандеровцев! Половина крестов на кладбище – их жертвы. И дети, и старики. Никого не щадят. Слезами заливались. Счастье наше только в Советской Украине...

Сообщила, что в селе сейчас скрывается «нелегал», бандит. Рассказала, где он бывает, с кем встречается.

Иван Романович с солдатами четверо суток просидел в засаде. Уже было подумал – напрасное дело, ошиблась учительница. Ан нет! На пятые сутки взяли бандита. Вскоре он признался, что имеет связь с информатором «районного провода», а тот хорошо знает, где и сам провод находится.

– Завтра должен идти на явку с информатором.

Серегин тоже пошел, но так, чтобы об этом не знал «нелегал». Он слышал, как информатор сообщил: завтра вечером у него встреча с проводом. Даже место назвал.

С полудня в селе – музыка, гульба. Праздник. А группа чекистов засела в овраге. (В Гориславичах сразу же обнаружили бы чужих. Надо было выждать, пока стемнеет). Холод рождественский, зуб на зуб не попадает. Наконец стемнело. Поползли по-пластунски, осторожно.

Вот и хата, где должен был собраться провод. Возле хаты – сарай. Но везде тихо, ни одного огонька. Наступила полночь. Послышались шаги – промелькнула человеческая тень, за ней вторая, третья.

Уже за полночь из хаты выглянул хозяин. То ли к корове собирался заглянуть, то ли еще куда-то. Иван Романович схватил его за руку, прикрыл рот. Когда он немного отошел от испуга, заговорил. Выяснилось, что он председатель земельной комиссии сельсовета, отец многодетной семьи.

Он рассказал следующее:

– Пришел какой-то пан из Западной Германии (пробрался в Польшу, а оттуда уже сюда прибыл), хвастался знакомством с каким-то Джоном, показывал доллары. Я сам это краем уха слышал, уголком глаза видел чужие деньги. Сидят здесь, людей грабят. Я к празднику кое-чем разжился для семьи, а они все забрали...

– Где сейчас бандиты?

– В сарае, там схрон. Я пойду первым, – сказал хозяин. – Пусть погибну, но буду знать, что позор не ляжет на мою семью. Прошу поверить.

Он пошел.

Серегин слышал голос хозяина в сарае.

– Сдавайтесь, пан проводник, живым останетесь. Советы обещают твердо. Да и детей моих пожалейте. Бой будет – погибнут. У вас другого выхода нет.

Долго уговаривал. Потом неожиданно разорвалась граната, раздался выстрел. Серегин видел, как упал хозяин. Солдат его оттащил в безопасное место, оказал первую помощь. А Иван Романович с бойцами бросился в сарай. Из люка клубами валил дым, слышны были крики. Бандиты пытались что-то сжечь.

Когда чекисты проникли в схрон, там все уже были мертвы. Среди не полностью сгоревших документов нашли инструкцию «центрального провода» из Западной Германии – уничтожать, убивать активистов. В тайнике – много оружия, амуниции, а также рация, пишущая машинка.

Серегин понимал, что «районный провод» опирается на банду. Терять время нельзя было. С помощью «нелегала» Иван Романович установил связь с районным информатором, который после разгрома провода вынужден был показать «нелегалу» явку с бандой. Чекисты сумели

быстро ликвидировать ее.

...Спустя некоторое время Иван Романович повстречался со знакомой учительницей, поблагодарил ее за помощь. А та ответила:

– Это наш долг, наше общее дело.

Серегин с теплотой посмотрел на пожилую женщину.

– Правильно. Дело наше общее. Один другому помогать обязаны. А вам большое спасибо...

*

...Как-то на хуторе Халупки Серегин повстречался с заведующим пунктом по приему молока. Об этой встрече в записной книжке сохранилось лишь одно слово – «молочник».

Молочник рассказал о следующем. Когда гитлеровцы отступали, вместе с ними ушли полицаи из хутора и соседних сел. Потом возвратились, живут где-то в лесу, порой навешиваются в населенные пункты – расправляются с теми, кто решил жить по-новому. Были и у него, выводывали, чем дышит. В конце своего рассказа молочник сказал:

– Я советский человек, вы можете мне верить. Для счастья своих детей, а также моих односельчан жизни не пожалею: могу быть вам полезным, если хотите, если нужно...

Серегин дал ему задание связаться с бандитами, войти к ним в доверие, а перед этим проинструктировал, как действовать.

Вскоре бандиты появились в доме молочника. Серегин знал, о чем говорили бандеровцы: в хате молочника будет явка, здесь они смогут получать информацию о жизни хутора, окрестных сел.

Иван Романович раздумывал: дом в центре хутора окружить трудно; если придется скрестить оружие – могут быть жертвы среди населения, да и самого хозяина легко под пулю подвести. Нужно искать какой-нибудь другой путь. Обязательно!

Из соседнего дома Серегин видел, как к молочнику заходили двое незнакомцев. С оружием, небритые. Взять их здесь без боя трудно. Стрелять нельзя: вокруг люди, детвора. Побывал в засаде и второй раз. Обстановка явно неблагоприятная.

Во время очередной встречи изложил молочнику заранее продуманный план. Объясни, мол, бандитам, что опасно в хату заходить, соседи заметят – дадут знать куда надо. Лучше сделать тайник в поле, подальше от хутора. Туда и будешь информацию доставлять, а они смогут забирать ее оттуда.

Бандеровцы согласились.

Тайник был создан в самом конце огородов на границе с полем. Молочник регулярно оставлял там информацию, которой снабжал его Серегин, и бандиты были ею довольны.

Шел август 1948 года. Операция завершалась. Молочник сообщил:

– Сегодня вечером лесовики придут к тайнику за вестями. Надо все сделать, чтобы преждевременно их не вспугнуть.

Иван Романович выстроил бойцов, рослых парней с обветренными лицами. У многих на груди правительственные награды: не раз участвовали в боях. Но теперь от них требовалась не только смелость, а и выдержка, терпение.

Серегин сказал:

– Быть может, придется без движения много часов лежать в засаде. Кто пойдет добровольно на операцию?

Весь строй шагнул вперед. Выбрал солдат – Савченко, Комешева и Соболева, местного жителя Владимира Гулу.

Чекисты в маскхалатах залегли невдалеке от тайника. Однако в этот вечер никто не явился. А на следующие сутки, как только стемнело, со стороны хутора послышался выстрел. Кто стреляет, в кого? У Серегина дрогнуло сердце, может, допустил просчет?

Через полчаса услышал на огороде шаги. У кого-то из бандитов неосторожно брякнуло оружие – наверное, споткнулся. На фоне вечернего неба стали видны взятые на изготовку автоматы и пистолеты. Когда бандеровцы приблизились, чекисты дали залп.

Серегин принял все меры, чтобы подозрение ни в коем случае не пало на молочника. Выяснил, что бандиты перед тем как отправиться в тайник, по-зверски издевались, а потом

расстреляли комсомольца-активиста. Это и был тот выстрел, который слышали чекисты, лежа в засаде.

На следующий день бандиты побывали у молочника, сказали, что погибло несколько оуновцев. А его допрашивали:

– Где был, когда наших побили?

– Среди людей, сами спросите.

Спросили, все проверили. Убитые, видно, наткнулись на засаду, решили оуновцы. На прощание поручили молочнику разузнать о деятельности активистов, каждого подробно охарактеризовать. Сказали, что придут на встречу в сарай, но когда точно – ни слова.

Чекисты несколько раз устраивали засады, но бандитов не было. Они появились лишь в ноябре. После их визита молочник встретился с Серегиным. Доложил: приходило шесть бандеровцев, он передал им «информацию». Все прошло благополучно.

Благополучно? Иван Романович беспощадно ругал себя: надо было сидеть в засаде, пока бандиты не явятся. Упустил! Начальник отдела успокаивал:

– Не убегут.

Они действительно не ушли...

Вспоминая эту операцию, Серегин говорит:

– Наш молочник действовал по велению сердца, долг патриота его призывал. Порой встречаемся мы с ним, вспоминаем грозные годы. Занят он сейчас самым мирным делом – ухаживает за колхозными пчелами. Каждый раз новостями радуется: электричество провели в село, клуб в честь пятидесятилетнего юбилея Советской власти построили, новые дома люди сооружают – каменные, со светлыми комнатами... А нечисть сгинула, ушла, как ночь.

*

Шел 1949 год. Серегин прибыл в село Гусаков. Здесь недавно организовали артель. Людям интересно было послушать, как на востоке хозяйствуют их братья, вот и обступили со всех сторон Ивана Романовича плотным кольцом. Он подробно рассказывал об оплате груды, о роли звеньев и бригад, советовал хорошо наладить охрану народного добра. Председатель сельсовета, провожая чекиста, сказал:

– Знаете, немного боязно, чтобы враг наше первое богатство не пустил с дымом. Как вы считаете?

Серегин ответил:

– Правильно говорите.

Иван Романович доложил руководству об опасениях председателя сельисполкома. Начальник райотдела решил:

– Участок твой. Опасения небезосновательны, сам знаешь. Возьми бойцов – и айда. Благословляю!

Иван Романович с небольшой группкой отправился в Гусаков. Шли знакомыми, хоженными не раз тропами. Метрах в трехстах от разрушенной мельницы, под самым Гусаковым, остановились. Сыпал снег, быстро темнело. Сквозь пелену туч с трудом пробивались узкие, словно штыки, лунные лучики.

Подожли вплотную к селу. Люди гуляют (тогда какой-то праздник был), издали доносится песня. А из Гусакова идут человек двенадцать. Блестят в скупом лунном свете винтовки и автоматы. Бандиты! Направляются к общественному двору, где тракторы, лошади, семена. Прав был в своих опасениях председатель сельсовета!

Серегин развернул бойцов цепью. Бегом, вперед! До бандитов – метров сорок-пятьдесят. Но открывать огонь нельзя: везде люди, могут быть жертвы.

Бандиты, воспользовавшись заминкой, разбились на группки, побежали. Сержант Александр Губанов выскочил вперед, не успел прицелиться, как упал, сраженный пулей. Серегин выставил возле убитого пост из колхозников. Вместе с бойцами бросился преследовать бандитов. Отправил с «ястребком» донесение в райотдел.

На окраине села – следы бандеровцев. Потом исчезли: на мокрой лужайке снег растаял. Колхозники указали, куда бежали бандиты.

И снова – следы. Это уже у соседнего села. Они привели к одной из хат. Бойцы оцепили ее.

Серегин зашел. Старик и старуха вокруг стола похаживают, а он накрыт на большую компанию. Поинтересовался, кого ожидают.

– Кого же еще – гостей.

– А точнее?

Старик назвал имена нескольких крестьян. Иван Романович быстро обошел их хаты. Выяснилось, что они в гости не собирались, готовились ко сну. Это насторожило. Серегин предупредил товарищей:

– Остаемся здесь.

Попросил старика показать хозяйство. Тот согласился. Чекист все осматривал внимательно. Особенное внимание привлекли сложенные на чердаке хаты говядина, телятина, свинина. Небольшие куски. Не иначе, как сбор. Для бандитов, конечно, собрано. Вошли в стодолу. В средней части – столярка, небольшая мастерская. Вверху – люк на чердак. Младший сержант Рафат Гильманов поднял на вилах шапку и сунул в люк. Тишину разорвала автоматная очередь и взрыв гранаты. Старик упал и притворился неживым. Бандитская очередь сразила Рафата. В шинели Серегина – около двадцати дыр от гранатных осколков (сосчитал уже дома).

Бой длился недолго. Бандгруппа была уничтожена. Потом пришло подкрепление, выловили разбежавшихся бандеровцев. Вскоре и остатки банды были ликвидированы.

В Гусакове хорошо помнят ту ночь. Свято берегут память о молодых чекистах – бойцах, отдавших свои жизни за счастье сегодняшнего дня. В книжке Ивана Романовича сохранилась запись:

«Губанов, Гильманов. Вечная слава героям!»

*

На очередной страничке – читаем:

«Славское... Андрейка, Андрейка! Какой ты чудесный парень!»

Весной 1950 года Ивана Романовича перевели в Славское – небольшой поселок возле самых предгорьев Карпат. Работал здесь в райотделе. Полюбил людей, окружавших его. Влюбился в здешний край со стремительным берегом серебристой реки, с его словно первозданной природой: крутыми вечнозелеными горами, где встречаются олени, дикие кабаны, медведи. Полонины с ярким набором трав сменялись верховинами, на которые и не каждый легион отважится взобраться. Дороги, словно на Кавказе, выются узким серпантинном.

Люди здесь, как и природа, суровы. Сменяются редко, но уже если улыбнутся, то искренне. Серегин прислушивался к крестьянам, вступившим год-два назад в колхозы.

– Трактор – это хорошо, электричество – отлично, клуб открыли – светлей жить стало...

И скупо улыбались.

Некоторые оглядывались по сторонам: не услышал ли кто? Не разнесут ли в горах и лесах слов сердечной признательности за новую жизнь? А в лесах и горах еще лютовали остатки бандитских шайк, среди них самые кровавые палачи – сын священника Бурун и кулацкий выкормыш Карпо – террорист, садист, замучивший десятки людей.

Серегин смотрел, как взбираются на заоблачные высоты тракторы, поднимают верховинскую целину, как ширится автомобильный поток на дорогах – машины везут книги для библиотек и оборудование для предприятий, киноустановки для клубов и удобрения для колхозных полей, и думал: как уберечь ростки нового, как обеспечить мирную жизнь горным селам?

Дни и ночи проводил в лесных засадах. Неделями, месяцами не показывался дома. А результаты? Лучше не говорить. Бандиты тщательно заматали следы. Здесь, в горах и лесах, это делать было легче.

Несколько раз в лесу Серегин замечал молодого паренька в свитере, то спешившего из своего села в Славское, то возвращавшегося оттуда домой. Открытое обветренное лицо, большие внимательные глаза. Как-то в поселке случайно встретился с ним.

- Откуда будешь?
- Вон из того села, что за горой.
- А в Славском что делаешь?
- Работаю в каменном карьере...

Оба внимательно присматривались друг к другу. Потом еще несколько раз встретились. Серегин уже успел узнать от людей: парень из бедняцкого рода, отец был солдатом Советской Армии, недавно вступил в колхоз. Семнадцать лет Андрею, пользуется авторитетом среди сверстников. Мечтает приобрести какую-нибудь профессию, а пока устроился чернорабочим на карьер.

А в беседах, которые все чаще завязывались в Славском, Андрей открывал Серегину самое сокровенное: построят в Карпатах электролинию... и как бы ему хотелось повести первый электропоезд. Только надо много и упорно учиться!

Иван Романович добавил:

- Учиться, конечно, нужно. Но за мечту надо бороться.
- Андрей пристально глянул в глаза собеседнику.
- Как?

Серегин заговорил о том, что в жизни имеется много причин, которые срывают планы честных людей.

– Это вы о тех, которые в наших лесах прячутся, заскакивают в села, грабят и убивают. Так ведь?

Иван Романович одобряюще кивнул.

- А что бы ты сделал, если б повстречался с бандитом?

Андрей, не задумываясь, выпалил:

- То, что батька делал на фронте, – убил бы гада.
- А если бы их было двое-трое?
- Было бы оружие...

У чекиста созрел план. Надо было его обдумать, все взвесить. Через несколько дней спросил юношу:

- Хочешь научиться стрелять?

Андрей учился стрелять из пистолета и автомата. Влюбленными глазами смотрел на своего учителя.

– Эх, если бы мне пистолет, бандиты обходили бы наше село третьей дорогой! – произнес как-то Андрей.

А Серегин сразу посуровел, ответил:

– Враг хитер, в открытый бой не решится вступить. Ему нужно противопоставить двойную хитрость, сметку.

Серегин сказал.

– А пистолет я тебе подарю, да и несколько патронов. Только не для того, чтобы стрелять в бандитов. С ними разговор еще будет! Пока же сделай вот что...

Как-то вечером во двор Андрейкиной хаты зашел незнакомец, постучал в окно, поманил хлопца пальцем: а ну, выйди, мол, во двор.

Когда он вышел, то увидел еще двух вооруженных людей.

– Что продают на рынке в Славском, какая цена на хлеб, картофель? – начал издалека разговор тот, который вызвал Андрея из хаты.

- Рынок как рынок, цены, как везде.

Один из незнакомцев вдруг принялся обыскивать Андрея. Быстро выхватил из кармана пистолет.

- Откуда взял?
- В лесу нашел.

Маленький трофейный пистолет был покрыт местами ржавчиной, поэтому слова хлопца не могли вызвать сомнения у непрошенных гостей.

- Для чего тебе пистолет?
- А вам к нему оружие?

Пришельцы ухмыльнулись. Пистолет отобрали, но парня не тронули. Явились через несколько дней. Приходили еще не раз. Все смотрели Андрею в глаза, всячески выводывали,

выбывали на откровенность и вопросами, и рассказами о «соборной» Украине. Но не могли они и подумать о том, что содержание разговоров на второй же день становилось известным чекистам в райцентре.

Серегин предложил:

– Если что попросят для них сделать, соглашайся. Только не сразу, поторгуйся.

Бандиты предложили: достань масла для смазки оружия и солдатскую форму. Всегда смелый и решительный, Андрей сделал вид, что испугался:

– Что вы?! Узнают – не миновать Сибири. А я жить хочу.

– А я что – не хочу?! – возмутился бандит. – Не достанешь – доложим советам, что пистолет спрятал от них.

Вскоре Андрей возвращался из Славского со склянкой масла и солдатским обмундированием (на рынке его соседи видели, как покупал, об этом Серегин позаботился). И не только с этим шел домой. У самого сердца – небольшая книжечка с силуэтом Ильича. Он стал комсомольцем.

Бандиты считали хлопца своим. А он в душе называл Серегина старшим братом. Иван Романович не раз подолгу беседовал с добровольным разведчиком, открывал перед ним новый мир, снабжал интересными книгами. Помог поступить в вечернюю школу. Андрей уже видел себя у пульта управления электровозом. Он знал, что путь к счастью – в борьбе, сложной, быть может, кровавой, но открывающей дорогу в то завтра, о котором говорил его старший друг.

Бандиты дали Андрею новое поручение – достать плащ-палатку. Теперь уже не отказывался, только жаловался, что, вероятно, трудно такую вещь раздобыть.

Сообщая Серегину о новом поручении, Андрей увидел на его столе какие-то фотографии. Заприметил на одной из них человека с бородкой, злым и выразительным лицом. Иван Романович был чем-то обеспокоен. Все же внимательно выслушал своего юного друга. Помог достать плащ-палатку. На прощание вручил ему боевой пистолет с двумя обоймами, показал, как получше спрятать оружие, чтобы и незаметно было, и удобно выхватить при необходимости. Предупредил:

– Сегодня поосторожнее будь.

Андрей удивился:

– Почему?

Серегин не ответил. Только крепко пожал руку и несколько минут смотрел вслед пареньку, быстрыми шагами удалявшемуся в сторону родного села. Потом пригласил к себе в кабинет оперуполномоченных. Слова звучали отрывисто, как команда:

– Все готово?

– Так точно.

– Связь с боевыми постами?

– Установлена, действует безотказно...

В это время Андрей шагал привычной дорогой. Но на полпути к селу его остановил окрик:

– Стой!

Остановился. Увидел за кустами двоих: первый с бородкой, в кожаных штанах и в куртке, казался точно сошедшим с недавно виденной у Ивана Романовича фотографии. То же злое, словно ястребиное, лицо хищника, холодный взгляд. Второй – здоровенный, со шрамами на лице. У каждого автомат, пистолет и гранаты.

– Что несешь?

Андрей покосился на свою руку, на которую была намотана плащ-палатка, завернутая в тряпье.

– Одежонку.

– Какую одежонку?

Промолчал. А в голове билась мысль: почему Иван Романович сказал, чтобы сегодня был особенно осторожным? Вероятно, он знал об этой встрече. Что делать?

Незнакомцы тихо о чем-то говорили между собой. Парень услышал свое имя (вероятно, оно известно им от тех, которым доставлял оружейное масло и солдатское обмундирование). Наконец тот, который был в кожанке, миролюбиво сказал:

– Садись с нами, закусим.

Андрей твердо решил: «Откладывать нельзя, буду стрелять».

– Мы тебя знаем, хлопче. Не бойся нас, мы свои. Знаем, что у тебя на руке плащ-палатка. Это для нас. Давай ее сюда.

Бандит в кожанке, взяв плащ-палатку, стал ее рассматривать, повернувшись к Андрею спиной. В мгновение юноша выхватил пистолет, и двумя пулями свалил обоих.

...Спрятав оружие, Андрей шагал своей дорогой. Но не успел пройти и нескольких метров, как почувствовал на плече чью-то руку.

– Стой, парень!

Отшатнулся. Но тут же увидел взволнованного, тяжело дышавшего Серегина. Видно, тот бежал.

– Не ранен?

– Нет.

– Вот хорошо. Я сильно волновался из-за тебя. – Он обнял юношу, – Молодец ты, честное слово, молодец.

Андрей ничего не понимал. Думал, что Иван Романович будет очень сердиться. А он – «молодец». Серегин в это время говорил:

– Ты убил Карпа и его охранника. Понимаешь – Карпа?! Страшного бандита, на совести которого десятки невинных жертв. Да какая там у него совесть была! Собаке – собачья смерть...

К Ивану Романовичу подбегали со всех сторон оперативники, солдаты. Когда все собрались, Серегин объявил:

– Операция закончена досрочно. Делать нам здесь больше нечего – за нас поработал Андрей. Хорошо поработал!

У чекистов на очереди была новая задача – ликвидировать последнюю в районе банду, руководимую Буруном, которую до сих пор не удавалось обезвредить.

Стоял апрель 1951 года. Утром Серегин направился в райотдел. В нескольких шагах перед домом увидел знакомого «ястребка» из Долголук.

– Иван Романович, у нас в селе бандиты!

Рассказал, что пришли поздно вечером к соседу, привели раненого. Злые, усталые – еле на ногах держатся. Говорят: давай есть, давай лекарства. Хлеб и кисляк хозяин дал. А о лекарствах сказал: за ними надо идти в Славское, в селе не найдешь. Посоветовал послать меня. Конечно, они не знают, что я «ястребок». Долго совещались бандиты, потом решили: пусть идет, только помнит: выдаст – всех родных до последнего колена вырежем. Но угрозы этих вырожденцев мы нынче не боимся. Вот я и пришел к вам за помощью, Иван Романович. Идемте скорее, пока бандюги не удрали.

Через несколько минут машины с чекистами мчались к Долголукам.

В то утро банда Буруна, последняя вооруженная группа в Славском районе, была обезврежена.

...Иван Романович заглядывает в свою записную книжку. Еще раз перечитывает: «Андрейка, Андрейка! Какой ты чудесный парень!» – и спрашивает:

– Интересуетесь судьбой моих друзей?

– Конечно.

– Что ж, вкратце скажу. Андрейкина мечта сбылась. Призвали в армию. Служил в подводном флоте. А теперь водит электропоезд в своих родных Карпатах. Только он уже не Андрейка, а Андрей Степанович. «Ястребок» из Долголук стал колхозным бригадиром, сад вырастил, все приглашает яблочко отведать, говорит, что таких ароматных нигде нет. Когда-нибудь обязательно съезжу к нему... Ну, а боевые товарищи мои на постах. Чекист – всегда чекист.

– Хотелось бы, Иван Романович, узнать, как вы стали чекистом, каким был ваш путь еще до того, как вы прибыли в Крукеничи.

*

Серегин Иван Романович... Год рождения 1917 – ровесник Великого Октября. Родился в Новосибирской области, Здвинском районе, в поселке Григорьевском, который имел еще одно название Кочки. Так его окрестили крестьяне за то, что земля вокруг него изобиловала кочками на болотах. Да и этой нехлебородной земли Серегины не имели. Отец и мать всю жизнь

батрачили у кулаков.

Иван был младшим в семье – шестым. Помнит, как в двадцатом умер отец. Соседи в один голос предлагали матери сдать детей в приют. Та наотрез отказалась: пусть при мне будут, может, и голодны, но не без материнской ласки.

Старшие братья и сестры пошли батрачить к кулакам, со временем и Иван с матерью подались туда же. Куда было деться? Молодая Советская республика только подымалась на ноги после войны и разрухи. Нелегко, ой, как нелегко было многодетной вдове.

Вскоре старшие братья уехали на Донбасс, работали на шахтах. Отправилась туда и мать с малым Иваном. В школе подружился с украинскими хлопцами. Белые хатки с вишневыми сачочками, шахты и терриконы на всю жизнь остались в его сердце.

Через несколько лет мать потянуло в родной край, в Сибирь. Всем селом соорудили Серегиным избу (старая развалилась). Вступили в колхоз. Брат возглавил сельхозартель. Иван работал и учился, стал комсомольцем. Открывались новые горизонты – широкие, светлые.

Какую тропку выбрать в жизни, какой дорогой пойти? Сначала сама обстановка подсказывала ему, что следует делать. Был секретарем сельсовета, работал в финансовых органах, в госстрахе. Работа была скромная, но нужная людям. Поэтому и работал, хотя понимал: это еще не то. С завистью смотрел на приезжавших из армии домой бойцов. «Вот бы и мне отправиться на далекие рубежи, охранять родную державу!» – мечтал юноша.

А тут события на Хасане. Написал заявление: попросился туда добровольцем. Пока доехал до части, бои закончились. Зачислили в полковую школу. Вскоре стал командиром отделения артиллерийской разведки. Потом был помощником командира взвода. Одним из первых получил значок «Отличник РККА». За успехи в боевой и политической подготовке командование предоставило отпуск. Но Серегин домой не попал. 22 июня 1941 года, в день его отъезда, началась война.

В грозном сорок втором году, когда фашисты рвались к Волге, Серегин стал коммунистом. Послали его на курсы политработников. Потом был политруком, комиссаром батареи. В сорок третьем – опять курсы командиров батарей. Экзамены сдал хорошо. Уже видел себя командиром батареи. Когда дожидался назначения, вызвали в парторганы. Представитель центра был немногословен:

– Слышали что-нибудь о контрразведке?

– Почти ничего.

– Жаль. Что ж, кое-что расскажу...

Серегин стал чекистом, армейским контрразведчиком.

Прибалтика, Восточная Пруссия. Беспрерывные бои. Потом Победа. Опять Прибалтика, борьба с бандитизмом. Жизнь захватывала в свою быстрину. Осознавал, что работа чекиста требует всех сил и больших знаний. Приходили знания, совершенствовалась специальная профессиональная подготовка.

В конце лета сорок пятого направили в Москву, а там предоставили отпуск. За сколько лет – и не подсчитаешь сразу. Поехал домой, в Сибирь. Мать умерла (не знал об этом: выполнял спецзадание, переписка оборвалась).

Возвратился в Москву...

И вот он в Прикарпатском крае, точнее – в Крукеничах. Приехал сюда вместе с женой Софьей Семеновной...

*

В записной книжке подполковника Серегина – десятки страничек. На каждой из них, словно шифр, предельно короткие записи, на отдельных – лишь имена, даты, населенные пункты. Память сердца чекиста.

Крукеничи и Сколе, Славское и Николаев – этапы пройденного пути. Каждая запись в книжке – это своеобразная повесть о легендарных подвигах советских людей, в боях завоевавших свое счастье. Там, где недавно гремели выстрелы и рвались гранаты, нынче мчат электропоезда, поднялись к небу корпуса промышленных комбинатов, гудят трактора. На страже мирного труда строителей новой жизни стоит весь наш народ.

НИКОЛАЙ ТОРОПОВСКИЙ ОГНЕННАЯ БАЛЛАДА

– Товарищи, вам поручается ответственное задание, – сказал начальник Боринского райотдела госбезопасности. – В селе Рыково находится главарь известной банды – Роман. Его нужно захватить живым. Выполнение задания возложено на оперативную группу в составе младшего лейтенанта Зуева, Ващука, «ястребков» Емельяна Деньковича и Владимира Сенькива. Возглавляет группу старший лейтенант Уланов.

...Было тихо. В темном небе угасали бледные утренние звезды. В окружении серебристых горных вершин лежало село. На рассвете чекисты окружили хату Романа. Операция началась.

– Выходите, вы окружены! – крикнул Уланов.

Напряженная тишина. Командир подал знак. Сергей Зуев, сжимая автомат, подполз к самому крыльцу и резко открыл дверь. Вошли в хату. Никого. В печи что-то кипело в казанках, пахло жареным мясом и картофелем.

– Денькович, взгляни-ка, что там на чердаке, а ты, Сергей, осмотри подворье, – приказал Уланов.

Зуев вышел во двор, и тут же утреннюю тишину раскололи автоматные очереди. Сергей вскочил в сени.

– Товарищ старший лейтенант, с гор спускается сотня, – вдруг подал голос с чердака Денькович.

Чекисты бросились к окну.

– Я, Сенькив и Ващук отходим к лесу, – сказал Уланов, – вы – следом за нами. Силы слишком уж неравные, но попробуем дать бой! А там – соединимся и пробьемся.

Автоматы чекистов заговорили очередями. Отстреливаясь на ходу, Уланов, Ващук и Сенькив пробирались на окраину села, за которой метрах в двухстах начинался лес. Пули заставили их приникнуть к земле. Больше не было слышно автоматов Зуева и Деньковича. В село входила банда. «Зуев, милый Зуев, что же ты молчишь? Ну!!»

Все. Теперь им уже отрезали дорогу. Вокруг гремели выстрелы. «Ти-у, ти-у!»

Уланов сказал, тяжело дыша:

– Ващук... мы тебя прикроем... а ты – двигай к лесу. Доберись к нашим, скажи... А мы вместе с Сеньковым обоснуемся вон в том сарае.

– Есть, – ответил Ващук и побежал по заснеженному полю.

«Как же там Зуев с Деньковичем?» – думал Уланов.

А в это время Сергей Зуев и Емельян Денькович были уже окружены бандитами.

– Коммунисты, сдавайтесь, будем из вас ремни драть! – вопил кто-то из соседнего двора.

Сергей и Емельян сознавали сложность своего положения, но они решили бороться до конца. Зуев уже был ранен в предплечье, Денькович – в шею.

– Емельян, давай свой автомат, – тихо сказал Сергей, – я останусь один. А ты постарайся добраться к нашим. Быстрее!

Денькович спустился с чердака, а Зуев сдерживал натиск бандитов, которые приближались к хате... Когда Емельян исчез из поля зрения, Сергей перестал стрелять. Бандиты тоже прекратили стрельбу.

Но вот в сенях закричала приставная лестница, и Сергей услышал сопение бандитов, которые поднимались на чердак. Первым лез сотник.

Чекист тяжело поднял руку и выстрелил. Сотник упал, сбил с ног напарника, который лез за ним.

Внизу дико заревела банда:

– Сдавайся, эмгекбист! Ты в западне!

Младший лейтенант Зуев приподнялся. Лицо его было залито кровью. Он крикнул:

– Запомните, гады, чекисты не сдаются!

Сергей левой рукой вытер лоб. «Прости, мама!» – и выстрелил себе в висок.

«Все. – подумал Уланов, когда стрельба в селе прекратилась. – Я остался один». На поле возле леса лежал мертвый Ващук. Перед сараем в луже крови застыл Сенькив, а немного поодаль лежало девять убитых бандеровцев.

Вдруг зыбкую тишину разорвал взрыв гранаты – и соломенная стреха сарая вспыхнула ярким пламенем. Крыша пылала, яростно гудел огонь, на Уланова падали пылающие факелы соломы. Дым разъедал глаза, горло, но чекист продолжал вести огонь. Он видел, как после каждой автоматной очереди, выпущенной им, падала на землю фигура, и жалел, что скоро закончатся патроны.

Огромным факелом пылало деревянное строение, но из него неистово гремели и гремели выстрелы. В одном месте крыша провалилась, и бандиты бросили туда гранату. На Уланове загорелась одежда.

Вдруг двери сарая упали от сильного удара изнутри, и на бандитов помчался живой пылающий факел, который прокладывал себе дорогу последней автоматной очередью.

– Хватайте его! Тушите огонь! Живым возьмем! – завизжал бородатый бандит.

Уланова повалили на землю, начали сбивать пламя.

*

Окровавленный Денькович ввалился в комнату дежурного райотдела госбезопасности.

– Там... наши... гибнут... – едва вымолвил он.

В Рыково помчался чекистский отряд под командованием Александра Иванова.

Разделившись на две группы, бойцы всю ночь преследовали бандитов. Утром банда Романа была ликвидирована. Но Уланова так и не нашли. Через несколько дней взяли в плен бандеровского разведчика.

– Где держат Уланова?

– В районе Зубрицы... На горе Большая Шабела.

...На горе чекисты нашли четыре схрона, выбили оттуда бандитов, захватили важные документы. Но Уланов – как в воду канул.

*

–...Ну вот мы и встретились с тобой, Уланов, – сказал один из главарей бандеровцев. – Видишь ли, вы не рассчитали: шли захватить Романа и попали в западню нашей боевки. А возглавляет ее Довбня. Слышал о таком? Ты храбрый, Уланов, стало быть, давай поговорим по-мужски: я буду спрашивать, а ты – отвечать. Договорились? Прежде всего нас интересуют методы работы госбезопасности, организационная структура, количество отделов, имена руководителей. И потом еще – кто вам помогает из местных жителей? Я слушаю... Ты молчишь? Но это ж несерьезно! Ты думаешь, мы напрасно спасали тебя, напрасно снова сделали похожим на человека?

Черный от ожогов чекист стиснул потрескавшиеся губы.

– Что ж, хочешь поиграть в молчанку – играй. Но предупреждаю, сейчас ты запоешь...

Уланова схватили два охранника и начали медленно загонять ему под ногти большие иглы. Лицо чекиста покрылось испариной, стало бледным как мрамор. Он терял сознание. Откуда-то издали до него доносился голос:

– Какие операции готовит против нас райотдел госбезопасности? Кто из крестьян помогает вам?

– Напрасно... стараетесь...

– Сделайте ему удавку, панове... – с улыбкой сказал Бородач.

На шею Уланову набросили петлю и начали медленно закручивать палкой веревку. Комната поплыла перед глазами. Утонула в кровавом тумане...

Уланов не скоро пришел в сознание. А когда собрался с силами, морщась от боли и отвращения, плюнул в физиономию бородатому.

И снова – пытка.

Его подвешивали за руки к потолку, зажимали пальцы в дверях.

Ночью Уланов бредил. В фантастических видениях мелькали перед ним улицы Москвы, метрополитен, где он когда-то работал, потом все подернулось дымкой...

На следующий день Бородач приказал собрать руководителей боевок – он решил дать им пропагандистский урок.

– Ну хорошо, Уланов, – начал в их присутствии Бородач. – Не хочешь выдавать своих секретов – не надо. Давай выясним, почему так резко расходятся наши взгляды. Мы, украинские патриоты, хотим своей земле добра. Мы боремся за это. Наши идеологи доказали, что Украина должна быть соборной и независимой. И мы здесь боремся за эту идею. А ты? За что борешься ты, за что мучаешься? – Бородач сделал паузу. – Молчишь? Молчишь потому, что тебе нечего сказать! – он торжествующе оглядел своих сообщников.

Уланову было тяжело не то что говорить, ему трудно было даже думать. «Я не должен... молчать. Иезуиты... проклятые. Нужно... говорить».

– Мы стремимся к одному, – брызгал слюной Бородач, – освободить Украину!

– Стремитесь... сесть... на шею народу, – вдруг сказал Уланов. – Старая песня... А что им... вот этим обманутым ребятам несет ваша идея? Будут работать на вас... кулаков. Плюньте, хлопцы, на этих кровопийц... Вам с ними... не по пути. Идите к нам.

– Заткнись! – крикнул Бородач. – Смотрите на этого коммуниста, на этого фанатика! Их стрелять, жечь нужно!

– Вот и вся ваша философия – стрелять... жечь... Но далеко с ней вы не уедете...

*

Заграничный эмиссар Бородач переживал свою неудачу с «показательным пропагандистским уроком». Ущемленное самолюбие не давало ему покоя. Он выпил самогонки. Потом еще. Никак не мог избавиться, от взгляда Уланова, преисполненного ненависти и презрения. Захотелось жестоко отомстить чекисту, придумать для него изощреннейшие пытки.

«Зачем я пришел сюда, на Украину, через границу? Поднять боевой дух в боевках? Так это все равно, что вычерпывать ведром море. Показать слабость пленных коммунистов?..»

Бородач злобно выругался. Ему не удавалось ничего сделать с этим непонятым, непостижимым Улановым. Ведь перепробовали все. Если бы ему кто-то сказал, что человек продолжал молчать и после удавки, – не поверил бы.

«Что ж, очевидно, есть в этих коммунистах нечто такое, чего мы не учитываем. Откуда эта уверенность, эта немыслимая твердость? Почему за ними, а не за нами идут люди?! Уходит из-под ног земля, опускаются руки. Что будет дальше? Что ждет нас в будущем?»

Бородач опять налил в кружку самогонки, выпил, не закусывая. Хотелось забыть обо всем, но почему-то хмель не брал его. Во дворе слышались пьяные голоса его «хлопцев».

«Э-э-э, все они, паскуды, бояться за свою шкуру! Надеяться на них – напрасное дело. Где воинственное настроение, где результаты подпольной работы? Неужели людям ближе идеи этих коммунистов, нежели идея соборной Украины? Мужичье, быдло – землю им отдали советы. И мои собственные морги тоже поделили! За них я готов горло перегрызть. И буду грызть, буду убивать, жечь! За свои морги, за утраченную сладкую жизнь, за это жалкое прозябание буду мстить безжалостно!»

Эмиссар не мог понять простой истины: если ты пошел против народа – народ тебя уничтожит. Об этом многократно свидетельствует история.

*

...Бандиты привели чекиста в лес. И вдруг Уланов остро почувствовал зов жизни. Хотелось еще раз увидеть Клаву, детей, друзей. Пронзительно остро пахли сосны. «Земля моя! Я твоя песчинка... твой нерв... твоя кровь...»

Уланова распяли на большом дереве, обложили хворостом. Боялся ли он смерти? Нет, он старался не думать о ней. Он уже не чувствовал боли в размозженных руках. Перед мысленным его взором предстал светлый солнечный день Первого мая. Москва... Он на Красной площади... Вот она вдруг расцветает красными маками... А вот они с Клавой, взявшись за руки, идут по полю, и она смеется радостно и звонко...

Пламя пылало под ним сильно и ярко, оно поднималось все выше, лизало мощные плечи, грудь, сильные мускулистые руки. Но из пламени, ярче пламени, вдруг вспыхнули яростным огнем прекрасные человеческие глаза.

– Будьте прокляты, изверги! Да здравствует... коммунизм!

*

Прошли годы, давно канули в Лету «бородачи» и жалкие их прихлебатели. Много раз прорастала земля хлебами, травами и цветами. Много раз приносили в дом радость натруженные руки хлебороба. Родились дети, они стали юношами, которые нынче фиолетовыми вечерами целуют счастливые девичьи губы. И Федор Уланов, так просто и сильно любивший свою землю, сам стал ее частицей – стал зерном в пшеничном колосе, каплей росы на зеленых ветвях.

В тех местах, где погиб чекист, звонкоголосые пионерские дружины соревнуются за право носить его имя. В городе Турке появилась улица имени Федора Уланова. Живут его сыновья и дочь – с улановской кровью в жилах.

ЕВГЕНИЙ КЛИМЧУК ВЫСТРЕЛА НЕ БУДЕТ

ТРОЕ ДУМАЮТ НАД ПИСЬМОМ

Под лучами мартовского солнца с красных крыш сползал последний рыжеватый снег. В город вступала весна, пьянящая, всемогущая. Весна всегда приносит хорошее настроение, а с

ним – новые мечты, желания, планы...

Мысли Ивана Ивановича оборвал требовательный телефонный звонок.

– Слушаю!

– Товарищ полковник! Это капитан Середа из Мостиски. Разрешите прибыть. Необходимо доложить лично вам, – долетело из трубки.

Начальник райотдела Комитета государственной безопасности капитан Середа – опытный чекист. Он зря беспокоить не станет. Что же произошло?

– Приезжайте!

Начальник отдела управления КГБ по Львовской области полковник Иван Иванович Чубенко пригладил волосы, тронутые сединой, и сел за бумаги.

Прошло немного времени, и в кабинет вошел сухощавый, подтянутый капитан Середа. Он сразу же начал докладывать:

– Три часа тому назад на станции Мостиска в экспрессе Варна – Бухарест – Варшава у пассажира Романа Григулы таможенники нашли золотой перстень с бриллиантом... в объективе фотоаппарата. Григуле предложили сойти с поезда, чтобы внимательнее проверить его багаж. Он было возражал, спорил, но пошел. Золота, других драгоценностей больше найдено не было...

– Обождите, товарищ Середа, – перебил полковник. – Значит, безосновательно оскорбили пассажира Григулу, да еще и с поезда сняли? А теперь продолжайте... Но не спешите, – полковник усмехнулся и этим как бы поддержал Середу.

– В кожаном чехле транзистора «Селга» у Григулы обнаружено письмо на польском языке.

– Письмо изъяли? – полковник слегка придвинулся к Середе.

– Нет. Вот фотокопия. После проверки Григула на несколько минут отлучился, а один из таможенников решил послушать звучание «Селги»... и обнаружил письмо, которое сразу же передал нам. Григула об этом не знает.

Полковник углубился в фотокопию документа. Какой-то Янек писал своему дяде. Благодарил за полученные известия и подарки, за новый адрес. Он просил организовать дальнейшую переписку через друзей в Польше, рекомендовал присмотреться к «сестре Лесе», с которой Янек когда-то учился в гимназии. О себе автор сообщал, что работает, как и раньше, «на пользу общего дела», но, к сожалению, дети теперь не те и уже давно перестали слушаться родителей. И все же он, несмотря на трудности, не теряет надежд на будущее. Ожидает племянницу, которую очень хочет увидеть. По его мнению, она могла бы приехать в гости как туристка в июле или августе. Он был бы очень полезен племяннице... Обычное письмо. Сколько таких пишут ежедневно? Для простого глаза – ничего интересного, подозрительного в письме нет. Но адресовано оно в город Нюрнберг...

– Солдатенштрассе, 84, Андрею Шусту! – многозначительно подчеркнул Середа. – Вот почему я и хотел доложить лично.

– Да, снова Шуст, – медленно выговорил полковник...

Для обоих не было секретом, что адрес подставной и используется американской и западногерманской разведками в качестве «почтового ящика» для переписки с бывшими оуновскими головорезами на Украине. Знали они и человека, стоящего за никчемным пьяницей Шустом.

– А обратный адрес указан? – спросил полковник.

– Да. Варшавский. Вымышленный. На письмо надо было только приклеить марку и опустить в почтовый ящик в Варшаве.

– Значит, письмо предназначено К-3, «референтуре связи с краем», а точнее Ивану Паськевичу. Григула... Кто он такой? Вы заинтересовались?

– Ему 44 года, – четко, но спокойно докладывал Середа. – Работает бухгалтером на одном львовском заводе. В Польшу едет третий раз по приглашению сестры. Она в Зеленой Гуре живет. Вот пока что все...

– Когда Григула должен выехать в Польшу?

– Завтра в четырнадцать тридцать.

Полковник снял трубку.

– Пригласите ко мне майора Панчука! – Посмотрев на письмо, добавил: – Вместе с ним срочно займитесь проверкой личности Григулы. Главное – как можно скорее определить его бывших и нынешних друзей. Нужно разобраться, кто же автор письма, выступающий от имени

Янека. Письмо и вправду с начинкой...

*

Конечно, можно было бы сразу конфисковать письмо, ибо перевозить корреспонденцию за границу запрещается, и приступить к допросу Григулы. Но что бы это дало? Ведь нет никаких гарантий, что он знает Янека, его «дядю», «племянницу». Возможно, он их и не знает, а человек, выступающий от имени Янека, использует Григулу через вторых, а то и через третьих лиц. Нет, это не подходит...

К вечеру майор Панчук и капитан Середа доложили о Григуле интересные сведения. Оказалось, что во время оккупации этот солидный немолодой человек с тоненькими усиками, смотревший с фотокарточки на полковника, служил в организованной гитлеровцами сельской полиции. До 1947 года Григула находился в банде оуновского палача Серого, который бежал в Западную Германию с награбленным на Львовщине золотом и драгоценностями. Когда банда Серого была блокирована со всех сторон и бандитов начали вытаскивать из схронов, в Каменко-Бугский райотдел милиции пришел с повинной бандит Григула, носивший тогда кличку Волохатый. Он даже показал несколько пустых бандитских бункеров, в которых раньше прятался Серый. Работники милиции и государственной безопасности не сразу поверили откровенности Волохатого, но помогли ему начать новую жизнь, устроиться на работу. Вскоре Григула выехал во Львов, поступил работать на завод, получил квартиру. Он ничем не отличался от других рабочих предприятия. Его никто не упрекал прошлым, и он жил так же, как и другие рабочие и служащие завода.

«Так почему же он снова начал вредить государству, которое было к нему столь гуманным? – спрашивали чекисты. – Почему его снова потянуло к садисту Серому, к Шусту, ведь на их руках кровь невинно замученных женщин, детей и стариков, которых находили в колодцах на протяжении еще двух десятилетий после разгула фашистских наймитов?»

Ответа на это пока что дать никто не мог.

...Город уже спал, когда Чубенко пошел к начальнику управления. В большом, просторном кабинете спокойно, по-дружески беседовали два посевевших чекиста. Каждая деталь задуманной операции анализировалась, оценивалась, сопоставлялась. Взвешивались все «за» и «против». Проведение операции, которую тут же называли «Выстрела не будет», начальник управления решил поручить Панчуку и лейтенанту Загайному.

К КОМУ ВЕДУТ СЛЕДЫ

Мирно стучат колеса. Пролетают рощи, овраги, дома, заводы, фермы, линии электропередач. Под стук колес легче думается, особенно когда у человека хорошее настроение. Поезд мчался к станции Мостиска, и Григула, возвращаясь домой, радовался не только тому, что везет подарки жене, дочери, родственникам. Третья поездка тоже окупится. Кое-что можно будет продать. Это не беда, что нашли перстень с бриллиантом. Сумел провезти главное – письмо Профессора. Незаметно опустил его в Варшаве. Теперь Профессор должен стать добрее. Рисковал же собственной головой не он, а Григула... Попробуй не выполни – поплатишься жизнью! Вместе же когда-то за «соборну и самостийну» боролись. И всплыла в памяти картина из прошлого, 1946 год. Холоевский лес.

Григула содрогнулся... Тогда привели в схрон молоденькую учительницу. Всего несколько дней как она приехала с Житомирщины в соседнее село, обходила дворы крестьян и записывала детей в школу, выступила на митинге. Профессор, который тогда укрывался на базе банды Серого, приказал схватить ее. А за неделю до этой «акции» Серый ограбил аптеку и вместе с лекарствами принес сорок ампул быстродействующего яда. Профессор обрадовался: «Уничтожим коров во вновь созданных колхозах, а заодно и некоторых активистов на тот свет отправим...»

И когда Оксана Петренко, придя в себя после бандитских истязаний, попросила воды, Профессор, глядя зелеными, будто стеклянными глазами на Волохатого, велел подать ей кружку.

Девушка выпила... Ее крик разрывал Григуле душу, но Профессор приказывал не отворачиваться, чтобы «укреплять силу духа». С тех пор Григула не мог смотреть на своего

главаря. А глаза девушки не дают ему покоя и сегодня.

Поезд остановился. Григула еще не успел поставить на перрон чемоданы, как попал в объятия старшей дочери и жены.

– Таточку, а мы для тебя уже заказали такси! – суежилась жена. – Страшно скучали! Целый месяц ждали тебя...

Настроение было хорошее еще и потому, что на этот раз таможенники не долго рылись в содержимом чемоданов, а в конце еще и пожелали всего наилучшего. Уже под вечер, после вкусного обеда с чаркой и рассказов о жизни родственников в Польше, Григула вышел на прогулку. Вместе с младшей дочерью он долго гулял по аллеям Высокого Замка. Сидели на лавочке, весело шутили, а когда наступили сумерки, возле телевизионной вышки с Григулой поздоровался высокий, представительный мужчина.

– Ты, доця, иди вперед, немного побегай, а я с дядей поговорю...

До десяти вечера ходили они по аллеям парка, но, конечно, и не подозревали, что утром об этой прогулке будут детально докладывать полковнику Чубенко.

Докладывали майор Панчук и лейтенант Загайный. Майор положил на стол фотокопию письма, написанного Янеком, образцы рукописей и заключение эксперта, что все это исполнено одним человеком. А Владимир Загайный добавил к делу несколько фотоснимков двух солидных граждан, которые вчера вечером гуляли по аллеям старинного парка.

Чекисты уже знали: новый знакомый Григулы – Петр Стасив, которого когда-то в банде величали Профессором. С ним полковник Чубенко познакомился еще летом 1948 года. Сынок богатого львовского адвоката, имевшего несколько собственных жилых домов, как и отец, злобно ненавидел «советы». Адвокат мечтал о «самостийной», в которой он был бы, по крайней мере, министром. А сыночка своего начинал писаниной донцовых, маланюков и прочих националистических вдохновителей, готовивших в Галиции почву для «твердой власти» – фашизма и неплохо на этом гревших руки.

Сынок был «патриотом». Входил в состав так называемой экзекутивы юношества, носил «мазепинку» и постепенно возвышался в националистических кругах. А во время войны и совсем превзошел своих сообщников, вступив в батальон «Нахтигаль».

Он умел легко перевоплощаться в солидного или откровенно циничного, спокойного или нахального – и все в зависимости от того, с кем имел дело. Когда его «боевку» окружили в схроне, он не задумываясь выпустил в своих побратимов-охранников очередь из немецкого автомата и начал выкрикивать бойцам органов безопасности, чтобы не кидали гранат, не стреляли, потому что он хочет жить...

Во время следствия плакал, пытался играть роль невинного, обманутого человека, который лишь слепо выполнял волю главарей. Много злодеяний Стасиву удалось скрыть. И военный трибунал сохранил ему жизнь, осудив к 25 годам лишения свободы... А в 1956 году Стасива освободили, и он вновь появился в своем особняке, где жили жена и двое уже взрослых детей. Приехав во Львов, он сразу направился к полковнику Чубенко с просьбой помочь устроиться на работу.

– Гражданин полковник, уверяю вас, что за восемь лет тюрьмы и лагеря я многое передумал. Оуновский провод обманывал нас. У меня никогда не поднимется рука на Советскую власть. Хотите, я это скажу открыто, даже в газете, пусть только опубликуют. Свое прошлое я проклинаю... А может быть, я еще смогу быть полезным органам безопасности? У меня же за границей остались близкие друзья, они в проводе занимают высокое положение.

– Ваши заверения мы примем к сведению, но в услугах не нуждаемся. Вопрос о работе и прописке в городе решайте на законных основаниях, – ответил тогда полковник.

И вот снова знакомый почерк бывшего оуновского верховоды. Теперь он уже Янек...

Значит, мы правильно поступили, дав Григуле возможность провезти письмо за границу. Но кто такая Леся? Операция приобретает довольно зримые очертания... Будем думать... Шуст и Паськевич из референтуры К-3 недавно подготовили и заслали на Украину и в Польскую Народную Республику группу оуновских эмиссаров. Часть из них после перехода границы добровольно явилась в органы госбезопасности. Леся в Польше... Янек-Профессор ее хорошо знает... Ясно, что он и его соучастники в отношении Леси договорились заранее... Но как?

И снова сотрудники госбезопасности напряженно думали, сопоставляли факты, события. Снова – поиски, волнения, бессонные ночи, анализ деталей из жизни Профессора, Волохатого,

Шуста. Знакомство с разными людьми. Тяжелый, напряженный труд, который требует настойчивости, большого внимания и осторожности. Труд, обеспечивающий мир и безопасность Родины.

СОГЛАСИТСЯ ЛИ ЛЕСЯ?

Доцент Львовского университета Василий Иванович Горовой после лекции спешил на кафедру. Нужно было позвонить домой и предупредить, что задерживается. Его, как бывшего активиста участника партизанского движения, пригласили на встречу ученики. А школьникам Василий Иванович отказать не мог, хоть и перегружен работой.

На кафедре его ожидал бывший студент Панчук. Горовой обрадовался, начал расспрашивать о здоровье детей, супруги.

– Почему это мы, дорогой товарищ, давно не виделись? Давно! А вы возмужали. Минутку... Я позвоню домой, а потом мы с вами побеседуем. Был у меня товарищ ваш, который работает в районе. Семен Шевчук. Мы с ним так засиделись, что и на лекцию пришлось опоздать. Прекрасный, замечательный у вас друг...

Пока Горовой говорил по телефону, Панчук обдумывал, с чего начать. Усилиями многих работников государственной безопасности было установлено, что Леся, сестра доцента, когда-то была связной у Стасива. Правда, она уже давно отошла от оуновцев, вышла замуж, стала матерью двух детей.

– Василий Иванович! У меня к вам неотложное дело. Оно касается вашей сестры.

Доцент удивленно приподнял густые брови.

– Два года тому назад я гостил у нее. Живет хорошо. А что касается ее прошлых ошибок, то ведь это давно прошло, теперь она совсем другая...

– Вы не волнуйтесь, Василий Иванович, но бывшие главари снова вспомнили о Лесе и пытаются втянуть ее в грязное дело, – добавил Панчук.

– Как? – удивился Горовой. Он начал нервничать. – Неужели такое может повториться? Я этого не позволю! Я сам к ней поеду. Никому не дано права разбивать ее счастье! В последнем письме она просила приехать в гости, но у меня много работы. И я не торопился. Но раз такое дело – поеду обязательно!

– А возможно, спешить не стоит? Вы к ней приедете, испугаете сестру и этим навредите делу.

– Как же поступить? Я не хочу, чтобы она снова связалась с этими подонками. Достаточно того, что ее обманывали раньше... Вот я поеду в Перемышль...

– Возражать не буду. Но перед отъездом нам, Василий Иванович, надо было бы обменяться мнениями.

Горовой выступил в школе. А вечером, у себя дома, рассказал Панчуку много интересного из жизни Леси: как обманым путем втянули ее в ОУН, о своих родителях, которых замучили бандеровцы, узнав о партизанских листовках, запрятанных Василием Ивановичем дома. Тогда он считал, что все это произошло случайно, но позже оказалось, что выдал провокатор, который ухаживал за Лесей.

– Я не верю, что Леся согласится сотрудничать с националистами! – твердо заявил Горовой.

– Очевидно, она все вам расскажет. Возможно, с ней уже говорил кто-то из оуновцев. Они, вне сомнений, уже проверили Лесю, знают о ее нынешних взглядах и поэтому могут отказаться от нее. Если поедете, постарайтесь найти правильный тон в разговорах с сестрой, не беспокойте ее.

На следующий день Горовой позвонил Панчуку. Он сказал, что договорился с деканом о двухнедельном отпуске и хотел бы как можно скорее выехать к сестре. А вечером оба они встретились с Чубенко. Их разговор был долгим и неторопливым. Еще и еще раз обсуждали все детали поездки. Чекисты советовали Горовому, как беседовать с сестрой, чтобы выяснить, чего хотят от нее оуновцы. В общем надо было сделать так, чтобы Леся помогла вскрыть новую аферу продажных политиканов, доживающих свой век на подачках иностранных разведывательных служб. Нужно убедить Лесю в этом.

Через три дня Горовой выехал в Перемышль.

*

Профессор и Волохатый виделись очень редко. Для встреч выбирали неприметные кафе или заброшенные скамейки. И каждый раз на другом месте. Но с каждой очередной встречи Профессор уходил неудовлетворенным. Григула не мог найти надежной квартиры, где можно было бы встречаться и принимать представителя провода. По дороге домой Стасив молча спорил с собой: «Григула постарел, отпустил брюхо, боится. Люди совсем изменились, стали мелочными, потеряли веру в соборную Украину. Григула никуда не годится, он трус... Однако дело не в Григуле. Он действительно предан тебе, хочет помочь, но люди стали другими, живут лучше. Посмотри, как строят новые дома, как растет их культурный уровень. Учатся в школах, в вузах. Советская власть дала им многое... Это уже не бывшая Галиция, где перед богачами издали шляпы снимали... Люди научились думать, раскусили политику оуновцев... Мы стали банкротами...»

Но то, что в отцовских трех- и четырехэтажных домах живут простые рабочие, от которых Профессор теперь не может получить ни гроша, его бесило, доводило до иступления:

«Резать, вешать, выкалывать глаза! Мстить за потерянное! В этом смысл жизни! Уничтожать отступников, приспособленцев... Молодежь, молодежь надо брать под свою опеку, потому что старики уже ни на что не способны...»

Но и в этом Профессору не везло. Иногда пробовал за чаркой намекать своим же детям или их друзьям «положить голову за идею», но в ответ они откровенно смеялись:

— А зачем нам эта ваша «идея»? Мы учимся, работаем. Никто не возбраняет нам воплощать в жизнь наши мечты. У нас свое государство, свои интересы и все, что нужно для настоящей жизни.

«Отщепенцы, лжепатриоты!.. — ругался в душе с собственными детьми, которые не хотели его понять. — Чужие, оборотни. А была же, была молодежь, которая шла в дивизию СС «Галичина»! Эх, где же она, молодежь? Тогда все говорили о походах, о саблях, о будущих победах, а теперь о футболе и театре, о выставках картин! Разве это молодежь?»

И он выходил на улицу, шел в центр города. Заглядывал в церковь и смотрел, как кланяются старые женщины, вымаливая что-то у бога. Бродил по паркам. Иногда встречал знакомых, с которыми учился в гимназии или сдавал зачеты в университете, реже — бывших «патриотов», дружков по кровавым акциям «Нахтигалья». Ведь ротой командовал! Большинство избегали встреч или вообще отворачивались. Но были и такие, которые, оглядываясь по сторонам, быстро шепотом сочувствовали: «Пане Профессор? Да к чему же все это идет? До каких же пор судьба будет издеваться над нами? Такая неопределенность, такая неразбериха, нужда... Не откажите, возьмите пятерочку. Больше не могу. Но знайте, я всегда был сознательным... я всегда с вами. Боже, какое бы положение вы занимали, если бы не советы...»

Таких ненавидел еще больше. Вернувшись домой, скрежетал зубами, метался по комнате, куда в это время запрещал заходить даже жене. Не спал. По ночам вспоминал прошлое, сжимал кулаки:

«Еще придет мое время! Вы еще сапоги у меня лизать будете! На пятерку расщедрился, хам! А где же их честь, где совесть? Почему молчат? Подождите, свиньи! Меня в беде не оставят, В проводе знают, кто я такой. Григула опустил в Варшаве письмо! А это, господа-товарищи, доллары, о которых вы и не мечтаете! Я еще подожду! Леся должна отозваться...»

И ожидал, предаваясь приятным воспоминаниям, когда он пулями затыкал рот каждому, кто пытался стать ему поперек дороги. Профессор смело шел к своей цели, к власти, к славе, хотя и приходилось ему ступать по колени в крови. Об этом хорошо знали там, в Мюнхене! Об этом знали и здесь, во Львове. И чекисты внимательно и осторожно изучали его каждый шаг, понимая, сколько горя может принести Профессор советским людям.

ПРОФЕССОР НАГЛЕЕТ

Требовательный звонок заставил Стасива быстро выбраться из ванны. Набросив халат, он кинулся к прорези в дверях. Внизу, за металлической сеткой, увидел мужчину в фетровой шляпе.

Снова принесло кого-то из домоуправления. Ишь ты, с папкой...

Дома никого не было, и Профессор должен был сам спуститься вниз к воротам особняка, Свои никогда не звонили, имели ключи.

– Уважаемый пан Стасив?

– Да, это я.

– Извините, я к вам на минутку. Только что приехал из Польши, сестру проводывал. Она там заболела, да, слава богу, врачи спасли. К ней заезжал один господин из Америки, турист, и оставил для вас посылочку...

– Прошу вас, уважаемый! Заходите в гостиную. Вы уж извините. Я дома один. Дети на работе, жена на базар пошла... Проходите, я придержу собаку. А то она у нас не лает, а сразу... зубищами. Сохрани боже, такого гостя укусит. Видите, собаку держать приходится, а то разные бродяги шляются...

Пока Стасив придерживал волкодава, Горовой быстро прошел к широкой веранде.

– Рад вас видеть! Будьте любезны, раздевайтесь. Ведь вы же брат Леси? Я вас сразу узнал. Но постарели... Тяжелые годы пережило наше поколение! Правда, вам повезло больше. Слышал, как вас любят и уважают. Такими людьми край наш может только гордиться! А я вот, видите, вовремя не сориентировался, и теперь. Вы же, очевидно, помните, что никто лучше меня не знал римского права. Я тоже мог бы стать ученым. Люблю право... М-да, значит, жива-здорова Леся? Детки есть? Прошу, уважаемый, садитесь на тахту. Лесю мы все так любили... Какая была девушка! Умница, красавица! А училась, а пела как! Очень приятно, что она и детей воспитала, и мужа имеет хорошего. Рад за нее, от души рад! А как ваши успехи? Слышал, что докторскую защищать собираетесь... Поздравляю, поздравляю. Желаю вам всего наилучшего в жизни, новых горизонтов в науке! О себе говорить не стану... Сам, очевидно, виноват, что оказался в таком положении. Но и время было такое, тяжелое, смутное... Кто знал, к какому берегу приставать... Вот и вернулся из лагеря. Грехи отработывал. Теперь на службе... Вы не откажете выпить со мной рюмочку?

– Спасибо, но меня ждут студенты. Я перед лекцией выбежал. Лесю попросили через кого-нибудь передать вам деньги и письмо. А я как раз приехал по ее вызову.

– Одну, хотя бы маленькую!

– Большое спасибо, но не могу! Работа. В другой раз. Будьте добры, посчитайте деньги. Ровно пятьсот рублей. А вот и письмо от вашего дяди.

– Вы встретили там дядю?

– Нет, я приехал позже. Письмо уже давно лежало. Не с кем было передать. А я Лесе не мог отказать. Почему не сделать доброго дела? Ведь вы теперь политикой не занимаетесь. Ну, счастливо вам! Авось когда-нибудь встретимся...

Стасив снял с вешалки плащ, помог гостю одеться, подал шляпу и проводил Горового до ворот. А когда тот скрылся за поворотом, быстро схватил письмо, долго рассматривал конверт, даже обнюхал его, и, наконец, осторожно вскрыл.

«Не мог, говорит, отказать сестрице. Письмо пришло по адресу. Все отлично. Значит, Леся снова наша! А то, что ответ принес сам, – тоже хорошо. Таким образом, не все еще потеряно. Теперь я знаю, что делать. А если донес? Нет! Не захочет, чтобы его и сестру тягали...»

Стасив приступил к расшифровке текста. Карпьяк прислал 500 рублей. Это родной брат отца, давний член провода, выехавший в Америку. Шифр знал только Шуст и он... Если кто и читал письмо, то, конечно, содержания понять не мог.

«Отозвались! А вы думали я зря сидел, зря мучился, дружил с зеками? Я думал!»

*

А на столе полковника уже лежала фотокопия «невинного» письма, в котором некий Карпьяк сообщал своему племяннику, что он приехал в Штаты и купил ферму. Постепенно она начала давать прибыль, и теперь у него появляются доллары, которые не знает, куда девать. Супруга умерла. Детей нет, живет сам. Как мог, расхваливал свою ферму, урожаи, породистых коров. Детально описывал красивые поля вокруг фермы. Слов не жалел. Но расшифрованный текст оказался коротким:

«Дорогой друг! По твоей просьбе в августе во Львов на три дня придет дочь

Степана Ясинского – Дарья. Едет как туристка. Ты ее видел девочкой. Теперь ей 27 лет. Блондинка, рост 172, на левой щеке – красноватая родинка. Никуда не отлучайся до 13 августа. Из Одессы получишь от нее поздравительную открытку. Это означает: встреча через три дня в 20.05 около памятника Килинскому в Стрыйском парке. Цель первой встречи – опознать друг друга и убедиться в отсутствии слежки. Следующая – на второй день – в Музее украинского искусства в 14 часов. Говорить можешь обо всем. Подготовь все для передачи. Верим в тебя и гордимся твоей стойкостью».

А теперь докладывал Панчук:

– Как только Горовой приехал, сразу же позвонил мне. Мы встретились. Как мы и предполагали, за несколько дней до его приезда Лесю посетил их бывший знакомый Петр Карпак. Это пожилой человек, эмигрировавший в Штаты еще в 1934 году. Теперь появился в Польше как турист. Побывал в Татрах, на Балтийском взморье, а потом уже отправился домой. Долго расспрашивал Лесю о родственниках, особенно о брате. Интересовался своим племянником Профессором и другими бывшими участниками подполья на Украине. Леся не скрывала своего отрицательного отношения к ОУН, и, видимо исходя из этого, Карпак ничего не говорил об организационных делах оуновцев за границей, больше рассказывал о своей ферме, вспоминал отца Леси, с которым дружил в детстве.

Хозяйка тепло приняла своего земляка, накрыла на стол, познакомила с мужем и детьми. Во время обеда Карпак попросил Лесю передать его племяннику посылочку, но сделать это осторожно, чтобы не навлечь на него беды. В пакете мелочь – немного денег, но ведь и это может вызвать неприятности. Племянник «у них» на подозрении: в лагере сидел, отбывал срок. И если узнают о пакете, снова начнут таскать, потребуют объяснений, от кого деньги, зачем.

«Пусть уж меня бог осудит, но не хочу я причинять племяннику новые неприятности! Если хотите, можете прочитать письмо. В нем ни капли политики. Я человек старый, одинокий, и мне не к лицу игра в подполье. А хочется хоть что-нибудь доброе сделать для родственников. Может быть, кто-нибудь заедет из Львова, очень прошу – пусть передаст. Племянник у меня самый близкий человек. Хоть он меня добрым словом вспомнит, свечку в церкви поставит, когда умру... уж очень плохо чувствую себя...»

– Леся не могла отказать, – продолжал Панчук. – В это время и брат подоспел. Если бы кто другой заехал – она тоже передала бы.

– А Профессор не заподозрил Горового? – спросил полковник.

– Естественно, у старого конспиратора не могут не возникнуть сомнения по этому поводу. Но Горовой явился сам, а не пересылал, не передавал через кого-то деньги и письмо. А это, если исходить из психологии Профессора, дает ему возможность шантажировать Горового. Думаю, у Профессора сейчас отличное настроение. Он уже успел повидаться с Григулой и приказал ему найти квартиру. Теперь он начнет действовать увереннее. Весьма возможно, что старая лиса и сама явится к нам с письмом, чтобы убедиться в своей безопасности, успокоиться. Потом, по-видимому, начнет шантажировать Горового.

– Если это произойдет – значит, мы смогли предупредить развитие событий. А ошибаться мы не имеем права. Теперь на очереди Дарья Ясинская, дочь агента фашистской разведки. Посмотрим, кого воспитал бывший владелец ресторана, устраивавший у себя сборища оуновцев... Как вы думаете, Володя Загайный сойдет ей за «жениха»? Парень хотя и молодой, но в сложных ситуациях проявил себя неплохо. Согласны?

– Добро! – ответил уставший Панчук.

А на следующий день на прием к Чубенко попросился Стасив.

Выслушав Профессора, чекист внимательно прочитал письмо и, успокаивая взволнованного посетителя, сказал ему на прощание:

– Мы вам поверили. А теперь еще раз убедились, что вы человек слова. Работайте спокойно. А деньги расходуйте на свое усмотрение...

Профессор был доволен. Леся и Горовой, конечно, ему еще быгодились. Но – своя рубашка ближе к телу. Если Горовой даже донес и чекисты сумели прочесть письмо, то Стасив принял меры предосторожности – явился сам. Если же нет, то после встречи с Ясинской он заменит шифр, подберет другие подставные адреса, найдет более надежные способы связи...

Стасив не верил «своим» людям. Понимал, что провал возможен в любую минуту... Но

теперь он успокоился и впервые за много лет признал себя разумным человеком, который смелым и решительным ходом окончательно дезориентировал чекистов.

А Чубенко стоял у широкого окна кабинета, смотрел вслед Профессору и думал, сколько горя и крови принесли Стасив и его приспешники нашему народу. Полковник хорошо понимал, что в лице Профессора органы госбезопасности имеют дело с хитрым и опасным врагом. Знал, что права на ошибку у него не должно быть...

«СИМПАТИЯ» ЗАГАЙНОГО

Океанский лайнер медленно разрезал зеленые волны и пришвартовался к причалу. Сотни разноязыких пассажиров в ярких одеждах, размахивая руками, шляпами, платочками, приветствовали одесситов.

...Среди встречающих был и смуглый парень в белой нейлоновой сорочке. Он тоже дарил улыбки, тоже размахивал руками, что-то выкрикивал. Правда, он не рвался к трапу, не раскрывал рук для объятий. Но на набережной, при заходе больших кораблей, всегда найдется много желающих порадоваться красоте океанских «посудин». И особенно во время курортного сезона. Смуглый юноша с глубокими карими глазами относился именно к ним.

Играя роль безразличного отдыхающего, он тем не менее внимательно следил, как сходили на берег американские и немецкие туристы. А вот и та, которую ожидает Владимир, – блондинка с красноватой родинкой. Володя рассмотрел ее и пошел своей дорогой.

В тот же день блондинка с группой американцев под руководством всезнающих гидов начала знакомство с Одессой. Она, видимо, интересовалась балетом, ибо побывала в помещении Одесской оперы, долго гуляла по Дерибасовской, как и другие туристы, ходила по магазинам. Только на третий день, когда ее соотечественники пошли на фабрику сувениров, отпросилась ремонтировать сбитый каблук. Она быстро нашла мастерскую, где наскоро починили ее туфельку. А оттуда трамваем поехала на пляж, искупалась и снова побрела тихими, малолюдными улочками. Несколько раз оглядывалась, перед зеркальцем, вмонтированным в кожаную сумочку, красила губы, проверялась. Наконец решила: все в порядке, ничего подозрительного. Успокоилась. Зашла в небольшое почтовое отделение, купила открытку, что-то написала и бросила в ящик. А потом не спеша пошла к трамвайной остановке. Это и была Дарья Ясинская. На следующий день после завтрака туристы выехали автобусом на пляж. Искупавшись в море, начали играть в волейбол. К ним присоединились и другие отдыхающие – парни, девушки и среди них высокий юноша в темных очках и голубых плавках.

– Эй, красавица с родинкой, вам пасс!

В ответ – благодарный взгляд, улыбка. Еще несколько подач... А потом море. Они плывут почти рядом. Тактичный, вежливый молодой парень. Нельзя не спросить, откуда он...

– Галичанин! – звучит ответ. – Приехал из Львова в командировку.

– Неужели? – обрадовалась Дарья. – И я родилась во Львове, но еще маленькой родители вывезли меня в Штаты. Львов! Там на каждом шагу архитектурные памятники, каждое здание имеет свое, только свое лицо!

Она даже пропела приятным альтином:

Стрийський парк, давно минулі дні
Нагадують мені давно минуле щастя...

А потом похвалилась:

– Я окончила колледж и теперь работаю в научной библиотеке. Живу с родителями и младшим братом. А вы?

– Я окончил политехнический институт. Инженер-экономист. Работаю в плановом отделе строительного управления. Приехал на несколько дней для закупки стройматериалов. Днем работаю, а утром и вечером – обязательно море! Когда-то в детстве мечтал стать капитаном. Но, как видите, стал экономистом! Моря близко не было. К слову, я холостяк! – и он показал ослепительно-белые зубы.

– В таком случае, надеюсь, вы не откажете показать мне город?

Володя снова улыбнулся.

– С большой радостью! А где мы встретимся?

И вечером они долго гуляли по освещенной набережной, весело болтали о старом и новом Львове.

– Вы знаете, когда я уже собралась в дорогу, мама решила меня не пускать. Она слышала, что здесь у вас на каждом шагу большевистские агенты. Я не поверила, но, скажите, это правда?

– Конечно! Вот, посмотрите. Сзади нас две девочки в розовых платьицах. Те, которые у витрины что-то рассматривают. Это настоящие агенты. А слева, на скамейке, парень обнимает девушку – это они маскируются. А на самом деле шпионят за нами. Да и сам я, если хотите знать, – контрразведчик, с секретной миссией!

Он гордо выпрямился, вытянул голову, прищурил правый глаз. Дарья не могла удержаться от смеха.

– А вы хотя бы служили в армии? Или, может быть, и винтовки в руках не держали? – спросила она сквозь смех.

– Почему вы так думаете? – обиделся Владимир. – Служил и даже проходил военные сборы. У меня брат ракетчик. Я – военнообязанный и не уклонялся от службы, потому что чувствую себя мужчиной...

Ей понравился этот симпатичный и немного наивный парень. Именно таких советовали искать разведчик Голджерс и Паськевич.

– А какие предметы изучали в институте?

Снова исчерпывающий ответ. Даже характеристика хороших и плохих преподавателей, деталей студенческого быта. Галантный кавалер, открытый, но, видимо, несколько поверхностный юноша, шутник. Не проявил никаких подозрений и болтал обо всем, как со старой знакомой. А когда они прощались, уже после полуночи, Дарья шутя спросила:

– Володя, а если посмотреть со стороны, то мы сошли бы за жениха и невесту?

– А зачем смотреть со стороны? Можете считать меня поклонником вашей родинки. Я бы с радостью назвал вас невестой, но вы же туристка.

Она удивленно посмотрела ему в глаза.

– Правда? Мне так еще никто не говорил. Жаль, что я завтра выезжаю во Львов. Поедем вместе?

– Нет, я еще задержусь на несколько дней. Нужно оформить наряды. Утром, если хотите, можно встретиться.

*

На десять Владимир спешил в трест. Дарья выразила желание проводить его до огромного здания «Одесстройтреста». Попросил ее подождать в вестибюле, а сам зашел в кабинет с табличкой «Начальник планового отдела». Он не заметил, как Ясинская быстро прошла в конец коридора и проследила, куда зашел Владимир. Обменявшись несколькими фразами с ожидавшим его в этом кабинете майором Панчуком, Володя с нарядами в руках подошел к Дарье.

– Извините, я еще задержу вас на пять-десять минут, нужно побеседовать с инженером отдела материального обслуживания, и... постараюсь на сегодня совсем освободиться...

И снова они плавали в зеленоватых волнах, говорили о родных, друзьях, знакомых. «Невеста» спрашивала, в каких именно районах Казахстана Владимир служил, был ли на Урале, в Сибири, слушает ли иностранные радиостанции, не пострадал ли от радиации его брат и где именно он служит, чем думает заняться после службы...

– Чем займется? Наверное, женится! – ответил Загайный.

– А вы, Володя, были за границей?

– Нет, но очень бы хотел побывать. Посмотреть Прагу, Париж, Варшаву, Нью-Йорк.

– И что же вам мешает?

– Туристские маршруты мне не по карману, У меня, правда, в Польше есть тетка, да все некогда ее навестить.

– А где она живет?

– В Зеленой Гуре. Просила, чтобы я приехал.

Расспросив подробно о тетке, Дарья начала уговаривать:

– Обязательно поезжайте на следующий год, а оттуда, возможно, и дальше. Я могла бы помочь вам. У меня есть знакомый... Ну, прошу вас, поедem вместе во Львов... Если влюблюсь в вас, то тут и останусь...

– Не могу. Нужно отгрузить дефицитные материалы, получить запчасти. Еще на два дня задержусь. Но во Львове встретимся. Вот мой телефон, адрес.

Дарья Ясинская была готова расцеловать «жениха». Если бы он был заодно с этими «большевистскими агентами», то наверняка сопровождал бы ее до Львова. Прекрасное начало! Голджерс, Паськевич могут не сомневаться – задание она выполнит.

По дороге во Львов Дарья не жалела пленки на чудесные виды Украины и на... мосты, переезды, заводы, товарные составы. Никто ей не мешал. Лишь изредка по вагону проходила проводница – разносила чай, газеты и журналы, домино, шахматы. Всюду тихо, спокойно. И Дарья фотографировала. Еле успевала менять пленку.

А в это время находившиеся здесь же в поезде чекисты внимательно следили за каждым жестом Ясинской, незаметно фиксировали на кинопленку все ее действия. Молодая проводница тоже давно уже поняла, с какой туристкой она имеет дело, и, убирая в вагоне, незаметно, но бдительно следила за Дарьей.

ШПИОНКА ПОЙМАНА

В «Интуристе» женщина с родинкой на щеке попросила гида провести ее на улицу Зеленую.

– Я не знаю, придется ли мне еще увидеть место, где я родилась. Не откажите, будьте добры!

И гид согласился. Долго стояла возле трехэтажного дома, где когда-то играла с детьми, гладила рукой железную скамейку около кустов сирени. А теперь чужие дети бегают на родном дворе, играют большим разноцветным мячом. На глазах у Ясинской привились слезы...

Вместе с туристской группой Дарья восхищалась красотой Стрыйского парка, где на озере между ивами плавали белые и черные лебеди, радовалась прекрасным цветникам, тихим аллеям. Вместе с гидом подошли к памятнику Килинскому.

– Когда я была маленькой, мы с отцом любили это место. Давайте присядем, – предложила коллегам.

И пока гид рассказывала о сапожнике, который стал руководителем народного восстания, к группе подошли женщины, гулявшие с детьми, ближе подвезли детские коляски. Слушали гида... Подошел фотограф и предложил сделать на память любительские снимки.

Дарья засмеялась:

– У меня отличный аппарат, и я сама в состоянии фотографировать. Но здесь мало света. Ничего не получится. – Быстро взглянула на часы. Восемь. И тотчас к собравшимся медленно подошел пожилой человек с высоко поднятой седой головой. Гид уже окончила рассказ, а он невозмутимо стоял и о чем-то думал. И Дарья сразу же узнала... Дрогнуло сердце. Это был он, Профессор. Молча обменялись взглядами, и он ушел... А туристы, побродив по аллеям парка, зашли в летний ресторан. Теперь Дарья Ясинская окончательно убедилась, что родилась под счастливой звездой. Ведь основная цель ее поездки почти осуществилась.

На следующий день они встретились в Музее украинского искусства. В обычный день посетителей здесь мало. Ходила, рассматривала великолепные полотна. Вот портрет Новакивского. Можно постоять, подумать.

– Правда, старые художники умели передавать человеческий характер? – к Дарье приблизился Профессор. – Я когда-то знал его. Замечательный мастер. А Манастирский! Посмотрите на лицо этого человека со свечкой.

Дарья оглянулась. Поблизости никого не было.

– Провод рекомендует... – сказала приглушенным голосом. – Нужны документы, карты, схемы... Люди, главное молодежь. Размещение ракетных установок... запасы продовольствия... Система водоснабжения города...

– Они должны понять, что люди теперь совсем другие. Нельзя смотреть на Украину, на Галицию с позиций сорок четвертого. Молодежь не понимает старых лозунгов. Она нас избегает. Кое-что подготовили. Завтра в Природоведческом музее передам...

Разошлись, не попрощавшись. Ясинская зашла в комнату научных работников музея и попросила рассказать ей об украинских иконописцах XV–XVI веков, выразила желание приобрести репродукции некоторых картин.

Внимательно слушала сероглазого искусствоведа, а уходя, горячо поблагодарила его.

На проспекте Т. Г. Шевченко зашла в кабину телефона-автомата.

– Квартира Левицких? Володя дома? А где же он? А когда вернется из Одессы? Что передать? Скажите, что звонила его однокурсница Надя. Я проездом во Львове и хотела его увидеть. Извините.

И, хотя ничего не случилось, долго не могла успокоиться.

– Нет, нет, это не мог быть разведчик. Ведь я видела его удостоверение. И номер телефона настоящий. Ответила Володина мама. И произношение у нее точно такое, как у сына. Я же просила его вместе ехать во Львов... Если бы была «подставка», не отказал бы... Вероятно, сдают нервы. Хорошо им там давать указания, вот сами попробовали бы! Оттого и волнуюсь, что за мной никто не следит. А если проверить? Она остановила такси, громко сказала:

– В Винники!

Дорогой оглядывалась, не едет ли следом за ней какая-нибудь машина, а когда убедилась, что на нее никто не обращает внимания, начала осматривать окрестности.

Это немного успокоило.

Вскоре она снова вернулась во Львов. Рассчиталась около автобусной остановки, зашла в универмаг на углу улицы Народной гвардии имени И. Франко, бывшей Трибунальской, купила дешевый платочек. Здесь тоже ничего подозрительного не заметила.

А вот и тихий Природоведческий музей.

Не знала, что такие богатства есть на Львовщине!

Но где же Профессор? Получить бы все скорее да передать на хранение с какими-нибудь сувенирами супружеской чете Горбачей. Так советовал Голджерс. Их, конечно, никто проверять не будет, потому что они – дряхлые старики. Выехали в Америку еще до первой мировой войны. Теперь приехали как туристы «домой», будто их тут ждали.

Ясинская начала кусать губы, хотя понимала, что это злость заставляет ее так думать о стариках, доверчиво согласившихся сохранять ее сумку с сувенирами, в которой были запрятаны непроявленные пленки. А вот и Профессор. В руках у него что-то завернутое в газету. Подождав, пока все вышли, быстро подошел к стенду, развернул. Небольшой зеленый томик. Положил его на стул и сразу же исчез в другом зале. Дарья быстро схватила книгу и бросила ее в портфель, оглянулась...

Еще около часа ходила по залам. Наконец, беспокойство улеглось, и она уже с интересом рассматривала бабочек, рыбешек, гербарии. Даже начала записывать названия неизвестных ей растений и животных в блокнот.

Вышла. Не спеша добралась до стоянки такси.

– В «Интурист» прошу. Здесь недалеко, но меня друзья ждут... Спешу...

Машина завернула за угол, потом еще за один, потом еще...

– Подождите! Мне же в «Интурист». Куда вы меня везете?

– Не беспокойтесь, гражданочка, – весело ответил шофер. – Видите знаки? Я не имею права их нарушать! Сейчас будете на месте. Там ремонтируют водопровод и перекрыли дорогу. Приходится объезжать.

Дарья немного успокоилась.

– А что, у вас часто ремонтируют водопровод?

– Нет, только там, где старые трубы. Прокладывают новые, – ответил шофер безразлично.

Но неожиданно машина остановилась. Еще секунда – и в такси около Дарьи оказались мужчина и женщина. Женщина вежливо попросила:

– Прошу не волноваться. Мы работники госбезопасности, хотим вами поговорить, кое в чем разобраться.

Дарья содрогнулась, лицо ее перекосилось. Хотела ответить, но ее снова успокоили:

– Уже подъезжаем.

Открылись ворота, а потом дверцы машины.

– Просим. Наверх. Вас уже ждут. Портфель держите в руках. Отдадите, когда попросят...

САМОУБИЙСТВО ПРЕДОТВРАЩЕНО

В кабинете только двое. Спокойный, немного усталый полковник и Дарья Ясинская, у которой от волнения лицо покрылось красными пятнами. Долго молчат.

Иван Иванович Чубенко внимательно изучает написанные мелким почерком слова на папиросной бумаге.

– Вот видите – обращение к руководителям провода. Профессор хочет денег. А вот – информация о военных объектах, об экономическом положении, в частности данные о Львове. Схемы, условия связи... Эти документы дорого стоят. Вы бы, конечно, получили большую сумму, если бы перевезли их за границу.

– Я ничего не знаю. Меня привезли к вам без оснований. Я подданная другого государства, и вы не имеете права меня задерживать.

– Но у подданной другого государства в корешке книги обнаружены документы, которые свидетельствуют о шпионско-разведывательной деятельности.

– Эту книгу мне подарил незнакомый мужчина...

– Так просто подарил?

– Я думала – добрый человек. Вы же сами видите, я интересуюсь флорой Львовщины, записываю названия растений.

– Но в корешке книги обнаружены эти документы.

– Они не мои. Я ничего не знала.

– Какой он на вид, тот мужчина?

– Молодой, чернявый, в сером костюме. Назвался Владимиром.

– Это тот, с которым вы познакомились в Одессе?

– А откуда вы знаете?

– Мы знаем и то, что вы фотографировали военные объекты. Вот заявление проводницы. Она так и пишет: «Туристка из шестого купе фотографировала воинские части, оборонные объекты». Что вы можете на это ответить?

– Мне известно, что в моем фотоаппарате пленка без военных объектов.

– Мы ждем от вас правдивых объяснений...

– Я говорю правду...

Полковник снял трубку:

– Прошу лейтенанта Загайного зайти ко мне...

Через минуту Владимир открыл дверь. В том же костюме, в котором он был в Одессе, подтянутый, спокойный...

– Володя, скажи им, – вскочила Дарья.

Но Владимир отрапортовал:

– Товарищ полковник, лейтенант Загайный по вашему вызову прибыл.

– Садитесь, Владимир Емельянович! Будете записывать показания госпожи Ясинской.

Ясинская встала, хотела сделать шаг, но вдруг начала кусать воротник платья.

– Ампулку с ядом вам заменили еще в Одессе, – успокоил ее полковник. – Вы же были «невестой» Володи. А он не мог допустить, чтобы вы воспользовались таким примитивным методом самоубийства, да еще в решающую для вас минуту!

Это был точный удар. Такого конца она не предвидела. Голджерс сам уговорил ее взять эту ампулу на случай провала. Теперь ее родители не получают большой суммы, на которую она себя застраховала. Села, слабым голосом начала:

– Ваш выигрыш! Мне не повезло. Я дам объяснения. Расскажу о Паськевиче, Голджерсе и других. Но... не этому человеку. Не могу смотреть на него.

– Пожалуйста, пройдемте в другую комнату, – предложил полковник. – Помочь или вы сами встанете?

Ясинская вышла.

Вскоре Иван Иванович вернулся в свой кабинет. Лейтенант ждал. Был взволнован.

– Ну вот, Володя, Ясинская дает показания Панчуку. – Полковник сел за стол, подпер рукою щеку.

– Наконец все кончилось – и без выстрела, Иван Иванович! – проговорил Загайный.

– Нет, ошибаетесь, Владимир Емельянович, – тихо ответил полковник. – До конца еще

очень далеко. Дело только начинается...

А за окном во Львове зеленело прекрасное лето.

ИЛЬЯ МЫШАЛОВ ПАМЯТЬ

Я ехал в Олеско, чтобы поклониться его могиле. В руках у меня был букет красных пионов – свидетельство того, что память о нем живет в сердцах его боевых товарищей. Этот букет они поручили положить к подножью памятника чекисту капитану Николаю Васильевичу Капустыринскому.

Автобус отмеривал километр за километром, а в памяти моей всплывали рассказы свидетелей теперь уже далеких событий, и перед глазами, словно живой, вставал образ героя.

– Кому в Олеско – готовьтесь к выходу, – раздался задорный голос водителя автобуса. Я поглядел в окно. По обочинам дороги мелькали ярко-красные огоньки созревшей рябины, зелень елок, багрянец кленов. И я подумал, что вот в такой же осенний день 1946 года в Олеско прибыл новый оперуполномоченный капитан Николай Капустыринский.

– Тихо у вас тут... Хорошо... Только год прошел после войны, а ее словно и не было. Если бы не знал, то никогда бы и в голову не пришло, что тут проходили ожесточенные бои, – говорил своему начальнику майору Худякову капитан Капустыринский.

Тот усмехнулся и ответил:

– Обманчивая у нас тишина, Николай Васильевич.

Новый оперуполномоченный вскоре лично мог убедиться в достоверности этих слов.

Предатели украинского народа – оуновские бандиты террором, поджогами, зверскими расправами над людьми стремились помешать становлению новой жизни.

...За плечами у капитана Капустыринского – богатый боевой опыт, приобретенный на фронте. От командира взвода до начальника разведки артиллерийского полка прошел он путь в годы Великой Отечественной войны. Ордена Красного Знамени, Отечественной войны, боевые медали говорили о его храбрости, мужестве, военном мастерстве. Чекистская работа теперь требовала от него новых знаний, навыков, умения.

Навыки, опыт... Они приходят со временем, в практической деятельности. Общение, совместная работа с такими опытными оперативными работниками, как Худяков, Ульянов, обогащали опыт Капустыринского. Многие постиг за короткий срок Николай, глубоко понял, что успех чекистской работы прежде всего зависит от связи с народом.

Нового оперуполномоченного скоро узнали в разных населенных пунктах района. Офицер подкупал людей своей непосредственностью, умением располагать к душевным беседам.

Нередко он слышал от своих собеседников то, что бандиты угрожают расправой активистам. Вот крестьяне начали поговаривать о том, чтобы колхоз организовать, так эти мерзавцы хаты палить стали.

Капустыринский старался вселить веру в сердца людей. Он рассказывал о своей родной Винничине, о том, как в свое время кулаки, враги Советской власти, тоже ставили палки в колеса, но общими усилиями побороли своих врагов трудовые крестьяне и построили новую жизнь.

Николая часто можно было видеть среди сельской молодежи. Парни и девушки тянулись к нему, любили слушать его рассказы о боевых делах комсомолии Винничины, где прошла юность Николая.

Капустыринский чувствовал, что его слова задевают людей за живое, что они хотят пойти по пути, который открыла им Советская власть, но страх, навеянный бандитами, давал все же себя знать. Надо было вести активную борьбу с бандеровцами, мешающими людям спокойно жить, трудиться.

Со временем во многих селах Олесского района у Николая Васильевича появились друзья. Это были старики, помнящие еще коронование Франца-Иосифа, и молодые люди, которые в дружной ватаге деревенских мальчишек встречали Советскую Армию золотой осенью 1939 года. Они помогали оперуполномоченному в его работе.

...Как быстро летит время. Вроде еще совсем недавно входил Николай в круг своих новых обязанностей, а ведь с тех пор прошло два года.

Однажды Николая вызвал майор Худяков и сказал:

– Вы получили навыки чекистской работы, дела идут у вас неплохо. Вам предстоит провести самостоятельно операцию...

Для фронтовика Капустыринского было железным законом – успех любого дела зависит от тщательной подготовки. Этот закон он претворял в жизнь, готовясь к операции.

Бойцам порой надоедали тренировки, занятия по огневой подготовке, кроссы. Но капитан Капустыринский был неумолим: он готовил подчиненных к бою с хитрым врагом.

Не забывал оперуполномоченный и о своих активистах, «Ястребки» получали военные знания, учились распознавать уловки врага.

...Осенняя ночь наступает в здешних местах как-то сразу. Вот все вокруг еще просматривалось, и вдруг сплошная темнота покрыла землю...

В одну из таких ночей оперативная группа капитана Капустыринского вышла на выполнение задания. Бойцы, вооруженные автоматами, гранатами, ручным пулеметом, скрытно двигались по лесным тропам. Сведения были достоверны – бандиты кочуют в этих лесах. Готовятся к нападению на село.

В лесу темно – хоть глаз выколи. Двигались осторожно, прислушивались.

Дозорные услышали треск сучка, остановились. Замерли. Остановилась вся группа.

Совсем близко послышался приглушенный говор и шорохи, создаваемые идущими людьми. Группа приготовилась к бою.

– Местные жители в такую пору появиться здесь не могли, – размышляет капитан. – Значит, это банда.

Ракета осветила лес, и в то же мгновение автоматные очереди потрясли застывшую тишину спящего леса. При свете ракеты чекисты успели увидеть часть бандитов и сразу же открыли ответный огонь.

Не выдержав мощного огня чекистов, бандиты стали отходить.

Бандитов было больше, чем чекистов. И вот тут-то сказалась отличная подготовка бойцов. В этой крошечной тьме они удачно сочетали огонь с маневром. Освещая местность ракетами, ведя меткий огонь, опергруппа шла по пятам банды. На рассвете был убит главарь. Оставшиеся его сообщники частично разбежались, а некоторые сдались.

Капитан Капустыринский испытывал двойное чувство: он радовался тому, что успешно справился со своей первой серьезной задачей, и вместе с тем переживал горечь утраты, жалел тех, кто совсем недавно шел с ним в одном строю, плечом к плечу, а сейчас спит вечным сном, сраженный бандитской пулей.

...За этой операцией последовали вторая, третья... Николаю уже поручали ответственные задания и больше о нем не говорили как о «молодом». На разборе одной из операций начальник

объявил благодарность капитану Капустыринскому. За время пребывания в должности оперуполномоченного районного отделения на его счету было много славных дел. Под его руководством были ликвидированы две активные банды.

*

В кабинете начальника районного отделения тишина. Над столом склонились двое – майор Худяков и капитан Капустыринский. Перед ними карта района.

– Вот здесь он снова появился, – говорит майор, показывая на деревню Сасово.

Николай молча слушает. В Сасово сложилось тяжелое положение. Орудовала здесь банда, которой верховодил некто Гирный. Сколько несчастья принес главарь шайки и его подручные населению! Ему не раз удавалось уходить от чекистов. Зарывшись в свою нору, он некоторое время не давал о себе знать, и вот опять появился в Сасово.

– Придется вам, Николай Васильевич, взяться за ликвидацию Гирного, – сказал майор Худяков.

– Раз надо – значит, надо, – ответил Капустыринский, и мысли его уже были сосредоточены на одном: как лучше выполнить это задание.

...Казалось капитану Капустыринскому, что все в районе ему знакомо, известно. Он привык к здешним местам. Хорошо знал многих жителей. И они знали его, тянулись к нему с разными вопросами, радостями, бедами. Но вот, приехав с оперативной группой в Сасово, офицер столкнулся с такой обстановкой, которая ставила его не раз в тупик. В селе было необычайно пустынно: люди, запуганные бандитами, боялись даже днем выходить на улицу, уклончиво отвечали на вопросы.

Чекисты заходили в дома. Испуганно, настороженно встречали их крестьяне.

– Вам-то что, – говорили они Николаю. – Побудете здесь да уедете себе в город. А к нам Гирный после этого пожалует, и тогда заплачешь горькими слезами.

Чекисты успокаивали, объясняли, что не покинут Сасово, пока Гирный ходит на свободе, что не дадут в обиду крестьян. Но в ответ люди молчали.

Ну как убедить запуганных бандитами крестьян, как добиться, чтобы они поверили чекистскому слову? Сколько раз думал об этом Николай, советовался со своими товарищами. Пришли к единому мнению: надо найти путь к сердцам крестьян, и тогда они помогут чекистам в их борьбе с бандой.

Дни, казалось, проходили без пользы. Но это только на первый взгляд. А каждый вечер, выслушивая товарищей, капитан Капустыринский чувствовал, приходил к убеждению, что Гирный скрывается где-то в селе, может быть, совсем рядом. Особенно подозрителен был один дом.

– Я туда завтра вечером наведаюсь, – решает капитан. – Что-то очень скрытным выглядит хозяин этого дома. А может быть, и сам состоит в банде?..

...Вечерело. Хозяин приветлив, всем своим поведением хочет показать, что рад гостю.

– Может, засветить огонек? – услужливо предлагает он.

– В самый раз, – отвечает капитан. – При свете оно вроде и на душе веселее будет...

– Где уж нам тут до веселья, – вдруг переходит на другой тон хозяин. – Кругом такое творится...

Вдруг видит капитан, как зло блеснули глаза хозяина.

Что это? Вроде какая-то тень мелькнула в серой мгле наступающего вечера и появилась перед окном.

Раздался выстрел.

Смертельно раненный в голову, чекист упал на пол. Буквально в считанные минуты прибежали товарищи. Но было уже поздно. Они молча обнажили головы.

Так на боевом посту погиб оперуполномоченный Олесского районного отдела госбезопасности капитан Николай Васильевич Капустыринский.

Бандитский выстрел будто вывел из сна крестьян. Они понимали, что их пассивность только на руку врагу. Чем могли помогали чекистам разгромить банду Гирного.

Хоронили отважного чекиста в районном центре. Похороны были многочисленными. Отдавая последний долг отважному чекисту, жители выражали свою ненависть к врагам нашей Родины.

У могилы было сказано много слов о тех, кто не щадя жизни стоит на страже безопасности советских людей...

*

Как только я сошел с автобуса, сразу же очутился в празднично настроенной толпе. Был субботний день, и жители города высыпали на улицы.

Когда встречаешь старого знакомого, которого не видел много лет, то на его лице обязательно найдешь те перемены, которые говорят о том, что молодость неотвратимо уходит с годами.

Олеско тоже мой старый знакомый. Но сейчас, шагая по его улицам, разыскивая знакомые еще по послевоенным годам дома, я ловлю себя на мысли, что не морщины старости, а приметы молодости вижу я в современных домах, заасфальтированных улицах, благоустроенных скверах... С чувством внутренней радости я читаю, вывески: «Школа», «Дом культуры», «Универмаг», «Детский сад», «Дом пионеров».

И мне подумалось, что в этом новом, светлом облике города, которому Советская власть принесла вторую молодость, есть частица, внесенная капитаном Н. В. Капустыринским и многими другими верными сынами нашей Отчизны, которые так много сделали, чтобы люди жили сегодня счастливо, радостно.

...Могила капитана Н. В. Капустыринского утопала в живых цветах. Тихо шелестели низко склоненные ветви деревьев. Казалось, будто они перелистывают страницы книги славной биографии чекиста, эпиграфом к которой могли бы быть слова Феликса Дзержинского:

«Пролетариат выделил для работы в органах ЧК лучших сынов своих... ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе...»

СТЕПАН МАЗУР ЦВЕТОК РОМАШКИ

...Сразу после разгрома бандеровской боевки в одном из схронов села Дорожева, что недалеко от Дрогобыча, когда был убит сам «районный проводник» ОУН Цяпка, Василий попросил у генерал-майора Александра Николаевича Сабурова разрешения отлучиться на три дня, чтобы съездить в Карпаты – к любимой девушке. Последний раз он видел Марийку в ту ночь, когда началась Великая Отечественная война. Василий тогда был дежурным на станции Дорожев.

От девушки не было никаких вестей за все годы фашистской неволи. Стонала

прикарпатская земля. Оккупанты при помощи своих наймитов – украинских буржуазных националистов – зверски расправлялись с советскими патриотами. Особенно жестоко мстили они подпольщикам из Народной гвардии имени Ивана Франко, действовавшей на Львовщине. Так, в октябре 1943 года в центре Дрогобыча гитлеровцы повесили рабочего-коммуниста Михаила Васильевича Петрива, а через некоторое время расстреляли трех братьев коммунистов-подпольщиков из села Червоной Летни – Василия, Николая, Ивана Хамандяков и десятки других патриотов, боровшихся за волю и счастье своего народа.

И только в начале мая 1944 года, когда Красная Армия гнала гитлеровские орды с многострадальной галицкой земли, Василий получил долгожданную весточку:

«Если жив, откликнись! Я дома.
Марийка».

Отвечая на письмо, девушка писала:

«...Рада, что ты жив, Василько. Встретимся, когда свобода придет. Она близко.
Марийка».

Больше писем не было, – наверно, девушка не хотела навлекать на себя подозрений оуновцев, которые прислушивались к разным разговорам, следили, кто с кем переписывается, доносили об этом «украинской полиции».

Не написала Марийка Василию и в первые дни после освобождения Прикарпатского края Красной Армией. Напрасно ждал парень от нее хоть слова.

«Где она? Почему молчит? Что случилось?» – думал он, пробираясь на попутных машинах все выше в горы...

В Тухольку Василий приехал в пору «бабьего лета», когда Верховина наряжается в свои самые яркие одежды. С горных вершин, багровеющих в лучах заходящего солнца, уже повеяло прохладой. У крайней хаты Василий увидел женщину, вежливо поздоровался с ней и попросил напиток.

– Спасибо, – возвращая женщине кружку, сказал он. – Вода вкусная, горная. Такой у нас не напьешься.

– Где это у вас?

– Там, внизу, возле Дрогобыча.

– А что, вы впервые в наших горах?

– Да. Скажите, пожалуйста, где живут Беркуты?

– Юрко?! – почему-то испуганно переспросила женщина и оглянулась.

– Их в Тухольке, наверно, много? – смутился парень. – У него дочь, Марийкой зовут...

– Это пятая хата отсюда. Возле нее смереки растут, – скороговоркой ответила женщина и поспешила прочь.

В хате Беркутов было темно, однако дверь открыта. Василий вошел в сени, черкнул спичкой и постучал. Никто не ответил, и он открыл сам.

– Добрый вечер! – перешагнув порог, поздоровался парень.

– Кто там? – услышал он старческий голос.

– Зажгите свет, а то ничего не вижу. Я к вам.

– Сейчас.

Когда в хате блеснул желтый язычок маленькой керосиновой лампы, Василий увидел широкоплечего седого деда. Старик испытующе оглядел его и, грозно нахмурив густые брови, сурово спросил:

– Вы к кому?

– Это вы – Беркут?

– Да.

– Я – Василий Мазур. Приехал... к Марийке. Где она, скажите, пожалуйста?

– Василий?! – изумился старик. – Тот, о котором она столько рассказывала?

– Марийка говорила обо мне?

Старик не ответил. Неподвижно стоял посреди комнаты, пристально рассматривал гостя. А

потом... Потом из блеклых старческих глаз по морщинистому худощавому лицу потекли слезы. Он смахнул их рукой и наконец заговорил:

– Так вот ты какой! Садись. Чего стоишь? Устал, наверно? Как ты добирался к нам в Карпаты? Ведь поезда еще не ходят...

– Попутными машинами. С самого утра выехал.

– Кто тебе указал, где я живу?

– Какая-то женщина из крайней хаты.

– Настунька... – старик опять сник, отсутствующим взглядом смотрел куда-то мимо Василия. А потом тихо и грустно объяснил: – Мужа ее бандеровцы повесили. Пятеро ребятишек остались без отца...

– Давно? – Этот вопрос вырвался у Василия невольно, по профессиональной привычке, и парень сразу же понял его неуместность: ведь сейчас это не так уж важно.

Но собеседник ответил:

– Ох сыночек, много горя причинили они нам и при фашистах, да и теперь еще убивают невинных людей. Но чтобы никто не увидел, что у старого Беркута есть дорогой гость, я окна занавешу и дверь на засов закрою, – и он вышел в сени.

– Где же Марийка, вуйку? Почему вы ничего не расскажете о ней? – спросил Василий, когда хозяин вернулся.

Старик тяжело сел на скамью, немного помолчал, а потом обхватил руками седую голову, опустил ее низко и горько заплакал.

– Нету, сыночек, моей Марички. Убили ее душегубы...

– Как?! – вскочил со скамьи парень и бросился к старику.

– Успокойся, сядь... Ничем уж ей не поможешь... Все пропало. Слышишь? Все! – Беркут положил тяжелую мозолистую руку на плечо Василия. – Сегодня как раз четыре месяца, как Марийка лежит в сырой земле, – как-то скорбно-торжественно произнес бедный отец. Потом сел на скамью рядом с тем, кого любила его дочь, кто должен был принести радость в их хату. Рассказывал: – Долго издевались палачи над моей дочерью. Страшные муки и насилия перенесла она. Отрезали ей уши, выкололи глаза... Потом убили...

Они долго сидели молча, угнетенные горем.

– Где ее могила? – встал с места Василий.

– Завтра покажу. Сегодня не пойдем – ночь.

Василий согласился.

– Они со Светланой, которая здесь учительницей была, как раз 21 июня 1941 года поехали в Киев – там Светланины родители жили. Светлана – это подружка ее, Марийка ведь работала пионервожатой в нашей школе. Хотя ты же это сам знаешь... Так вот, до Киева они не доехали. На следующий день, 22-го, поезд, в котором они ехали, разбомбили гитлеровцы. Светлана пешком пошла в Киев, а Марийка, обходя гитлеровцев, тоже пешком вернулась домой. Не раз она рассказывала мне о тебе...

Старый Беркут говорил, а в воображении Василия вставал милый образ любимой девушки. В их последнюю встречу она подарила ему нежный цветок ромашки, который он бережет до сих пор. А Марички уже нет... Нет?! Как может ее не быть?!

– Ты слушаешь меня, Василько?

– Слушаю, слушаю...

– Пару дней, пока отдохнула с дороги, было еще ничего. А потом места себе не находила. Хотела поехать к тебе, да я не позволил. Может, и плохо сделал. Но я боялся, чтобы по дороге ее не поймали да на каторгу в Германию не отправили. «Потерпи, доченька, – говорил ей. – Если он твой суженый, то встретишься с ним, куда бы судьба вас ни забросила».

Повеселела она немного, когда к нам в Карпаты дошла весть о победах Красной Армии под Москвой и Сталинградом. А вскоре ей удалось наладить связь с подпольщиками Народной гвардии имени Ивана Франко. Ей поручили распространять листовки в наших горных селах. В то время как раз в Карпатах появились партизаны Ковпака. Ох, и нагнали они страху и на фашистов, и на бандеровцев! Однажды я собирал в лесу грибы и встретился с ковпаковскими разведчиками. Поговорили. После этого на связь с советскими партизанами я посылал свою Маричку. Видно, какая-то неосторожность сгубила ее. Когда летом 1944 года Красная Армия подходила ко Львову, ночью разбудил меня сосед. Он просился в хату. Я не знал, что он враг, и

пустил его. А за ним в хату ворвалось с десятков бандитов. Оглушили меня чем-то тяжелым по голове, и я до утра лежал без сознания. Вот здесь, в этой хате, палачи насмерть замучили мое родное дитя...

Когда я пришел в себя, было уже утро. Я увидел свою доченьку в луже крови... На следующий день я похоронил ее. И с тех пор хожу на могилу, оплакиваю Маричку и свою одинокую старость... Корю себя за то, что не уберег дочь, сам открыл дверь перед смертью...

...Утром-рано, когда село еще спало, а над Верховиной еле брезжил рассвет, старый Беркут повел Василия на сельское кладбище.

– Вот здесь лежит моя дочь, – погладил он ладонью холмик еле поросшей травой земли. – Весной посажу здесь куст красной калины...

– Маричка, Маричка... – как бы в забытьи шептали уста. Боль сжала Василию грудь, он не мог оторвать взгляда от этого небольшого холмика.

Заглянув ему в лицо, Беркут понял состояние парня: горе его было еще слишком свежо, оно слишком тяжело придавило молодую душу. Надо как-то отвлечь его.

– Ты сегодня возвращаешься в Дрогобыч?

– Да, вуйку.

– Когда еще заглянешь ко мне?

– Не знаю, – задумчиво произнес Василий. – А фотокарточка Маричкина есть?

– Нет. Все забрали бандеровские изверги, ни одной вещички ее не оставили.

– Маричка навсегда останется в моем сердце. А приеду я, когда не останется ни одного бандита на нашей прикарпатской земле. Сколько смогу, буду уничтожать этих зверей, – поклялся Василий над могилой любимой.

– Не забывай, сынок, одинокого Беркута. – Старик поцеловал парня.

– Никогда, отец.

– А теперь иди. Я останусь. С дочерью поговорю. Расскажу ей, что ты приезжал. Легче на сердце станет. – И склонил седую голову над могилой. Стоял недвижно, будто изваяние.

Василий бережно взял с дорогой могилы горстку земли, завернул в платочек и положил в нагрудный карман, поближе к сердцу.

Беркут долго смотрел вслед Василию, пока тот не исчез за крутым поворотом.

– Не привелось тебе, Юрку, благословить их в своей хате, воспитывать внуков... – шептал он, а потом положил голову на могилу.

А смереки шумели, шумели...

*

Чекисты как раз сидели в засаде, когда мимо них прошел человек с винтовкой и с мешком на плече.

– Стой! – приказал Василий и мгновенно направил в лицо неизвестного луч фонарика.

Бандит замер на месте, из рук выпала немецкая винтовка.

– Посмотрите, что у него в мешке, – сказал командир.

– Хлеб, – ответил боец, осматривавший мешок. – Еще теплый, наверно, только что из печки.

– Кто ты? Фамилия!

Молчание.

– Я его знаю, – присмотрелся к бандиту Василий. – Это Дмитро Огар. Я не ошибся, пан Дмитро? – Василий подошел к нему вплотную. – Где банда?

– Там, – еле выдушил из себя бандеровец.

– Сколько человек?

– Двадцать. У Грицайки прячутся.

– Нечай с ними?

– Когда я выходил из хаты, его не было.

– Зачем собрались?

– Убить кого-то собираются. Меня за хлебом послали.

– У кого взял?

– У соседа.

– Идем, поведешь нас к своим бандюгам. Бежать не советую, – сурово предупредил Василий.

Оуновец колебался. Потом оглянулся вокруг и неуверенно пошел к реке Быстрице. Село уже спало.

– Возле хаты есть охрана?

– Да. Петро Пецюх и Иван Лагуш. Один у двери, другой – у ворот.

– Иди к воротам и скажешь часовому, что пойдешь еще за одним мешком. Понял?

Часовой, увидев Огара, недовольно спросил:

– Почему так мало хлеба? Всем не хватит.

– Ничего, хватит, я сейчас принесу еще один мешок.

Часовой наклонился над хлебом, и... чекисты в момент скрутили ему руки, забрали оружие. Возню у ворот услышал другой часовой, стоявший у порога. Он выстрелил, из хаты начали друг за другом выбегать бандеровцы. Но из окружения им не удалось выйти.

...Оуновцы, действовавшие в этом районе, потеряли вторую боевку, состоявшую из самых озверелых бандеровских палачей. Только в селе Дорожеве они убили, повесили, утопили в Быстрице более ста человек, в том числе женщин и маленьких детей.

Василий стал грозой для оуновцев из банды Нечая. И они решили любой ценой уничтожить его.

Искренним другом и защитником считали Василия его односельчане да и все трудовые люди Дублянского района. Крестьяне доверяли ему, помогали в борьбе с бандеровцами.

Как-то раз Василий шел с товарищами сельской околицей. Девушка, набравшая воду из колодца, еле заметно кивком головы подозвала его. А когда он подошел и наклонился над ведром, будто хотел напиться, она прошептала: «На тебя засаду готовят. В селе прячется Михайло Грицай с бандой. Вон из того окошка будут стрелять в тебя, когда пойдешь вечером по этой дороге».

Командир группы Леонид Обухов решил сорвать планы бандеровцев и схватить всех, кто пошел в засаду.

Вечером чекистская группа незаметно окружила хату, в которой засели бандиты, и взяла на прицел единственное окно, выходящее на дорогу. В определенный час на дороге появился Василий. Темное окно вдруг распахнулось, и из него показалось тупое дуло пулемета. В то же мгновение чекист открыл прицельный огонь по окну.

Когда Василий подошел к хате, оттуда выносили тело сельского кулака Михаила Грицай, так люто ненавидевшего комсомольца Василия Мазура и готовившего ему смерть.

...До отхода поезда, идущего из Дрогобыча на Самбор, оставалось полчаса. Осматривая здание станции Дорожев, Василий вспомнил встречу с черноокой Маричкой здесь, на станции. «Нет уже моей Марички, – вздохнул парень. – Уже больше месяца нет вестей и от старого Беркута. Надо бы наведаться к нему...»

– Василий! Поезд подходит! Чего стоишь? – крикнул ему Леонид Обухов, разговаривавший с начальником станции.

Вздвогнув от этих слов, парень пошел к железнодорожной линии, по которой уже мчался пассажирский. Всю дорогу до станции Дубляны и до районного отдела госбезопасности он молчал, не отвечал даже на шутки друзей-чекистов.

Уже на месте, положив автомат в углу, Василий сел к столу и начал записывать что-то в свой служебный блокнот.

В соседней комнате резко зазвонил телефон. А вскоре распахнулась дверь, и на пороге стал Леонид:

– Бросай писать!

– Что случилось?

– Тебя в Дрогобыч вызывают. Сам начальник областного управления госбезопасности Сабуров, – четко отрапортовал Обухов. – Твой поезд уводит через двадцать минут. Собирайся.

...В схроне было влажно и темно. На столе мигала коптилки. Представитель окружного провода ОУН эсбист Перун исподлобья смотрел на Нечая.

–...И, кроме того, вы не выполнили приказ, не уничтожили того комсомольца Мазура. Сидите здесь да только самогон хлещете.

– Беда в том, что на его стороне большинство людей. Все стежки-дорожки он знает как

свои пять пальцев. Потому и трудно его взять.

– Подвел нас Михайло Грицай, – вмешалась в разговор жена Нечая Анна. – Он сам взялся уничтожить его. Мы возражали. Но вы же знаете старика: зазнался. Сын ведь ходит в высоких чинах в нашем проводе...

– Да разве старый дурак мог справиться с этим хитрым комсомольцем? – недовольно заговорил Перун. – Если вы не уничтожите его сейчас, то сами сдохнете от пуль его автомата.

– Все уже испробовали: делали засады, подсылали даже пани Слонскую. Но он не клюнул на нашу приманку. Операция не удалась. Хата пани Слонской сгорела, чекисты убили шестерых наших хлопцев, – беспомощно разводил руками Нечай.

– А вы как считаете? – обратился к одному из бандитов Перун.

– Дело в том, что за него все село тянет. Каждый бедняк – его друг. Сколько нашего брата уже погибло от его пуль!..

В эту минуту в схрон вбежал связной.

– Василий Мазур только что поехал поездом в Дрогобыч, сам, – выпалил он. – Я видел его на станции, видел, как он вошел в вагон.

– Немедленно отправить двух связных в Дрогобыч, пусть внимательно следят за ним. Я иду к Макомацкому. Ваше задание выполнит его боевка. Мне нужен добрый конь, – сказал Перун.

...В Дрогобыч Василий приехал вечером. Сабуров встал из-за стола, подал ему руку.

– Садись! – Александр Николаевич указал на стул. – Как твоё здоровье?

– Спасибо. Хорошо.

Генерал расспрашивал о работе, о настроении хлеборобов района. Потом сел, некоторое время рассматривал Василия, снова встал, подошел к карте.

– Подойди-ка ближе, парень. Видишь значок в этом квадрате?

– Это село Раневичи, а тут недалеко проходит железнодорожная линия.

– Верно. А теперь следи за моей рукой внимательно. Тут наш Дрогобыч, а тут село Раневичи. Вот полевая тропка, которой крестьяне ходят в город. Недалеко от этой тропки растет дикая груша. Помнишь?

– Да. Я там был с чекистами. Возле груши – схрон. Бандитов тех мы ликвидировали осенью 1944 года.

– Отлично. Я вижу, ты хорошо ориентируешься в этом квадрате. А теперь слушай дальше. Завтра в двадцать два часа ты встретишься под этой грушей с нашим человеком. Пароль тебе скажут завтра же. Примешь от него небольшой пакет и – обратно. Задание понятно?

– Можно вопрос?

– Пожалуйста.

– Приметы человека, которого я должен встретить.

Генерал улыбнулся, положил руку на плечо Василия.

– Человек, которого ты должен встретить, – высокий, широкоплечий брюнет лет тридцати, говорит по-русски. Бандеровцы считают его власовцем. Но он «работает» в одном из проводов ОУН по моему приказу...

На следующий день, выполнив задание, Василий не спеша возвращался в город. Бледная луна медленно плыла по небу, где-то далеко тарахтели подводы на твердой полевой дороге.

Миновав Дрогобычский электромеханический техникум, Василий остановился, закурил. Прошел небольшой мостик на улице Млинарской, упирающейся в Стрыйское шоссе. Встретил знакомых девушек, заговорил, пошутил с ними.

Вдруг раздались автоматные очереди. Василий пошатнулся...

Он не слышал топота многих ног, не видел, как от водяной мельницы кони унесли в темноту зловещих всадников...

...За шестнадцать пуль в теле комсомольца-чекиста Василия Мазура отплатили врагам те, кого он оберегал от смерти, для кого он завоевывал новую, счастливую жизнь.

Друзья навечно сохранили пробитый пулей и обгаренный кровью его комсомольский билет с засушенным между страничками цветком ромашки.

«ВЕНЕРА»

После школы Люда забежала проведать больную подругу.

– Иванка, сегодня нам задали... – но девочка не договорила, смолкла на полуслове и начала прислушиваться к радиопередаче.

«...Ключ рации приходилось все время держать на коленях, – звучал женский голос. – Заглядывая в шифровку, Антонина быстро отстукивала точки, тире и в то же время старалась видеть все, что происходило на улице. Гестаповцы могли запеленговать передатчик. В любую минуту из-за угла вон того грязно-желтого дома могла показаться длинная крытая гестаповская машина. Девушка хорошо знала: если так случится, у нее останется чуть больше минуты, чтобы уничтожить документы...»

Хладнокровие – оружие разведчика. И она умела заставить себя не волноваться. Ключ четко отстукивал точки и тире: «Западный берег Вислы. Из Радома в направлении Пулавы перебрасывается танковая дивизия «Герман Геринг»... На железнодорожной станции Зволень находятся склады с боеприпасами... Южнее Радома, в районе Скаржинско – Каменная, находится аэродром, триста самолетов, склады боеприпасов... «Венера».

И почти ежедневно советская авиация наносила мощные удары по железнодорожным узлам на западном берегу Вислы, в районе Радома. Советским летчикам было хорошо известно, на какую цель сбрасывают они свой бомбовой груз...»

Взволнованный женский голос рассказывал, как ежеминутно рискуя жизнью, «Венера» и ее помощники делали все, чтобы нужные советскому командованию сведения были как можно обширнее и точнее.

Вдруг Люда словно замерла.

– «Венера», отважная советская разведчица Антонина Ивановна Огненко (по мужу Гопанюк), сейчас живет в селе Белокринице Тернопольской области, – продолжал диктор. – Муж ее, Никанор Павлович, руководит метеостанцией. Антонина Ивановна работает начальником почтового отделения Кременецкого лесхоза. У них есть дочь Людмила...»

– Мама... – дрогнувшим голосом прошептала девочка, – я ничего этого не знала!

Большие пытливые глаза дочки смотрят сейчас на Антонину Ивановну так прямо и внимательно, что она больше не может скрывать тайну, которую долгие годы знали лишь те, кто когда-то направил ее в гитлеровский тыл, и те, кто вместе с ней в логове врага ежеминутно встречался со смертью.

Июль 1944 года...

Из Львова выбиты гитлеровцы, И хотя еще дымятся пожарища, а в ушах Антонины еще отдается только что смолкнувший стук пулеметов и свист пуль, девушка замечает, что день пронизан солнцем и радостью.

Да и как тут не радоваться, если, словно вымершие, улицы вдруг оживают. Люди говорят, что подоспевшие советские саперы извлекли мины, которые вот-вот должны были поднять в воздух всю северную часть старинной львовской цитадели, где в подземелье, за окованной железом дверью, были заживо погребены советские военнопленные.

Смерть отступила.

Как не радоваться, глядя на женщин, детей и стариков, которые покидают сырые, темные, удушливые бомбоубежища. Слезы радости, слова сердечной благодарности... Львовяне обнимают советских солдат-освободителей.

Но никто не знает, что тоненькая темноволосая девушка с таким по-детски ласковым взглядом – тоже солдат, грозный и опасный для гитлеровцев, что в ясные, открытые глаза этой восемнадцатилетней разведчицы (львовяне лишь через двадцать с лишним лет узнают ее настоящее имя) очень часто заглядывала смерть.

Антонина Огненко торопливо идет по аллее. Точно в безмолвной муке, простирая к небу израненные руки-ветви, стоят обожженные пирамидальные тополи, всегда так украшавшие Академическую улицу.

«Душно... Видно, перед дождем», – едва успела подумать Антонина, и в то же мгновение внезапный раскат грома, взорвав тишину, прокатился над городом. А вскоре по тротуару ударили первые тяжелые капли, и зашумела летняя гроза.

Прохожие укрываются в подъездах. Останавливаются машины. Только Антонина не может переждать ливень: надо спешить на аэродром. Через час двадцать минут взлет. Теперь уже разведчица летит за Вислу, снова в тыл противника, навстречу новым опасностям. И она уже не увидит, как вспыхнут свежей зеленой листвой деревья на улицах и в парках омытого дождем Львова...

– Мама, почему ты молчишь? – напоминает о себе Люда. – Ты хотела мне рассказать, что случилось с тобой за Вислой...

– Возможно, все было бы иначе, если б той темной ночью... – задумчиво роняет Антонина Ивановна. – Тяжелые бои на Висле принесли нам победу. И как только наши освободили польский город Радом, я получила новое задание – лететь в тыл врага...

– Тебя тогда фашисты поймали? – в тревоге перебивает девочка.

– Нет, нет... Они подожгли самолет, и мне пришлось выбраться с парашютом.

– Как ты не боялась прыгать, мамочка? – с острым беспокойством смотрят глаза девочки.

– Страшновато было, – признается мать. – А тут еще не повезло: парашют зацепился за дерево. Повисла я на ветке. Прислушиваюсь. Тишина. Достала нож, перерезала стропы. С треском ломаются ветки, и я – хлоп на землю!

– Ушиблась?

– Ногу ушибла. Только сразу боли не почувствовала, уже потом... Надо было как можно скорее уходить от этого места. Ведь парашют остался на дереве. Хромаю, но иду... Шла всю ночь, устала, изголодалась... Начало светать. Осмотрелась. Пора зарывать рацию и радиопитание. Зарыла. Уже совсем было светло, когда я остановилась возле домика на окраине села.

На пороге показалась хозяйка, худощавая женщина лет тридцати пяти. Она с острым беспокойством посмотрела на меня.

– День добрый, – внешне спокойно поздоровалась я с ней по-польски.

Она кивнула в ответ и тихо сказала:

– Зайдите быстро в дом.

Я вошла.

– Панна не из того самолета? – чуть слышно спросила хозяйка.

– Какого самолета? – пожимаю плечами. – Вот мой паспорт. Мне нужно в Заверцы.

Женщина ничего не ответила. Она с тревогой глянула во двор и насторожилась. Я тоже прислушалась, а сама думаю: «Неужели догадалась?»

Женщина повернула ко мне худое бледное лицо и прошептала:

– Месяц тому назад немцы расстреляли моего мужа... На глазах у меня и детей, – она утирает передником слезы. – Он не помогал партизанам, нет...

– Немцы в селе есть?

– Да.

– Мама, – захныкал за занавеской ребенок. – Хочу хлеба...

Женщина отодвинула занавеску, и я увидела на деревянной кровати пятерых детей.

Опасность и риск днем и ночью были моими неотступными спутниками. Но сейчас я уже думала не о себе.

«Надо уходить отсюда немедленно, – решила я. – Ведь они все могут из-за меня пострадать...»

Надсадно загорланил петух. Женщина вздрогнула и прислушалась.

– Пойду, – шагнула я к двери.

– Сейчас картошка сварится, позавтракаете, – остановила она меня.

Я была очень голодна, но отказалась. Ведь в маленьком казанке всего несколько картофелин...

– Снимите сапоги, прилягте на топчане, – как бы переборов что-то в себе, сказала хозяйка. – Вечером провожу вас...

Я доверилась этой чуткой польской женщине (хотя даже не спросила, как ее зовут).

На душе – тревога: «А что, если немцы уже идут за мной вслед?» И тут же успокаиваю себя: «Документы у меня железные, польский язык знаю прекрасно, никто меня не видел, когда я вошла в этот дом...» Почему-то пришли на память слова одного разведчика: «Разведчик – артист. Он играет в великой драме – войне. И от того, как он сыграет свою роль, зависит не только успех его дела, но и жизнь его товарищей...»

И все же сон властно сковал меня. Я – снова девочка-подросток – стою перед начальником почты паном Оляреком. Он сидит за письменным столом под портретом Пилсудского, держит в руке лист бумаги.

– Изучил ваше заявление, – обращается он ко мне. – Да, панна Огненко может стать телеграфисткой, – он любезно улыбается, а наглые глаза его остаются холодными. – Только телеграфисткой... в Березе Картузской⁴. Там, где сейчас ваш отец! Будете перестукиваться через стенку с нелегальными, пся крев! – и он швыряет мне в лицо заявление.

Погасла моя обманчивая надежда. Страх и отвращение ворвались в мою душу. А пан Олярек кричит на меня, точно на скотину:

– Вон отсюда, быдло!

В слезах прибегаю домой.

– Мама!..

– Не надо, доню, – утешает мать, а сама роняет слезы. – Твой отец говорил людям, что так всегда не будет...

Отец! Он тоже привиделся во сне... Нет, не укорял меня за то, что покинула родной дом и пошла воевать. Лукаво щурясь, он держал в руке широкополый соломенный бриль и наставлял меня, как обводить вокруг пальца ненавистных фашистов. А все кругом уже было охвачено первым дыханием осени, и гнулась к земле отягощенная плодами яблонька. Это дерево я еще маленькой девочкой посадила возле нашей хатенки...

– Панночка, проснитесь, – осторожно касается моего плеча хозяйка. – Вам уже пора идти...

...Женщина оставила детей со своей старшей дочкой Зосей, девочкой лет тринадцати, и повела меня через поле, избегая дороги. Пришли мы в соседнее село к ее родственнице, где меня надежно спрятали. Потом я выкопала рацию и из этой хаты передала в разведуправление фронта первую радиogramму.

Антонина Ивановна умолкла. Задумалась. Казалось, вся ушла в воспоминания полной тревог и опасностей своей юности.

К ним подошел Никанор Павлович.

– Тоня, утром тебе надо рано отправляться в дорогу, – напомнил жене. – Ляг пораньше.

Нет, Антонина Ивановна не забыла, что Львовская телестудия пригласила ее выступить по телевидению в «Эстафете новостей». Ее увидят на своих голубых экранах и будут слушать телезрители всего Советского Союза.

Дочь уже спит. Антонина Ивановна сидит за столом и перечитывает странички своей

⁴ Концентрационный лагерь смерти в бывшей панской Польше, куда фашистские пилсудчики бросали политических заключенных.

записи. Многие радиogramмы разведчица помнит, будто передавала их только вчера. Может быть, рассказать людям об этой:

«Центр. В Вустрау, юго-восточнее Нейруппина, находится главная квартира Гитлера. Вокруг сильная охрана. Все дороги в этом районе контролируются СС. По словам местных жителей, несколько дней назад сюда прибыл Гитлер. Сейчас он якобы в лесном замке.

«Венера».

В ту же ночь советские бомбардировщики совершили массированный налет на указанный район.

«Я должна рассказать о смелых девушках-армянках Шушаник Степанян и Зарвардт Долуханян», – решает Антонина Ивановна.

И она пишет новую страничку:

«Тогда, в ночь с 18 на 19 марта 1945 года, наш небольшой транспортный самолет взлетел с аэродрома неподалеку от польского городка Ченстохова. В самолете нас было двое: Вагаршак Михайлович Аракелян и я. Курс на Берлин. Отныне для тех, кто будет держать с нами радиосвязь, мы – «Аракс» и «Венера».

Первой самолет покинула я. Приземлилась. Ветер оказался сильнее, чем определил штурман, и меня отнесло километра на два от условленного места встречи с «Араксом»,

Еще до рассвета замаскировала рацию и радиопитание под обнаженными корнями вербы, а сама притаилась за вербами над ручейком. Жду, когда посветлеет, чтобы запомнить тайник.

Утро настигло меня уже возле того самого озера, куда с парашютом угодил «Аракс», едва не утонув. Но об этом узнала потом. А сейчас, побродив вблизи озера больше часа, решила сама добираться до конспиративной квартиры в Нейруппине...»

И припомнилось Антонине Ивановне, как на станции Френсдорф, когда она садилась в поезд, на мгновение у нее замерло сердце: жандарм потребовал предъявить документы. Опять выручил безукоризненный берлинский выговор. Антонина владела немецким языком так же прекрасно, как и польским.

– Гут, фрейлейн, – вернул он обратно аусвайс на имя немки Гертруды Нейман.

Антонина Ивановна продолжает писать:

«Через полчаса я уже беседовала с миловидной немкой средних лет. Фрау Эрика ехала с ребенком к себе домой в Нейруппин. И когда через полтора часа я сошла с поезда (а было уже позднее время), фрау Эрика, узнав, что мне нужно идти в городскую больницу, ахнула:

– Так больница в другом конце города!

И она сама предложила мне переночевать у нее.

Лишь на другой день утром я пошла в больницу, где должны были находиться Шушаник и Зарвардт, знакомые «Аракса» еще по плену. Здесь и была назначена моя встреча с «Араксом».

В коридоре я встретила смуглую сероглазую девушку в белом халате и белой косынке.

– Фрейлейн, – обратилась к ней на немецком языке. – Не скажете, где я могу увидеть санитарок фрейлейн Шушаник или фрейлейн Зарвардт?

– Пойдемте, – улыбнулась девушка.

Впустив меня в небольшую комнату, она сказала:

– Я Шушаник.

– У меня пакет от вашего друга... – едва успела проговорить, как в глубине комнаты увидела «Аракса».

Не трудно представить мою радость.

Когда мы подготавливались к отлету сюда, я уже знала, что в Германии действует большая подпольная организация советских военнопленных. И меня с «Араксом» посылали на связь к ним, в Берлин».

Антонина Ивановна с волнением думает:

«Ну что можно рассказать за несколько минут телезрителям, если о каждом живом или мертвом, кого я знала по общей борьбе с фашистами, кто так самоотверженно помогал мне и «Араксу», нужно писать целую книгу...»

Она подходит к спящей дочери, поправляет одеяло и мысленно говорит:

«Обещаю тебе, доченька, рассказать все, что до сих пор хранила в сердце. Тебе и людям».

КЛАРА ГРИГОРЕНКО ЗА ВСЕ, ЧТО ДОРОГО ЛЮДЯМ

Душным был конец лета 1942 года в Рыбинске. Город словно подернулся дымкой знойного марева, которая не исчезала даже после короткого летнего дождя. На улицах – пусто и непривычно: сотни своих сыновей и дочерей проводил город на фронт.

В один из таких летних дней пришла повестка и ему, восемнадцатилетнему Борису Красавину. Мать и сестры прятали красные от слез глаза, собирая его в дорогу. Отец обнял на прощание сына:

– Надеюсь на тебя, сын... Красавинский род всегда был крепким.

Прочно запомнились Борису слова отца, старого рабочего-коммуниста. Нес сын их в своем сердце и когда служил в отдельном запасном инженерном полку, и когда прошел вместе с Мелитопольской бригадой по полям войны на Третьем и Четвертом Украинских фронтах.

...Упорными были бои за Мелитополь. А потом разведчики получили срочное задание – занять плацдарм на Крымском берегу и обеспечить переправу войск и техники через Сиваш. Готовилось Крымское наступление, и разведчики понимали, каким важным было полученное ими задание, как много зависело от его выполнения.

Успешно занят плацдарм у станции Воиновка. Разведчик Красавин «прихватил» с собой «языка», который дал небезынтересные для командования сведения. Переправа техники началась немедленно. На паромках. Паромы вязли, и их приходилось тащить волоком.

Стыли ноги в разбухших сапогах, судорогой сводило напряженные мускулы рук. А Борис, смахивая со лба пот, слепивший глаза, казалось, не чувствовал усталости, таща вместе с другими по колено в холодной осенней воде тяжелые неуклюжие паромы.

Здесь, на Сиваше, яркое подтверждение нашли слова отца о крепком корне Красавинского рода – тридцать восемь раз туда и обратно переходил залив худощавый паренек, постигая школу мужества, отваги, выносливости.

За успешное проведение разведки и форсирование Сиваша младший сержант Красавин был награжден орденом Красной Звезды.

Длинные дороги войны... В послужном списке Бориса Михайловича – участие в боях за освобождение Молдавской ССР, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии. Советское правительство удостоило его многих правительственных наград. Среди них орден Славы. Его он получил за спасение жизни командиру батальона.

...Вражья пуля подстерегла разведчика в Будапеште. После продолжительного лечения в госпитале командование направило Красавина на учебу в Ленинград. Здесь он и встретил День Победы.

В июле 1945 года Бориса Красавина вызвали в отдел кадров. Пожилой человек с погонами полковника пригласил сесть.

– Как вы смотрите, – начал он, – если мы направим вас на работу в органы госбезопасности?

Это предложение было для него неожиданным. На какое-то мгновение промелькнули образы матери, отца...

– Подумайте, прежде чем дать ответ, – спокойно и неторопливо говорил Красавину полковник. – У чекистов работа нелегкая... Это – фронт без линии фронта, где борьба ведется не только против внешнего врага... Чекисту необходимы, конечно, и воля, и выдержка немалые...

«Смогу ли?» – подумалось Борису. И вдруг будто издали прозвучал негромкий голос отца: «Красавинский род всегда был крепким, сынок...» С небольшого портрета прямо в глаза курсанту-фронтовику смотрел худощавый человек в гимнастерке – Дзержинский. И Борису вспомнилось, как еще до войны читал об этом человеке, поражаясь его уму, стойкости и непримиримости к врагам, большой душевной доброте и человеколюбию.

Полковник, чуть прищурив глаза, наблюдал за ним. С ответом не торопил, понимая, что происходит в душе сидящего перед ним человека.

Красавин встал:

– Я согласен.

*

Юркий газик подпрыгивал на ухабах. Шофер, крепко зажав баранку руля, старался, чтобы машину меньше встряхивало. Чертыхался потихоньку, когда она все-таки вспрыгивала, как стреноженный конь.

Красавин с любопытством поглядывал по сторонам – в эти края он приехал впервые. Утро было погожим. Солнце уже поднялось высоко, а трава еще не рассталась с росяным бисером, переливающимся всеми цветами радуги. Стройные сосны, умытые и свежие, просторно раскинули пушистые лапы, словно старались поймать выбежавшие на опушку белокорые березы в кружевном наряде листвы.

– Красивые у вас места... И березы совсем как на моей родине. В Ярославской области... – улыбаясь, сказал шоферу Красавин.

– Красивые, – согласился тот и засмеялся. – А я, между прочим, из Минска...

Получая направление на работу в Стрелковский райотдел МГБ Дрогобычской области, Красавин в Министерстве госбезопасности многое узнал из того, как в районах орудуют банды украинских буржуазных националистов. Фашистские прихвостни зверски убивают ни в чем не повинных людей, всем сердцем принявших новую, светлую жизнь, которую принесла на Западную Украину Советская власть.

– В общем, работа тебе предстоит нелегкая, товарищ Красавин, – сказали в министерстве. – Верим, что справишься...

Красавин понимал, что ему придется постоянно быть, как говорится, в самой гуще народа, нужно будет найти верных друзей. Придется и непосредственно принимать участие в организации колхозов... Хватит ли на все сил, выдержки?

И вот первое боевое крещение на новом поприще.

Руководитель бандгруппы по кличке Бурлака был матерым и хитрым врагом. Кулак по происхождению, оуновец по убеждениям, он люто ненавидел Советскую власть. Звериную ненависть бандит вымещал на простых честных людях, которые своим трудом строили новую

жизнь на родной земле.

Бурлака возглавил бандбоекку, состоявшую из таких же головорезов, как он, которым ничего не стоило даже родную мать продать «за шмат гнилой колбасы» гитлеровским палачам. Бандит не останавливался ни перед чем. Он удавил своего двоюродного брата, когда тот явился из банды с повинной. Разработал план убийства секретаря комсомольской организации села Евы Конив...

Банду, скрывавшуюся в лесу, чекисты били по частям. Но коварному и осторожному Бурлаке удавалось избегать встречи с пулями чекистов. И все же какой бы ни была сильной волчья стая, ей в конце концов приходит конец. Шансов на то, что удастся уцелеть и остаться безнаказанным, у Бурлаки оставалось все меньше и меньше. И бандит лютовал с удвоенной яростью.

Местные жители не хотели мириться с тем, что подобные бурлаки лишают их покоя, мешают им жить и трудиться. Они не один раз сообщали чекистам о появившихся в селах бандитах, помогали в их ликвидации.

Как-то к Борису Михайловичу пришли двое пожилых крестьян. Поздоровались и заговорили, как со старым знакомым.

– Дело у нас к вам, товарищ начальник... Рассказать кое-что надо...

Борис Михайлович хорошо знал этих людей. Крестьяне рассказали, что в селе Недельном к связной бандитов приходил, человек из боевки Бурлаки. 8 ноября они решили расправиться с активистами – совершить террористический акт над комсомольцами и коммунистами, а потом устроить «гулянку» по этому поводу. Связная должна подготовить закуску и выпивку. Забрать продукты бандиты придут вместе с Бурлакой.

В райотделе срочно собрался весь оперативный состав. Распределили обязанности. Из Дрогобыча сообщили, что оперативная группа также наготове.

– Основная задача вашей группы – ликвидировать Бурлаку, – сказал Красавину начальник райотдела МГБ майор Губанов. – Продумайте все до мелочей: малейшая недоработка – и спугнете зверя...

«Сколько я за этим волком по пятам хожу, – думал про себя Красавин. – И вот, наконец, он совсем близко... Желательно взять живым... Пусть его судит советский суд, все люди, которым он принес столько слез и горя... Упустить Бурлаку – значит, опять будет лихорадить район. Нет, надо вырвать у боевки ее змеиное жало».

Борису Михайловичу представлялись два варианта. Первый – устроить засаду в доме связной. И второй – обходным путем через лес подобраться к дому и дожидаться бандитов там. Придется, конечно, немало пройти, а может, и проползти по лесу, мокрому и зябкому от осеннего дождя... «Зато вернее, что бандиты не узнают о наших намерениях», – решил Красавин.

На задание группа из пяти человек, возглавляемых оперуполномоченным районного отдела КГБ Красавиным, вышла во второй половине дня. Быстро пересекли размокшее от дождей поле, остановились на опушке, счищая с сапог налипшие комья земли.

– Ни одного слова... Ступать как можно осторожнее, без шума, – негромко отдал распоряжение Красавин и первым шагнул под сумеречный свод леса.

За ним, растянувшись цепочкой, шли остальные. Красавин, невысокий, щуплый, не шел, а скользил между деревьями, и они словно расступались перед ним, уступая дорогу. Ни одна веточка не хрустнула под его ногой, ни один сучок не зацепил одежду. Прошло полчаса, час...

– Дальше ползком, немного осталось...

Дом стоял у самого леса. Чекисты подползли к нему вплотную и залегли, спрятавшись за небольшим взгорком с растущими на нем кустами. Быстро опускались осенние сумерки, и Красавин заметил, как, пригнувшись, к дому подошли двое.

Один из них стал неподалеку от двери, другой стукнул в нее два раза. Дверь тотчас же открыла женщина и тихо сказала:

– Все приготовлено, как приказывали... Подождите немного...

По тону, каким связная говорила с бандитом, Красавин понял – это и есть Бурлака. Женщина скрылась в доме, а Бурлака что-то сказал своему сообщнику и шагнул в открытую дверь, бесшумно захлопнув ее. Оставшийся перед домом снял с плеча автомат, взял его в правую руку.

– Хитрый зверь. Охрану выставил... – вслух подумал Красавин.

Лежавший рядом с ним совсем еще молодой солдат Дерябин, крепкий и кряжистый, шепотом предложил: командиру.

– Может быть, подобраться к этому охраннику и оглушить?..

– Нет, не стоит, – ответил Красавин. Тихо отдал приказ: – Пробираться к дому вплотную к стене, – и юрко скользнул вперед.

Снова пошел дождь. Холодные колкие капли секли лица, падали за воротники гимнастеров.

Пробирались бесшумно. И вдруг у одного из солдат хрустнул под сапогом камешек. Бандит, стоявший перед дверью, вздрогнул, повернулся в ту сторону, откуда раздался хруст, и вскинул перед собой оружие.

Красавин понял, что подойти к бандиту незамеченными уже не удастся: тот насторожился, при малейшем шорохе поднимет стрельбу, и Бурлака может уйти. А этого допустить нельзя.

Короткая автоматная очередь вспорола морозящие сумерки. Бандит упал. Зазвенело разбитое стекло, и из окна выскочил тот, что был в доме. Пригибаясь, он прыжками, по-волчьи, кинулся в сторону.

– Не стрелять! – Красавин бросился за бандитом.

Тот оглянулся через плечо, и над ухом Красавина взвизгнула пуля. «Живьем тебя возьмем! Живьем!» – билась в голове мысль. Еще две пули просвистели мимо. Вдруг бандит резко свернул вправо и быстро побежал к лесу.

– Не уйдешь, бандюга! Получай по заслугам...

Выстрел Красавина был метким. Так был ликвидирован один из бандитских главарей – матерый оуновец Бурлака. Волчьей стае пришел конец.

«Решительность и чекистская смекалка. Оперативность и умение быстро ориентироваться в обстановке. Личное участие в сложных операциях по ликвидации бандитов ОУН. Смелость и инициативность». Сколько за этими скупыми, лаконичными строчками характеристики, которую не раз получал Красавин от начальников. Сколько за ними смысла! Собственно говоря – это вся жизнь славного сына Отчизны, отданная на службу людям. Ради счастья сегодняшнего дня. Ради прекрасного будущего.

Товарищи, работавшие с Красавиным, говорят, что этот человек не знал страха. Подвижный, быстрый, он ловко выходил из самых сложных переделок. А какую работу проводил по выводу бандитов с повинной! И не раз, встречаясь с ними с глазу на глаз, он был без оружия. Бесшабашность молодости? Нет. От природы бесстрашный, Красавин был и невооруженный силен перед врагом глубокой правотой своего дела, высокой убежденностью. Не отказать было Красавину и в умении тонко разбираться в человеческой психологии, обладать удивительным свойством, которое называют подходом к человеку. Потому было у него столько верных друзей среди населения тех районов, где он работал. Уважали его за честность, скромность, заботливое отношение к людям, за мужество и личную отвагу.

...В райотдел госбезопасности поступили сведения о том, что бандиты готовят террористический акт над председателями сельсовета и колхоза в селе Лужок Горный. Бандитская база – большой схрон в лесу, где хранится оружие и продовольствие. Там же скрывается руководитель банды.

– Операцию начать немедленно, – получила приказ оперативная группа.

Схрон обнаружили быстро – по нескольким картофельным очисткам и обрывкам газеты. Подобрались ползком, пытаясь определить, где находится люк в бункер. Группа залегла. Красавин решил сам подобраться поближе к схрону. В это время из леса появились три вооруженных бандита.

– Стой! Руки вверх! – скомандовал Борис Красавин.

В ответ бандиты открыли стрельбу. Завязался короткий бой. Бандиты получили по заслугам.

Необычайная наблюдательность и здесь не подвела чекиста. Красавин успел заметить, как качнулась и будто присела березка в одном месте, где был схрон. «Так вон где люк!»

Над лесом повисла тишина. Только чуть шевелились листья деревьев. Красавин вместе с сержантом подползли к отдушине в схроне.

– Сдавайтесь!

В ответ – молчание, И вдруг в схроне прозвучала автоматная очередь, раздался вскрик. Через некоторое время люк быстро распахнулся, и чья-то рука метнула гранату. Она взорвалась в стороне от чекистов. Выскочившая из люка женщина с безумным лицом фанатички поливала все вокруг автоматным огнем. Ранила одного из чекистов...

Это и была руководитель банды – дочь попа. Папаша бил поклоны перед образами святых и читал заповедь «не убий», его же дочь возглавляла банду, и на ее счету – десятки замученных и убитых советских людей.

*

Говорят, что о человеке судят не по годам, а по делам. И в этой житейской мудрости – большой смысл. Борису Михайловичу Красавину было двадцать шесть лет, когда он был назначен заместителем начальника районного отдела МГБ в Турковском районе на Львовщине.

И здесь, на новом месте работы, Красавин принимает самое активное участие в жизни района, достойно несет, свою чекистскую службу. Коммунисты райотдела не один раз избирают его секретарем партийной организации, а население района – депутатом Турковского районного Совета депутатов трудящихся.

Сколько лет прошло, а у Бориса Михайловича не стерлись воспоминания о тех днях... Конец банды и ее главаря Гайдамаки. Какая нелегкая работа была проведена тогда по подготовке и проведению чекистско-воинской операции! Она потребовала максимума выдержки, силы воли, отваги...

А разве забыть ему тот буйный, цветущий май, когда оперативной группой под его руководством был пойман с поличным и разоблачен опасный преступник по кличке «Богдан», оуновец и предатель, бежавший от суда народа.

О чем думал тогда Красавин в майскую полночь, когда вступил в схватку с врагом?

Он думал о Родине, о том, что готов отдать свою жизнь за все, что дорого людям, – солнце, мир, свободу, счастье. «Богдан» и его двое сообщников предстали перед судом народа.

...Привольно раскинулись колхозные поля на Дрогобыччине и Турковщине. Стремительно несут свои воды хрустальные горные реки. Шумят кроны лесов. И могучие сосны рассказывают молодому подлеску о людях, отстоявших для людей счастье сегодняшнего дня в этих краях.

Шумят в вышине могучие сосны... Прислушайтесь к ним. Вы обязательно услышите рассказ о славном дзержинце Борисе Михайловиче Красавине, которого Родина-мать удостоила своей высшей награды – ордена Ленина.